ISSN 2618-9100

2021 • № 6

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2021. № 6 (20)

Тема выпуска:
Идея власти и власть идей

От редактора

Концепт «идеология», никогда полностью не исчезавший из исторического инструментария, но сохранявшийся долгое время в ущемленном статусе реликта, сегодня переживает ренессанс как в научно-историческом нарративе, так и в общественной практике. «Ideology Studies» представлены в настоящем номере нашего журнала несколькими исследовательскими пространствами, что нашло отражение в структуре номера.

В статьях первого раздела исследуется проблематика идеологического выражения политической власти. В частности, рассмотрены исторические судьбы концепции «Москва — третий Рим», реконструированы метафорические модели, игравшие важную роль в русском политическом языке конца XIX века, некоторые этапы обоснования исторической легитимности социалистического государства, а также роль главных коммунистических праздников в советской символической системе.

Другой раздел посвящен политической роли различных идейных констелляций. Исследовано политическое измерение английской полемики начала XVII века вокруг практики экзорцизма. Рассмотрена в качестве механизма распространения идей система старообрядческой публицистики. «Влияние» идей исследовано на таком разнообразном историческом материале как трансформация региональной топонимики, образование революционной партии, символическое использование городского пространства.

Следующая группа статей посвящена разнообразным аспектам идеократического управления развитием и функционированием советского общества. Исследуются такие феномены социальной жизни как образование, безработица, здравоохранение, спорт, «социалистическое соревнование».

Завершают выпуск публикации, выполненные в рамках историографического, археографического и методологического рассмотрения идеологических феноменов.

В.В. Журавлёв

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

выпускающий редактор – канд. ист. наук *В.В. Журавлёв*;
ответственный секретарь – *В.В. Введенский;*
корректор – *Т.В. Велигжанина;*
верстальщик – *В.В. Введенский;*
интернет-верстальщик – *К.А. Васильев.*

HISTORICAL COURIER. 2021. № 6 (20)

The Theme of the Issue: The Idea of Power and the Power of Ideas

From the Editor

The concept of "ideology", which has never disappeared completely from historical toolkit, but which was for a long time perceived as a relic, today experiences renaissance both in scientific-historical narrative and in social practice. "Ideology Studies" are represented in this issue of our journal by a number of research areas, which is reflected in the structure of the issue.

The articles of the first section focus on the issue of ideological reflection of political power. In particular, the history of the concept of "Moscow as the Third Rome" is considered; the attempt is made to reconstruct the metaphorical models playing the essential role in the Russian political language in the late 19th century, certain phases of substantiation of historical legitimation of the socialist state, and the role of communist festivals in the Soviet symbolic system.

Another section is devoted to the political role of various ideological constellations. The political aspect of the English polemic of the early 17th century regarding the practice of exorcism is studied. The system of Old Believers' publicism is considered as a method of propagation of ideas. The "influence" of ideas is studied based on diverse historical material, such as the transformation of regional toponymics, formation of the revolutionary party, and symbolic use of urban space.

The next group of articles is devoted to various aspects of ideocratic management of the development and functioning of the Soviet society. The phenomena of social life such as education, unemployment, public health, sport, and "socialist competition" are studied.

The issue is concluded with publications focused on historiographic, archaeographic, and methodological consideration of ideological phenomena.

V.V. Zhuravlev

THE ISSUE'S TEAM:

Executive editor – Candidate of Historical Sciences *V.V. Zhuravlev;*
Executive secretary – *V.V. Vvedenskiy*;
Corrector – *T.V. Veligzhanina;*
Layout designer – *V.V. Vvedenskiy;*
Web designer – *K.A. Vasil'ev.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2021. № 6 (20)

Тема выпуска:
Идея власти и власть идей

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора ……7

From the Editor ……8

Идея власти

А.В. Кореневский. Идеологема отложенного спроса,
или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? ……9–28

К.А. Семенчук. Имперский дискурс и метафорические модели
Российского государства в церковной периодической печати конца XIX века ……29–40

Е.С. Кравцова. Большевистская власть в поисках исторической легитимации:
создание советской концепции эпохи Возрождения ……41–58

А.Д. Попов, Н.Ю. Пивоваров. Демонстрация дискурсивной власти:
высшее партийное руководство СССР и организация празднования
1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) ……59–73

Власть идей

Д.Д. Крылова. Власть над демонами как политическая власть:
Памфлет об экзорцизме в идеологической борьбе в эпоху Якова I Стюарта ……74–87

Л.В. Титова. Публицистические сочинения старообрядцев
как механизм трансляции политических и нравственных идей
(на материале Собрания рукописей Института истории СО РАН) ……88–96

А.А. Тухель. Трансформация топонимики Верхнего Притомья
во второй половине XIX – первой четверти XX века:
государственно-идеологические воздействия ……97–104

Ян Куйсунь. Влияние советской России на образование
Коммунистической партии Китая ……105–110

М.В. Герасимов. Городская площадь как объект идеологической
трансформации в постсоветские годы: случай Томска ……111–121

Идеократия и социум

Е.В. Метель. Учительство в первые годы советской власти:
идеологическая трансформация ……122–133

Н.А. Потапова. Безработица в СССР в 1920-е годы:
идеологическая доктрина и экономическая реальность ……134–141

М.А. Семёнов. Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны:
трансформация идеологических основ ……142–148

А.И. Савин, Н.Ю. Пивоваров. «Два плюс два равно пять?»:
социалистическое соревнование как идеологический концепт
в послевоенном СССР (1945–1964 годы) ……149–169

А.Б. Колесников. Физкультура и спорт в СССР
как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека ……170–178

Историографические страницы

Н.Д. Николаева. Опыт осмысления политических катаклизмов XII века:
аберрации исторического зрения ……179–192

А.Г. Тепляков. Сибирские партизаны Г.Ф. Рогова в современной историографии:
между мифом и исторической критикой ……193–204

Открытые архивы

Н.А. Старухин. Протоколы Краевого съезда старообрядцев всех согласий:
к истории идеологических и организационных процессов
в обществах сибирских староверов (Барнаул, июль 1917 года) ……205–223

Мастерская историка

А.С. Василенко. История эмоций как метод исследования истории
Гражданской войны в Сибири ……224–236

HISTORICAL COURIER. 2021. No. 6 (20)

Issue Topic:
The Idea of Power and the Power of Ideas

CONTENTS

From the Editor (Rus.) ……7

From the Editor ……8

The Idea of Power

A.V. Korenevskiy. The Ideologeme of Deferred Demand,
or How Many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" Was "Invented"? ……9–28

K.A. Semenchuk. Imperial Discourse and Metaphorical Models
of the Russian Empire in the Church Periodicals of the Late 19th Century ……29–40

E.S. Kravtsova. The Bolshevik Power in Search
of the Historic Legitimation: Creation the Soviet Concept of Renaissance ……41–58

A.D. Popov, N.Yu. Pivovarov. Demonstration of Discursive Power:
the Top Party Leadership of the USSR and Organizing
the Celebration of May 1 and November 7 (1950–1960s) ……59–73

The Power of Ideas

D.D. Krylova. The Power Over Demons as Political Authority:
the Popular Pamphlet of Exorcism in a Ideological Discourse in Jacobean England ……74–87

L.V. Titova. Publicistic Works of Old Believers as a Mechanism
for the Transmission of Political and Moral Ideas (Based on the Materials
of the Collection of Manuscripts of the Institute of History SB RAS) ……88–96

A.A. Tukhel. The Toponymical Transformation of the Verhnee Pritom'e
in the Latter Half of 19th Century – the 1st Quarter of 20th Century:
State and Ideological Influences ……97–104

Yang Kuisun. The Influence of Soviet Russia
on the Formation of the Communist Party of China ……105–110

M.V. Gerasimov. The City Square as an Object of Ideological
Transformation in the Post-Soviet Years: the Case of Tomsk ……111–121

Ideocracy and Society

E.V. Metel. Teaching in the Early Years of Soviet Power: Ideological Transformation ……122–133

N.A. Potapova. Unemployment in the Soviet State in the 1920s:
Ideological Doctrine and Economic Reality ……134–141

*M.A. Semenov. S*oviet Healthcare During the Great Patriotic War:
the Transformation of Ideological Foundations ……142–148

A.I. Savin, N.Yu. Pivovarov. "Two Plus Two Equals Five?":
Socialist Competition as an Ideological Concept in the Post-War USSR (1945–1964) ……149–169

A.B. Kolesnikov. Physical Culture and Sport in the USSR
as a Social “Laboratory” for Constructing the Ideal of a Soviet Person ……170–178

Historiographical Pages

N.D. Nikolaeva. Experience of Understanding Political Cataclysms of the 12th Century:
Aberrations of Historical Vision ……179–192

A.G. Teplyakov. Siberian Partisans of G.F. Rogov
in Modern Historiography: Between Myth and Historical Criticism ……193–204

Open Archives

N.A. Starukhin. Minutes of the Regional Congress of Old Believers
of All Agreements: on the History of Ideological and Organizational Processes
in the Societies of Siberian Old Believers (Barnaul, July, 1917) ……205–223

The Historian’s Workshop

A.S. *Vasilenko.* History of Emotions as a Method
of Study the History of the Civil War in Siberia ……224–236

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР. 2021. № 6 (20)

Тема выпуска:
Идея власти и власть идей

От редактора

Концепт «идеология», никогда полностью не исчезавший из исторического инструментария, но сохранявшийся долгое время в ущемленном статусе реликта, сегодня переживает ренессанс как в научно-историческом нарративе, так и в общественной практике. «Ideology Studies» представлены в настоящем номере нашего журнала несколькими исследовательскими пространствами, что нашло отражение в структуре номера.

В статьях первого раздела исследуется проблематика идеологического выражения политической власти. В частности, рассмотрены исторические судьбы концепции «Москва — третий Рим», реконструированы метафорические модели, игравшие важную роль в русском политическом языке конца XIX века, некоторые этапы обоснования исторической легитимности социалистического государства, а также роль главных коммунистических праздников в советской символической системе.

Другой раздел посвящен политической роли различных идейных констелляций. Исследовано политическое измерение английской полемики начала XVII века вокруг практики экзорцизма. Рассмотрена в качестве механизма распространения идей система старообрядческой публицистики. «Влияние» идей исследовано на таком разнообразном историческом материале как трансформация региональной топонимики, образование революционной партии, символическое использование городского пространства.

Следующая группа статей посвящена разнообразным аспектам идеократического управления развитием и функционированием советского общества. Исследуются такие феномены социальной жизни как образование, безработица, здравоохранение, спорт, «социалистическое соревнование».

Завершают выпуск публикации, выполненные в рамках историографического, археографического и методологического рассмотрения идеологических феноменов.

В.В. Журавлёв

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

выпускающий редактор – канд. ист. наук *В.В. Журавлёв*;
ответственный секретарь – *В.В. Введенский;*
корректор – *Т.В. Велигжанина;*
верстальщик – *В.В. Введенский;*
интернет-верстальщик – *К.А. Васильев.*

HISTORICAL COURIER. 2021. № 6 (20)

The Theme of the Issue: The Idea of Power and the Power of Ideas

From the Editor

The concept of "ideology", which has never disappeared completely from historical toolkit, but which was for a long time perceived as a relic, today experiences renaissance both in scientific-historical narrative and in social practice. "Ideology Studies" are represented in this issue of our journal by a number of research areas, which is reflected in the structure of the issue.

The articles of the first section focus on the issue of ideological reflection of political power. In particular, the history of the concept of "Moscow as the Third Rome" is considered; the attempt is made to reconstruct the metaphorical models playing the essential role in the Russian political language in the late 19th century, certain phases of substantiation of historical legitimation of the socialist state, and the role of communist festivals in the Soviet symbolic system.

Another section is devoted to the political role of various ideological constellations. The political aspect of the English polemic of the early 17th century regarding the practice of exorcism is studied. The system of Old Believers' publicism is considered as a method of propagation of ideas. The "influence" of ideas is studied based on diverse historical material, such as the transformation of regional toponymics, formation of the revolutionary party, and symbolic use of urban space.

The next group of articles is devoted to various aspects of ideocratic management of the development and functioning of the Soviet society. The phenomena of social life such as education, unemployment, public health, sport, and "socialist competition" are studied.

The issue is concluded with publications focused on historiographic, archaeographic, and methodological consideration of ideological phenomena.

V.V. Zhuravlev

THE ISSUE'S TEAM:

Executive editor – Candidate of Historical Sciences *V.V. Zhuravlev;*
Executive secretary – *V.V. Vvedenskiy*;
Corrector – *T.V. Veligzhanina;*
Layout designer – *V.V. Vvedenskiy;*
Web designer – *K.A. Vasil'ev.*

А.В. Кореневский*

Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»?

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-1

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 9–28. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf

A.V. Korenevskiy*

The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”?

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-1

How to cite:

Korenevskiy A.V. The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”? // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 9–28. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf]

Abstract. The article examines the circumstances of emergence and subsequent history of the theory of “Moscow as the Third Rome”. The author aims to comprehend the causes of fluctuations in public interest in of this religious-political concept: initially it was ignored by the authorities, but more than half a century later it acquired the status of an official state doctrine, then it was plunged into the periphery of public mind and, it would seem, was forgotten, but in the 19th century it was reborn from oblivion. After 1917, a taboo was imposed on this topic, but since the 1990s there has been a new surge of interest in the heritage of Filofei. Such sharp fluctuations in perception by the society and the authorities of the Third Rome idea are considered in the article through the prism of controversy about the so-called “invention of tradition”. In this article, the author refers to the historiographical anamnesis of the concept of “invention” of the theory “Moscow as the Third Rome”. Verification of this interpretation is undertaken through a comprehensive analysis of sources that reflected the existence of the idea of the Third Rome in the 16th century. The author concludes that the statements about “invention” of Filofei’s theory – its “accidental” (in the course of anti-astrological polemics) occurrence and “marginal” status – are unfounded: the absence of references to the Third Rome in official program texts of that time was due not to the indifference of society to this theory, but to the fact that the underlying concept of the symphony of the authorities fundamentally contradicted the autocratic ideology of Vasily III and Ivan IV. The change of political course at the turn of the 16th and 17th centuries expectedly led to a radical change in the attitude of the authorities to the idea of the Third Rome.

Keywords: Moscow as the Third Rome; invention of tradition; Filofei; Byzantine heritage; messianism.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам возникновения и последующей истории теории «Москва – Третий Рим». Автор ставит целью осмысление причин флуктуаций общественного интереса к этой религиозно-политической концепции: первоначально проигнорированная властью, она более чем через полвека приобретает статус официальной государственной доктрины, затем вытесняется на периферию общественного сознания и, казалось бы, предается забвению, но в XIX в. возрождается из небытия. После 1917 г. на эту тему бы-

* **Кореневский Андрей Витальевич**, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: root1961@list.ru
Korenevskiy Andrey Vitalievich, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: root1961@list.ru

ло наложено табу, но с 1990-х гг. прошлого столетия наблюдается новый всплеск интереса к наследию Филофея. Столь резкие колебания в восприятии обществом и властью идеи Третьего Рима рассмотрены через призму полемики о так называемом «изобретении традиции». В данной статье автор обращается к историографическому анамнезу концепции «изобретения» теории «Москва – Третий Рим». Верификация данной трактовки предпринимается посредством комплексного анализа источников, отразивших бытование идеи Третьего Рима в XVI в. Автор приходит к выводу о необоснованности суждений об «изобретении» теории Филофея – ее «случайном» (по ходу антиастрологической полемики) возникновении и «маргинальном» характере: отсутствие упоминаний о Третьем Риме в официальных программных текстах того времени было обусловлено не безразличием общества к этой теории, а тем, что лежащая в ее основе концепция симфонии властей в корне противоречила автократической идеологии Василия III и Ивана IV. Смена политического курса на рубеже XVI–XVII вв. закономерно привела к кардинальному изменению отношения власти к идее Третьего Рима.

Ключевые слова: Москва – Третий Рим; изобретение традиции; Филофей; византийское наследие; мессианизм.

Ловушки дихотомий. Любые интеллектуальные моды преходящи, но не все скоротечны. Потенциал одних идей оказывается не столь велик, как это могло показаться в момент их «премьеры», другие же и через десятилетия сохраняют свою востребованность. Более того, иной раз концепции, изначально встреченные без особого энтузиазма, позднее, обретя патину времени, а вместе с ней статус классики, начинают почитаться за истину в последней инстанции. Так, например, в отношении постмодернизма, под знаменем которого некогда была предпринята фронтальная атака на гуманитарное знание, сложился вполне устойчивый консенсус: «больной скорее мертв, чем жив» – таков диагноз, регулярно выносимый постмодернизму на протяжении последних двадцати лет. Основанием для этого вывода служит и отсутствие сколь-нибудь методологически значимых текстов под «лейблом» постмодернизма, опубликованных позже девяностых[1], и появление примерно тогда же в текстах о постмодернизме таких понятий, как «пост-пост-»[2], «гипер-»[3] или «метамодернизм»[4], явно указывающих на завершенность его жизненного цикла. На этом фоне судьба конструктивизма – другой интеллектуальной революции, разразившейся немногим позже, – выглядит не столь пессимистично: и сегодня трактовка нации (а с некоторых пор и этноса) как «воображаемого сообщества» (на самом деле более корректный перевод «imagined» – «воображенного») является канонической, а высказывание взглядов, квалифицируемых как «примордиализм», сопряжено с определенными репутационными рисками. Традиционно датой окончательной концептуализации «конструктивистского поворота», наметившегося еще в 60-х гг. прошлого века, считается 1983 год, когда в свет вышли три его базовых текста: «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера[5], «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона[6] и сборник «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсабума и Теренса Рейнджера[7]. Судьба последней книги и концепта, вынесенного в ее заглавие, особенно примечательна. За неполные три десятилетия, прошедшие с момента публикации сборника,

---

[1] *Mortimer I.* What isn't History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // History. 2008. Vol. 93. № 312. Iss. 4. P. 456.

[2] Впервые термин «пост-постмодернизм» использован британским архитектором Томом Тернером (*Turner T.* City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning. London: E&FN Spon, 1996. P. 3–10). Примерно к этому же времени относит появление данного понятия и Дж.Т. Нилон (*Nealon J.T.* Post-post-modernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism. Stanford, 2012. P. 195).

[3] *Lipovetsky G.* Hypermodern Times. Cambridge, 2005. 150 p.

[4] *Vermeulen T., Akker van den R.* Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

[5] *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 145 p.

[6] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. 160 p.

[7] The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. 320 p.

частота употребления словосочетания «изобретение традиции» не только не снизилась, а наоборот, возросла настолько, что его, по мнению В.С. Малахова, можно считать общепринятой формой декларации приверженности данному подходу и даже «мемом»[8]. Столь продолжительный и солидарный энтузиазм тем более примечателен, что в момент появления концепции Хобсбаума реакция гуманитариев была не такой уж позитивной. Как заметила Регина Бендикс (Regina Bendix), эта книга «задела чувствительные струны»[9] профессионального сознания многих специалистов в области исследований этничности и традиций. Возмущение историков и антропологов вызвало «выпячивание дихотомии между нерефлексируемым “обычаем” и всенепременно конструируемой “традицией”»[10]. Менее чем через год после выхода в свет сборника Хобсбаума и Рейнджера была опубликована статья Дэна Бен-Амоса (Dan Ben-Amos) «Семь нитей традиции: многозначность ее трактовок в американской фольклористике». В ней автор, подробно проанализировав различные концепции и подходы, делает такой многозначительный вывод: «Фольклористы, антропологи и историки пришли к выводу, что общество не относится к традиции пассивно; часто оно создает свою собственную традицию путем отбора исторических событий и героев и *даже путем изобретения прошлого* (курсив мой. – *А. К.*)»[11]. Не называя оппонентов, а лишь ограничившись вежливой ссылкой на их сборник, Бен-Амос дает понять, что в самой концепции «изобретения традиции» нет ничего нового за исключением категоричности ее формулировки: «Таким образом, – подытоживает автор, – традиция вполне может быть сконструированным каноном, спроецированным в прошлое, чтобы узаконить настоящее»[12]. Еще раз обратим внимание: традиция «вполне может быть» изобретенной, но вовсе не обязательно и всенепременно является таковою. Попытка противопоставлять «обычай» и «традицию», трактуя это как некое непреложное правило, по меньшей мере сомнительна. Тем не менее это предупреждение не было услышано. Сработал эффект, названный О.Г. Эксле «ловушкой дихотомии», которая «состоит в ее предполагаемой неизбежности»[13].

Эрик Хобсбаум и его «соавторы». Очевидно, само время, когда появилась концепция «изобретения традиции», побуждало к категоричности оценок и дихотомическому теоретизированию: Советский Союз уже вступил в пору «гонок на орудийных лафетах», в Польше «Солидарность» вынудила Ярузельского отменить военное положение, Рейган объявил СССР «империей зла» и анонсировал программу «звездных войн»… Мир жил предощущением небывалых перемен, и вскоре они наступили, диктуя свою аксиологию и эстетику: кардинальное размежевание с прошлым в политике должно было рифмоваться со столь же решительным отрицанием прежнего опыта в культуре и науке. И, разумеется, в исследованиях именно тех обществ, которые оказались в эпицентре глобальных перемен, применение данной аналитической рамки сулило наибольшие перспективы. Отчасти это было обусловлено травматическим эффектом переходного периода в новых государствах бывшего Советского Союза и Восточной Европы, причем не только для населения этих стран, но и для тех, кто занимался их изучением. Но в гораздо большей степени – по причине несравненно большего, чем на западе, континента, значения исторических сантиментов в общественном сознании этих стран. Ведь к востоку от Эльбы начинается, по словам Жака Рупника (Jacques Rupnik), «другая Европа», и здесь «прошлое, если воспользоваться выражением Фолкнера, “никогда не умирает. Это даже не прошлое”»[14]. Как отмечали аналитики девяностых и нулевых, именно «наследие прошлого» задавало и вектор, и стартовые условия, и

[8] *Малахов В.С.* Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 236–245.
[9] *Bendix R.* In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison, 1997. P. 211.
[10] Ibid.
[11] *Ben-Amos D.* The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 21. № 2/3. P. 114–115.
[12] Ibid. P. 115.
[13] *Эксле О.Г.* Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 56.
[14] *Rupnik J.* The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe. New York, 1989. P. 36.

результаты преобразований в странах восточной Европы[15]. По этой причине многие историки того времени, в особенности русисты, как отечественные, так и зарубежные, принялись усердно встраивать концепт «изобретения традиции» в собственные исследования, причем не только касающиеся современности или советского периода, но и более ранних эпох. Как не без иронии заметил В.С. Малахов, «поток книг и статей, использовавших слово “изобретение” в целях максимизации собственной узнаваемости и опознаваемости авторов как теоретически продвинутых, едва ли поддается исчерпывающему обзору»[16]. При этом В.С. Малахов склонен считать историков, присягнувших на верность Хобсбауму, не только верными его последователями, но и «соавторами», что действительно имеет под собой определенные основания.

Парадоксальным образом историкам девяностых-нулевых в обосновании концепции «изобретения традиции» показалось недостаточным как раз то, что гуманитарии восьмидесятых сочли чрезмерным. Последние, напомним, не отрицая самой возможности «изобретения» традиции, протестовали против излишне категоричного постулирования дихотомии между ними и «обычаями». В понимании антропологов того времени это является *избирательной актуализацией* прежнего опыта, но никак не фабрикацией традиции *ex nihilo*. Однако Хобсбаум считал, что «в той мере, в какой это увязывается с историческим прошлым, особенностью “изобретенных” традиций является то, что этот континуитет по большей части фиктивен»[17]. Впрочем, сам он понимал, что как раз в данном пункте его теория особенно уязвима, поскольку надежно верифицируемых примеров явной фабрикации «древних» обычаев не так уж и много. Неслучайно едва ли не все, кто излагает концепцию «изобретения традиции», приводят в ее подтверждение только происхождение шотландского килта и тартана – другие примеры, содержащиеся в книге, явно уступают этому кейсу в убедительности и наглядности. По крайней мере они отсылают отнюдь не к «седой древности», а потому не воспринимаются столь же «революционно». Поэтому Хобсбаум, понимая шаткость аргументации, все-таки старался сглаживать категоричность оценок, оговариваясь, что «реальный процесс формирования таких ритуальных и символических комплексов недостаточно изучен историками», «многое все еще довольно неясно»[18]. Взвешенность позиции должны были демонстрировать и такие обороты, как «по большей части» (largely), «видимо» (evidently), «по сути» (in fact), «постольку поскольку» (insofar as). Однако все эти оговорки опускаются или заменяются выражениями большей уверенности, причем не только в цитатах и вольных изложениях, но и в опубликованном в «Вестнике Евразии» переводе введения к книге. Например, Хобсбаум пишет, что традиции, воспринимаемые как древние, могут оказаться недавними и «иногда изобретенными» (sometimes invented)[19], однако в переводе почему-то оказывается «нередко», что прямо противоположно смыслу авторского высказывания. Иными словами, историки, истово уверовавшие в «изобретение традиции», стремились к большей определенности в формулировании исповедальной формулы своего кредо. Соответственно, вполне ожидаемым было их стремление найти в российской истории подтверждение этой теории.

Кто ищет, тот всегда найдет. В 2000 г. во втором номере только что возникшего журнала Ab Imperio была опубликована статья известного историка-русиста Маршалла По (Marshall Poe) с «говорящим» заглавием «Изобретение концепции “Москва – Третий Рим”»[20]. Это был как раз тот самый случай, когда все сошлось в одной точке: историографическая ситуация, политика журнала, тема, позиция автора, ожидания академической среды и

[15] *Ekiert G., Hanson S.E.* Introduction // Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule. New York, 2003. P. 3; *Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G.* Introduction: Democracy and Party Competition // Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation. Cambridge; New York, etc., 1999. P. 12–13.

[16] *Малахов В.С.* Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности… С. 236.

[17] *Hobsbawm E.* Introduction: Inventing Tradition // The Invention of Tradition. Cambridge, 2000. P. 2.

[18] Ibid. P. 4.

[19] Ibid. P. 1.

[20] *По М.* Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 61–86.

более широкой аудитории. Журналу, премьера которого состоялась всего тремя месяцами ранее, нужна была именно программная статья, отражающая заявленную его основателями аналитическую рамку «новой имперской истории», понимаемой как применение конструктивистского подхода к исследованиям постсоветского пространства во всей его пространственно-временной протяженности. В этом отношении идеально подходила и тема статьи, и фигура автора. С одной стороны, концепт «Москва – Третий Рим» – это едва ли не самый узнаваемый словесный образ русской истории, а высочайшая степень зависимости его историографических интерпретаций от политической конъюнктуры – хрестоматийный факт, не нуждающийся в пространном обосновании. С другой стороны, М. По уже к тому времени был достаточно известным историком-русистом с безупречной академической репутацией, который никоим образом не мог быть заподозрен в политико-идеологической ангажированности. При этом он был одним из основателей и соредакторов весьма авторитетного в области Russian Studies журнала Kritika, ратовавшего за преодоление русофобских клише западного общественного сознания[21] и весьма благожелательно настроенного к идее «новой имперской истории»[22]. Да и сам год, завершавший XX столетие и «девяностые» (которые несколько позже в редакционной статье той же «Критики» будут названы «выдающимся десятилетием»[23]), побуждал к историографической и методологической рефлексии. Более того, именно существенное расширение эмпирической базы исследований и кардинальное обновление аналитического языка, произошедшее в ходе «выдающегося десятилетия», обязывали не просто к размышлению и подведению итогов, но непременно к *революционному* пересмотру устоявшихся трактовок, быть может даже к открытию. Выбор темы вполне соответствовал посылу, заявленному в первых же строках статьи, – развенчанию историографической мифологии «осевых моментов»[24]. И следует признать, в той части статьи, которая непосредственно касается имперской идеологии XIX столетия, американскому историку удалось это сделать вполне компетентно и убедительно. Автор статьи с источниками и фактами в руках показывает, как на волне Восточного вопроса «изобреталось» его идейное обоснование и какую роль в этой риторике сыграла публикация сочинений псковского инока Филофея о «Москве – Третьем Риме». Правда, в какой-то мере он повторял уже давно сказанное советскими историками, доказывавшими, что данная теория не была официальной доктриной Московского царства и не имела никакого отношения к внешней политике. В то же время следует учитывать, что этот вывод, признаваемый в отечественной историографии того времени за бесспорную истину, строго говоря, не был результатом кропотливых исследований, а формулировался «от противного». Он противополагался «измышлениям буржуазной пропаганды» – утверждениям дореволюционных историков о прямой связи между идеей Третьего Рима и политикой Российской империи в Восточном вопросе и западных советологов, использовавших аргументацию последних для доказательства перманентной агрессивности российской и советской политики.

На фоне подобных декларативных текстов, фабриковавшихся по обе стороны идеологического фронта «холодной войны», работу М. По выгодно отличала академическая сдержанность, логичность и фундированность. И если бы проблематика данной статьи касалась лишь XIX столетия, можно было бы полностью согласиться с выводами американского

[21] Данная позиция отличала журнал с момента его основания, а несколько позже была эксплицирована в специально посвященной этому редакционной статье (*David-Fox M., Holquist P., Po M.* From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, № 2 (3). P. 465 –467).

[22] *David-Fox M., Holquist P., Po M.* From the Editors: Some Paradoxes of the “New Imperial History” // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1, № 4. P. 623–625.

[23] «Кто-то однажды сказал, что революции – моменты высочайшего напряжения, во время которых, кажется, все преображается, – это чувственный экстаз истории. Если данное суждение справедливо, то десять лет, прошедшие после падения советского коммунизма, были чувственным экстазом историографии» (*David-Fox M., Holquist P., Po M.* From the Editors: A Remarkable Decade // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, № 2. P. 229).

[24] *По М.* Изобретение концепции «Москва – Третий Рим»… С. 61.

историка. Однако «замах» автора был шире: говоря об «изобретении» идеи «Третьего Рима», он имел в виду не только спекуляции российских неоромантиков, но и самого творца теории псковского инока Филофея. По сути, замысел М. По заключается в доказательстве того, что данная теория – такой же симулякр, как и шотландский килт. Он настойчиво артикулирует тезис о возникновении идеи «Москва – Третий Рим» *ex nihilo*: у Филофея не было предшественников, к созданию теории не существовало никаких предпосылок, сама формула родилась совершенно случайно – по ходу антиастрологической полемики – и почти никем из современников не была замечена.

Столь решительное размежевание с предшествующими интерпретациями, конечно же, выглядит весьма эффектно, однако в действительности кажущаяся убедительность таких построений достигается за счет сознательного или неосознанного умолчания: автор предъявляет идею «Москва – Третий Рим» как бы *per se*, почти не уделяя внимания интеллектуальному и социокультурному ландшафту эпохи. Это легко не заметить читателю, поверхностно знакомому с данной проблематикой, а сторонниками постмодернизма, принципиально игнорирующего проблему контекста, может быть даже принято за норму, но для «узкого специалиста» это попросту невозможно. Любому мало-мальски знакомому с интеллектуальной историей русского Средневековья известно, что теория Третьего Рима возникла на волне обостренного интереса общества к теме «византийского наследия», которая, в свою очередь, является, наряду с концептами Нового Иерусалима, Нового Израиля, Святой Руси, одним из вариантов русского мессианизма. Безусловно, соотношение этих концепций, степень сходства и различия между ними – сложнейшая проблема, вокруг которой не прекращаются ожесточенные споры историков и философов, но игнорировать ее и представлять дело так, будто Послание Мисюрю Мунехину, где впервые появляется знаменитая формула, это всего лишь «детальное описание зол астрологии и католицизма»[25], по меньшей мере странно. М. По лишь бегло упоминает о «более общей и родственной идее “византийского наследия”»[26], но в чем проявляется это «родство», не поясняет. Наоборот, он считает, что коль скоро нигде до Филофея словосочетание «Третий Рим» не встречается («Все указывает на то, что Филофей был первым, кто обнаружил “Третий Рим” в Московии»[27]), да и в его посланиях применение концепта вполне ситуативно – «в качестве приема, который можно использовать в экклезиастическом дискурсе»[28], то никакой связи между взглядами псковского старца и всеми предшествующими и современными ему идеями нет. В силу всех этих причин, как считает М. По, теории Филофея не суждено было стать мэйнстримом русской общественно-политической мысли: «Хотя несколько недовольных церковников и предупреждали о надвигающемся апокалипсисе, а минимальное количество читающих историческую литературу гордились своим новым “вечным городом”, московские власти игнорировали имперские коннотации теории “Третьего Рима”. Мы практически не находим в официальных документах какого-либо упоминания о “Третьем Риме”»[29]. Столь категоричный вывод содержит как минимум две несуразности. Во-первых, сам же М. По упоминает в своей статье об учреждении патриаршества, обоснованием которого как раз и было учение о Третьем Риме, что само по себе превращало, пусть и с запозданием, эту теорию в официальную религиозно-политическую доктрину. Во-вторых, что это за «минимальное количество» и кто эти «несколько недовольных церковников»? Как подсчитал А.Л. Гольдберг, на которого неоднократно ссылается М. По, до нас дошло более 130 списков произведений о Москве – Третьем Риме[30], что само по себе немало. Заметим попутно, что с точки зрения этого исследователя «Послание Мисюрю Мунехину на звездочетцев и латин», в котором была впервые сформулирована идея Третьего Рима, может быть отнесено «к числу *самых*

[25] *По М.* Изобретение концепции «Москва – Третий Рим»… С. 67.
[26] Там же. С. 69.
[27] Там же. С. 65.
[28] Там же. С. 70.
[29] Там же. С. 68–69.
[30] *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л., 1974. С. 93–97 (далее – ТОДРЛ).

распространенных (курсив мой. – *А. К.*) памятников русской письменности»[31]. Кроме того, по мнению А.Л. Гольдберга, отчасти поддержанному Н.В. Синицыной, Филофею может быть бесспорно атрибутировано только Послание Мисюрю Мунехину, тогда как другие два произведения, содержащие данную теорию, созданы в окружении митрополита Макария[32]. И если это так (а концепцию Гольдберга Маршалл По не оспаривает), то эти «несколько церковников» принадлежали к высшей иерархии. Уже исходя из этого, Филофея трудно представить одиночкой и отщепенцем. Данная концепция позже была повторена автором в его последующих публикациях[33] и подхвачена другими историками. Так, например, Пол Бушкович (Paul Bushkovitch) без обиняков называет идею Третьего Рима «апокалиптическим бредом маргинального провинциального монаха»[34]. Дональд Островский (Donald Ostrowski) также считает теорию Филофея «историческим призраком»[35] – явлением, значение которого приписано ему задним числом: до появления данной формулы в грамоте об учреждении патриаршества 1589 г. в Москве вообще об этом ничего не знали, а туда она попала, как полагает Островский, благодаря представителям Новгородской епархии[36]. На портале «Арзамас» и других «поп-исторических» сайтах концепция М. По, «пересказанная» в публицистической манере, вообще подается как окончательно и бесповоротно установленная истина[37]. Сходных взглядов, хоть и без столь категоричных формулировок, придерживается А.С. Усачев. Указывая на отсутствие упоминаний о «Третьем Риме» в программных текстах ранее 1589 г., он задает почти риторический вопрос: «Чем обусловлен этот казус: преувеличением значения данной мифологемы для Московской Руси XVI в. мыслителями Нового и Новейшего времени или тем, что “Третий Рим” в текстах этого столетия столь искусно укрыт от глаз непосвященных, что при беглом взгляде на них его обнаружить не удается?»[38]. Тем не менее в итоге А.С. Усачев высказывается вполне определенно: теория «Москва – Третий Рим» занимала «периферийное» положение в русской книжности XVI в., причиной чему был «“провинциальный” статус Филофея, не входившего в круг книжников, группировавшихся вокруг московских митрополитов». Соответственно, это предопределило «маргинальный статус данной мифологемы, которая в крупнейших памятниках историко-политической мысли этой поры не фиксируется»[39]. И все-таки насколько оправдан это вердикт? Действительно ли Филофей был так уж одинок в своих исканиях, как это представляется некоторым историкам? Против этого говорит хотя бы тот факт, что впервые идея Третьего Рима сформулирована в переписке с великокняжеским дьяком М.Г. Мисюрем Мунехиным, теснейшим образом связанным и с придворными кругами, и с московским интеллектуальным бомондом. Кроме того, бесспорен факт переписки Филофея с Федором Карповым – одним из влиятельнейших дипломатов и книжников того

[31] *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея»… С. 69.

[32] Там же. С. 90–92; *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М., 1998. С. 172–176.

[33] *Poe M.* Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment // Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 2001. Bd. 49. H. 3. P. 412–429; Idem. The Russian Moment in World History. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 3–4.

[34] *Бушкович П.* Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // Ad Imperio. 2003. № 3. С. 115.

[35] *Ostrowski D.* “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost Псалтирь лицевая Д.И. Годунова // Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Perspectives on Late Byzantine Art and Culture. New York, etc., 2006. P. 170–179.

[36] Ibid. P. 175. Надо полагать, исходя из отсылки к «новгородским представителям», что исходной формой бытования идеи Третьего Рима историк считает пространную редакцию «Повести о новгородском белом клобуке», однако вторичность соответствующего фрагмента данного произведения по отношению к посланию Филофея уже давно и достаточно убедительно доказана (*Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке // СККДР. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 214–215).

[37] «Москва – Третий Рим»: история спекуляции [Электронный ресурс] // Арзамас. Курс № 10. Генеалогия русского патриотизма. URL: https://arzamas.academy/materials/324 (дата обращения: 20.11.2021); *Kotar N.* “Moscow is the Third Rome”: a pivotal moment in Russian history? [Электронный ресурс] // Nicholas Kotar. Author, translator, teacher. URL: https://nicholaskotar.com/2017/05/09/moscow-third-rome/ (дата обращения: 20.11.2021).

[38] *Усачев А.С.* «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–70.

[39] Там же. С. 83–84.

времени. До нас дошло его послание псковскому старцу, в котором автор в превосходных степенях оценивает ученость и слог Филофея[40], т.е. признает его за равного. На то, что Филофей был не так уж далек от круга митрополита Макария, наталкивают и упомянутые ранее гипотезы А.Л. Гольдберга и Н.В. Синицынаой. Напомним, что оба эти историка, приложившие немалые усилия к текстологическому изучению наследия Филофея, считали весьма вероятным наличие каких-то точек пересечения между ним и окружением митрополита Макария. Иными словами, псковский старец мог иметь какое-то отношение к интеллектуалам, причастным к таким эпохальным явлениям XVI в. в церковно-государственной сфере, как составление Великих Четий Миней, царское венчание Ивана Грозного и Стоглавый собор.

Задолго до этого о внутреннем родстве идей Филофея и воззрений Макария, запечатленных в деяниях Стоглавого собора, писал прот. Г. Флоровский. Эсхатологизм старообрядцев он увязывал с их реакцией на осуждение собором 1666–1667 гг. решений Стоглава, которое было воспринято ими как крушение Третьего Рима[41]. О близости взглядов Филофея и Макария может свидетельствовать и выдвинутая Майклом Флайером (Michael Flier) трактовка ритуала «шествия на осляти», введенного при этом митрополите. В датируемом 1558 г. описании обряда указывается, что царь ведет за поводья лошадь, «загримированную» под ослицу, с восседающим на ней митрополитом[42]. Таким образом, правитель предстает в роли «браздодержателя» церкви, как назван царь в произведениях, излагающих теорию «Москва – Третий Рим»[43]. Соответственно, данный ритуал вполне правомерно считать своего рода визуализацией филофеевской трактовки «симфонии властей». Итак, имеются немалые основания для сомнений в справедливости оценок теории Филофея как «исторического призрака» или «апокалиптического бреда маргинального монаха». Но чтобы прояснить данную ситуацию, необходимо обратиться к истокам идеи Третьего Рима. Как советовал Козьма Прутков, «отыщи всему начало, и ты многое поймешь». Итак, попытаемся восстановить тот интеллектуальный и событийный контекст, в котором зародилась теория «Москва – Третий Рим».

Ad fontes. Нам неизвестен тот день и час, когда старца псковского Елеазарова монастыря Филофея осенила обессмертившая его чеканна формула: «Два убо Рима падоша, а третій стоит, а четвертому не быти»[44]. Но мы точно знаем, что произведение, в котором она содержится – Послание М.Г. Мисюрю Мунехину «На звездочетцев и латин», посвященное опровержению взглядов «немчина» Николая Булева, – было написано примерно в 1523 г. или, если точнее, не раньше ноября-декабря 1522 г. и не позже января 1524 г. *Terminus post quem* определяется датой, присутствующей в сочинении Максима Грека, посвященном той же теме. В одном из списков так называемого «Слова противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человекомъ», введенном в научный оборот Н.И. Петровым[45] и В.Ф. Ржигой[46], содержится важная для нас датирующая информация: «Въ Москвѣ царствующемъ градѣ всеа Русіи живущі мі въ 7000 – и 31-е лѣто при царствѣ благовѣрнейшаго царя всеа Руси великаго князя Василіа Ивановичя, дана ми бысть бумага нѣмчина нѣкоего родом, учениемъ же и вѣрою Латынина і астрологіи, яже о зрѣніи

[40] *Карпов Ф.* Послание иноку Филофею // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984 (далее – ПЛДР). С. 518; *Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Л., 1956. Т. 12. С. 172–173.

[41] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 66–69.

[42] *Hakluyt R.* The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt with the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London; Paris; New York; Melbourne, 1889. P. 138–139.

[43] *Флайер М.С.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара 2001. С. 218, 238, прим. 58.

[44] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения. С. 45.

[45] *Петров Н.И.* О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды Киевской духовной академии. 1872. Т. II. № 8. С. 705–779.

[46] *Ржига В.Ф.* Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologicka komise při Slovanskiém ústavě. R. VI. Praha, 1935–1936. С. 85–109.

роженіихъ несытно прилѣпляющегося и чяяние нестерпимо о будущих предпознаний стяжавающаго»[47]. Иными словами, святогорский старец познакомился с предсказаниями Булева о новом всемирном потопе в 1524 г. не ранее сентября 1522 г. (начало 7031 г., согласно сентябрьскому стилю Византийской эры). Соответственно, учитывая удаленность Пскова и минимальное время, необходимое для того, чтобы М.Г. Мисюрь Мунехин, также получивший это «написание», ознакомился с ним, затем обратился за разъяснениями к старцу Филофею, а тот написал развернутое опровержение «латинских прелестей», получаем хронологическую поправку в два-три месяца. Основанием для определения *terminus ante quem* является другое послание Максима Грека на ту же тему, в котором излагается суть предсказаний немецкого астролога: «Звѣздозрительнымъ льщеніемъ и халдѣйескимъ бѣсоученіемъ послѣдующе, проповѣдуете измѣненію и преиначенію быти всѣхъ сущихъ и движающихся на земли словесныхъ и безсловесныхъ идроахомомъ»[48]. Таким образом, потоп, согласно «написанию» Николая Булева, был приурочен к зодиакальному знаку Водолея («идроах» – ὑδροχοεύς или ὑδροχόος), а значит это бедствие должно было произойти не позднее второй декады февраля 1524 г. Иными словами, позже января указанного года необходимость написания развернутого опровержения этих пророчеств отпала бы естественным образом: сама действительность послужила бы наилучшим аргументом против предсказаний «немчина». На сегодняшний день считается общепризнанным, что впервые теория «Москва – Третий Рим» была сформулирована именно в послании Филофея М.Г. Мисюрю Мунехину «На звездочетцев и латин» (или в других списках – «О злыхъ днехъ и часѣхъ»[49]). Иные версии если и встречаются, то являются маргинальными и отражают не столько исследовательскую позицию авторов, сколько их слабое знакомство с источниками и научной литературой. Сложнее дело обстоит с более поздними текстами, отразившими идею Третьего Рима. Наиболее близким по времени к первой декларации преемственности Московского государства от Рима и Царьграда является «Послание о крестном знамении», известное также как «Послание великому князю Василию Ивановичу». Датирующим признаком в данном случае является одна из ключевых тем послания – «вдовство» Новгородской епархии, которое завершилось в 1526 г. Именно тогда на кафедру св. Софии был поставлен архимандрит Лужецкого монастыря, в будущем митрополит Московский, Макарий. Дальнейшее развитие теория «Москва – Третий Рим» получила в так называемом «Сочинении об обидах церкви», фигурирующем в источниках как «Послание Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу». Идея «переименования» последнего текста принадлежит А.Л. Гольдбергу, убедительно обосновавшему ошибочность применения к нему этого заглавия и отсутствие в данном произведении признаков эпистолярного жанра. Он же выдвинул упомянутую ранее гипотезу, согласно которой оба текста не могут быть атрибутированы псковскому старцу[50]. По мнению А.Л. Гольдберга, Филофею принадлежит лишь первое из трех сочинений о Третьем Риме, условно объединенных им в так называемый «Филофеев цикл», тогда как другие два созданы в окружении будущего митрополита Макария в связи с подготовкой к Стоглавому собору[51]. Частично эти выводы были приняты Н.В. Синицыной. Она посчитала весомыми доводы А.Л. Гольдберга против атрибуции Филофею «Сочинения об обидах церкви», но поставила под сомнение его датировку и отнесение к кругу произведений, созданных сподвижниками Макария в преддверии Стоглавого собора. Изучение филиграней сборника РНБ, Соф. 1444, содержащего самый ранний список данного произведения, позволило Н.В. Синицыной отнести его появление к 30-м или к

[47] *Ржига В.Ф.* Неизданные сочинения Максима Грека… С. 91.

[48] *Максим Грек.* Инока Максима, слово обличительно отчасти латынскаго злословия, в немже и на альманака, иже возвелеречевавша, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемых губительнейша // Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 459.

[49] *Филофей.* Послание о злыхъ днехъ и часехъ // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 442–455.

[50] *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея»… С. 68–97.

[51] Там же. С. 90–92.

началу 40-х гг. XVI в.[52] Более спорным сочла она вывод А.Л. Гольдберга об атрибуции «Послания о крестном знамении»: в пользу Филофея, по мнению Н.В. Синицыной, говорит наличие в данном тексте явных созвучий не только с «Посланием на звездочетцев», но и с другим посланием – «По случаю морового поветрия», принадлежность которого Филофею никем не оспаривается. Наличие параллелей сразу с двумя филофеевскими текстами указывает на то, что это именно автоцитаты[53]. К тому же пример, указанный Н.В. Синицыной, – выдержка из так называемого «Многосложного свитка» – не единственный. Несомненной автоцитатой из того же «Послания по случаю морового поветрия» является самоуничижительное сравнение автора с «Валаамовой ослицей».

Что же касается «Сочинения об обидах церкви», то приведенные А.Л. Гольдбергом примеры композиционных и стилистических различий между ним и «Посланием на звездочетцев» и даже, как считал исследователь, идейных расхождений свидетельствуют не о принадлежности данных текстов разным авторам, а всего лишь о различной жанровой природе этих произведений.

Известно, что роль жанра в средневековой литературе в силу неразвитости в ней авторского начала было куда более значимой, чем в Новое время. Как отмечал Д.С. Лихачев, искусство Средневековья «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от того жанра, к которому принадлежит последнее»[54]. Поэтому, даже будучи написаны одним человеком, разножанровые произведения несут в себе различные авторские образы. В случае с «Филофеевым циклом» мы имеем именно разножанровые тексты. Послание Мисюрю Мунехину представляет собой облеченный в эпистолярную форму богословский трактат. «Послание о крестном знамении» написано по канонам «княжеских зерцал»[55]. В «Сочинении об обидах церкви» явно просматриваются жанровые особенности «слов» – риторических произведений, рассчитанных как на чтение, так и на слуховое восприятие. Об этом свидетельствуют такие стилистические особенности данного произведения, как широкое применение «плетения словес», а также риторические обращения к слушателям, в данном случае – к церкви в целом и ее предстоятелю («освященнаа главо»[56]). Исходя из этого, правильнее было бы называть данное произведение «Словом об обидах церкви». Кажущиеся расхождения в идейном содержании всех трех произведений также объясняются различиями в целях и обстоятельствах написания, равно как и их жанровой природой. Так, например, А.Л. Гольдберг считал принципиальным отличием «Послания о крестном знамении» и «Слова об обидах церкви» от первого произведения «Филофеева цикла» присутствие в них критических суждений – обличение различных «неправд» в жизни церкви. Однако следует учесть, что первое произведение было посвящено опровержению «еретических» учений, т.е. являлось апологетическим. Соответственно, какая-либо критика церковных «нестроений» здесь была совершенно неуместна. Кроме того, против гипотезы А.Л. Гольдберга свидетельствует количественный анализ авторского стиля «Слова об обидах церкви»[57]. Он указывает на наличие тех же статистических закономерностей в синтаксической структуре данного текста, что и в «Послании Мисюрю Мунехину». В то же время в «Слове» действительно имеется одна принципиальная новация по сравнению с двумя другими сочинениями Филофея, хотя это и не дает оснований сомневаться в авторстве псковского старца. Она заключается в том, что здесь историософская идея «Третьего Рима» раскрывается не логически, а метафорически – через апокалиптический сюжет «бежания» Богородицы с младенцем-Христом от Змия. При этом Филофей прописывает точный

[52] *Синицына Н.В.* Третий Рим… С. 166.
[53] Там же. С. 172, 176.
[54] *Лихачев Д.С.* Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 69.
[55] *Синицына Н.В.* Третий Рим… С. 270.
[56] *Малинин В.* Приложения… С. 57.
[57] *Кореневский А.В.* Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 87–124.

«маршрут» бегства: спасаясь от Змия, изрыгающего воду, которая, как указывает Филофей, символизирует неверие, Богородица направляет стопы в Рим, но после впадения латинян в ересь она бежит в Царьгард, а после измены греков православию на Ферраро-Флорентийском соборе – на Русь, в Третий Рим. Так тема, лишь эпизодически промелькнувшая в «Послании на звездочетцев», в третьем произведении «Филофеева цикла» превращается в метафорический концепт всей теории.

В этом образе удивительно органично слились и нашли свое зримое выражение все наиболее существенные аспекты теории псковского инока. Уже то, что данный сюжет был заимствован из Апокалипсиса, придавало теме Третьего Рима эсхатологическое звучание, а абсолютный авторитет первоисточника гарантировал полное доверие читателя к этому образу. То, что Богородица не просто спасается от Змия (как это представлено в Откровении Иоанна Богослова), а движется по определенному «маршруту» – через три Рима, создает ощущение исторической динамики. А указание на Русь как на конечную цель ее пути оказывалось созвучным с давними представлениями о богоизбранности этой страны и Богородице как ее заступнице.

Словесная формула «Третий Рим» была гениальной находкой Филофея, но при этом она все же оставалась умозрительной конструкцией, а образ «бежания» Богородицы наполнил эту абстракцию конкретным содержанием, позволяя читателю явственно представить цепь преемственности Рим – Византия – Русь. «Слово об обидах церкви» стало «замковым камнем» теории Третьего Рима. Сочетание трех жанровых форм ее изложения оказалось столь оптимальным, что какая бы конкретная причина ни побуждала книжников обращаться к теории псковского старца – эсхатологические чаяния, богословские споры или нужды большой политики, «Филофеев цикл» предоставлял в их распоряжение необходимые словесные формулы и образы, не требовавшие серьезной редакторской правки. Псковский старец, по сути, не оставил своим последователям возможностей для дальнейшего совершенствования созданной им теории. После окончательного оформления цикла к ней нельзя уже было ничего ни прибавить, ни убавить, ни изменить, не исказив при этом сути концепции и не нарушив ее логической целостности. Этим и объясняется тот удивительный факт, что на протяжении всей последующей истории древнерусской книжности – вплоть до старообрядческой рукописной традиции XVIII–XIX вв. – сочинения «Филофеева цикла» переписывались практически без изменений. При этом уже количество списков неопровержимо свидетельствует об их огромной популярности и высоком авторитете самого Филофея.

Но подобного рода деятельность, в отличие от переписывания рукописей, не может быть частным делом, совершаемым без санкции светской и духовной власти. В связи с этим закономерно возникает вопрос: каково было отношение церковной иерархии к деятельности псковского старца и что его самого связывало с интеллектуальной и властной элитой – как местной (псковской и новгородской), так и московской? Был ли Филофей действительно никому неизвестным иноком («маргинальным монахом») или его положение – формальное и неформальное – было не столь мизерабельным, как это нередко представлено в ученых трудах?

Для начала стоит указать на его формальный статус: можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что он не мог быть простым иноком, а именование его во многих списках сочинения о Третьем Риме игуменом Елеазарова монастыря имеет под собой веские основания. Как справедливо заметил один из первых биографов псковского старца В. Малинин, Филофей не мог бы, не будучи игуменом, напрямую контактировать с М.Г. Мисюрем Мунехиным, возглавлявшим великокняжескую администрацию в Пскове: подобные действия были категорически запрещены иноческим уставом Евфросина[58]. Добавим к этому, что о том же свидетельствует и тон посланий Филофея, адресованных дьяку, особенно первых двух, написанных еще до того, как Мисюрь обратился к старцу за разъяснениями относительно «написания» Булева. Решительные, если не сказать *дерзкие* интонации этих посланий

[58] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания… С. 38.

указывают на то, что их автор осознавал меру своего влияния в церковной среде Пскова, а кроме того, имел для этого формальные основания, т.е. соответствующий духовный сан, не только позволяющий, но и обязывающий взывать к властям.

В пользу того, что Филофей был настоятелем Елеазарова монастыря, говорит еще один довод, также выдвинутый В. Малининым: в Житии Евфросина игумен с таким именем упоминается в рассказе о пострижении разбойника Василия Тесные Очи[59]. При этом в следующем сюжете – об исцелении некоего Иуды – настоятелем назван Нил. Следовательно, где-то между этими событиями произошла смена игуменов. А поскольку исцеление произошло в правление Ивана Васильевича (т.е. не ранее 1533 г.) и при архиепископе новгородском Макарии, занимавшем кафедру до марта 1542 г., Филофей мог быть игуменом до начала 40-х гг. XVI в., т.е. как раз в то время, когда были написаны послания «На звездочетцев и латин» и «О крестном знамении». С этим согласуется и гипотеза Н.В. Синицыной о том, что последнее было завуалированным ходатайством о возведении Макария на новгородскую архиепископию. В пользу этого говорит и тот факт, что вскоре после его назначения духовенство Пскова обратилось к владыке с челобитной. Ответом на прошение псковичей стала грамота 1528 г. о правилах представления архиепископу кандидатов на рукоположение, а также о порядке рассмотрения владычным наместником тяжб псковского духовенства с «черными людьми»[60]. Иными словами, предоставление указанных льгот можно рассматривать как демонстрацию архиепископом признательности за оказанную поддержку. В связи с этим представляется вполне вероятным и личное знакомство Филофея с Макарием – если не до его возведения на кафедру св. Софии, то уж как минимум после, когда Макарий, выполняя свой пастырский долг, должен был навещать вверенный его заботам Псков и вряд ли мог не познакомиться с главным сторонником его назначения. Это подтверждает и то обстоятельство, что именно Макарий сыграл ключевую роль в распространении идей Филофея за пределами Пскова: общероссийская известность «Послания на звездочетцев и латин» начинается с его включения в Успенский список Великих Четьих Миней, составление которого было инициировано Макарием по завершении в 1541 г. предыдущего, Софийского. Также новгородское происхождение имеет и сборник РНБ, Q.XVII.50, содержащий один из самых древних списков этого послания.

Дополнительный свет на биографию Филофея проливает Псковская Первая летопись редакции 1547 г., к составлению которой, как считают многие исследователи, старец имел самое непосредственное отношение. Одним из фрагментов свода, в которых, по мнению исследователей, наиболее явно просматривается авторская манера псковского старца, является статья 7049 (1540/41) г.[61] Действительно, в этой статье мы находим и самоуничижительную формулу («груб разумом и смыслом»), весьма созвучную самоаттестациям Филофея из его посланий, и характерное сочетание резкой критики наместников и пиетета по отношению к царской власти (великий князь Иван Васильевич, по словам летописца, милосерден к псковичам и потому пожаловал их правом судить и казнить «лихих людей», не обращаясь к наместникам)[62]. Но более всего обращает на себя внимание следующий пассаж: «В тыя лета, – повествует летописец, – Господу Богу попущшу за оумножение грех ради наших, быша намесники на Пскове сверепи, аки лвове, и людие его аки зверие дивии до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городом, а *игумены честные из монастыреи избегоша в Новгород* (курсив мой. – *А. К.*)»[63]. А ведь именно в Елеазаровом монастыре примерно в это время, как мы знаем, появился новый настоятель. Что это, как не то самое недостающее звено, которое выстраивает в единую причинно-следственную связь и смену игуменов в Елеазаровом монастыре

[59] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания… С. 33.
[60] *Евгений, митр. (Болховитинов).* История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. II. Прибавление X. С. 77–87.
[61] *Охотникова В.И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI вв.) Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 28 (далее – СККДР).
[62] Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Вып. 1. М., 2003. Т. 5. С. 110 (далее – ПСРЛ).
[63] Там же. С. 105.

между 1533 и 1542 гг., и появление «Послания на звездочетцев и латин» в Успенском списке Великих Четьих Миней, работа над которым началась в 1541 г. (или, по крайней мере, это terminus post quem, поскольку именно в 1541 г. был завершен предшествующий Софийский список[64]), и тот факт, что самый ранний сборник, в составе которого дошло до нас «Слово об обидах церкви», имеет не псковское, а новгородское происхождение? Таким образом, выстраивается следующая последовательность событий: осенью 1540 г. Филофей, не найдя общего языка с преемниками М.Г. Мисюря-Мунехина, был вынужден искать защиты у новгородского архиепископа. Очевидно, он же и привез в Новгород свое послание «На звездочетцев и латин», включенное вскоре в состав Четьих Миней.

Дополнительный свет на отношения Филофея и Макария проливает третье произведение о Третьем Риме – «Слово об обидах церкви». Напомним, что по своим жанровым характеристикам оно представляет собой не столько литературное произведение, сколько памятник церковного красноречия, а содержащиеся в нем обращения к церкви и ее предстоятелю указывают на аудиторию, которой оно было предназначено. При этом патетический тон и программный характер произведения подсказывают, что поводом к его написанию было отнюдь не ординарное событие. Наиболее оправданно такое обращение в поворотные моменты жизни церкви – на соборе или при избрании нового митрополита. Но поскольку кодикологический анализ сборника РНБ Соф. 1444, содержащего древнейший список «Слова», указывает на 30-е или начало 40-х гг. XVI в.[65], все говорит о том, что поводом к созданию этого произведения было поставление Макария на московскую кафедру в 1542 г. А коль скоро данный сборник имеет новгородское происхождение, то совершенно очевидно, что это своего рода напутствие вновь избранному митрополиту в предстоящем ему служении исходило из ближнего круга Макария, сложившегося в годы его архиепископства. Напомним, что в указанное время в Елеазаровом монастыре меняется настоятель, а Псковская Первая летопись, составлявшаяся в той же обители, сообщает о том, что некие «честные игумены избегоша в Новгород». Как видим, пазлы сложились. Мы можем только гадать, как сложилась дальнейшая судьба Филофея, но поскольку никаких более поздних следов его деятельности в нашем распоряжении не имеется, срок его земной жизни был уже близок к завершению. Тем не менее годы сотрудничества Филофея с архиепископом Макарием нашли свой отзвук в последующем пастырском служении предстоятеля Русской церкви. Очевидно, Макарий пытался сделать идеи псковского страца достоянием гласности, так как позже он включил «Послание на звездочетцев» в Царский список Великих Четьих Миней (1554 г.)[66]. Да и коронация Ивана IV, совершенная 16 января 1547 г. по инициативе митрополита Макария по им же составленному «Чину царского венчания», может рассматриваться как практическое воплощение теории Филофея. Ее ключевая идея – моральной ответственности власти и непреложного соблюдения ею законов Божеских и человеческих, недопустимости попрания справедливости – проходит красной нитью через все пастырские наставления Макария. «Имѣй страхъ Божій въ сердци, и съхрани вѣру христіанскую Греческого закона чисту и непоколебиму, и съблюди царство свое чисто и непорочно, яко же ныне пріалъ еси отъ Бога, и люби правду и милость и судъ правый и къ послушнымъ милостивное», – обращается он к Ивану IV в Поучении, оглашенном во время венчания на царство[67]. И этот же мотив обнаруживается во всех политических инициативах митрополита, таких как «соборы примирения» 1547 и 1549 гг. и Стоглавый собор 1551 г. Еще очевиднее проступают филофеевские идеи во введенном Макарием ритуале «шествия на осляти», о котором упоминалось ранее. По мнению многих историков, с посланиями Филофея был знаком и один из сподвижников Макария псковичВасилий-Варлаам, о чем говорит имено-

[64] *Дробленкова Н.Ф.* Великие Минеи Четьи // СККДР. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 1: А–К. Л., 1988. Ч. I. С. 127.
[65] *Синицына Н.В.* Третий Рим… С. 166.
[66] *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея»… С. 75.
[67] Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 48.

вание Константинополя в написанном им Житии Саввы Крыпецкого «вторым Римом»[68]. С этим вполне можно согласиться, поскольку данное словосочетание могло возникнуть лишь в соотнесении с Третьим Римом. Константинополь традиционно именовался Новым Римом, но никогда, вплоть до появления теории псковского старца, «вторым», так как качество *вторичности* в эстетике Средневековья было сопряжено исключительно с негативными коннотациями. О знакомстве книжников XVI в. с идеей Третьего Рима говорит и тот факт, что начиная со второй половины столетия эта формула выходит за рамки «Филофеева цикла», т.е. она становится настолько узнаваемой, что другие авторы используют этот образ для обоснования собственных идей. К числу памятников указанного времени, в которых фигурирует формула Третьего Рима, следует отнести пространную редакцию «Повести о новгородском белом клобуке», возникшую не ранее 1564 г.[69] Сложнее дело обстоит с так называемой «Казанской историей», также датируемой второй половиной XVI в[70]. В ней также присутствует пассаж о Третьем Риме, который часть историков считает изначально присущим данном тексту[71], другие же считают его более поздней вставкой[72]. Но даже если верна поздняя датировка, важно то, что образ Третьего Рима в данном тексте совершенно органичен, поскольку он просто перенасыщен византийскими и римскими образами, мотивами и аллюзиями. И уже это само по себе указывает на то, что теория Филофея не могла восприниматься в XVI столетии «маргинальной».

Таким образом, дело не в том, что идея Третьего Рима была «периферийной», а в том, что ни Василий III, ни Иван Грозный не имели ни малейшей заинтересованности в признании этой концепции. В самом деле, если первый все государственные дела решал, по словам Берсень-Беклемишева, «сам-третей у постели», а второй в своем властолюбии многократно превзошел отца, то каково могло быть их отношение к теории, ставившей во главу угла идею ответственности власти перед Богом (а значит и перед обществом) и права церкви, выступающей от лица Бога и воцерковленного общества «наставлять и печаловаться»? Но после смерти Ивана IV, когда возникла острая потребность в преодолении взаимной отчужденности между государством и церковью, между властью и обществом, правительство царя Федора Ивановича и Бориса Годунова берет эту идею на вооружение. Пространное изложение теории «Москва – Третий Рим», текстуально близко воспроизводящее соответствующий фрагмент из «Послания о крестном знамении», было включено в грамоту 1589 г. об учреждении патриаршества в качестве богословского обоснования данного акта.

Безусловно, такой аргумент не мог вызвать сочувствия у подписавшего грамоту вселенского патриарха Иеремии, но поскольку нам ничего неизвестно о греческих переводах этого текста, скорее всего, он и не знал о его содержании. Очевидно, к этому времени патриарх, сломленный изощренным психологическим прессингом Бориса Годунова и Андрея Щелкалова, мечтал только о том, чтобы поскорее покинуть «гостеприимную» Москву, и подписал текст не глядя. И тем не менее, как справедливо заметила Н.В. Синицына, «каковы бы ни были подробности подписания грамоты, наличие на грамоте патриаршей печати и подписи придает изложенной от его имени концепции историко-канонический характер»[73]. Более того, совершенно правы были и Г. Фроловский, подчеркивавший,

---

[68] *Серебрянский Н.И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 163; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 114; *Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И.* Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 228.

[69] *Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке… С. 214–215.

[70] *Волкова Т.Ф.* Казанская история // СККДР. Вып. 2: (Ввторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 450–458.

[71] Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М., 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси. С. 263.

[72] *Усачев А.С.* «Третий Рим» или «Третий Киев»? … С. 72.

[73] *Синицына Н.В.* Третий Рим… С. 301.

что «это был акт политический, прежде всего»[74], и Р.Г. Скрынников, отмечавший, что «инициатива учреждения патриаршества принадлежала всецело светской власти»[75]: церковная иерархия во всех этих событиях не проявила ни малейшей толики самостоятельности.

В этой же связи – как инициированный самим правительством символический акт, утверждающий идею Третьего Рима в качестве официальной доктрины – следует рассматривать предпринятую дядей Бориса Годунова боярином и конюшим Дмитрием Ивановичем Годуновым рассылку по двенадцати влиятельнейшим русским монастырям лицевых псалтирей. Все эти книги открываются записью, извещающей о том, что они изготовлены «в богохранимом и в преименитомъ и царствующем граде Москвѣ, в Третіемъ Римѣ благочестіемъ цвѣтущим при державе превысочаишіе царскіе степени скиѳетра великаго Росіискаго царствіѧ Богомъ дарованнаго, Богомъ украшеннаго, Богом почтеннаго, Богомъ превъзнесеннаго, Богом венчаннаго благовѣрнаго и христолюбиваго монарха Божіею милостію великого государѧ царѧ и великого князѧ Ѳеѡдора Ивановича всея Росіѧ самодръжца»[76].

Таким образом, отныне теория Третьего Рима становится официальной государственной доктриной, но при этом нет ровно никаких оснований считать, что «русское правительство реанимировало, казалось бы, уже давно забытую идею»[77]. Ни книжники, ни духовенство не забывали о теории Филофея, а использование формулы Третьего Рима в произведениях второй половины XVI в. говорит о ее превращении в достаточно узнаваемый образ. Все дело в том, что именно власть, устремленная к совершенно иным идеалам и целям, ее сознательно игнорировала. Но к концу 80-х годов ситуация кардинально меняется: предстояло воссоздать государство из тех руин, в которые оно было обращено стараниями Ивана Грозного. И власть, и общество остро нуждались в объединительной идее. Пришло «время собирать камни». И именно идея Третьего Рима, отвергнутая, но незабытая, оказалась тем камнем, который «стал главою угла». Но это уже совсем другая история…

Литература

«Москва – Третий Рим»: история спекуляции [Электронный ресурс] // Арзамас. Курс № 10. Генеалогия русского патриотизма. URL: https://arzamas.academy/materials/324 (дата обращения: 20.11.2021).

Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // Ad Imperio. 2003. № 3. С. 101–117.

Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 450–458.

Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л.: Наука, 1974. С. 68–97.

Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четьи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI вв. Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 126–133.

Евгений, митр. (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев: Тиопгр. Киево-Печерской лавры, 1831. 321 с.

Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Л.: Наука, 1956. Т. 12. С. 160–173.

Карпов Ф. Послание иноку Филофею // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 518–519.

[74] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 29.

[75] *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Новосибирск, 1991. С. 363.

[76] Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. Л. 4–4 об. М., 1594 [Электронный ресурс]. URL: https://kp.rusneb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova (дата обращения: 20.11.2021).

[77] *Усачев А.С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. Вып. 3 (64). С. 11.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типогр. Грачева и К˚, 1871. 479 с.

Кореневский А.В. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 87–124.

Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 57–78.

Лурье Я.С. Повесть о белом клобуке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 214–215.

Максим Грек. Инока Максима, слово обличительно отчасти латынскаго злословия, в немже и на альманака, иже возвелеречевавша, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемых губительнейша // Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань: Типогр. губернского правления, 1860. Ч. 2. С. 457–484.

Малахов В.С. Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 236–245.

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1901. 768 с. Примечания. 106 с. Приложения. 144 с.

Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / отв. ред. И.Н. Данилевский. 528 с.

Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 27–30.

Петров Н.И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды Киевской духовной академии. 1872. Т. II. № 8. С. 705–779.

По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 61–86.

Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. М., 1594 [Электронный ресурс]. URL: https://kp.rus-neb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova (дата обращения: 20.11.2021).

Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologicka komise při Slovanskiém ústavě. R. VI. Praha: Orbis, 1935–1936. С. 85–109.

Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. С. 71–152.

Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. 586 с.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 416 с.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Новосибирск: Наука, 1991. 396 с.

Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.

Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. Вып. 3 (64). С. 9–17.

Филофей. Послание о злых днехъ и часехъ // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 442–455.

Флайер М.С. Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара: Самарский университет, 2001. С. 203–239.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 601 с.

Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. 1. С. 41–53.

Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Вып. 7. С. 49–60.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.

Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 21. № 2/3. P. 97–131.

Bendix R. In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison: University of Wisconsin Press, 1997. 306 p.

David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: A Remarkable Decade // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, No. 2. P. 229–231.

David-Fox M., Holquist P. Po M. From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. No. 2 (3). P. 465–467.

David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: Some Paradoxes of the “New Imperial History” // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1, no. 4. P. 623–625.

Ekiert G., Hanson S.E. Introduction // Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule / ed. G. Ekiert and S. Hanson. New York: Cambridge University Press, 2003. 375 p.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 145 p.

Hakluyt R. The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred’s Orosius. London, Paris, New York & Melbourne: Cassell and Company, 1889. P. 138–139.

Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 192 p.

Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. Introduction: Democracy and Party Competition // Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation / ed. H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Tóka. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 1999. 458 p.

Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge: Polity Press, 2005. 150 p.

Mortimer I. What isn’t History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // History. 2008. Vol. 93, no. 312, iss. 4. P. 454–474.

Nealon J.T. Post-postmodernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism. Stanford: Stanford University Press, 2012. 227 p.

Ostrowski D. “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost // Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Perspectives on Late Byzantine Art and Culture / ed. S.T. Brooks. New York, etc.: The metropolitan Museum of Art, 2006. P. 170–179.

Poe M. Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment // Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 2001. Bd. 49. H. 3. P. 412–429.

Poe M. The Russian Moment in World History. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 116 p.

Rupnik J. The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe. New York: Pantheon Books, 1989. 291 p.

The Invention of Tradition / ed. E.J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

Turner T. City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning. London: E&FN Spon, 1996. P. 3–10.

Vermeulen T., Akker van den R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

References

Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, Verso. 160 p.

Ben-Amos, D. (1984). The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies. In *Journal of Folklore Research*. Vol. 21, No. 2/3, pp. 97–131.

Bendix, R. (1997). *In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press. 306 p.

Bushkovitch, P. (2003). Pravoslavnaya tserkov' i Russkoye samosoznanie [Orthodox Church and Russian National Consciousness in the 16th–17th Centuries]. In *Ab Imperio*. No 3, pp. 101–117.

Chin venchaniya na tsarstvo tsarya Ioanna Vasilievicha (1846). [Coronation Ritual of Tsar Ivan Vasilievich]. In *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu.* S. Petersburg: Tipogr. II Otd. Sobstvennoy EIV Kantselyarii. Vol. 1, pp. 41–53.

David-Fox, M., Holquist, P. Po, M. (2001). From the Editors: A Remarkable Decade. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 2, No 2, pp. 229–231.

David-Fox, M., Holquist, P., Po, M. (2000). From the Editors: Some Paradoxes of the "New Imperial History". In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 1, No. 4, pp. 623–625.

David-Fox, M., Holquist, P., Po, M. (2001). From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol. 2, No. 2 (3), pp. 465–467.

Droblenkova, N.F. (1988). The Great Menaion Reader [Velikie Minei Chet'i]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.).* Part 1. Leningrad, Nauka, pp. 126–133.

Ekiert, G., Hanson, S.E. (2003). Introduction. In *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule*. Eds. G. Ekiert, S. Hanson. New York, Cambridge University Press, XIII, 375 p.

Eksle, O.G. (2001). Fakty I fiktsii: o tekushchem krizise istoricheskoy nauki [Facts and Fictions: on the Contemporary Crisis of Historical Science]. In *Dialog so vremenem*. Moscow, Editorial URSS. Iss. 7, pp. 49–60.

Filofey (1984). Poslanie o zlykh dnekh i chasekh [Epistle on Sinister Days and Hours]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 442–455.

Flier, M. (2001). Rashifrovka koda: Obraz tsarya v obryade Verbnogo voskresen'ya v Moskvoskom gosudarstve [Decryption of Code: The Image of Tsar in Ritual of Palm Sunday in Muscovite State]. In *Amerikanskaya rusisnika: Vekhi istoriografii poslednikh let: period Kievskoy i Moskovskoy Rusi. Antologiya*. Samara: Izd-vo "Samarskiy universitet", pp. 203–239.

Florovskiy, G. (1937). *Puti russkogo bogosloviya* [The Roads of the Russian Theology]. Paris. 601 p.

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press. 145 p.

Goldberg, A.L. (1974). Tri poslaniya Filofeya [Filofei's Three Epistles]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 29. Leningrad, Nauka, pp. 68–77.

Hakluyt, R. (1889). *The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius*. London, Paris, New York, Melbourne, Cassell and Company, pp. 138–139.

Hobsbawm, E. (2000). *Introduction: Inventing Tradition. In The Invention of Tradition.* Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, Cambridge University Press. 192 p.

Hobsbawm, E.J., Ranger, T. (1983). The Invention of Tradition Cambridge, Cambridge University Press. 320 p.

Karpov, F. (1984). Poslanie inoku Filofeyu [Epistle to Monk Filofei]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 518–519.

Kitschelt, H., Mansfeldova, Z., Markowski, R., Tóka G. (1999). Introduction: Democracy and Party Competition. In *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation.* Eds. H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Tóka. Cambridge, New York, etc., Cambridge University Press, XIV. 458 p.

Klyuchevskiy, V.O. (1871). *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskiy istochnik* [Medieval Russian Hagiography as Historical Source]. Moscow, Grachev i K˚. 479 p.

Korenevskiy, A. (2001). Kem i kogda byla "izobretena" teoriya "Moskva – Tretiy Rim [Who and When "Invented" the Theory "Moscow, the Third Rome"]. In *Ab Imperio*. No. 1–2, pp. 87–124.

Likhachev, D.S. (1986). *Sistema literaturnykh zhanrov Drevney Rusi* [The System of Literary Genres of Medieval Russia]. In *Likhachev, D.S. Issledovaniya po drevnerusskoy literature*. Leningrad, Nauka, pp. 57–78.

Lipovetsky, G. (2005). Hypermodern Times. Cambridge, Polity Press. 150 p.

Lurie, Y.S. (1989). Povest' o belom klobuke [The Tale of the White Cowl]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.).* Part 2. Leningrad, Nauka, pp. 214–215.

Malakhov, V.S. (2018). Izobretenie traditsii kak mem i kak cherta sotsiokulturnoy real'nosti: Eric Hobsbawm i ego soavtory v possovetskom kontekste [The Invention of Tradition as a Meme and as a Feature of Socio-cultural Reality: Eric Hobsbawm and His Co-authors in the Post-Soviet Context]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3, pp. 236–245.

Malinin, V. (1901). *Starets Eleazarova monastyrya Filofei i ego poslaniya* [The Elder of Eleazar's Monastery Filofei and His Epistles]. Kiev, Tipogr. Kievo-Pecherskoy Lavry. 768 p. Primechaniya [Commentary]. 106 p. Prilozheniya [Appendixes]. 144 p.

Maximus the Greek. (1860). Inoka Maksima, slovo oblichitel'no otchasti latynskago zlosloviya, v nemzhe i na al'manaka, izhe vozvelerechevasha, potopa vsemirnago byti, izhe nekogda pominaemykh gubitel'neysha [The Exposal Discourse by Monk Maxim, Partly against Latin Slander; Here Also against the Almanac, Which Twaddled that There Would Be a Worldwide Flood More Disastrous than Ever Mentioned]. In *Maxim the Greek. Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoy dukhovnoy akdemii.* Kazan, Tipogr. gubernskogo pravleniya. Part. 2, pp. 455–484.

Mortimer, I. (2008). What isn't History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century. In *History.* Vol. 93, No. 312, Iss. 4, pp. 454–474.

(2020). Moskva – Tretiy Rim; istoriya spekulyatsii. [Moscow, the Third Rome: The History of Speculation]. In *Arzamas. Kurs No. 10. Genealogiya russkogo patriotisma.* URL: https://arzamas.academy/materials/324 (date of accesses: 20.11.2021 г.).

Nealon, J.T. (2012). Post-postmodernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism. Stanford, Stanford University Press. 227 p.

Okhotnikova, V.I. (1989). Letopisi Pskovskie [Pskov Cronocles]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.).* Part 2. Leningrad, Nauka, pp. 27–30.

Ostrowski, D. (2006). "Moscow the Third Rome" as Historical Ghost. In *Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Perspectives on Late Byzantine Art and Culture.* Ed. S.T. Brooks. New York, etc., The Metropolitan Museum of Art, pp. 170–179.

Petrov, N.I. (1872). O vliyanii zapadnoevropeyskoy literatury na drevnerusskuyu [On the Influence of Western European Literature to the Medieval Russian One]. In *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*. Vol. II, No. 8, pp. 705–779.

Poe, M. (2000). Izobretenie kontseptsii "Moskva – Tretiy Rim" [Invention of the Concept "Moscow, the Third Rome"]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 61–86.

Poe, M. (2001). Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa.* Bd. 49, H. 3, pp. 412–429.

Poe, M. (2003). *The Russian Moment in World History*. Princeton; Oxford, Princeton University Press. 116 p.

Psaltyr' litsevaya D.I. Godunova (1594) [Illustrated Psalter of D.I. Godunov]. Moscow. URL: https://kp.rusneb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova (date of accesses: 20.11.2021 г.).

Pskovskie letopisi (2003) [Pskov Cronocles]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 5, Iss. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 256 p.

Rupnik, J. (1989). *The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe*. New York, Pantheon Books. 291 p.

Rzhiga, V.F. (1935–1936). Neizdannye sochineneiya Maksima Greka [Unpublished Works by Maxim the Greek]. In *Byzantinoslavica. Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologicka komise při Slovanskiém ústavě.* R. VI. Praha, Orbis, pp. 85–109.

Sakharov, A.M., Zimin, A.A., Koretskiy V.I. (1989). Tserkov' v obshchestve razvitogo feodalizma (XIV–XVI vv.) [Church in Society of the Developed Feudalism (14th–16th Centuries)]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 71–152.

Serebryanskiy, N.I. (1908). *Ocherki po istorii monastyrskoy zhizni v Pskovskoy zemle* [Esseys on the History of Monastic Life in Pskov Land]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. 586 p.

Sinitsyna, N.V. (1998). *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya srednevekovoy kontseptsii* [The Third Rome. Origins and Evolution of Medieval Conception]. Moscow, Indrik. 416 p.

Skrynnikov, R.G. (1991). *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XV vv.* [The Star and Church in Russia in the 14th–16th Centuries]. Novosibirsk, Nauka. 416 p.

(2020). Stanovlenie obshchestvennoy mysli dopetrovskoy Rusi [The Genesis of Social Thought of Pre-Petrine Rus']. *In Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XX veka: v 4 t.* Vol. 1. Ed. I.N. Danilevskiy. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 528 p.

Turner, T. (1996). *City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning*. London, E&FN Spon, pp. 3–10.

Usachev, A.S. (2012). "Tretiy Rim" ili "Tretiy Kiev"? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov) [The "Third Rome" or the "Third Kiev"? (Muscovite Tsardom of the 16th Century in the Perception of Contemporaries]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 69–87.

Usachev, A.S. (2015). Ob istorii bytovaniya idei "Tret'ego Rima" v Rossii XVI v. [On the Existence of Idea of the "Third Rome" in Russia in the 16th Century]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. No. 3 (64), pp. 9–17.

Vermeulen T., Akker, van den R. (2010). Notes on Metamodernism. In *Journal of Aesthetics & Culture.* Vol. 2, pp. 1–14.

Volkova, T.F. (1988). Kazanskaya Istoriya [Kazan History]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.).* Part 1. Leningrad, Nauka, pp. 450–458.

(1831). Yevgeny, metropolitan (Bolkhovitinov). *Istoriya knyazhestva Pskovskogo* [The History of Pskov Principality]. Kiev, Tipogr. Kievo-Pecherskoy Lavry. 321 p.

Zimin, A.A. (1956). Obschestvenno-politicheskie vzglyady Fedora Karpova [Social-political views of Fedor Karpov]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury.* Vol. 29. Leningrad, Nauka, pp. 160–173.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

К.А. Семенчук*

Имперский дискурс и метафорические модели Российского государства в церковной периодической печати конца XIX века

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-2

УДК 930.1

Выходные данные для цитирования:

Семенчук К.А. Имперский дискурс и метафорические модели Российского государства в церковной периодической печати конца XIX века // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 29–40. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-02.pdf

K.A. Semenchuk*

Imperial Discourse and Metaphorical Models of the Russian Empire in the Church Periodicals of the Late 19th Century

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-2

How to cite:

Semenchuk K.A. Imperial Discourse and Metaphorical Models of the Russian Empire in the Church Periodicals of the Late 19th Century // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 29–40. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-02.pdf]

Abstract. The article is devoted to the study of the symbolic representation of the Russian Empire in the church periodicals of the late 19th century. The author identified the four most common metaphorical models of the Russian state, and each of them was analyzed and reconstructed. A separate aspect of the work is the identification of contradictions within the presented metaphorical structures. As a result of the study, a conclusion was made about the prevalence of constructions of a universalist nature that appeal to divinely and naturally established orders, which makes it impossible to deploy nationalist and liberal discourse in the church periodicals. The author comes to the conclusion that, despite the presence of contradictions within the models used, the political discourse of the correspondents of church periodicals remains traditionalist and conservative with an orientation towards preserving the imperial political order.

Keywords: imperial discourse; church periodicals; metaphorical models of the state; missionary historical narrative.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению символической репрезентации Российской империи в церковной периодической печати конца XIX в. В ходе исследования были выявлены четыре наиболее распространенные метафорические модели российского государства, а также проведен анализ и реконструкция каждой из них. Отдельный аспект работы – выявление противоречий внутри представленных метафорических структур. В результате исследования сделан вывод о преобладании конструкций универсалистского характера, апеллирующих к божественно и природно установленным порядкам, что делает невозможным развертывание националистического и либерального дискурса в церковной периодической печати. Автор приходит к заключению о том, что, несмотря на наличие противоречий внутри используемых моделей, политический дискурс корреспондентов церковной периодики остается традиционалистским и консервативным с ориентацией на сохранение имперского политического порядка.

Ключевые слова: имперский дискурс; церковная периодическая печать; метафорические модели государства; миссионерский исторический нарратив.

* **Семенчук Константин Анатольевич,** лаборант-исследователь, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: ksemenchuk29@gmail.com

Semenchuk Konstantin Anatolievich, Research Assistant, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: ksemenchuk29@gmail.com

За последние десятилетия в исторических дисциплинах наметился устойчивый интерес к имперской проблематике, и к настоящему времени накоплена обширная историография по данному направлению, которая в интересах исследования была разделена на несколько тематических групп.

Для авторов, чьи работы были помещены в первую группу, характерна концентрация внимания на вопросах, связанных с идеологией консерватизма или соотношением имперского и национального в рамках политического дискурса Российской империи. Несмотря на значительное число статей и монографий по данному вопросу, некоторыми исследователями отмечается, что отношение представителей православного духовенства к проблематике русского национализма изучено лишь фрагментарно[1]. Необходимо заметить, что церковные авторы в таких работах зачастую отодвигаются на второй план и рассматриваются в «фарватере» концептов светских идеологов. Поэтому вполне закономерно, что анализируются в первую очередь построения видных имперских экспертов (например, С.С. Уварова, М.Н. Каткова, А.С. Шишкова и др.). При этом практически полностью игнорируются широко тиражируемые образные конструкции, используемые в статьях и заметках светских и церковных публицистов.

Редким исключением является монография А.Л. Зорина, в которой он кратко коснулся тропов использовавшихся в произведениях митрополита Филарета (Дроздова) и А.С. Шишкова[2], а также диссертация Т.В. Полежаевой, где растительным и органицистским метафорам в концепции последнего уделен отдельный раздел[3]. Стоит отметить работу Е.П. Дулесова, посвященную дискурсу русских националистов начала XX в., в которой он касается метафоры семьи[4], эти вопросы (в качестве краткого исторического экскурса) затрагиваются в монографии А.П. Чудинова[5], а также в статье Л.А Пименовой, в которой метафоры тела и семьи подробно рассмотрены на французском материале XVIII в.[6]

Работы, отнесенные во вторую группу, в основном посвящены изучению становления и идейно-символического оформления самодержавной власти, а также рецепции византийских политических практик в России. Наиболее интересны здесь статьи Л.А. Андреевой, М.В. Палеолога и С.М. Чистовой[7], посвященные процессу сакрализации власти российских царей и оформлению концепции «царь – помазанник божий». Заслуживает внимания монография «Воображая Палестину…», в которой затрагиваются вопросы, связанные с процессом сакрализации пространства Российской империи[8].

---

[1] *Иванов А.А., Амбарцумов И.В., Калиновский В.В., Котов А.Э., Чемакин А.А.* Церковное осмысление национализма: pro et contra // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2021. С. 11.

[2] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 245, 262.

[3] *Полежаева Т.В.* Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова: дис. … канд. ист. наук. Томск, 2016. С. 88–98.

[4] *Дулесов Е.П.* Метафоры гармонизации в дискурсе русских националистов начала XX в. // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 102–106.

[5] *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 59–67, 78–85.

[6] *Пименова Л.А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. // Одиссей: человек в истории. М., 2007. С. 148–168.

[7] *Андреева Л.А.* “Цареславие” в России // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 121–134; *Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В.* Сакрализация и десакрализация власти в истории христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Саранск, 2014. С. 388–425; *Палеолог М.В., Чистова С.М.* «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 147–157; *Палеолог М.В.* Pax Rossica – сакральное пространство русского универсума // Провинциальная Россия. 2016. № 1. С. 2–7; *Палеолог М.В., Чистова С.М.* Сакральный аспект имперской идеологии России. Имперская идеология в эпоху Петра I и XIX веке // Научно-аналитический журнал-обозреватель – Observer. 2014. № 9. С. 64–74.

[8] Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб., 2021. 776 с.

К третьей группе были отнесены попытки исследования широко тиражируемых представлений о власти, которые предпринимались еще советской историографией, однако в первую очередь они касались изучения народного исторического сознания. Роль церкви в процессах его формирования была прописана относительно слабо. Более интересен в этой связи ряд публикаций А.В. Буганова, в которых он последовательно отмечал «глубоко укоренившееся чисто семейное, родственное отношение к царю»[9], а также подчеркивал «конфессиональный фактор» в отношении народа к государству[10].

Как можно увидеть, систематического исследования тропов, использовавшихся для описания Российского государства XIX в., не предпринималось, перечисленные выше работы затрагивают попавшую в фокус данного исследования проблематику лишь косвенно (как тематически, так и хронологически). Цель данного исследования заключается в заполнении образовавшейся в историческом знании лакуны путем поиска и выявления метафорических моделей имперской власти и государственности в церковной периодической печати рубежа XIX–XX вв. Это позволит выделить набор стереотипов мышления в их знаково-символическом выражении, поскольку, как справедливо отметил А.Л. Зорин: «само политическое целеполагание насквозь идеологизировано, а представления о составе государственных или национальных интересов подвержены переменам и во многом определяются символическими ориентирами…»[11]. Соглашаясь с представленным тезисом, хотелось бы его несколько расширить. По мнению автора, подобные символические ориентиры (в представленном исследовании «метафорические модели государства») не только конструируют и упорядочивают реальность, но и явственно демонстрируют определенные мыслительные императивы целой социальной группы, как правило, не выраженные артикулированно у рядовых ее членов.

Вполне обоснованно можно предположить, что сама распространенность подобных моделей ярко свидетельствует об их жизнеспособности и значительной практической применимости. А потому исследование этих конструкций позволяет с нового ракурса рассмотреть многие ранее поднимавшиеся вопросы, связанные с ролью духовенства в формировании имперской идеологии.

Источниками для данной работы послужили публикации в центральной и региональной церковной периодической печати за 1894 и 1896 гг. Именно в это время существенно повышается интерес к форме государственного устройства и самодержавной власти, что было вызвано несколькими причинами: в 1894 г. после продолжительной болезни умирает император Александр III и на престол восходит его сын Николай Александрович, торжественное коронование которого состоялось в 1896 г.; кроме того, в этом же году праздновалось столетие со дня рождения императора Николая I. Все эти события широко освещались в церковной периодической печати практически повсеместно, что позволило существенно расширить рамки исследования географически, сохраняя при этом тематическую однородность выборки.

В ходе исследования было отобрано и проанализировано 70 публикаций, напечатанных в таких изданиях, как «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде», «Вестник военного духовенства», «Томские епархиальные ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», «Енисейские епархиальные ведомости», «Камчатские епархиальные ведомости». Источники были отобраны исходя из следующего принципа: основное внимание было сосредоточено на сибирских церковных периодических изданиях, однако для уточнения результатов были

[9] *Буганов А.В.* Личности и эпохи в исторической памяти русских крестьян XIX – начала XX века // Социология власти. 2003. № 2. С. 101.

[10] *Буганов А.В.* Государство и власть в представлениях русских крестьян // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Мат-лы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Липецкой области. Липецк, 2019. С. 161.

[11] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… С. 30.

также привлечены материалы церковной печати Центральной России («Церковные ведомости» и «Вестник военного духовенства»).

Методы, процедура и результаты исследования. На первом этапе исследования с помощью метода контент-анализа были выделены четыре наиболее распространенные метафорические модели, при помощи которых корреспонденты церковной периодики описывали Российское государство. Для их выявления был произведен поиск в текстах характерных слов-индикаторов, частота упоминаний каждого из которых в отдельном тексте не подсчитывалась, что позволило существенно упростить общие вычисления и рассмотреть распределение по публикациям в целом. Кроме того, были отброшены слова-индикаторы, встречавшиеся в публикациях единично. Таким образом, были выявлены следующие модели:

1. *Модель патриархальной семьи* – государство и общество описываются по аналогии с патриархальной семьей (сходство функций и иерархического устройства). Сюда же были помещены «метафоры дома».

2. *Библейские модели* – Российское государство и император сравниваются с ветхозаветными и новозаветными ландшафтами и персонажами. Сюда же отнесен концепт «государь – божий помазанник».

3. *Антропоморфные и фитоморфные модели* – структура государства уподобляется анатомии человеческого тела. В эту же группу отнесены немногочисленные сравнения с растениями (прежде всего с деревьями).

4. *Модель Солнечной системы* – проводятся параллели между государством (иногда обществом) и небесными телами. Здесь можно встретить как вполне устоявшиеся идеологемы «царь – красно солнышко», так и попытки представить общество в соответствии с законом всемирного тяготения Исаака Ньютона.

Ниже приведена диаграмма, которая отражает получившееся распределение (диаграмма 1).

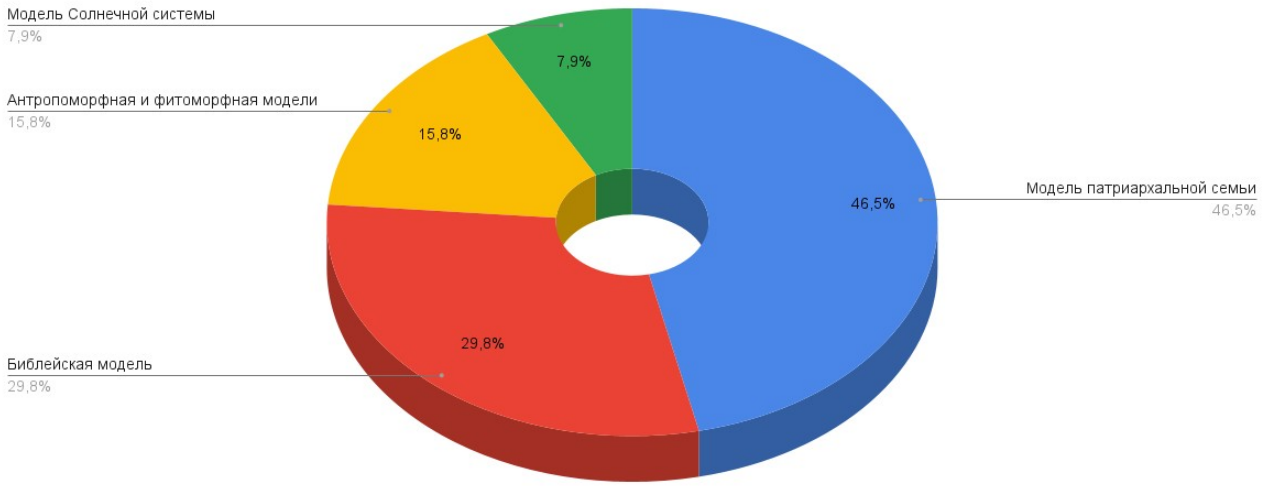


Диаграмма 1. Распределение публикаций по наличию слов-индикаторов.

Ожидаемо подавляющее большинство публикаций демонстрирует использование моделей, характерных для традиционного мышления. Стоит предположить, что источником таких довольно «архаичных» метафор является Священное Писание, а церковная публицистика вполне закономерно изобилует значительным количеством прямых цитат, а также упоминаний библейских образов и сюжетов. В подтверждение этому можно сослаться на факт того, что схожий набор метафор обнаруживается и во вдохновленной конфессиональной книжностью концепции адмирала А.С. Шишкова[12]. Исключением является сравне-

[12] *Полежаева Т.В.* Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова… С. 93.

ние государственных отношений с объектами Солнечной системы, которое в некоторых вариациях предполагает «механистическую картину мира».

На втором этапе исследования была произведена реконструкция каждой из четырех выделенных метафорических моделей, что позволило частично воссоздать некоторые общие для всех авторов и широко тиражируемые в церковной печати «прототипы», характеризующие представления церковных публицистов о государстве, правителе и подданных, церкви и православном христианстве. Для удобства изложения каждая модель была поделена на составные части.

Важно подчеркнуть, что малочисленность выборки (70 публикаций) была компенсирована тематической однородностью, а также опорой на официальное издание Святейшего правительствующего синода – «Церковные ведомости», последнее особенно значимо в связи с тем, что региональная печать минимум до 1905 г. не имела возможности представлять какие-либо альтернативные трактовки по ключевым идеологическим вопросам.

Модель патриархальной семьи. Метафора родства – одна из крайне распространенных и универсальных метафор, предполагающая концептуализацию государственных отношений через отношения в семье. Взгляд на семью как прообраз государства можно обнаружить в традиционной китайской государственной идеологии[13], аналогичные взгляды характерны и для Ветхого Завета (сюжеты о ветхозаветных патриархах). В церковной периодической печати государственное устройство при помощи данной модели описывается следующим образом.

Государство (великое семейство) произошло из семьи[14]. Согласно данному фрейму, государство имело следующий генезис: первым властителем является отец (первые отцы семейств – патриархи[15]), который «естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности… сын… есть природно подвластный»[16]. Подчеркивается, что семья, как и государство, имеет одно начало и происхождение – от Бога, следовательно, «и закон природы, и наша совесть, а тем более закон Божий обязывают нас воздавать царю своему подобающую честь…»[17], и предполагается, что народ («множество людей, соединенных языком и обычаями»[18]) произошел «от некоего меньшего племени, а сие произошло от семейства»[19]. Затем «когда сыны сынов разраждаются в народ, и из семейства возрастает государство, необъятное для естественной власти отеческой, Бог дает сей власти новый искусственный образ и новое имя, и таким образом Его премудростию царие царствуют»[20]. Подобная теория о происхождении царской власти, скорее всего, восходит к проповедям митрополита Филарета (Дроздова), краткие извлечения из которых были изданы отдельной брошюрой в 1888 г. с примечанием: «Учебным комитетом при Святейшем синоде допущено к употреблению в духовно-учебных заведениях»[21].

Царь – отец многомиллионной русской семьи[22]*, чей союз с подданными «более чем кровный»*[23]. Правитель получает власть через обряд миропомазания на царство, при помощи

[13] *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2007. С. 136.

[14] Не прикасайтесь к помазанным моим // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 21. С. 724–725.

[15] *Рождественский Е.* Значение и внутренний смысл чина священного коронования русских государей // Вестник военного духовенства. 1896. № 8. С. 237.

[16] Не прикасайтесь к помазанным моим… С. 724–725.

[17] *Митропольский Н.* Речь, сказанная 15 мая 1896 года в Каинском Спасском соборе, по случаю коронования их императорских величеств, государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 13. С. 2–3.

[18] Не прикасайтесь к помазанным моим… С. 724.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 725.

[21] *Кременецкий П.* Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных, мысли вкратце извлеченные из проповедей Филарета митрополита московского. М., 1888. 51 с.

[22] Слово пред молебным пением в Крестовой архиерейской церкви 18 января о здравии благочестивейшего государя императора Александра Александровича, по случаю полученного известия о болезни его императорского величества // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 3. С. 1.

[23] *Смирнов П.* Священное коронование царей православных // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 16. С. 585.

которого она утверждается не «законами природы (в отличие от власти отца в семье. – *К. С.*), но Виновником всякого бытия, Богом»[24]. В этой связи нередко проводятся аналогии с супружеским союзом, где государь выступает в роли «жениха», а царство, в свою очередь, в роли «невесты»[25]. В случае смерти правителя государство становится «вдовой», а народ «сиротами»[26]. Последнее находит некоторые параллели с французским политическим дискурсом XVIII в., в рамках которого можно обнаружить идею «политического брака между королем и государством»[27]. Стоит упомянуть, что нередко государство также выступает в качестве некоего *общего «дома»*[28] для русского народа, где *государь – «мудрый домостроитель великого царства»*[29].

Царь – отец, а подданные – как дети[30]. Этот тезис имплицитно содержит в себе мысль о том, что *все россияне – братья* (в некоторых случаях данное утверждение прямо озвучивается[31]). Эта метафорическая конструкция используется в качестве аргумента в поддержку неограниченной власти монарха. В текстах можно встретить противопоставление «холодно-правовых отношений» и «задушевно-отеческих»[32]. Следовательно, предполагается, что отношения внутри государства должны выстраиваться подобно отношениям семейным: «Родители, воспитывающие чад своих, не вступают с детьми в договоры или стеснительные условия, а правят ими в силу Богом данного права, и дети не думают уславливаться с отцом о взаимных отношениях»[33].

Церковь – чадолюбивая мать[34], *а царь – сын церкви*[35]. Данное положение входит в противоречие с другими элементами рассматриваемой модели, поскольку, во-первых, в качестве «матери народа» также зачастую выступает царица[36]; во-вторых, символически возвышает церковь над государственной властью (иногда в церковных изданиях также особенно подчеркивается значимость обряда миропомазания[37]); в-третьих, кроме понятия «государство – великое семейство», мы можем обнаружить идею о том, что «Церковь Божия есть божественная семья, в которой Глава и Отец есть Христос»[38]. Логичным объяснением таких противоречий может служить предположение о существовании в церковной публицистике

[24] Речь, произнесенная преосвященнейшим Александром, епископом енисейским и красноярским, пред совершением благодарственного молебствия по случаю известия о начавшемся выздоровлении благочестивейшего государя императора Александра Александровича от постигшей его болезни // Енисейские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 4. С. 61–62.

[25] *Старосивильский Н.* Слово в день священного венчания и помазания на царство благочестивейшего государя императора Николая Александровича и супруги его, благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны // Вестник военного духовенства. 1896. № 10. С. 296–297.

[26] Речь пред панихидою о упокоении души в Боге почившего благочестивейшего государя императора Александра Александровича, по прочтении телеграммы о кончине его преосвященнейшего Макария, епископа Томского // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 21. С. 5.

[27] *Пименова Л.А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. … С. 162.

[28] *Митропольский Н.* Речь, сказанная 15 мая 1896 года в Каинском Спасском соборе… С. 2.

[29] Речь, сказанная преосвященным Никанором, епископом смоленским и дорогобужским, пред панихидою в день исполнения столетия со дня рождения императора Николая 1-го, 25 июня 1896 г. // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 30. С. 1077–1078.

[30] *Орлов П.* Слово в день рождения его императорского величества, государя императора Александра Александровича // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 5. С. 95–103.

[31] Речь пред панихидою о упокоении души… С. 5.

[32] *Беликов Д.Н.* Слово в день священнейшего коронования их императорских величеств, благочестивейшего государя императора Николая Александровича и благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 10. С. 6.

[33] *Чистяков Н.* Поучение в день священного коронования государя императора Николая Александровича // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1897. № 11. С. 214.

[34] *Велицкий А.* Поучение в день восшествия на престол его императорского величества государя императора Александра Александровича // Вестник военного духовенства. 1894. № 5. С. 139.

[35] *Грифцов Н.* Поучение в девятый день по кончине благочестивейшего носударя императора Александра III // Тобольские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 21. С. 388.

[36] *Беликов Д.Н.* Слово в день священнейшего коронования их императорских величеств… С. 3–11.

[37] *Синклитский Д.* Поучение в день столетия рождения императора Николая I (25 июня 1896 года) о побуждениях церкви к почитанию дней царских вообще, и настоящего дня, в частности // Вестник военного духовенства. 1896. № 15. С. 459.

Российской империи прямого аналога французского концепта «политического» и «мистического тела» монархии[39]. Иная же трактовка предполагает вопрос о том, кто является посредником Бога на земле, сама постановка которого оспаривает тезис о богоизбранности царя, что, по крайней мере в конце XIX в., маловероятно.

Библейская модель. Ее использование обусловлено способом сакрализации власти российского монарха, согласно которому царь провозглашается наместником Христа – явление характерное как для западного христианства, так и восточного[40]. В Россию эта практика пришла из Византии, и ее конечное формирование являлось результатом длительного исторического развития, начавшегося с момента крещения Руси[41] и значительно ускорившегося после правления Ивана III (1462–1505)[42].

Параллельно процессам сакрализации власти «запускаются» процессы сакрализации пространства. На территории Российского государства, особенно в политических центрах, идет конструирование «Иерусалимов», которые последовательно сменяют друг друга: Киев, Галич, Псков, Новгород, Тверь и Москва[43]. Происходит активный трансфер на Русь православных традиций, символов и смыслов, легших в основу мировоззренческих установок населения[44]. Библейские образы, символы и метафоры становятся инструментами для конструирования осмысленной реальности. Некоторые их фрагменты исследователи обнаруживают в исторических представлениях крестьянства[45]. Полное же и систематизированное выражение эти идеи нашли в конфессиональной книжности, а также в церковной периодической печати.

Российский монарх – помазанник божий. Согласно этой концепции проводятся параллели между *российским царем и Моисеем*[46], а также *российским царем и Иисусом Христом*[47]. Помимо этого, нередко встречаются *сравнения российских царей с Саулом, Давидом, Иаковом и Соломоном*.

Уподобление Российской империи древнему Израильскому царству[48]. Трансфер православной христианской символики происходил не только в сфере политической мысли, но и в сфере конструирования пространственно-временных категорий. Здесь мы можем выделить минимум два способа использования библейской топонимики.

Первый связан с сакрализацией реальных территорий Российской империи. После падения Византийской империи Москва мыслилась не только «Третьим Римом», но также и «четвертым Иерусалимом»[49]. Данные топосы активно использовались и в конце XIX в., например, при описании торжественного коронования императора: «То, что совершилось в Сионской горнице, когда Дух Св. сошел на Апостолов, когда все присутствовавшие в ней,

---

[38] Слово, произнесенное преосвященнейшим Никодимом при первом служении в Благовещенском кафедральном соборе // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1901. № 6. С. 94.

[39] *Пименова Л.А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в… С. 153.

[40] *Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В.* Сакрализация и десакрализация власти… С. 388–389.

[41] Там же. С. 400.

[42] *Палеолог М.В., Чистова С.М.* «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы… С. 151.

[43] *Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А.* Новые Иерусалимы и Вторая Палестина в XI – начале XX в. // Воображая Палестину… С. 30–31.

[44] Там же. С. 30.

[45] *Буганов А.В.* Правители России в памяти русского народа // VIII Бартеневские чтения: (мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 174–180.

[46] Слово в день священного коронования и миропомазания на царство благочестивейшего государя императора Николая II и супруги его государыни императрицы Александры Федоровны // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 10. С. 224.

[47] Речь, произнесенная на площади у часовни Иверской божией матери, по получении телеграммы о совершившемся короновании их императорских величеств, 14 мая 1896 года. Макария, епископа томского и барнаульского // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 10. С. 1–3.

[48] Священное коронование их императорских величеств // Тобольские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 11. С. 221–233.

[49] *Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А.* Новые Иерусалимы и Вторая Палестина… С. 36.

числом 120, исполнились Св. Духа и начали говорить на разных языках, то совершилось в первопрестольной нашей столице Москве, сделавшейся на этот раз как бы новым Сионом, где также сошел Св. Дух на наших Венценосцев и излил обильно на них благодать свою»[50]. При этом конструирование новых «Иерусалимов» не заканчивалось на Москве, а активно происходило даже на фронтирных территориях Сибири[51].

Второй вариант связан с использованием библейской топонимики инструментально, для объяснения (вероятно, с одновременной легитимацией) политического устройства государства. Яркий пример – концепт «царский престол» разъясняется как «постоянный Синай, на коем слышима была бы воля Небесного Законодателя; – постоянный Фавор, где бы свет славы Божьей отражался на лице венчанных Представителей народа»[52]. Очень показателен в этой связи тот факт, что еврейское присутствие также являлось источником палестинской топонимики в Сибири[53], о какой-либо сакрализации пространства в этом случае речи идти не может. В эту же категорию можно отнести сравнение Александра III с царем Соломоном, использованное для акцентирования внимания на мудрости российского монарха.

Таким образом, библейские метафорические модели имеют несколько способов применения. Они могут быть использованы для легитимации власти российского монарха и одновременно для символического закрепления имперских территорий. Иной способ связан с инструментальным применением метафор, поэтому сложно не согласиться с тезисом Л.А. Андреевой о том, что закат «наместнической модели» был связан с переходом на логическую систему мышления[54].

Антропоморфная и фитоморфная модели. Так же как и «семейные» органицистские метафоры государства, имеют широкое хождение в культурах народов мира с древнейших времен. Они присутствуют как в китайских религиозно-философских трактатах («Дао дэ цзин»), так и в сочинениях античных философов (Платон, Аристотель) и христианской традиции (Рим. 12: 4–5, 1 Кор. 12: 12–31), они также распространены в работах философов XVII в. и французских государственных идеологов XVIII в.[55] Подобными метафорами были насыщены сочинения известных светских консервативных идеологов А.С. Шишкова, В.П. Мещерского, Л.А. Тихомирова[56]. Они предполагают моделирование государственных отношений при помощи следующих понятийных категорий.

Государство – живой организм (значительно реже встречается сравнение государства с растением (деревом), еще реже – с «деятельным муравейником»), оно имеет следующую «анатомическую структуру»:

Царь – «голова»[57], «наблюдательное око»[58], «душа всего народа»[59] и «сердце России»[60]. Сам же «организм» довольно вариативен: в качестве «тела» может выступать «народ»

---

[50] *Волков И.* Коронационные дни в г. Кургане // Тобольские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 12. С. 277–280.

[51] *Шаповалов М.С., Валитов А.А.* Тема Иерусалима и Палестины в укреплении русской идентичности в Сибири в XIX – начале XX в. // Воображая Палестину… С. 174–184.

[52] Для чего восходят благочестивейшие государи на престол? // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 18. С. 549–551.

[53] *Шаповалов М.С., Валитов А.А.* Тема Иерусалима и Палестины в укреплении русской идентичности в Сибири… С. 174–184.

[54] *Андреева Л.А.* «Цареславие» в России… С. 121–133.

[55] *Пименова Л.А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. … С. 148–149.

[56] *Полежаева Т.В.* Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова… С. 88–98; *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М., 2010. С. 275; *Тихомиров Л.* Носитель идеала // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Прибавления к Церковным ведомостям. 1894. № 46. С. 1671–1676.

[57] *Смирнов П.* Любовь подданных к царю православному // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 15. С. 544.

[58] Что такое царский престол // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 17. С. 611–613.

[59] *Рождественский Е.* Значение и внутренний смысл чина священного коронования русских государей… С. 237.

[60] *Орлов П.* Слово в день рождения его императорского величества… С. 95–103.

(государь – «душа всего народа, от которой получают биение все жилы народного тела»[61]) либо же все Российское государство в целом[62]. Москва в рамках данной метафоры иногда представлена в качестве «сердца России»[63]. В случае использования аналогий с объектами растительного мира предполагается, что «власть Царя в отношении к народу то же, что растительная организующая сила в отношении к дереву»[64].

Православное христианство – «существенная органическая принадлежность» русского народа[65], или «вера в истинного Бога есть корень народного счастья, есть главная основа процветания земных царств»[66], «корень и оплот благоденствия и величия Святой Руси»[67]. Согласно данной метафоре, люди, «отторгшие себя от лозы истинной, яже есть Христос и Его Церковь… не могут принести плода добра и, не питаясь жизненными соками ея, как мертвые части тела, гниют и распадаются на многое множество отдельных религиозных обществ и… делаются легкою добычею суеты, мелочного самолюбия и взаимной вражды»[68].

В данной концепции обнаруживается противоречие: в качестве «организующей» силы внутри государства выступает как «царская власть», так и «православное христианство». Нечто аналогичное наблюдалось в ситуации с семейными метафорами, где наличествует несколько «семей» и «родителей». Вероятно, наличие подобных «расхождений» можно объяснить недостаточной отрефлексированностью политико-теологических представлений российского духовенства.

Модель Солнечной системы. Солярная символика обнаруживается уже в произведении XII в. «Слово о полку Игореве», вспоминается и персонаж былинного эпоса – киевский князь Владимир Красно Солнышко. Аналогичная символика сохранилась и в церковной периодике.

Смерть царя – закат солнца, вступление на престол – восход солнца[69]. Данная метафора вполне натуралистична и характерна для традиционного мышления, сюда же можно отнести сравнение императрицы с «Тихой Луной»[70], сравнение царей из рода Романовых с «лучезарным созвездием»[71]. Важно отметить, что в России XIX в. происходил всплеск интереса к астрономическим открытиям[72], под влиянием которого, вполне вероятно, известный писатель и богослов П.А. Смирнов предпринимает свою попытку осмысления внутригосударственных отношений с опорой на механистическую теорию Исаака Ньютона.

Исходя из этой концепции государственные отношения (и семейные!) представлены аналогично отношениям между планетами: «Закон тяготения во внешней природе не есть ли

---

[61] *Рождественский Е.* Значение и внутренний смысл чина священного коронования русских государе… С. 237.

[62] *Беликов Д.* Царственное дело, личность и жизнь в Боге почившего императора Александра III (Публичное чтение в сороковой день по кончине Царя-миротворца) // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 24. С. 15.

[63] Речь пред молебным пением по случаю известия о помолвке наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича с Алисою принцессою Гессен Дармштадскою // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 11. С. 2.

[64] Речь, произнесенная преосвященнейшим Александром… С. 62.

[65] Речь пред молебном, по прочтении высочайшего манифеста о совершившемся миропомазании высоконареченной невесты государя императора Николая Александровича и по случаю полученного известия о бракосочетании его императорского величества с ея императорским высочеством благоверною великою княжною Александрою Федоровною // Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 23. С. 6–8.

[66] *Виноградов А.* Слово в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Александровича // Иркутские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 34. С. 1–6.

[67] Речь высокопреосвященного Иоанникия, митрополита киевского, произнесенная 15 мая при принесении поздравлений их императорским величествам с совершившимся священным коронованием // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1896. № 21. С. 724.

[68] *Синклитский Д.* Поучение в день столетия рождения императора Николая I… С. 459.

[69] *Беликов Д.Н.* Слово в день священнейшего коронования их императорских величеств… С. 7.

[70] Речь пред молебном, по прочтении высочайшего манифеста о совершившемся миропомазании высоконареченной невесты государя императора Николая Александровича… С. 7.

[71] Речь, сказанная преосвященным Никанором, епископом смоленским и дорогобужским… С. 1077.

[72] *Мельникова Е.А.* «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011. С. 137–138.

отражение высшего закона в мире духовном – закона любви?.. Есть между небесными планетами особые великие тела, которым Рука Божия как бы подчинила остальные – меньшия. Таково для земли и ближайших к ней планет солнце, такова наша собственная планета для своего спутника луны… Есть и в человеческом обществе особенные лица, которые поставлены для управления другими… Такие лица для семьи отец и мать, для народа Царь и Царица»[73].

Таким образом, можно сделать вывод, что представления о власти в церковной периодической печати подвергались трансформации в соответствии с изменением мировоззрения, связанным с переходом к рационально-логической картине мира. При этом некоторые устоявшиеся метафорические категории получили новое содержание, однако подобного рода модификации в конце XIX в. все еще являлись единичным явлением.

Заключение. Результаты проведенного исследования показали, что описание властных отношений, существовавших внутри Российской империи, в церковной публицистике сводится к четырем основным метафорическим моделям, практически все из которых обусловлены дискурсом Священного Писания и конфессиональной книжности. Наиболее устойчивыми и часто употребимыми являются в первую очередь конструкции универсалистского характера.

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что на уровне базовых стереотипов мышления распространение националистических установок не может быть реализовано, поскольку последние тяготеют к партикуляризму. Помимо этого, исходные прототипы для описания внутригосударственных отношений не предполагают возможности глубоких государственных преобразований: в рамках используемых метафор невозможна замена «отца», «Солнца», «головы» кем/чем бы то ни было иным. Все они опираются на божественно и природно установленные порядки, а следовательно, противоречат идеям ограничения власти монарха – избранника божьего. Идеология либерализма внутри подобного дискурса не может быть развернута, поскольку функции «народа» внутри всех используемых моделей вторичны (или периферийны). Это позволяет сделать вывод, что набор метафор, использовавшийся в церковной публицистике, как по способу доказательства, так и общему идейному содержанию, характерен для консервативных политических идеалов. При этом внутри используемых моделей явно прослеживаются противоречия, которые предположительно связаны с проблемами идеологического оформления положения русской православной церкви в синодальный период.

Важно также заметить, что происходящие процессы модернизации наложили свой отпечаток на церковную печать, внутри которой можно констатировать появление публикаций, тяготеющих к механистическому дискурсу. Этот факт свидетельствует о зарождающейся трансформации государственной идеологии и стереотипов мышления православного духовенства, но, несмотря на это, политический дискурс корреспондентов церковных периодических изданий по своему характеру остается традиционалистским и консервативным с ориентацией на сохранение имперского политического порядка.

Литература

Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В. Сакрализация и десакрализация власти в истории христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Саранск, 2014. С. 387–426.

Андреева Л.А. «Цареславие» в России // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 121–134.

Буганов А.В. Государство и власть в представлениях русских крестьян // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Мат-лы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Липецкой области. Липецк, 2019. С. 158–164.

[73] *Смирнов П.А.* Любовь подданных к Царю православному… С. 543–544.

Буганов А.В. Личности и эпохи в исторической памяти русских крестьян XIX – начала XX века // Социология власти. 2003. № 2. С. 98–112.

Буганов А.В. Правители России в памяти русского народа // VIII Бартеневские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посв. 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 174–180.

Дулесов Е.П. Метафоры гармонизации в дискурсе русских националистов начала XX в. // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 102–106.

Зорин А.К. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Иванов А.А., Амбарцумов И.В., Калиновский В.В., Котов А.Э., Чемакин А.А. Церковное осмысление национализма: pro et contra // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 5–98.

Мельникова Е.А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 194 с.

Палеолог М.В., Чистова С.М. «Imperium Sacrum» как духовно-политическая основа российской имперской парадигмы // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 147–157.

Палеолог М.В., Чистова С.М. Сакральный аспект имперской идеологии России. Имперская идеология в эпоху Петра I и XIX веке // Научно-аналитический журнал-обозреватель – Observer. 2014. № 9. С. 64–74.

Палеолог М.В. Pax Rossica – сакральное пространство русского универсума // Провинциальная Россия. 2016. № 1. С. 2–7.

Пименова Л.А. Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 2007. С. 148–168.

Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова: дис. … канд. ист. наук. Томск, 2016. 228 с.

Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 480 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб.: Нестор-История. 2021. 776 с.

References

Andreeva, L.A., Bondarenko, D.M., Korotaev, A.V. (2014). *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsii* [Sacralization of Power in the History of Civilizations]. Saransk. 450 p.

Andreeva, L.A. (2013). “Tsareslavie” v Rossii [“Tsareslavie” in Russia]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. No. 1, pp. 121–134.

Buganov, A.V. (2019). Gosudarstvo i vlast’ v predstavleniyakh russkikh krest’yan [State and Power in the Ideas of Russian Peasants]. In *Rossiyskaya gosudarstvennost’ v litsakh i sud’bakh ee sozidateley: IX–XXI vv. (Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu Lipetskoy oblasti)*. Lipetsk, pp. 158–164.

Buganov, A.V. (2003). Lichnosti i epokhi v istoricheskoy pamyati russkikh krest’yan XIX – nachala XX veka [Personalities and Epochs in the Historical Memory of Russian Peasants of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Sotsiologiya vlasti*. No. 2, pp. 98–112.

Buganov, A.V. (2018). Praviteli Rossii v pamyati russkogo naroda [The Rulers of Russia in the Memory of the Russian People]. In V*III Bartenevskie chteniya (Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya*

vydayushchikhsya deyateley Rossii: Aleksandra II, N.A. Milyutina, S.M. Solov'eva, I.S. Turgeneva, M.N. Katkova). Lipetsk, pp. 174–180.

Dulesov, E.P. (2016). Metafory garmonizatsii v diskurse russkikh natsionalistov nachala XX v. [Metaphors of Harmonization in the Discourse of Russian Nationalists at the Beginning of the 20th Century]. In *Politicheskaya lingvistika.* 2016. No. 6, pp. 102–106.

Zorin, A.K. (2001). Kormya dvuglavogo orla… Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka [Feeding the Two-Headed Eagle … Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

Ivanov, A.A., Ambartsumov, I.V., Kalinovskiy, V.V., Kotov, A.E., Chemakin A.A. (2021). Tserkovnoe osmyslenie natsionalizma: pro et contra [Church Comprehension of Nationalism: Pro et Contra]. In *Pravoslavnaya tserkov' i russkiy natsionalizm (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka).* St. Petersburg, Vladimir Dal', pp. 5–98.

Mel'nikova, E.A. (2011). *"Voobrazhaemaya kniga": ocherki po istorii fol'klora o knigakh i chtenii v Rossii* ["Imaginary Book": Essays on the History of Ffolklore About Books and Reading in Russia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 194 p.

Paleolog, M.V., Chistova, S.M. (2015). "Imperium Sacrum" kak dukhovno-politicheskaya osnova rossiiskoi imperskoi paradigmy ["Imperium Sacrum" as a Spiritual and Political Basis of the Russian Imperial Paradigm]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoy vestnik.* No. 4, pp. 147–157.

Paleolog, M.V., Chistova, S.M. (2014). Sakral'nyy aspekt imperskoy ideologii Rossii. Imperskaya ideologiya v epokhu Petra I i XIX veke [The Sacred Aspect of the Imperial Ideology of Russia. Imperial Ideology in the Era of Peter I and the 19th Century]. In *Nauchno-analiticheskiy zhurnal-obozrevatel' – Observer.* 2014. No. 9, pp. 64–74.

Paleolog, M.V. (2016). Pax Rossica – sakral'noe prostranstvo russkogo universuma [Pax Rossica – the Sacred Space of the Russian Universe]. In *Provintsial'naya Rossiya.* No. 1, pp. 2–7.

Pimenova, L.A. (2007). Telo, sem'ya, mashina: igra sotsial'nykh metafor vo Frantsii XVIII v. [Body, Family, Car: the Pplay of Social Metaphors in 18th Century France]. In *Odissey: chelovek v istorii.* Pp. 148–168.

Polezhaeva, T.V. (2016). *Religioznye osnovaniya konservativnoy kontseptsii A.S. Shishkova* [The Religious Foundations of the Conservative Concept of A.S. Shishkova]. Cand. hist. sci. diss. Tomsk. 228 p.

Torchinov, E.A. (2007). *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo* [The Paths of the Philosophy of East and West: Cognition of the Beyond]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. 480 p.

Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 256 p.

Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg. 238 p.

Shapovalov, M.S. and etc. (2021). *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v*. [Imagining Palestine: Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 21st Centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 776 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

Е.С. Кравцова*

Большевистская власть в поисках исторической легитимации: создание советской концепции эпохи Возрождения

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-3

УДК 930(091); 930(092) + 323.329 + 94(47)

Выходные данные для цитирования:

Кравцова Е.С. Большевистская власть в поисках исторической легитимации: создание советской концепции эпохи Возрождения // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 41–58. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-03.pdf

E.S. Kravtsova*

The Bolshevik Power in Search of the Historic Legitimation: Creation the Soviet Concept of Renaissance

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-3

How to cite:

Kravtsova E.S. The Bolshevik Power in Search of the Historic Legitimation: Creation the Soviet Concept of Renaissance // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 41–58. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-03.pdf]

Abstract. The article examines the stages of the formation Soviet concept of the Renaissance in the context of interaction of Bolsheviks and intellectuals in the USSR in the first half of the 20th century. The article, on the materials of publications edited during the second half the 1920s – first half the 1930s, shows how scientists from the academic environment adapted the Marxist method to their research and adjusted Burckhardt's conception of the Renaissance as the period of discovery of man and the world in the ideology of cultural construction of socialism. In the second half 1920s, A.V. Lunacharsky, an ideologist of the proletarian revolution, and A.K. Dzhivelegov, a positivist historian, connected modernity and the Renaissance in the context of social history. They concluded that a social group of the intelligentsia appeared during the Renaissance. Its professional duty remained unchanged: to create an ideology formalized in culture and legitimize the ruling class. In the first half of the 1930s, editions of the publishing house "Academia", where Lunacharsky and Dzhivelegov worked together, offered the opportunity to build a parallel between the culture of the Renaissance and the culture of the Soviet Union. The era of Socialist construction was the next principal period after the Renaissance, when a new type of man emerged as a result of bolsheviks cultural politics. At this time, M.A. Gukovsky, a historian from the cultural and historical school of I.M. Grevs, under the protection of N.I. Bukharin, combined the concept of J. Burckhardt, the thesis of F. Engels about the Renaissance as one the most crucial stages in the history of science and the doctrine of K. Marx of socio-economic formations. He assumed that the socio-economic processes that determined the transitional essence of the Renaissance initiated a fundamental revolution in scientific knowledge at the end of the era. He declared the scientific and "technical" intelligentsia of the USSR as the ideological heir of the technicians of the Renaissance. The author concludes that A.K. Dzhivelegov and M.A. Gukovsky, on the one hand, and Bolsheviks, on the other hand, created conceptions of the Renaissance that legitimized the politics of the Bolsheviks. It was positioned as a natural result of the historical development of the "socio-economic basis". Only in the second half 1950s, S.D. Skazkin revised this approach. He included the "ideological superstructure" in the field of historical research and opened up the opportunity for historians to study the culture of the Renaissance as a self-sufficient phenomenon.

Keywords: Medieval Studies and Renaissance Studies in USSR; the New Soviet Man; A.V. Lunacharsky; A.K. Dzhivelegov; M.A. Goukowski.

The article has been received by the editor on 30.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Кравцова Елена Сергеевна**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского Отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kravtsova.kes@gmail.com

Kravtsova Elena Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kravtsova.kes@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления советской концепции эпохи Возрождения в первой половине XX в. в контексте взаимодействия большевиков-идеологов и историков, сформировавшихся в научных школах, не связанных с марксизмом. На материале научных и научно-популярных работ, изданных в период второй половины 1920-х – первой половине 1930-х гг., показывается, как ученые из академической среды адаптируют марксистский метод к своим исследованиям и встраивают в идеологию социалистического строительства концепцию Я. Буркхардта о Возрождении как переходной эпохе и времени «открытия человека и мира». Во второй половине 1920-х гг. А.В. Луначарский, идеолог пролетарской культуры, и А.К. Дживелегов, историк-позитивист, независимо друг от друга приходят к выводу, что в период Ренессанса впервые появляется социальная группа интеллигенции. Ее профессиональная обязанность оставалась неизменна: создавать идеологию, оформленную в памятники культуры, в интересах класса-гегемона. В первой половине 1930-х гг. в издательстве Academia выходит ряд совместных публикаций Луначарского и Дживелегова, в которых выстраивается параллель между культурой Ренессанса и культурой Советского Союза. Эпоха социалистического строительства рассматривается как следующий после эпохи Возрождения качественный этап появления человека нового типа. В это время М.А. Гуковский, историк из плеяды учеников И.М. Гревса, при поддержке Н.И. Бухарина совмещает концепцию Я. Буркхардта, тезис Ф. Энгельса об эпохе Возрождения как важнейшем этапе в истории науки и учение К. Маркса о социально-экономических формациях. Он приходит к выводу, что социально-экономические процессы, обусловившие переходный характер эпохи Возрождения, инициировали фундаментальный переворот в научном знании к концу исторического периода. Он объявляет научно-техническую интеллигенцию СССР, стоящую на пороге новой революции в науке, идеологической наследницей «техников» эпохи Возрождения. В результате сотрудничества академических историков, с одной стороны, и большевистских идеологов, с другой стороны, были созданы концепции эпохи Возрождения, служившие целям исторической легитимации культурной политики коммунистической партии. Этот подход подвергся ревизии только во второй половине 1950-х гг.

Ключевые слова: советская медиевистика; эпоха Возрождения; «новый человек»; А.В. Луначарский; Н.И. Бухарин; М.А. Гуковский; А.К. Дживелегов.

Само собой разумеется, что называя Итальянское Возрождение
первой репетицией промышленного переворота, мы отнюдь
не предполагаем впадать в свойственную многим буржуазным историкам
грубую модернизацию изучаемой нами эпохи, – наоборот, мы постоянно
имеем в виду все историческое своеобразие этого первого
переломного момента между феодализмом и капитализмом.
М.А. Гуковский

После прихода партии большевиков к власти в 1917 г. новый политический режим остро нуждался в идеологическом обосновании его права на власть. Идеологическая система нового советского государства основывалась на учении К. Маркса и Ф. Энгельса. Марксизм воспринимался не только как научный метод, который можно применить к любой науке, но как инструмент раскрытия объективной истины[1]. Такое восприятие марксизма сформировало предпосылки для утверждения идеократического характера власти правящей партии. Поскольку новый политический режим объявлялся вершиной развития человеческого общества, неотъемлемой частью возводимой в 1920–1930-е гг. системы представлений была концепция прошлого. Историки-марксисты из Коммунистической академии, основанной в 1918 г., занимались преимущественно вопросами истории капиталистической формации. Однако в 1920–1930-е гг. партийные идеологи привлекали к сотрудничеству так называемых

[1] *Дмитриев А.Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 10–38.

«старых специалистов» – ученых, сформировавшихся в академической среде, специалистов по древней, античной и средневековой истории.

Историография взаимоотношений научного сообщества и советской власти обширна[2], как и историография проблемы отношений советской власти и историков[3] и в частности историков-медиевистов[4]. Кроме исследований биографического характера, исследований проблематики отношений ученых и власти, в последнее десятилетие сама историография советского периода стала рассматриваться как исторический источник[5]. Исследования восприятия истории средневековья в социокультурном пространстве последующих веков сегодня развились в отдельное направление современной историографии – медиевализм[6]. В настоящем исследовании выявляются предпосылки к взаимодействию академических ученых и марксистских идеологов в процессе создания советской концепции эпохи Возрождения, прослеживаются принципы совместной работы различных по генезису авторов, а также реконструируются особенности встраивания концепции в систему представлений о легитимности власти.

Первым эпоху Возрождения как отдельный исторический период между Средневековьем и Новым временем выявил Я. Буркхардт (1818–1897), швейцарский историк и философ культуры. Его работа «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860) положила начало историографической традиции рассматривать Возрождение как время «открытия мира и человека», освобождения человеческой индивидуальности[7]. Понять эпоху Возрождения означало понять основы современного мира.

Концепция Я. Буркхардта, дополненная исследованиями Ж. Мишле и Г. Фойгта, легла в основу исследований почти всех историков-медиевистов, писавших об эпохе Возрождения: как дореволюционных российских, так и советских, в том числе создателей советской концепции эпохи Возрождения, А.К. Дживелегова (1875–1952) и М.А. Гуковского (1898–1971)[8].

Историография эпохи Возрождения первой половины XX в. обширна[9]. Однако следует уточнить стратегии адаптации исследователей эпохи Возрождения, сформировавшихся в академической среде, к науке, методологические и идеологические принципы которой опре-

---

[2] См., например, статьи С.А. Красильникова, Е.Ф. Синельниковой, Н.В. Гришиной и др. в: Культура и власть в СССР 1920–1950-е годы: мат-лы IX Междунар. науч. конф (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.). М., 2017.

[3] Так, в монографии А.М. Дубровского рассматривается становление концепции отечественного феодализма (*Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950 гг.). М., 2017). В.В. Тихонов рассматривает деятельность историков в условиях советской идеологической политики (*Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016). Л.А. Сидорова ставит вопрос о взаимоотношениях историков и власти в «период оттепели» (*Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997). Монография Б.С. Кагановича посвящена жизни и деятельности выдающегося историка Е.В. Тарле (*Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014). Взаимоотношениям историков и советской власти были посвящены многие статьи в серии сборников «История и историки. Историографический ежегодник».

[4] Исследования Б.С. Каганович и Л.Б. Вольфцун посвящены, реимущественно, сследованию судеб медиевистов, подвергшихся репрессиям или ушедшим во «внутреннюю эмиграцию» (*Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007; *Вольфцун Л.Б.* От Корбийского скриптория до века Просвещения: из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб., 2008). Влияние власти в конце 1930–1940-х гг. на работу медиевистов, интегрировавшихся в советскую систему, рассматривал А.В. Свешников (*Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112).

[5] См., например: *Крих С.Б.* Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 214–222.

[6] Rethinking the new medievalism. Baltimore, 2014; *Ziolkowski J.M.* The Juggler of Notre Dame and the Medievalizing of Modernity. Vol. 5–6. Cambridge, UK, 2018.

[7] *Брагина Л.М.* «Культура Возрождения в Италии» Якоба Буркхардта. Традиции восприятия // Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 541–546.

[8] Там же. С. 549–554.

[9] От *Гуковский М.А.* Советская литература по Итальянскому Возрождению // Исторический сборник 1934. № 1. С. 310–326 до *Матюков А.К.* Отечественная историография итальянского гуманизма. Тюмень, 2002.

делялись партией. Идеократическая система отрицала любой другой метод научного исследования, кроме марксизма, и вытесняла из ученой среды несогласных по мере установления контроля над производством научного знания в СССР.

В 1920-е гг. самым ранним событием, привлекавшим внимание историков-марксистов, была Великая французская революция[10]. «Историю докапиталистических формаций», исследованиями которой продолжали заниматься академические историки в Москве и в Петрограде, столичные историки-марксисты игнорировали[11]. Однако богатый материал, который давала культура «докапиталистических формаций», внимательно изучал А.В. Луначарский (1875–1933). Опираясь, кроме прочего, на идеи А.А. Богданова (Малиновского) (1873–1928), он считал, что революция должна начаться с радикальных перемен в культуре пролетариата, а затем уже распространиться на области экономики и политики. Несмотря на то, что, по мнению Луначарского, пролетариат призван со временем сформировать собственные ценности, он должен рассмотреть во всей полноте буржуазную культуру и взять из нее самое ценное[12].

С 1923 по 1924 гг. Луначарский читал курс истории зарубежный литературы в Коммунистическом университете бывшим красноармейцам, молодым партработникам. Целью курса было научить слушателей применять «марксистский анализ» к литературным произведениям, чтобы литературный нарратив «в конечном счете свести к классовой борьбе и разложить на составные элементы реактивами классового марксистского анализа»[13]. У слушателя курсов должен был сформироваться навык выявления социальной сущности эпохи в литературном памятнике, чтобы он мог самостоятельно исследовать законы развития общества и сопоставлять прошлое с настоящим.

Четвертая и пятая лекции курса были посвящены литературе эпохи Возрождения. Применяя «марксистский анализ», Луначарский показывал, как вначале в Италии, в средневековых городах, благодаря развитию ремесла и торговли сформировался и укрепился класс буржуазии. Юная, открытая всему новому буржуазия только готовилась к созданию полноценного капиталистического общества. При буржуазии появилась особая «группа специалистов идеологии»[14] – интеллигенция. Луначарский был убежден, что интеллигенция всегда примыкала к какому-либо классу и вне классов существовать не могла. Интеллигенция создавала для буржуазии памятники искусства и литературы – культуру эпохи Возрождения.

Спустя столетия интеллигенция должна была примкнуть к победившему пролетариату: «…общественной гармонии буржуазия дать не может. Кто же может ее дать? Только пролетариат, когда он разовьется, когда он победит. Страдающие интеллигенты [эпохи Возрождения. – *Е. К.*] являются в этом смысле нашими предвозвестниками. Они все стоят лицом на восток, ждут, часто сами не понимая этого, восхода социалистического солнца, они скорбят, потому что их сердце стремится к добру»[15].

В 1925 г. вышло второе издание «Начал итальянского Возрождения» А.К. Дживелегова, историка-позитивиста, медиевиста, общественного деятеля, публициста, издателя и преподавателя[16]. Исследование сохранило академическое ядро первого издания (вышло в 1908 г.): опираясь на концепцию Я. Буркхардта[17], Дживелегов продолжал утверждать, что в переходную эпоху Возрождения средневековое «аскетичное» миросозерцание уступило место

[10] Всесоюзная конференция историков-марксистов. IV. Секция истории Запада. / Историк-марксист. 1929. № 11. С. 246–258.
[11] *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 41.
[12] *О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992. С. 26–28.
[13] *Луначарский А.В.* История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах // Собрание сочинений в 8 т. М., 1964. Т. 4. С. 113.
[14] Там же. С. 87.
[15] Там же. С 112.
[16] *Девятова Ю.Н.* Алексей Карпович Дживелегов: общественно-политический деятель, историк и педагог. Тверь, 1999. С. 71–119.
[17] *Дживелегов А.К.* Начало итальянского Возрождения. М., 1925. С. 6–7.

свободной, не знающей крепостного права личности, характерной для городской торговой культуры. Но Дживелегов и модернизировал книгу. В экономическую составляющую исследования он встроил концепцию «торгового капитала» М.Н. Покровского[18]. В социальную – концепцию «интеллигента эпохи Возрождения»[19]. В следующем труде, «Очерки итальянского Возрождения» (1929), Дживелегов поставил целью исследовать начала «современной интеллигенции» с помощью «социального анализа»: «…только при таком методе изучения Чинквеченто [XVI век. – *Е. К.*] факты и идеи того времени могут быть связаны с нашей современностью»[20].

Связь эпохи Возрождения и советской современности, созданная А.В. Луначарским и подтвержденная А.К. Дживелеговым, вызвала интерес в марксистском историческом обществе при Комакадемии. В 1929 г. В.Н. Максимовский (1887–1941), идеолог-марксист, занимавший в разные годы руководящие посты в наркомате просвещения, применил марксистский метод к трактату Н. Макиавелли «Государь». Он обнаружил, что Макиавелли первым сформулировал концепцию диктатуры буржуазии, предшественницы концепции диктатуры пролетариата. Эта концепция долгие годы была скрыта позднейшими искажениями буржуазных деятелей[21]. Максимовский утверждал, что исследование трактата марксистским методом позволило открыть концепцию во всей первозданности и объективности.

После 1929 г. советская концепция эпохи Возрождения создавалась как в Москве, в книжном издательстве Academia, так и в Ленинграде, в Институте истории науки и техники (ИИНиТ).

Издательство Academia было основано в 1921 г. членами философского общества при Петроградском университете[22] и до 1929 г. издавало преимущественно новейшие работы по искусству. В 1927 г. в редакционный совет Academia вошел А.М. Горький, «основоположник социалистического реализма», друг и сподвижник А.В. Луначарского. Он привел с собой бывших сотрудников издательства «Всемирной литературы» (закрыто в 1924 г.), в том числе А.К. Дживелегова, и инициировал новую серию «Сокровища мировой литературы»[23].

В 1929 г. Academia перешла под контроль Наркомпроса РСФСР, Института истории искусств и Государственного акционерного общества «Земля и фабрика»; издательство переехало в Москву. Редакционную политику теперь определяли А.М. Горький и большевики-марксисты, последовательно возглавляющие издательство с 1929 до 1937 гг.[24]. Издательство выпускало переводы избранных шедевров мировой литературы. Изменился дизайн книг: он стал изысканным, роскошным, в духе «респектабельного викторианства»[25]. Издания снабжались вступительными статьями и комментариями профессиональных историков, филологов, искусствоведов (А.К. Дживелегова, А.М. Эфроса, А.А. Губера и др.), а также большевиков-идеологов (А.В. Луначарского, В.Н. Максимовского, Л.Б. Каменева и др.). Издательство прекратило свое существование в 1937 г., слившись с Гослитиздатом[26].

Если до 1930 г. нет свидетельств прямого взаимодействия А.К. Дживелегова и А.В. Луначарского, то после их пути сходятся в издательстве Academia. С 1930 по 1932 гг. Луначарский, лишившийся поста наркома просвещения, занимал пост главного редактора издательства Academia[27]. Он инициировал две книжные серии и написал более десятка

---

[18] *Дживелегов А.К.* Начало итальянского Возрождения… С. 28, 123, 135.

[19] «Гуманист – типичный интеллигент-разночинец. … Он был лишен прав, и ему нельзя было в общем порядке записаться в цех, потому что он не знал ремесла» (Там же. С. 206).

[20] *Дживелегов А.К.* Очерки итальянского Возрождения. М., 1929. С. 5.

[21] *Максимовский В.Н.* Идеи диктатуры у Макиавелли // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 55, 93–94.

[22] *Крылов В.В.* Издательство «Aademia» бесценный вклад в духовную культуру // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 4. С. 348.

[23] Там же. С. 349.

[24] Там же. С. 349–356.

[25] *Милашевский В.* Моя работа в издательстве Academia / публ. Л. Юниверг [Электронный ресурс]. URL: http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html (дата обращения: 13.09.2021).

[26] Топография террора. Издательство Academia / публ. О. Лебедева [Электронный ресурс]. URL: https://topos.memo.ru/en/node/482 (дата обращения: 15.09.2021).

[27] *Луначарский А.В.* Неизданные материалы. М., 1970. С. 503–507.

вступительных статей. Две из них открывают сочинения авторов эпохи Возрождения: «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Д. Вазари[28] и «Фацетии» П. Браччолини[29]. Оба издания вышли под редакцией А.К. Дживелегова.

В предисловии к «Фацетиям»[30] Луначарский, обратившись к авторитету К. Маркса, утверждал, что эпохи обновления общества («возрождения») похожи. Когда молодая культура ищет общие черты между такими эпохами, повторяет их в игровой форме «маскарада», то она лучше осознает себя. Буржуазия эпохи Возрождения, только победившая феодалов и больше похожая «на молодой пролетариат, завоевательно выступающий теперь на историческую сцену, чем на саму себя в дряхлом виде»[31], в поисках исторического оправдания себя обратилась к гуманистам, знатокам античного мира. Последние, будучи «впервые в то время появившейся в новом европейском обществе специфической интеллигенцией нового буржуазного мира»[32], стали идеологами буржуазии.

Созданное гуманистами искусство эпохи Возрождения, согласно Луначарскому, состояло из двух направлений: одно реалистическое, которое отражало действительность окружающего мира, второе – стилизованное под античность, применялось в торжественных случаях. Реалистическое искусство появилось потому, что буржуазию, заказчика художественных произведений, интересовал реальный, а не небесный, воображаемый мир. Благодаря жанру реализма, возникшему в эпоху Возрождения, читатель или зритель, убеждал Луначарский, мог увидеть, «как в действительности текла тогда жизнь»[33].

Дживелегов в вводной статье к «Фацетиям» развивал тезисы Луначарского, подводил под них научное объяснение. Поджо Браччолини, «типичный представитель крупной буржуазии» и интеллигент[34], писал новеллы в жанре реализма. Эти новеллы были совсем не похожи на «фантастическую» рыцарскую литературу («романы Круглого стола»). Дживелегов доказывал, что реализм родился в городской культуре, потому что новелл в реалистической манере требовал практик-горожанин, живущий полной реалистичной жизнью здесь и сейчас[35].

В 1935 г. в Academia вышло собрание сочинений Леонардо да Винчи[36], над изданием которого под началом А.К. Дживелегова и А.М. Эфроса работала группа историков и искусствоведов. Хорошо знакомый интеллигенции эпохи Серебряного века как художник, в 1930-е гг. Леонардо да Винчи рассматривался преимущественно как ученый. Научная деятельность Леонардо да Винчи доказывала тезис о переломном характере эпохи, но не в русле концепции Я. Буркхардта, а в русле сочинений Ф. Энгельса.

В предисловии к «Диалектике природы», русский перевод которой появился в 1925 г., Ф. Энгельс кратко охарактеризовал эпоху Возрождения как первый этап истории естествознания: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»[37]. Среди «титанов» числились Никколо Макиавелли и Леонардо да Винчи.

В том же 1925 г. Луначарский, набрасывая широкими мазками историю философии от Б. Спинозы до К. Маркса, обозначил, что в Западной Европе переход от религиозных систем к философским был связан с переменами в экономике. Земледельческая экономика феодализма, связанная с неподвижным миром светил, давала инертное развитие религии, философии. Но городская экономика, динамичная, постоянно требовала новых решений.

[28] *Вазари Д* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.; Л., 1933.
[29] *Браччолини П.* Фацетии. М.; Л., 1934.
[30] Там же. С. 7–17.
[31] Там же. С. 11.
[32] Там же. С. 12.
[33] Там же. С. 14.
[34] Там же. С. 48.
[35] Там же. С. 52.
[36] *Леонардо да Винчи.* Избранные сочинения. М.; Л., 1935. Т. 1.
[37] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1941. С. 5–6.

Во времена Леонардо да Винчи теоретические законы небес проверялись экспериментом в мире земном. «Социальная жизнь оставалась мукой и загадкой, природа же сияла новой красотою»[38]. Вслед за Энгельсом Луначарский утверждал, что эпоха Возрождения открыла человеку законы природы. На следующем (и последнем) этапе развития человеческой мысли, с появлением марксизма, открывались социальные законы.

В 1920-е гг. Луначарского, как и большевиков в целом, интересовали законы развития общества. В литературе и культуре эпохи Возрождения Луначарский искал идеологемы, подтверждающие легитимность нового общества, возникшего в переходный период между обществом феодальным и капиталистическим, исследовал его особенности и находил параллели с новым советским обществом. Вероятно, поэтому первым из «титанов», выделенных Ф. Энгельсом, в советскую историографию был введен Макиавелли, специалист по вопросам «социологии и политики»[39]. Но на рубеже 1920–1930-х гг. начинается «Великий перелом», и, в соответствии с задачами эпохи индустриализации, на первый план вышли проблемы истории технической науки.

«Марксистское» переосмысление образа Леонардо да Винчи, теперь не только великого художника, но и выдающегося ученого-экспериментатора, позволило Дживелегову методологически обозначить возможность перехода от «недиалектичной» формулы «открытия мира и человека»[40], провозглашенной в XIX в. Я. Буркхардтом, к новой концепции: эпоха Возрождения рассматривалась отныне как этап истории науки. Обоснованием стал тезис Ф. Энгельса из «Диалектики природы»[41], поданный как аксиома.

Почему Леонардо заинтересовался наукой? Дживелегов объяснял, что «таков был момент, выдвигавший науку и технику на положение существеннейших элементов культуры»[42]. Поэтому Леонардо, один из самых чутких к моментам[43], взялся за научные исследования, особенно в области техники, ведь родом он был из Флоренции, центра текстильной индустрии[44]. В итоге как ученый он достиг вершин в экспериментальной науке, а как художник – развил до высших пределов направление реализма.

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. предисловия А.В. Луначарского и А.К. Дживелегова к литературным памятникам эпохи Возрождения, изданным в Academia, формировали представление об эпохе Возрождения как переходном периоде, в который гуманистическая интеллигенция (предшественница пролетарской интеллигенции) создала для буржуазии (предшественницы современного пролетариата) идеологическую систему, преданную забвению, но открытую заново с помощью марксистского метода. Эта система «реалистического» описания мира и «экспериментальной» проверки его законов, созданная гуманистами на основе открытого заново культурного наследия античности, предвосхищала марксизм как метод раскрытия истинного смысла вещей и социалистический реализм как направление в искусстве, отражающее жизнь в ее истинном свете. Эта концепция эпохи Возрождения, разработанная Дживелеговым, должна была, вероятно, стать полноценной «марксистской» заменой концепции «буржуазного» историка Буркхардта.

Однако в первой половине 1930-х гг. в Ленинграде М.А. Гуковский требовал соединить концепцию Я. Буркхардта с марксистским учением.

Если в 1920-е гг. М.А. Гуковский, ученик И.М. Гревса, публиковал исследования в русле культурно-исторической парадигмы, то в начале 1930-х гг. и его научный язык, и метод работы совершенно изменились[45]. Переход совпал с его совместной с Н.И. Бухариным (1888–1938) и А.М. Дебориным (1881–1963) работой по переорганизации Комиссии по

[38] *Луначарский А.В.* От Спинозы до Маркса. М., 1925 [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marksa/novejsaa-filosofia/ (дата обращения: 15.09.2021).
[39] *Леонардо да Винчи.* Избранные сочинения… С. XXXVII.
[40] Там же. С. XI.
[41] Там же. С. XXXII.
[42] Там же. С. XX.
[43] Дживелегов подчеркивает «чуткость» Леонардо, это, несомненно, его virtù (Там же. С. XXVII, XXXVIII, XLIX).
[44] Там же. С. XXVII–XXX.

истории знаний (КИЗ) при Академии наук в Институт истории науки и техники АН СССР (ИИНиТ)[46].

После 1929 г. Бухарин, отстраненный Сталиным от активной политической деятельности, сконцентрировался на вопросах организации науки в условиях индустриализации и плановой экономики. Он стремился к научной революции, в результате которой должна была исчезнуть пропасть между наукой и обществом и появиться новая прикладная наука, создающая продукт-инструмент для строительства новой социалистической формации[47]. В 1929 г. он был избран академиком по Отделению гуманитарных наук (экономика), в 1930 г. – председателем КИЗ. Сохранив профессиональную суть КИЗ – исследования истории науки, Бухарин инициировал кардинальные перемены в структуре и методологии: институт должен был специализироваться на изучении «истории науки всех времен и народов на базе марксо-ленинской методологии», особое внимание обратив на вопросы, актуальные «в общей системе научной работы Советского Союза»[48]. Продукция нового института была предназначена научно-технической интеллигенции, объявленной Сталиным главной союзницей партии в эпоху Индустриализации[49].

Поскольку Бухарин постоянно жил в Москве, а сотрудники ИИНиТ находились в Ленинграде, фактически институтом руководил М.А. Гуковский[50], избранный в том же 1930 г. ученым секретарем КИЗ. В сформированный Гуковским коллектив входили ученые из разных областей науки, из разных поколений и школ, в том числе медиевисты из школы М.И. Гревса. Сотрудники ИИНиТ числились среди привилегированной научно-технической интеллигенции. Работа внештатных сотрудников ИИНиТ финансировалась по договору из штатной сметы Академии наук, а также из наркомата тяжелой промышленности и наркомата земледелия. По договору работали и штатные сотрудники[51]. Гуковский занимался подготовкой изданий института. Снабженные подробными аннотациями на основных европейских языках, английском, немецком и французском, издания предназначались и аудитории Советского Союза, и всему миру[52].

В 1934 г. вышла статья-манифест М.А. Гуковского «Цели и задачи истории науки»[53]. Критикуя сложившуюся в истории науки традицию рассматривать историю идей отдельно от исторического контекста, он требовал каждую научную идею помещать в «социальную среду» и «конкретную историческую обстановку»[54]: руководствуясь исходными установками Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина[55], изучая оригинальные источники методом материалистической диалектики[56], восстанавливая сложные связи между экономикой, обществом и политикой в отдельные исторические периоды. Подобная работа не под силу отдельному человеку, но она возможна при плановой коллективной работе «с одной стороны – специалистов той науки, история которой изучается, с другой – историков, специалистов по

---

[45] *Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. М.; СПб, 2016. С. 187–190.

[46] КИЗ создана по инициативе академика В.И. Вернадского (1863–1943) в 1921 г., под руководством Бухарина переорганизована в ИИНиТ в 1930–1932 гг. (*Кирсанов В.С.* Возвратиться к истокам? (Заметки об институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 5–7).

[47] *Бухарин Н.И.* Методология и планирование науки и техники. М., 1989. С. 50–52.

[48] *Кирсанов В.С.* Возвратиться к истокам… С. 6.

[49] XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). М.; Л., 1928. С. 63–64.

[50] *Кирсанов В.С.* Возвратиться к истокам… С. 7.

[51] *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 4–9.

[52] *Кривоносов Ю.И.* Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, роковые… // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 74–75.

[53] *Гуковский М.А.* Цели и задачи истории науки (к работе Института истории науки и техники) // Вестник АН СССР. 1934. № 1. Стлб. 33–44.

[54] Там же. Стлб. 35–36.

[55] Там же. Стлб. 38.

[56] Там же. Стлб. 40–41.

разным историческим эпохам»[57], т.е. в ИИНиТ. Уже проведенные сотрудниками ИИНиТ исследования, писал Гуковский, позволили установить связи между «интегральной частью базы исторической формации и, казалось бы, наиболее абстрактными надстроечными явлениями»[58].

Именно такую связь установил М.А. Гуковский, совместив концепцию Я. Буркхардта с «марксовым учением об исторических формациях»[59]. В 1933 г. он опубликовал программную статью, в которой показал, что выводы Энгельса и Маркса о раннем генезисе капитализма в XIV–XV вв. в Италии хронологически и локально совпадают с периодом «Итальянского Возрождения», выявленного Я. Буркхардтом. Обнулив достижения всей предшествующей историографии, Гуковский объявил, что «наука о Возрождении станет действительно наукой только тогда, когда она полностью станет на пути, указанном Марксом, и величественные построения марксистской теории получат ряд новых подтверждений своей правильности, использовав полностью богатый и разнообразный материал “Итальянского Возрождения” [Я. Буркхарда]»[60]. Обогащение «образа Возрождения» социальным и экономическим материалом, по мнению Гуковского, должно было придать исторической картине необходимую динамику, в отличие от статического подхода «культурной, религиозной и отчасти политической истории»[61].

Гуковский продемонстрировал возможности нового подхода на хронологическом отрезке от середины XIII до середины XVI вв. в Италии. Он сопоставил исторические процессы в технике, социальных отношениях, экономике, политических структурах, искусстве, науке и философии и пришел к выводу, что глубокие и качественные изменения в базисе отражались в надстройке, но с опозданием[62]. Именно поэтому в период конца XV – середины XVI вв., когда базис «раннего капитализма» в Италии находится в стадии разрушения, трансформационный импульс, сформированный в базисе в период середины XIII – начала XV вв., достиг, наконец, наиболее инертной части надстройки: философии и науки. На этот период пришлось научное творчество Леонардо да Винчи с его «стремлением к универсальному механистическому объяснению всего сущего», создание революционных философских системы «Бруно, Помпонацци, Кампанеллы»[63]. «Ранняя вспышка капиталистических элементов в рамках феодальной формации» в Италии затухла, но перед тем как погаснуть, обозначила путь «общего наступления капитализма» в Европе с середины XVI в., но не в Италии[64].

В полемической статье 1934 г., посвященной советской историографии Возрождения, почти все работы советского периода, заявленные авторами как марксистские, Гуковский подверг жесткой критике. Особенно агрессивной была критика работ Дживелегова, которого Гуковский уличал в незнании «марксистско-ленинского учения о формациях»[65] и фактически объявлял публицистом-любителем. Единственной статьей, одобренной Гуковским, была статья самого Гуковского от 1933 г., выводы которой «с исключительной проницательностью» были предсказаны К. Марксом[66].

Статья Гуковского, вышедшая в том же 1934 г., посвященная Леонардо да Винчи-ученому, открывалась цитатой из «Диалектики природы» Ф. Энгельса («Это был величайший прогрессивный переворот…»[67]) и завершалась утверждением, что экспериментальный

[57] *Гуковский М.А.* Цели и задачи истории науки… Стлб. 40–41.
[58] Там же. Стлб. 41.
[59] *Гуковский М.А.* К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения» // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти (1883–1933). Л., 1933. С. 736.
[60] Там же. С. 733–735.
[61] Там же. С. 740–741.
[62] Там же. С. 744–755.
[63] Там же. С. 755.
[64] Там же. С. 756.
[65] *Гуковский М.А.* Советская литература… С. 311.
[66] Там же. С. 321–322.
[67] *Гуковский М.А.* Леонардо да Винчи как ученый // Природа. 1934. № 7. С. 52.

подход, разработанный Леонардо, не только заложил основу для развития науки и техники в Советском Союзе, но и доказал, что «техника без науки несерьезна, а наука без техники никому не нужна»[68].

Как и Дживелегов, Гуковский актуализировал образ Леонардо да Винчи, связав его с эпохой индустриализации; точно так же он опирался на тезис Энгельса, определяя деятельность винчианца как этап в истории науки, усиливая его «технократическое» звучание в контексте «научной революции», в авангарде которой находился ИИНиТ. Однако, противопоставляя себя Дживелегову, Гуковский не отвергал, а наоборот, стремился интегрировать концепцию Буркхардта, «проникнутую чисто буржуазным культом индивидуализма»[69], в новую советскую науку. Он объяснял, что концепция, выведенная Буркхардтом из впервые введенного им в научный оборот материала, «была обусловлена создавшей ее эпохой», временем «сильных надэтических индивидуальностей» 1860–1870-х гг., искавших себе героев в прошлом и нашедших их в Цезаре Борджиа и пр.[70] Исследованный марксистским методом материал должен был дать полностью переосмысленную картину эпохи Возрождения – соотнесенную с социалистическим строительством в Советском Союзе.

3 апреля 1936 г. Бухарин, читая доклад «Основные проблемы современной культуры» в Париже на заседании Ассоциации по изучению советской культуры, противопоставил советскую культуру фашистской. Если фашизм возвращался в средневековые иерархию и догматику, «обратно к земле»[71], то в Советском Союзе успешно решалась задача создания совершенного человека: освобождая человека от власти природы, гуманизировались машины[72], расцветала личность в осознании разнообразного единства. Развитие индивидуальности, но не индивидуализма – вот что означал социалистический гуманизм[73].

Весной того же года в ленинградских институтах началась волна чисток; в августе началось следствие по делу Бухарина, в Академии наук была обнаружена террористическая группа, в которой «состояли» сотрудники ИИНиТ в Ленинграде[74]. В 1937 г. ИИНиТ был переведен в Москву. Штатные сотрудники ИИНиТ в Ленинграде были или уволены (в том числе Гуковский), или арестованы по обвинению в террористической и контрреволюционной деятельности. Спустя всего год, в 1938 г., институт был закрыт и возрожден только в 1944 г.[75] Годом ранее, в 1937 г., прекратило свое существование издательство Academia. Исследования эпохи Возрождения были заморожены на долгие годы.

В 1947 г. М.А. Гуковский, профессор ЛГУ, выпустил две монографии. В основе «Механики Леонардо да Винчи» лежало исследование, подготовленное к выходу в 1936 г.[76] Объясняя выбор темы, Гуковский акцентировал внимание на том, что живопись и архитектура, явления «в области идеологических надстроек», отвлекают от действительно важных социально-экономических процессов[77]. Реконструкция истории механики, но не истории искусства, позволяет перейти к исследованию глубинной эволюции социально-экономических отношений и смен формаций. При анализе эпохи Возрождения необходимо в первую очередь обращать внимание на «новых людей, техников-практиков, впервые появляющихся на исторической арене и начинающих играть на ней значительную роль»[78]. Монография

[68] *Гуковский М.А.* Леонардо да Винчи как ученый… С. 57.
[69] *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 221–222.
[70] *Гуковский М.А.* К вопросу о сущности… С. 735–736.
[71] *Бухарин Н.И.* Революция и культура: Статьи и выступления 1923–1936 гг. М., 1993. С. 289.
[72] Там же. С. 293.
[73] «Социализм не только противостоит расцвету личности, но, напротив, утверждает это как обязательную посылку… Развитие личности, развитие индивидуальности не есть развитие индивидуализма – в этом понятии мы различаем нечто такое, что разделяет людей и противопоставляет их друг другу. Мы хотим одного: социалистического гуманизма» (Там же. С. 302).
[74] *Бухарин Н.И.* Методология и планирование… С. 35.
[75] *Кривоносов Ю.И.* Институт истории науки и техники… С. 62–66.
[76] *Гуковский М.А.* Механика Леонардо да Винчи. М.; Л., 1947. С 9.
[77] Там же. С. 192–193.
[78] Там же. С. 804–805.

развернуто доказывала тезис Энгельса о том, что в эпоху Возрождения произошел фундаментальный научный переворот.

Вторая монография, «История эпохи Возрождения», открывалась «весьма часто цитируемым местом старого введения к «Диалектике природы» Энгельса»[79]. Но вслед за ним приводилась «к сожалению, редко используемая» другая цитата из «Диалектики природы», которая позволяла рассмотреть эпоху Возрождения как полноценный исторический период, который необходимо было исследовать «как переворот в сфере социальной, экономической, политической и культурной, [то есть] как поворот универсальный»[80]. Это была заявка на пересмотр всех существующих на данный момент подходов к эпохе Возрождения, в том числе и подхода, сформулированного Гуковским в первой половине 1930-х гг. Так же как и предыдущая концепция, эта основывалась лишь на одной цитате из Ф. Энгельса.

В 1949 г., в ходе кампании «против безродных космополитов», новая концепция Гуковского была осуждена С.Д. Сказкиным, одним из ведущих на тот момент советских медиевистов. «Скверная книжка» содержала «лишь собственный метод с точки зрения осмысления того, что является гуманизмом»; при декларации маркистско-ленинских позиций – «попробуйте найти эти позиции, ни за что их не найдешь»[81].

Осенью того же года Гуковский был арестован и осужден на 10 лет лагерей по статье 58, пункт 10 (судимость снята в 1954 г.)[82]. Жертвой кампании стал и А.К. Дживелегов, профессор Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского (ГИТИС). Несмотря на то, что, в отличие от Гуковского, его не арестовали и не сослали в систему лагерей, он так и не оправился и скончался от сердечного приступа в 1952 г.[83]

Только в период «оттепели» появились нормы и подходы, которые помогли окончательно разорвать излишне крепкую связь эпохи Возрождения с эпохой социалистического строительства, сформировавшуюся в конце 1920–1930-х гг. В 1958 г. вышла программная статья официального главы советской медиевистики С.Д. Сказкина[84]. Первый подход Сказкина к эпохе Возрождения был совершен в русле естественнонаучной концепции[85], которую разрабатывали в 1930–1940-х гг. Дживелегов и Гуковский. Однако советскую историографию эпохи Возрождения Сказкин ограничивал исследованиями московских историков искусства (В.Н. Лазарева, Г.А. Недошивина, М.В. Алпатова)[86]. Статья формировала представление, что все предшествующие исследования проводились только в области истории культуры, полноценных же исторических доселе не существовало.

Признавая ценность некоторых выводов предшественников-искусствоведов (эмпиризм в науке, реализм в искусстве и т.д.[87]), оспаривая утверждение, что Возрождение детище исключительно буржуазии[88], признавая как аксиому, что начала естественно-научного мировоззрения Нового и Новейшего времени заложены в эпоху Возрождения[89], Сказкин призвал и историков исследовать особенности «возрожденческого миросозерцания», вклю-

[79] *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. М., 1947. Т. 1. С. 3.
[80] Там же. С. 4–5.
[81] Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета // Одиссей: человек в истории. 2007. М., 2007. С. 326.
[82] *Вольфцун Л.Б.* Гуковский Матвей Александрович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70 (дата обращения: 20.09.2021).
[83] *Девятова Ю.Н.* Алексей Карпович Дживелегов… С. 116–119.
[84] *Сказкин С.Д.* К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма // Средние века. 1958. Вып. 11. С. 123–142. Статья завершила публичную дискуссию о феномене раннего капитализма, которая развернулась во второй половине 1950-х гг. между Сказкиным и учеником И.М. Гревса и М.А. Гуковского В.И. Рутенбургом. О дискуссии см.: *Эльфонд И.Я.* Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60–80-х гг. XX в. // Средневековый город. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 143–144).
[85] *Сказкин С.Д.* Коперник и Возрождение // Исторический журнал. 1943. № 10. С. 60–63.
[86] *Сказкин С.Д.* К вопросу о методологии истории… С. 130.
[87] Там же. С. 141–142.
[88] Там же. С. 134.
[89] Там же. С. 141–142.

чить в исследования эпохи не только понятия базиса, но и выйти к явлениям надстройки[90], и, в конечном итоге, выявить особенности, присущие эпохе, отделив ее от прочих исторических периодов.

Статья значительно расширила экзегетическую опору для советских исследователей эпохи Возрождения. Выводы Сказкина опирались на многочисленные цитаты и сноски на «Капитал» К. Маркса, Манифест Коммунистической партии, на сочинения Ф. Энгельса: «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», «Крестьянская война в Германии», «Диалектика природы».

В 1980 г. Е.В. Гутнова писала о статье Сказкина 1958 г.: «В то время разработка этой проблемы [истории эпохи Возрождения. – *Е. К.*] в советской медиевистике только начиналась, и потребность в такой теоретико-методологической статье была очень велика»[91]. Это утверждение, казалось бы, перечеркивает труды А.К. Дживелегова и М.А. Гуковского. Но, поставив задачу изучать культуру эпохи через элементы, ее составляющие, а не через «базис», полностью в рамках марксистской схемы, Сказкин методологически обосновал проблему самодостаточности культурных явлений в истории[92]. Сформированная предыдущей историографией идеологическая связь Ренессанса как эпохи, предшествующей социалистическому строительству, была преодолена.

Подведем итоги. Оба историка – и А.К. Дживелегов, исследующий исторические процессы как позитивист, и М.А. Гуковский, сформировавшийся как историк в культурно-исторической школе И.М. Гревса – восприняли марксизм как метод научного исследования от большевистских идеологов: А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина и др. Последние пропагандировали марксизм как позитивную науку, которая должна освободить пролетариат, дать новому классу-гегемону инструмент для раскрытия законов общественного развития, чтобы построить новое бесклассовое общество. Черпая строительный материал, в том числе в прошлом, строители нового мира были убеждены, что живут в переходную эпоху и создают новые культуру и науку, которые должны породить нового человека, жителя новой социалистической формации. Дарвинистский посыл этой трактовки марксизма не противоречил академической концепции Я. Буркхардта об эпохе Возрождения как переходной между Средними веками и Новым временем, временем появления личности нового типа. Более того, исследования, созданные в русле концепции, убедительно доказывали, что эволюционный переход между социально-экономическими формациями и появление нового человека исторически возможны.

В первой половине 1930-х гг., с одной стороны, в издательстве Academia были созданы условия для апроприации культуры Возрождения новой советской культурой. Литературное наследие эпохи переосмыслялось марксистским методом. Благодаря особенности марксизма в этот период – одновременно и метода, и идеологии – создавался идеологический конструкт, который легитимизировал политику партии в области культуры, встраивал ее деятельность в мировой исторический процесс. С другой стороны, в ИИНиТ, в Ленинграде, М.А. Гуковский доказывал, что революция в социально-экономическом базисе с некоторой задержкой приводит к революции в науке. Доказательством служили события рубежа XV–XVI вв., когда гением Леонардо да Винчи появилась экспериментальная наука. Наука в Советском Союзе усилиями научно-технической интеллигенции, наследников «техников» эпохи Возрождения, находилась на пороге нового фундаментального научного прорыва. Это представление легитимизировало политику партии в области науки.

И Дживелегов, и Гуковский, прямо или косвенно полемизирующие друг с другом, создавали свои концепции, отталкиваясь от опыта и знаний, полученных в академической среде.

[90] «…Нашей ближайшей задачей является выяснение тех потребностей реальной жизни, того базиса, на котором вырастала культура Возрождения, чтобы в дальнейшем объяснить вытекающие из них основные характерные черты культуры Ренессанса. Для этого последнего этапа исследования необходимо установление методологии изучения надстроечных явлений, к которым принадлежат явления культуры, в частности, явления культуры возрожденческой» (Там же. С. 124).

[91] *Гутнова Е.В.* Памяти академика С.Д. Сказкина // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 124.

[92] *Матюков А.К.* Отечественная историография… С. 118.

Дживелегов, убежденный позитивист, выявлял законы развития общества, отраженные в культуре. Гуковский требовал отталкиваться в любых теоретических построениях от исторического источника. Он реконструировал механику Леонардо да Винчи на материале всех доступных ему изданий рукописей винчианца[93]. Но, воспользовавшись покровительством правящей партии для продолжения научной работы, оба проводили исследования эпохи Возрождения в идеологическом поле, сформированном представлениями большевистских идеологов. Новый советский человек представал в их исследованиях полноправным наследником человека эпохи Возрождения. Венец исторической эволюции, советский человек противопоставлялся человеку буржуазного общества, хоть и отталкивающегося от того же фундамента эпохи Возрождения, но зашедшего в исторический тупик.

Только во второй половине 1950-х гг., когда ожила научная дискуссия, была проведена ревизия концепций в рамках марксистско-ленинского учения. Следствием ревизии стал всплеск новых исследований истории итальянского Возрождения в самых разных направлениях, отталкивающихся, в первую очередь, от исторического источника[94].

Так, в период 1920–1930-х гг. совместными усилиями большевистских идеологов и академических ученых складывалось представление об одном из ключевых периодов европейской истории. События эпохи Возрождения, с одной стороны, вписывались в европейскую историю, с другой стороны, деятели этого времени представали важными персонажами русского исторического процесса. В период «оттепели» эта концепция, важная для исторической легитимации класса-гегемона и его партии в первые десятилетия большевистской власти, оказалась не востребована и была предана забвению.

Литература

Брагина Л.М. «Культура Возрождения в Италии» Якоба Буркхардта. Традиции восприятия // Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. С. 541–557.

Браччолини П. Фацетии / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.К. Дживелегова, предисл. А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1934. 354 с.

Бухарин Н.И. Методология и планирование науки и техники. М.: Наука, 1989. 344 с.

Бухарин Н.И. Революция и культура: статьи и выступления 1923–1936 гг. М.: Фонд имени Н.И. Бухарина, 1993. 350 с.

Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / предисл. А.В. Луначарского; ред. и вступ. ст. А.К. Дживелегова, А. Эфроса. М.; Л.: Academia, 1933. 444 с.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940. 376 с.

Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1968. 424 с.

Вольфцун Л.Б. Гуковский Матвей Александрович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70 (дата обращения: 20.09.2021).

Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения: из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: Феникс, 2008. 244 с.

Всесоюзная конференция историков-марксистов. IV. Секция истории Запада // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 246–258.

Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. М.: Изд-во Ленингр. гос. Ордена Ленина ун-та, 1947. Т. 1. 340 с.

Гуковский М.А. К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения» // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти (1883–1933). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 732–756.

[93] *Гуковский М.А.* Механика Леонардо да Винчи… С. 8.

[94] *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики… С. 287–298.

Гуковский М.А. Леонардо да Винчи как ученый // Природа. 1934. № 7. С. 52–57.

Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 816 с.

Гуковский М.А. Резьба у Леонардо да Винчи // Архив истории науки и техники. 1935. № 5. С. 287–317.

Гуковский М.А. Советская литература по Итальянскому Возрождению // Исторический сборник. 1934. № 1. С. 310–326.

Гуковский М.А. Цели и задачи истории науки (к работе Института истории науки и техники) // Вестник АН СССР. 1934. № 1. Стлб. 33–44.

Гутнова Е.В. Памяти Академика С. Д. Сказкина // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 121–128.

Девятова Ю.Н. Алексей Карпович Дживелегов: общественно-политический деятель, историк и педагог: дис. … канд. ист. наук. Тверь, 1999. 224 с.

Дживелегов А.К. Начало итальянского Возрождения. Изд. 2-е, перераб. М.: Государственное издательство, 1925. 240 с.

Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения. М.: Федерация, 1929. 235 с.

Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 10–38.

Дмитриев А.Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 3–41.

Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. 357 с.

Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241, [2] с.

Кирсанов В.С. Возвратиться к истокам? (Заметки об институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 1. С. 3–19.

Кривоносов Ю.И. Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, роковые… // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 4. С. 42–75.

Крих С.Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 214–222.

Крылов В.В. Издательство Academia – бесценный вклад в духовную культуру // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 4. С. 348–357.

Культура и власть в СССР 1920–1950-е годы: мат-лы IX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.). М.: Политическая энциклопедия; Ельцин центр, 2017. 741 с.

Леонардо да Винчи. Избранные сочинения: в 2 т. / пер., статьи и коммент. А.А. Губер, А.К. Дживелегов, В.П. Зубов, В.К. Шилейко, А.М. Эфрос; ред. А.К. Дживелегов., А.М. Эфрос. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 1. 364 с.

Луначарский А.В. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах // Собрание сочинений в 8 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 4. С. 7–366.

Луначарский А.В. Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. 672 с.

Луначарский А.В. От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии как миросозерцания. [М.]: Новая Москва, 1925 [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marksa/novejsaa-filosofia/ (дата обращения: 15.09.2021).

Максимовский В.Н. Идеи диктатуры у Макиавелли // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 55–94.

Матюков А.К. Отечественная историография итальянского гуманизма, 1830-е гг. – конец XX в.: дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 269 с.

Милашевский В. Моя работа в издательстве Academia / публ. Л. Юниверг [Электронный ресурс]. URL: http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html (дата обращения: 13.09.2021).

О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М.: Прогресс. 1992. 223 с.

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112.

Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники ист. мысли, 1997. 288 с.

Сказкин С.Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма // Средние века. 1958. Вып. 11. С. 123–142.

Сказкин С.Д. Коперник и Возрождение // Исторический журнал. 1943. № 10. С. 60–63.

Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета // Одиссей: человек в истории. 2007. М.: Наука, 2007. С. 250–349.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х–1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Топография террора. Издательство Academia / публ. О. Лебедева [Электронный ресурс]. URL: https://topos.memo.ru/en/node/482 (дата обращения: 15.09.2021).

Эльфонд И.Я. Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60–80-х гг. XX в. // Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Вып. 17. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2006. С. 143–158.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Огиз, Политиздат, 1941. 338 с.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 1416 с.

Rethinking the new medievalism / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. VIII, 280 p.

Ziolkowski J.M. The Juggler of Notre Dame and the Medievalizing of Modernity. Vol. 5–6. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2018. 397; 324 p.

References

Bloch, R.H., Calhoun, A., Cerquiglini-Toulet, J., Küpper, J., Patterson, J. (eds.). (2014). *Rethinking the New Medievalism.* Baltimore, Johns Hopkins University Press, VIII. 280 p.

Bracciolini, P. (1934). *Fatsetii* [The Facetiae] / translation from Latin, introductory article and comments A.K. Dzhivelegov; preface A.V. Lunacharskiy. Moscow, Leningrad, Academia. 354 p.

Bragina, L.M. (1996). “Kul’tura Vozrozhdeniya v Italii” Yakoba Burkkhardta. Traditsii vospriyatiya [The Civilization of the Renaissance in Italy by Jacob Burckhardt. Traditions of Perception]. In *Burkkhardt Ya. Kul’tura Vozrozhdeniya v Italii*. Moscow, Yurist, pp. 541–557.

Bukharin, N.I. (1989). *Metodologiya i planirovanie nauki i tekhniki* [Methodology and Planning of Science and Technology]. Moscow, Nauka. 344 p.

Bukharin, N.I. (1993). *Revolyutsiya i kul’tura: Stat’i i vystupleniya 1923–1936 gg.* [Revolution and Culture: Articles and Speeches 1923–1936]. Moscow, Fond imeni N.I. Bukharina. 350 p.

Devyatova, Yu.N. (1999). *Aleksey Karpovich Dzhivilegov: obshchestvenno-politicheskiy deyatel’, istorik i pedagog* [Aleksei Karpovich Dzhivilegov: a Poitician, a Historian and a Teacher]. Kand. hist. sci. diss. Tver’. 224 p.

Dmitriev, A.N. (2002). Institut istorii nauki i tekhniki v 1932–1936 gg. (leningradskiy period) [The Institute of the History of Science and Technology, 1932–1936 (Leningrad Period)]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 4, pp. 3–41.

Dmitriev, A.N. (2007). “Akademicheskii marksizm” 1920–1930-kh godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obstoyatel’stva [“Academic Marxism” of the 1920s – 1930s: Western Context and Soviet Circumstances]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6, pp. 10–38.

Dubrovskii, A.M. (2016). *Vlast’ i istoricheskaya mysl’ v SSSR (1930–1950 gg.)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 622 p.

Dzhivilegov, A.K. (1925). *Nachalo ital’yanskogo Vozrozhdeniya* [Beginning of the Italian Renaissance]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo. 240 p.

Dzhivilegov, A.K. (1929). *Ocherki Ital'yanskogo vozrozhdeniya* [Essays on the Italian Renaissance]. Moscow, Federatsiya. 235 p.

El'fond, I.Ya. (2006). Izuchenie problem kul'tury Vozrozhdeniya v otechestvennoy nauke 60–80-kh gg. XX v. [Study of Problems Related to the Renaissance Culture's Problems in National Science 1960s–1980s]. In *Srednevekovyt gorod: Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. Iss. 17. Saratov, Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 143–158.

Engel's, F. (1941). *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow, Ogiz, Politizdat. 338 p.

Goryainov, A.R. (ed.) (2007). Stenogramma ob'edinennogo zasedaniya sektora istorii srednikh vekov Instituta istorii AN SSSR i kafedry istorii srednikh vekov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [A Joint Meeting of the Sector of the History of the Middle Ages of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR and the Department of the History of the Middle Ages of Moscow State University. Verbatim Report]. In *Odissey: chelovek v istorii*. Moscow, Nauka, pp. 250–349.

Goukowskiy, M.A. (1933). K voprosu o sushchnosti tak nazyvaemogo "Ital'yanskogo Vozrozhdeniya" [To the Question of the Essence of the so-Called Italian Renaissance]. In *Pamyati Karla Marksa. Sbornik statey k pyatidesyatiletiyu so dnya smerti (1883–1933)*. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 732–756.

Goukowskiy, M.A. (1934). Leonardo da Vinchi kak uchenyy [Leonardo da Vinchi as a Scientist]. In *Priroda*. No. 7, pp. 52–57.

Goukowskiy, M.A. (1934). Sovetskaya literatura po Ital'yanskomu Vozrozhdeniyu [Soviet Literature on the Italian Renaissance]. In *Istoricheskiy sbornik*. No. 1, pp. 310–326.

Goukowskiy, M.A. (1934). Tseli i zadachi istorii nauki (k rabote Instituta istorii nauki i tekhniki) [Goals and Objectives of the History of Science (for the Work of the Institute of the History of Science and Technology)]. In *Vestnik AN SSSR*. No. 1, clmn. 33–44.

Goukowskiy, M.A. (1935). Rez'ba u Leonardo da Vinchi [Thread of Leonardo da Vinci]. In *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. No. 5, pp. 287–317.

Goukowskiy, M.A. (1947). *Ital'yanskoe Vozrozhdenie* [Italian Renaissance]. Moscow, Izd-vo Leningr. gos. Ordena Lenina un-ta. Vol. 1. 340 p.

Goukowskiy, M.A. (1947). *Mekhanika Leonardo da Vinchi* [Mechanics Leonardo da Vinci]. Moscow, Leningrad, izd-vo Akad. nauk SSSR. 816 p.

Gutnova, E.V. (1980). Pamyati akademika S.D. Skazkina [In Memory of Academician S.D. Skazkin]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 121–128.

Kaganovich, B.S. (2007). *Russkie medievisty pervoy poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion. 241, [2] p.

Kaganovich, B.S. (2014). *Evgeniy Viktorovich Tarle. Istorik i vremya* [Evgeny Viktorovich Tarle. Historian and Time]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 357 p.

Kirsanov, V.S. (1994). Vozvratit'sya k istokam? (Zametki ob institute istorii nauki i tekhniki AN SSSR, 1932–1938 gg.) [Back to Orgins? (Notes on the Institute of History of Science and Technology of the Academy of Sciences of the USSR, 1932–1936)]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 1, pp. 3–19.

Krikh, S.B. (2014). Yazyk sovetskoy istoriografii: osnovnye kharakteristiki [The Language of Soviet Historiography: Basic Characteristics]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Vol. 156, book 3, pp. 214–222.

Krivonosov, Yu.I. (2002). Institut istorii nauki i tekhniki: tridtsatye – gromovye, rokovye… [The Institute of History of Science and Technology: Thirties – Tunderous, Fatal…]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 4, pp. 42–75.

Krylov, V.V. (1993). Izdatel'stvo "Academia" – bestsennyy vklad v dukhovnuyu kul'turu [Publishing House "Academia" is a Invaluable Contribution to the Spiritual Culture]. In *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk*. Vol. 63, no. 4, pp. 348–357.

(2017). *Kul'tura i vlast' v SSSR 1920–1950-e gody: materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsiy. Sankt-Peterburg, 24–26 oktyabrya 2016 g.* [Culture and Power in the USSR 1920–

1950s: Proceedings of the X International Scientific Conference. St. Petersburg, October 24–26, 2016]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Eltsin tsentr. 741 p.

Lebedeva, O. (Ed.). *Topografiya terrora. Izdatel'stvo Academia* [Topography of Terror. Publishing House "Academia"]. Available at: URL: https://topos.memo.ru/en/node/482 (date of access: 15.09.2021).

Leonardo da Vinchi (1935). *Izbrannye sochineniya* [Selected Works] / translation and comments A.A. Guber, A.K. Dzhivelegov, V.P. Zubov, V.K. Shileiko, A.M. Efros; ed. A.K. Dzhivelegov, A.M. Efros. Moscow, Leningrad, Academia, vol. 1. 364 p.

Lunacharskii, A.V. (1970). *Neizdannye materialy* [Unpublished material]. Moscow, Nauka. 672 p.

Lunacharskiiy, A.V. (1964). Istoriya zapadnoevropeiskoi literatury v ee vazhneishikh momentakh [History of Western European Literature in Its Most Important Moments]. In *Lunacharskiy A.V. Sobranie sochineniy v 8 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, vol. 4, pp. 7–366.

Lunacharskiy, A.V. (1925). *Ot Spinozy do Marksa. Ocherki po istorii filosofii kak mirosozertsaniya* [From Spinoza to Marx. Esseys on the History of Philosophy as World View]. [Moscow], Novaya Moskva. Available at: URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marksa/novejsaa-filosofia/ (date of access: 15.09.2021).

Maksimovskii, V.N. (1929). Idei diktatury u Makiavelli [Machiavelli's Idea of the Dictatorship]. In *Istorik-marksist*. No. 13, pp. 55–94.

Matyukov, A.K. (2002). *Otechestvennaya istoriografiya ital'yanskogo gumanizma, 1830-e gg. – konets XX v.* [National Historioraphy of Italian Humanism, 1830s–1990s]. Cand. Hist. Sci. Diss. Tyumen'. 269 p.

Milashevskiy, V. (s.a.). *Moya rabota v izdatel'stve Academia* [My Job in the Publiching Hous "Academia"] / publ. L. Yuniverg. Available at: URL: http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html (date of access: 13.09.2021).

O'Konnor, T.E. (1992). *Anatoliy Lunacharskiy i sovetskaya politika v oblasti kul'tury* [Anatoliy Lunacharskiy and Soviet Cultural Politics]. Moscow, Progress. 223 p.

Sidorova, L.A. (1997). *Ottepel' v istorichesko6y nauke: sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya* [The Thaw in Historical Science: Soviet Historiography of the First Post-Stalin Decade]. Moscow, Pamyatniki ist. Mysli. 288 p.

Skazkin, S.D. (1943). Kopernik i Vozrozhdenie [Copernicus and Renaissance]. In *Istoricheskii zhurnal*. No. 10, pp. 60–63.

Skazkin, S.D. (1958). K voprosu o metodologii istorii Vozrozhdeniya i gumanizma [On the Question of the Methodology of the History of the Renaissance and Humanism]. In *Srednie veka*. Iss. 11, pp. 123–142.

Sveshnikov, A.V. (2008). Sovetskaya medievistika v ideologicheskoy bor'be kontsa 1930–1940-kh godov [Soviet Medieval Studies in the Ideological Struggle of the Late 1930s–1940s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 90, pp. 86–112.

Sveshnikov, A.V. (2016). *Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v.* [Ivan Mikhaylovich Grevs and the Petersburg Mediaevalist School of the Beginning of the 20th Century. Scholar Community Fate] Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 415 p.

Tikhonov, V.V. (2016). *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (mid-1940s–1953)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 424 p.

Vainshtein, O.L. (1940). *Istoriografiya srednikh vekov v svyazi s razvitiem istoricheskoy mysli ot nachala srednikh vekov do nashikh dney* [Historiography of the Middle Ages in Connection with the Development of Historical Thought from the Beginning of the Middle Ages to the Present Day]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz. 376 p.

Vainshteyn, O.L. (1968). *Istoriya sovetskoy medievistiki. 1917–1966* [History of Soviet Medieval Studies. 1917–1966]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 424 p.

Vazari, G. (1933). *Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelei i zodchikh* [The Lives of the Most Excellent Painters, Sculptors, and Architects] / Preface

A.V. Lunacharskogo; Ed. and introductory article A.K. Dzhivelegova, A. Efrosa. Moscow, Leningrad, Academia. 444 p.

Vol'ftsun, L.B. (2008). *Ot Korbiyskogo skriptoriya do veka Prosveshcheniya: iz istorii izucheniya zapadnoevropeyskoy kul'tury v Rossii* [From the Corbeian Scriptorium to the Age of Enlightenment: from the History of the Study of Western European Culture in Russia]. St. Petersburg, Feniks. 244 p.

Vol'ftsun, L.B. (s.a.). Gukovskiy Matvey Aleksandrovich. In *Sotrudniki RNB – deyately nauki i kul'tury. Biograficheskiy slovar'. Vol. 1–4*. Available at: URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=70 (date of access: 20.09.2021).

(1929). Vsesoyuznaya konferentsiya istorikov-marksistov. IV. Sektsiya istorii Zapada [All-Union Conference of Marxist Historians. IV. Western History Section]. In *Istorik-marksist.* No. 11, pp. 246–258.

(1928). *XV s'ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): Stenograficheskiy otchet* [The Fifteenth Congress of the RCP(b). Verbatim Report]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1416 p.

Ziolkowskiy, J.M. (2018). *The Juggler of Notre Dame and the Medievalizing of Modernity*. Vol. 5–6. Cambridge, UK, Open Book Publishers. 397; 324 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021 г.

А.Д. Попов
Н.Ю. Пивоваров*

Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-4

УДК 94(47).084.9:323.23

Выходные данные для цитирования:

Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 59–73. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-04.pdf

A.D. Popov
N.Yu. Pivovarov*

Demonstration of Discursive Power: the Top Party Leadership of the USSR and Organizing the Celebration of May 1 and November 7 (1950–1960s)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-4

How to cite:

Popov A.D., Pivovarov N.Yu. Demonstration of Discursive Power: the Top Party Leadership of the USSR and Organizing the Celebration of May 1 and November 7 (1950–1960s) // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 59–73. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-04.pdf]

Abstract. The article analyzes the activities of the supreme political body of the USSR (Politburo/Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union) to prepare for the two most important official holiday dates – the Holiday of International Solidarity of Workers (May 1) and the Anniversary of the Great October Socialist Revolution (November 7) in the 1950–1960s. The role of the top party leadership of the USSR in the preparation and conduct of the most important festive events is described (including a military parade and a mass demonstration of workers in Red Square in Moscow). The authors conclude that official political holidays in the Soviet Union of the 1950s and 1960s continued to play the same functions (presentation, consolidation, mobilization) as during the Stalin period. At the same time, it is shown that the Politburo/Presidium of the Central Committee of the CPSU in the process of preparing for the holidays pays increasing attention not to script, but to discursive issues, which was expressed in the collegial process of editing and approving various texts of political discourse (solemn speeches, orders, festive appeals).

Keywords: holiday; festive culture; power; society; ideology; political discourse; demonstration; parade; Soviet Union.

The article has been received by the editor on 13.10.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проанализирована деятельность высшего органа политической власти СССР (Политбюро/Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза) по подготовке к двум важнейшим официальным праздничным датам – Празднику международной солидарности трудящихся (1 мая) и годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) в 1950–1960-е гг. Охарактеризована

* **Попов Алексей Дмитриевич,** кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru

Popov Aleksei Dmitrievich, Candidate of Historical Sciences, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: popalex79@mail.ru

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Pivovarov Nikita Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00218.
Funding: the research was funded by RFBR, project number 20-09-00218.

роль высшего партийного руководства СССР в подготовке и проведении важнейших праздничных мероприятий (включая военный парад и массовую демонстрацию трудящихся на Красной площади в Москве). Авторы приходят к выводу, что официальные политические праздники в Советском Союзе 1950–1960-х гг. продолжали играть те же функции (презентационную, консолидирующую, мобилизационную), что и в сталинский период. При этом показано, что Политбюро/Президиум ЦК КПСС в процессе подготовки к праздникам уделяло все большее внимание не сценарным, а дискурсивным вопросам, что выражалось в коллегиальном процессе редактирования и утверждения разнообразных текстов политического дискурса (торжественных речей, приказов, праздничных призывов).

Ключевые слова: праздник; праздничная культура; власть; общество; идеология; политический дискурс; демонстрация; парад; Советский Союз.

Феномену советского политического праздника/празднования в контексте взаимоотношений власти и общества посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей[1], причем в хронологическом отношении их основное внимание обращено на период между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной. Это было время генезиса и начальной эволюции советских праздничных традиций, происходивших на фоне кардинальных социально-политических преобразований внутри страны, декларирования курса на мировую революцию, гипертрофированного классового антагонизма, агрессивного атеизма, а затем и сталинского культа личности. Акцент на изучение периода 1920–1930-х гг. характерен не только для обобщающих работ, но и для публикаций, анализирующих отдельные составляющие советского политического праздника, например, дискурсивное содержание приуроченных к 1 мая и 7 ноября политических лозунгов[2]. В то же время относительно немногочисленными остаются работы по истории праздничной культуры позднесоветского периода, несколько смещающие фокус исследовательского интереса на личностно-персональный уровень восприятия главных праздников СССР[3] и процесс рутинизации праздничных торжеств[4]. Характеристике общественно-политической, а также культурно-символической эволюции празднования 7 ноября на протяжении советского и постсоветского периодов посвящены относительно недавние публикации С.Ю. Малышевой[5] и В.В. Тихонова[6], появление которых было обусловлено академической рефлексией в связи со 100-летием Октябрьской революции.

---

[1] *Барышева Е.В.* «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020; *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *McDowell J.* Soviet Civil Ceremonies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 3. № 13. P. 265–279; *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.

[2] *Азарова П.Е.* Праздничные лозунги 1920–1930-х гг. в советской системе социальной мобилизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 264–268; *Якобсон С., Лассвелл Г.* Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141.

[3] *Келли К., Сиротинина С.* «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.

[4] *Нечипорук Д.М.* «Московский Первомай – это рутина»: освещение американской прессой празднования 1 Мая как ритуального действия (1965–1985 гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 46–52 [Электронный ресурс]. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (дата обращения: 25.09.2021); *Деннингхаус В., Савин А.И.* Леонид Брежнев: публичность против сакральности власти // Российская история. 2012. № 4. С. 179–194; *Суржикова Н.В., Шишкин А.А.* Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 230–241.

[5] *Малышева С.Ю.* Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. Вып. 1 (44). С. 140–141.

[6] *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Начиная с 1918 г. 1 мая (первоначально – День Интернационала) и 7 ноября (первоначально – День Пролетарской революции) являлись главными политическими праздниками советского общества[7]. Несмотря на последующие корректировки официального названия, они сохранили свой статус и свою значимость на протяжении всего периода существования СССР. При этом среди них с идеологической точки зрения более важной была дата 7 ноября (по новому стилю), связанная с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. Данное событие являлось политическим «мифом основания» (foundation myth) советского проекта и провозглашалось точкой отсчета новой исторической эры для всего человечества[8].

В большинстве исследований сценарии и дискурсы двух главных праздников СССР напрямую связываются с реализацией политико-идеологических и социально-психологических задач. Так, С.Ю. Малышева важнейшей среди них называет демонстрацию военно-политической мощи страны и достижений социалистического строительства, а также укрепление советской идентичности[9]. По мнению немецкого историка Мальте Рольфа, советские парады и демонстрации символическими средствами указывали на характер взаимоотношений и дистанцию между властью и обществом, а также через роль индивида в праздничном сценарии маркировали его место в социальной иерархии. На основе анализа значительного количества источников М. Рольф демонстрирует, как к середине 1930-х гг. произошло качественное изменение советской «праздничной хореографии»: «митинг вокруг омываемой массой трибуны» был превращен «в движение маршевых колонн мимо недосягаемого вождя»[10]. На эту же тенденцию в своей работе по истории советских ритуалов указывает и В. Глебкин[11]. Также он высказывает предположение о культурно-генетической связи демонстраций советского периода с дореволюционными православными крестными ходами, а не с массовыми политическими шествиями трудящихся в Западной Европе. Кроме того, по утверждению В. Глебкина, для советской праздничной демонстрации основную семантику процесса определяло «осознание принадлежности к некоторой целостности»[12].

Текущая историографическая ситуация демонстрирует достаточно значительное внимание исследователей к феномену политического праздника в СССР, однако делает актуальным вопрос о том, в какой степени и в каких направлениях трансформировался описанный в уже упомянутых работах предшественников официальный праздничный канон в постсталинскую эпоху. Именно поэтому авторы данной статьи выбрали для анализа праздничные сценарии 1950–1960-х гг., которые с точки зрения традиционной периодизации советской истории относятся к трем различным историческим периодам – «позднему сталинизму», «оттепели» и началу «застоя». В качестве основного источника были использованы документы тематических дел Политбюро ЦК, хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Их высокая эвристическая ценность связана с тем, что именно на уровне высшего партийного руководства СССР традиционно решались все ключевые вопросы, связанные с организацией проведения и концептуальным содержанием таких знаковых с идеологической точки зрения мероприятий, как празднование 1 мая (Международный праздник солидарности трудящихся) и 7 ноября (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции).

В 1920–1930-е гг. сформировалась практика двухдневного периода нерабочих дней для главных политических праздников страны (1–2 мая и 7–8 ноября), а также устойчивый канон их подготовки и проведения на официальном уровне. Он включал в себя два основных направления: 1) сценарно-реквизитное – проведение приуроченных к 1 мая и 7 ноября публичных мероприятий (демонстраций, военных парадов, торжественных собраний и митингов, праздничных концертов), а также праздничное декорирование обще-

[7] *Барышева Е.В.* «В веселом грохоте, в огнях и звонах»… С. 32.
[8] *Малышева С.Ю.* Эволюция исторической мифологии… С. 140–141; *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках… С. 93.
[9] *Малышева С.Ю.* Эволюция исторической мифологии… С. 140–141.
[10] *Рольф М.* Советские массовые праздники… С. 158–160.
[11] *Глебкин В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 100–101.
[12] Там же. С. 94–97.

ственных пространств с использованием многочисленных атрибутов наглядной агитации; 2) дискурсивное – создание текстов официальных поздравительных речей, лозунгов-призывов, рапортов и обязательств трудящихся и пр.

Знакомство с находящимися на хранении в РГАНИ документами высшей партийной инстанции за весь рассматриваемый период, а также выборочно – за предыдущие и последующие десятилетия, дает основание утверждать, что сценарно-реквизитному обеспечению празднования 1 мая и 7 ноября советские лидеры уделяли меньшее внимание, чем дискурсивной составляющей. Причем это в одинаковой степени касалось как первомайских торжеств, так и революционных годовщин. Однако следует уточнить, что подготовка к юбилеям Великой Октябрьской социалистической революции имела более сложное администрирование и сопровождалась принятием серии специальных постановлений, в которых намечались основные подготовительные мероприятия по направлениям издания печатной продукции, создания документальных и художественных фильмов, а также по организации различных творческих мероприятий (фестивалей, спектаклей, выставок), в том числе за рубежом. Специфика подготовки и проведения именно юбилейных ноябрьских торжеств в рассматриваемый период подробно раскрывается в работах Г.А. Бордюгова[13], О.Ю. Никоновой[14] и особенно А.Л. Махнырёва[15].

Говоря о подготовке к главным советским политическим праздникам на высшем уровне, прежде всего, следует обратиться к **сценарно-реквизитной составляющей**. Судя по документам Политбюро/Президиума ЦК КПСС, этой инстанцией утверждались лишь очень общие сценарные концепции двух важнейших праздничных мероприятий, проходивших на Красной площади Москвы – военного парада и демонстрации трудящихся.

На протяжении всего рассматриваемого периода в ходе празднования 7 ноября ежегодно проводились военные парады на Красной площади, а для 1 мая эта же традиция сохранялась до 1969 г.[16] Количество участников военных парадов на Красной площади в связи с празднованием 1 мая и 7 ноября на протяжении 1950-х – начала 1960-х гг. было сопоставимым, относительно стабильным и составляло около 5–5,5 тыс. военнослужащих различных родов войск[17]. Начиная с 1963 г. количество участников военных парадов на Красной площади увеличилось до 8–10 тыс. военнослужащих[18]. Предложения министров обороны СССР, адресованные Политбюро/Президиуму ЦК КПСС, всегда содержали точное количество военнослужащих, которые должны были принять участие в параде, а также наименование и количество единиц боевой техники, которая будет представлена, причем все эти данные подавались в сравнении с предыдущим парадом. Также указывалась расчетная продолжительность парада (обычно в диапазоне от 35 минут до 1 часа), персоналии командующего парадом и принимающего парад[19]. Объем документов с такими предложениями обычно составлял всего 2–3 страницы и, по всей видимости, они не вызывали каких-то значимых дискуссий. В очень редких случаях из военного ведомства в высшую партийную инстанцию поступали дополнительные материалы по порядку проведения парада, например, обоснование отмены авиационной части парада в конкретный год или информация о невозможности представить какой-то образец военной техники по тем или иным причинам.

---

[13] *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 18–89.

[14] *Никонова О.Ю.* Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 743–757.

[15] *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб., 2019.

[16] Последний военный парад на Красной площади, приуроченный к Дню международной солидарности трудящихся, состоялся в 1968 г. Кроме того, в 1965 г. в связи с празднованием 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне военный парад был перенесен с 1 мая на 9 мая.

[17] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 210. Л. 14–16, 69–70; Д. 213. Л. 97–99; Д. 244. Л. 4–5.

[18] Там же. Д. 262. Л. 4.

[19] См., например: Там же. Д. 252. Л. 5–6.

Также в преддверии 1 мая и 7 ноября на рассмотрение Политбюро/Президиума ЦК КПСС всегда представлялись общие планы праздничных мероприятий в Москве, включающие в себя и краткое описание концепции праздничного оформления столицы. Эти документы, как правило, содержали лишь 1–2 страницы текста и подавались от имени руководителя Московского городского комитета КПСС с завершающей фразой типа «Просим Ваших указаний» или «Просим рассмотреть наши предложения»[20].

После окончания военного парада Красная площадь становилась местом проведения массовой праздничной демонстрации трудящихся города Москва. В начале 1950-х гг. количество участников первомайских и ноябрьских демонстраций, проходивших на главной площади страны и продолжавшихся 3–3,5 часа, составляло до 600 тыс. чел.[21], а на трибунах для почетных гостей размещалось до 10 тыс. чел.[22] С середины 1950-х гг. продолжительность этих демонстраций составляла уже 2,5–3 часа с количеством участников до 500 тыс. чел.[23] В 1960-е гг. московские парады в праздничные дни 1 мая и 7 ноября длились 2–2,5 часа при участии 200–250 тыс. человек.[24] В первомайских демонстрациях хрущевского периода, как и в сталинских торжествах, роль авангардного отряда выполняли колонны физкультурников – членов добровольных спортивных обществ. Сохранилась и особая роль школьников-пионеров, которая в том числе заключалась в ритуале вручения цветов находящимся на трибуне советским руководителям и почетным зарубежным гостям. Но основную массу участников демонстрации все же составляли рядовые трудящиеся учреждений и предприятий Москвы[25].

Особое внимание уделялось праздничному оформлению Красной площади. Здание Государственного универсального магазина (ГУМ) декорировалось портретами В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, а также тематическими художественными панно. Перед зданием ГУМа устанавливались флагштоки с флагами СССР и союзных республик, а на стенах Кремля размещались изображения гербов СССР и союзных республик. Большое внимание уделялось также оформлению других площадей и магистралей города. Важнейшими элементами оформления публичных пространств являлись портреты основателей марксизма-ленинизма и членов Политбюро/Президиума ЦК КПСС, флаги, транспаранты с текстами праздничных призывов ЦК КПСС. В вечернее время зажигалась праздничная иллюминация и организовывались массовые народные гуляния[26]. В праздничном оформлении 1961 г. в связи с успешным орбитальным полетом Ю.А. Гагарина отдельный акцент был сделан на космической тематике. В частности, на Лобном месте был установлен макет космической ракеты[27]. При этом следует отметить практически полное отсутствие (за единичными исключениями) в «праздничных» делах Политбюро/Президиума ЦК КПСС документов с художественными визуализациями праздничного оформления – имеются лишь очень краткие словесные описания.

До смерти И.В. Сталина одним из самых распространенных предметов праздничного реквизита являлись его портретные изображения. Такая практика, существовавшая несколько десятков лет, стала подвергаться пересмотру в постсталинский период. 9 мая 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял достаточно революционное по своему содержанию постановление, предусматривавшее полный отказ от использования портретов государственных и

[20] См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 252. Л. 51.

[21] Для сравнения – 7 ноября 1927 г., когда отмечалось 10-летие Октябрьской революции, официально объявленное количество участников демонстрации на Красной площади составило 1 млн чел. (*Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках… С. 98).

[22] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 209. Л. 95.

[23] Там же. Д. 211. Л. 3.

[24] Там же. Д. 212. Л. 9, 80; Д. 262. Л. 13.

[25] См., например: Там же. Д. 210. Л. 18; Д. 212. Л. 121.

[26] См., например: Там же. Д. 244. Л. 9–10.

[27] Там же. Д. 252. Л. 51. Подробнее о влиянии первого космического полета на празднование 1 мая 1961 г. см.: *Попов А.Д.* Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 3 (54). С. 29–37.

партийных деятелей при оформлении зданий и колонн демонстрантов в дни официальных праздников. Предлагалось ограничиться государственными флагами, призывами, диаграммами с показателями достигнутых успехов[28]. Изученные нами документы не содержат информации о причинах принятия такого решения, однако можно предположить, что это было связано именно с неоднозначностью в ситуации с использованием портретов И.В. Сталина во время празднования 1 мая 1953 г. Однако спустя два месяца, в июле 1953 г., это постановление было отменено[29] и портреты с изображениями советских руководителей по-прежнему оставались важной частью визуального ряда праздничных торжеств. При этом в 1953–1956 гг. наличие некоторого количества портретов И.В. Сталина у участников первомайских и ноябрьских демонстраций все же было санкционировано высшей партийной инстанцией. В апреле 1956 г. Секретариат ЦК КПСС через советских послов даже передал лидерам ряда стран народной демократии специальное сообщение-разъяснение, в котором говорилось о том, что «участникам демонстраций [будет] представлена возможность нести портреты Сталина и других деятелей по своему усмотрению»[30]. Даже во время подготовки к 40-летию Октябрьской революции, т.е. уже после XX съезда КПСС, областным комитетам компартии давалось поручение обеспечить наличие на праздничных демонстрациях «некоторого количества портретов Сталина», но при этом не рекомендовалось использовать их для стационарного праздничного оформления общественных пространств[31]. Однако на рубеже 1950–1960-х гг. изображения «вождя народов», по всей видимости, полностью исчезают из официально санкционированной праздничной атрибутики. А незадолго до празднования 7 ноября 1961 г. исчезает и надпись «Сталин» со здания Мавзолея на Красной площади, выполнявшего функции главной праздничной трибуны страны.

Как уже отмечалось в обзоре историографии, презентационная роль официальных праздничных мероприятий в СССР всегда была очевидна. Но в 1950–1960-е гг. ситуация складывается таким образом, что в процессе достижения желаемого демонстрационного эффекта более значительное внимание, нежели в предыдущие периоды, обращается на зарубежную аудиторию. Апелляция к реальному или лишь воображаемому «оценивающему» взгляду зарубежного наблюдателя всегда присутствовала в советской культуре, ее символическом порядке и дискурсивном пространстве[32]. При этом советские праздничные парады и демонстрации создавали прекрасные возможности для визуальных инсценировок, которые теперь с большей степенью вероятности становились достоянием зарубежной аудитории, нежели в 1920–1930-е гг., что обеспечивалось как увеличением количества иностранных гостей-зрителей, так и новыми возможностями средств массовой информации. В связи с этим приведем характерную цитату из речи Н.С. Хрущева на торжественном праздничном обеде с участием зарубежных гостей, который состоялся 1 мая 1964 года: «То, что *мы сегодня увидели*[33] на Красной площади, наполняет сердца радостью и гордостью за советский народ, за великое дело Ленина, которое дало на советской земле такие замечательные плоды. Наши *иностранные гости увидели* реальное подтверждение громадных достижений советского народа, строящего коммунизм, сплоченность советских людей вокруг своей партии, их твердую решимость идти ленинской дорогой к победе коммунизма! <…> Сегодня *мы видели*, как по Красной площади шли радостные советские люди, гордые своими успехами и уверенные в своих дальнейших победах». Далее он подчеркнул демонстрационный эффект от военного парада: «Наши *иностранные гости увидели* сегодня могучую военную технику, созданную Советским Союзом. Думаю, что они хорошо поняли, что такую технику, такое вооружение может создать страна, обладающая первоклассной

[28] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 209. Л. 92.
[29] Там же. Л. 93.
[30] Там же. Д. 210. Л. 92.
[31] *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября… С. 87–88.
[32] Подробнее см.: *Голубев А.В.* Западный взгляд и западный наблюдатель в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. СПб., 2018. С. 219–253.
[33] Здесь и далее в цитатах выделено нами. – *Авт*.

индустрией, высокообразованным рабочим классом, замечательными учеными, инженерами и техниками»[34].

Учитывая резкий рост интереса к Советскому Союзу после первого в мире полета в космос Ю.А. Гагарина, накануне 1 мая 1961 г. британские телерадиовещательные компании впервые обратились с просьбой разрешить прямую трансляцию первомайских официальных мероприятий на Красной площади для аудитории Великобритании и ряда других европейских стран. Естественно, что окончательное решение по данному вопросу принималось Президиумом ЦК КПСС, который разрешил осуществлять такие трансляции, но с определенными организационно-техническими условиями, позволявшими советской стороне частично контролировать и видеоряд, и сопровождавший его дикторский текст[35].

Определенные организационные новации были связаны с тем, что со второй половины 1940-х гг. уже был сформирован достаточно устойчивый блок стран народной демократии (позже – социалистических стран), и его единство также должно было быть закреплено в официальных праздничных сценариях. Первые иностранные делегации стали приглашаться в Москву специально для участия в праздничных торжествах только с 1927 г. Как правило, это были «сборные» рабочих и активистов западных компартий, которые попадали на праздничные мероприятия в столице СССР по линии Интернационала, Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Международной рабочей помощи (Межрабпром) и других организаций. Первые официальные правительственные делегации появились во время празднования на Красной площади только в конце 1930-х гг. Это были представители Монгольской и Тувинской Народных Республик. В годы войны преобладал заочный обмен приветственными посланиями[36], а вот после ее окончания Политбюро ЦК ВКП(б) стало активно приглашать на праздничные мероприятия в Москву делегации из стран народной демократии (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии), а также представителей коммунистического, профсоюзного, антифашистского движения капиталистических и развивающихся стран (Австрии, Великобритании, Дании, Италии, Исландии, Кубы, Мексики, Нидерландов, США, Финляндии, Франции, Швеции и др.)[37]. В последующие годы количество стран и число их представителей на советских торжествах постоянно увеличивались. До конца 1950-х гг. Москву для участия в торжествах по случаю 1 мая и 7 ноября регулярно посещали делегации Китайской Народной Республики и Албании, впоследствии вступивших на путь конфронтации с Советским Союзом. Более того, до начала конфронтации изображения лидеров этих двух стран (Мао Цзедуна, Чжоу Энлая, Чжу Дэ, Энвера Ходжи) были среди портретов руководителей братских стран социалистического блока, которые несли участники демонстраций на Красной площади[38].

Члены зарубежных делегаций, находившихся в СССР в период празднования Дня международной солидарности трудящихся и годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, приглашались на торжественные заседания и приемы, самые статусные из которых происходили в Большом Кремлевском дворце. Также для них организовывалась насыщенная гостевая программа, которая включала в себя различные официальные встречи, посещение концертов, спектаклей, выставок, спортивных праздников и массовых гуляний, а также поездки по Советскому Союзу. В этом случае продолжительность пребывания таких делегаций в СССР могла составлять 2–3 недели[39]. Приглашение и прием зарубежных делегаций осуществлялись не только ЦК КПСС, но и по линии комсомола, профсоюзов, обществ дружбы, Советского комитета защиты мира и других советских организаций, но согласование данных вопросов с высшей партийной инстанцией было обязательным.

---

[34] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 213. Л. 79.
[35] Там же. Д. 212. Л. 84.
[36] Подробнее см.: «Помнит мир спасенный…». Поздравительные телеграммы и послания советскому народу. 1941–1945. М., 2021. 320 с.
[37] См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 208. Л. 1–3; Д. 209. Л. 1–4; Д. 223. Л. 1–3.
[38] Там же. Д. 209. Л. 97–98.
[39] См., например: Там же. Д. 210. Л. 6.

Во время парада и демонстрации по случаю празднования 40-летия Великого Октября 7 ноября 1957 г. на трибуну Мавзолея Ленина–Сталина было приглашено 25 почетных зарубежных гостей. Это были государственные и партийные руководители всех стран социалистической ориентации (в том числе Мао Цзедун и Энвер Ходжа), а также лидеры коммунистических партий Италии (Пальмиро Тольятти) и Франции (Морис Торез)[40]. Однако степень единения партнеров по социалистическому блоку все же имела определенные пределы. Даже дружественные представители зарубежных стран, как правило, присутствовали на торжествах в качестве почетных гостей, но не участников парада или демонстрации. Так, в 1957 г. после достаточно активных дискуссий решено было отклонить инициативу венгерского лидера Я. Кадара об участии представителей вооруженных сил стран соцлагеря в военном параде на Красной площади по случаю 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции[41].

В целом, на основе общего анализа документов из «праздничных» дел Политбюро/Президиума ЦК КПСС, можно сделать вывод, что эта инстанция в подавляющем большинстве случаев ограничивалась формальным согласованием сценарно-реквизитных вопросов, связанных с праздничными мероприятиями 1 мая и 7 ноября, делегируя их детальную разработку другим советским институциям. Более активной была роль высшего партийного руководства в организации тех аспектов празднования, которые касались участия зарубежных гостей. В то же время Политбюро/Президиум ЦК КПСС уделяло явно гипертрофированное внимание **дискурсивной составляющей** празднования.

Церемониал военного парада на Красной площади включал в себя краткую речь принимающего парад военачальника – как правило, министра обороны СССР. Текст данной речи, подготовленный в военном ведомстве при участии Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота СССР (ГлавПУР), также направлялся на согласование с Политбюро/Президиумом ЦК КПСС. Так, в апреле 1955 г. в проект речи министра обороны СССР Г.С. Жукова были внесены содержательные правки членами Президиума ЦК КПСС Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, В.М. Молотовым. Последний в том числе предложил фразу «союз рабочего класса и крестьянства» изменить таким образом: «ленинский союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса»[42]. Когда накануне 1 мая 1961 г. министр обороны СССР Р.Я. Малиновский предоставил текст своей речи на согласование высшей партийной инстанции, то в него были внесены определенные коррективы в связи с рекомендациями Отдела пропаганды и агитации по союзным республикам, а также Отдела административных органов ЦК КПСС. В частности, было обращено внимание на следующее: «В конце речи призывы, посвященные дню Первого мая…, даны в вольном изложении и не соответствуют призывам ЦК КПСС к 1 мая 1961 г. Полагаем, что, поскольку речь министра [обороны] носит общеполитический характер, упомянутые призывы необходимо дать в речи точно по тексту, утвержденному ЦК КПСС»[43].

Кроме текстов речей принимающих парад, на согласование в высшую партийную инстанцию всегда подавались и тексты приказов министров обороны СССР в связи с празднованием 1 мая и 7 ноября. В этих приказах содержались адресованные военнослужащим поздравления с праздником и перечислялись города, в которых будет произведен праздничный салют (с указанием количества залпов)[44]. После официального утверждения этих документов их тексты в полном объеме публиковались на страницах советских газет.

Посещение праздничных мероприятий в Советском Союзе многочисленными зарубежными делегациями еще более увеличивало их дискурсивный резонанс. Прибытие, отъезд, содержательная часть программы пребывания делегаций в СССР широко освещались в прессе, что добавляло организационных хлопот советским партийным функционерам.

[40] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 240. Л. 61–62.
[41] *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября… С. 70–71.
[42] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 210. Л. 37, 44–48.
[43] Там же. Д. 212. Л. 93.
[44] См., например: Там же. Л. 31–32.

В «праздничных» делах Политбюро/Президиума ЦК КПСС можно найти многочисленные списки приглашенных зарубежных делегаций и копии писем-приглашений, программы их пребывания в стране, а также списки лиц, ответственных за их встречи и проводы[45].

Информационно-дискурсивный резонанс продолжался и после отъезда зарубежных гостей. По сложившейся традиции после своего возвращения на родину они направляли в адрес Политбюро/Президиума ЦК КПСС благодарственные письма и телеграммы. Так, члены побывавшей в СССР во время празднования в 1958 г. делегации французских коммунистов направили в ЦК КПСС письмо-благодарность не только за теплый прием, но и за предоставленную возможность «*видеть воочию* грандиозные достижения народа Советского Союза, *чувствовать солидарность* социалистического строя»[46].

Центральный комитет компартии контролировал и процесс подготовки ответов на поздравительные письма и телеграммы по случаю 1 мая и 7 ноября, которые в значительном количестве поступали от руководителей иностранных государств, представителей различных зарубежных политических партий и общественных организаций как непосредственно в ЦК КПСС, так и в адрес Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. В связи с этим утверждались «типовые» тексты ответов, указывались конкретные советские структуры, которые должны были «сердечно поблагодарить за поздравления» каждого конкретного адресата, а также определялось, какие из этих поздравлений и ответов на них должны быть опубликованы на страницах газет «Правда» и «Известия»[47].

Перед каждой годовщиной Октябрьской революции (обычно 6 ноября) Московский Совет депутатов трудящихся и Московский городской комитет КПСС организовывали торжественное заседание по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Аналогичные праздничные заседания проходили на всех уровнях, однако именно это московское мероприятие рассматривалось как главное, поскольку в нем принимало участие все высшее государственно-партийное руководство СССР. Местом проведения такого заседания до второй половины 1950-х гг. являлся Большой театр. Затем несколько лет для этих целей использовался открытый в 1956 г. Дворец спорта Центрального стадиона им. В.И. Ленина, а с начала 1960-х гг. – Кремлевский Дворец съездов, что позволило более чем вдвое увеличить количество участников. На праздничном заседании с пространным основным докладом, который в полном объеме публиковался на страницах «Правды», выступал один из высших советских государственно-партийных деятелей. Организационными моментами занимался Московский городской комитет КПСС, но кандидатура основного докладчика и текст его речи в обязательном порядке подлежали согласованию с высшей партийной инстанцией. Например, выступить на торжественном заседании по случаю 43-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции было поручено секретарю ЦК КПСС Флору Романовичу Козлову, который в тот период находился на пике своей политической карьеры. Характерно, что после представления 29 октября 1960 г. на рассмотрение членов Президиума ЦК КПСС первоначального проекта текста своего доклада, имевшего объем 27 страниц, он еще дважды (4 и 5 ноября) направлял на их согласование некоторые поправки в данный текст[48]. Бюрократические механизмы внутри аппарата Центрального комитета были настроены таким образом, чтобы минимизировать возможность каких-либо экспромтов в официальных праздничных речах VIP-спикеров.

Если квинтэссенцией советской культуры политических праздников в сюжетном плане являлись массовые демонстрации трудящихся, то в дискурсивном плане это можно отнести к праздничным лозунгам/призывам ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Именно их тексты постоянно и повсеместно транслировались населению страны с помощью прессы, наглядной

[45] См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 240. Л. 1–73.
[46] Там же. Д. 211. Л. 113.
[47] См., например: Там же. Д. 249. Л. 1–11.
[48] Там же. Д. 250. Л. 1, 78–114.

агитации и устных выступлений. Утвержденные высшей партийной инстанцией лозунги/призывы к 1 мая и 7 ноября воспроизводились постоянно, в течение всего года. Просто накануне двух рассматриваемых нами «красных дней календаря» перечень лозунгов/призывов актуализировался, редактировался и обновлялся исходя из текущей внутренней и международной ситуации. Именно поэтому рассмотрение вопроса о процедуре их принятия и содержательном наполнении крайне важно для понимания процессов, связанных с политической культурой и политической коммуникацией в Советском Союзе.

Традиция утверждения высшим партийным руководством официального перечня лозунгов (с 1943 г. – призывов[49]) к 1 мая и 7 ноября возникла в 1918 г. и существовала весь советский период. Как отмечалось в соответствующей статье Большой советской энциклопедии, в призывах ЦК КПСС «находит свое выражение внешняя и внутренняя политика КПСС и Советского правительства», а кроме того, с их помощью «сосредотачивается внимание трудящихся на самых важных и неотложных задачах коммунистического строительства»[50].

Вопрос утверждения текстов призывов составляет очень значительную часть «праздничного» документооборота Политбюро/Президиума ЦК КПСС в рассматриваемый нами период. Как следует из документов, формированием актуального списка призывов занимались отделы ЦК, непосредственно курирующие вопросы идеологии. При составлении призывов учитывались предложения других отделов, а также ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, министерств и ведомств[51]. В 1950–1960-е гг. количество первомайских призывов не было постоянным и варьировалось в достаточно широком диапазоне – от 47 (1953) до 113 (1965). Количество ноябрьских призывов в этот же период составляло от 55 (1968) до 112 (1965). При этом наблюдалась тенденция к значительному увеличению количества призывов в период с середины 1950-х до второй половины 1960-х гг., тогда как в начале 1950-х и конце 1960-х гг. их количество было значительно меньшим.

Независимо от общего количества призывов, в их перечне всегда можно логически выделить четыре последовательно идущих тематических блока:

1) традиционные вводные призывы («Да здравствует 1 Мая – день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!», «Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и торжества социализма!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.д.);

2) призывы международной тематики («Братский привет трудящимся Польской Народной Республики, строящим социализм! Да здравствует вечная, нерушимая дружба и сотрудничество между советским и польским народами!», «Горячий привет великому индийскому народу! Пусть крепнет дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Индии!», «Да здравствует дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Финляндской Республики!» и т.д.);

3) призывы внутрисоюзной тематики («Слава передовикам и новаторам производства, ударникам и коллективам коммунистического труда, идущим в первых рядах строителей коммунизма!», «Работники советской торговли и общественного питания! Боритесь за высокую культуру обслуживания населения, лучше изучайте спрос и полнее удовлетворяйте растущие потребности трудящихся!», «Да здравствуют Советы депутатов трудящихся – подлинно народные органы власти в нашей стране!» и т.д.);

4) универсальные итоговые призывы («Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма!», «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик – твердыня дружбы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира, демократии и социализма!», «Да здравствует созданная Лениным славная Коммунистическая партия Советского

[49] Возможная причина замены уже устоявшегося к тому времени термина – немецкое происхождение слова «лозунг» (нем. die Losung).
[50] Призывы ЦК КПСС // Большая советская энциклопедия: 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 575.
[51] См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 213. Л. 22; Д. 255. Л. 29.

Союза – великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!» и т.д.)[52].

Характерной особенностью корпуса призывов 1950–1960-х гг., в отличие, например, от лозунгов 1930-х гг., являлось резкое увеличение дискурсивных единиц, относящихся к международному блоку, что явно коррелирует с новыми геополитическими реалиями глобального противостояния «холодной войны» и поддержания единства социалистического блока. Также, по сравнению с 1930-ми гг., к началу 1950-х гг. (т.е. еще до смерти «вождя народов») полностью исчезают призывы в виде прямых цитат из трудов В.И. Сталина (в первомайских лозунгах 1935 г. их было 7)[53]. Непосредственно в текстах призывов к 1 мая и 7 ноября единичные упоминания Сталина сохраняются вплоть до 1 мая 1956 г., когда заключительный призыв «*Под знаменем Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина*, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!» был переформулирован таким образом: «*Под знаменем марксизма-ленинизма*, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!»[54].

Подаваемый на утверждение Политбюро/Президиума перечень призывов зачастую содержал уточнение относительно степени новизны каждого из них (например: «майский _ года», «октябрьский измененный», «измененный майский _ года», «новый»)[55]. Безусловно, новые призывы откликались на актуальные вызовы внутренней и внешней политики, а их формулировка из-за насыщенного идеологического содержания требовала значительного дискурсивного мастерства, иногда переходившего даже в «дискурсивную эквилибристику». Так, среди новых первомайских призывов, представленных на утверждение Президиума ЦК КПСС 11 апреля 1957 г., был следующий: «Братский привет трудящимся Венгерской Народной Республики, разгромившим заговор внешней и внутренней контрреволюции!»[56]. Но на страницах газеты «Правда» этот призыв был опубликован уже в «сглаженном» виде, без упоминания о контрреволюции в одной из стран социалистического лагеря[57]. Также был переформулирован призыв, обращенный к советским строителям. В проекте он был сформулирован в несколько популистском стиле: «Советские строители! Стройте больше новых, хороших квартир для трудящихся!»[58], а опубликован уже в такой редакции: «Советские строители! Повышайте темпы и качество строительства новых промышленных предприятий, жилых домов, больниц, школ и других культурных учреждений!»[59].

В октябре 1962 г. по инициативе Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в качестве эксперимента был утвержден «дублирующий» список призывов к 7 ноября с более краткими формулировками. Заместитель заведующего этим отделом В.И. Снастин обратил внимание членов Президиума ЦК КПСС на предпочтительность использования именно лаконичных формулировок, причем даже приложил к своей записке «для сведения» лозунги ЦК, использовавшиеся при жизни В.И. Ленина – именно как образец такой четкости и краткости[60]. Однако данная инициатива не имела никаких заметных последствий. Уже в следующем, 1963 г. основная работа по редактированию первоначального варианта ноябрьских призывов, наоборот, зачастую заключалась в их расширении. Так, лаконичный призыв прошлых лет «Да здравствует единство и сплоченность великой армии коммунистов всего мира!» теперь звучал таким образом: «Да здравствует единство и сплоченность великой

[52] Примеры взяты из публикаций: Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1960 года // Правда. 1960. 10 апреля; Призывы ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1960. 13 октября.
[53] Подсчитано по: Лозунги к 1 мая 1935 года // Правда. 1935. 23 апреля.
[54] Призывы ЦК КПСС к 37-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1954. 24 октября; Призывы ЦК КПСС к 39-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1956. 25 октября.
[55] См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 211. Л. 23–31.
[56] Там же. Л. 24.
[57] Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года // Правда. 1957. 21 апреля.
[58] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 211. Л. 29.
[59] Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года // Правда. 1957. 21 апреля.
[60] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 255. Л. 29.

армии коммунистов всего мира на основе Декларации и Заявления Московских совещаний! Да здравствует вечно живое, всепобеждающее марксистско-ленинское учение!»[61]. И если к 7 ноября 1918 г. на страницах газеты «Правда» было опубликовано всего 17 официальных праздничных лозунгов, то к 7 ноября 1963 г. их количество составило уже 109[62]. Впрочем, имели место и обратные случаи. Так, при редактировании ноябрьских призывов 1965 г. в призыве, обращенном к советской молодежи, была опущена фраза «направляйте вашу кипучую молодую энергию и труд на великое дело строительства коммунизма»[63]. А в юбилейном 1967 г. произошел резкий «секвестр» ноябрьских призывов – по сравнению с предшествующим годом их количество сократилось со 108 до 57[64].

По мнению исследователя М.А. Хевеши, несмотря на то, что лозунги-призывы всегда спускались «сверху», они своими формулировками способствовали тому, что советские граждане чувствовали себя «хозяевами» и «творцами истории»[65]. Достижение такого эффекта достигалось за счет адресности призывов внутрисоюзного блока – большинство из них было напрямую обращено к конкретным социально-профессиональным группам (работникам различных отраслей промышленности, транспорта, сферы услуг, строителям, колхозникам, служащим, инженерно-техническим, научным, медицинским работникам, деятелям искусств и т.д.). В то же время, в отличие от лозунгов второй половины 1930-х гг. и периода Великой Отечественной войны, исчезает адресация к представителям отдельных родов войск и воинских специальностей (пехотинцам, танкистам, артиллеристам, связистам, кавалеристам, летчикам) – используется обобщенный призыв: «Воины Советской Армии и Флота! Настойчиво повышайте свои военные и политические знания, совершенствуйте свое боевое мастерство, овладевайте новейшей боевой техникой и современным вооружением!»[66]. С 1965 г. появился призыв, специально обращенный к ветеранам: «Ветераны труда и войны! Активнее участвуйте в общественно-политической жизни страны, в воспитании молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа!»[67].

В отличие от лозунгов 1920-х гг., праздничные призывы послевоенных десятилетий уже не обличали негативные явления (бесхозяйственность, бюрократизм, беспризорность и пр.) внутри советского общества[68] и не клеймили позором негативных персонажей советского агитпропа (хулиганов, тунеядцев, «летунов», «рвачей» и т.д.). Благодаря этому создавался эффект благостного единства советского общества, а отрицательные коннотации переносятся на внешних фигурантов – империалистов, колонизаторов, «поджигателей новых войн» и пр. Редким исключением стал лишь использовавшийся в 1960–1964 гг. призыв: «Трудящиеся Советского Союза! Всемерно укрепляйте социалистическую собственность – основу дальнейшего роста могущества нашей страны и благосостояния народа! Боритесь за неуклонное претворение в жизнь принципа социализма: “Кто не работает, тот не ест!”», появившийся на фоне проведения хрущевской кампании по борьбе с нетрудовыми доходами[69].

---

[61] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 258. Л. 51–52.

[62] Лозунги к октябрьским торжествам // Правда. 1918. 1 ноября; Призывы ЦК КПСС к 46-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1963. 17 октября.

[63] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 266. Л. 63.

[64] Призывы ЦК КПСС к 49-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1966. 18 октября; Призывы ЦК КПСС к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1967. 15 октября.

[65] *Хевеши М.А.* Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода: изд. 2-е, доп. М., 2004. С. 8–9.

[66] Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1955 года // Правда. 1955. 21 апреля.

[67] Призывы ЦК КПСС к 48-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1965. 23 октября.

[68] *Глебкин В.* Ритуал в советской культуре… С. 106–107.

[69] Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1961 года // Правда. 1961. 9 апреля. Характерно, что фраза «Кто не работает, тот не ест» вошла и в «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый в 1961 г.

Таким образом, знакомство с тематическими документами Политбюро/Президиума ЦК КПСС позволяет сделать вывод о том, что в 1950–1960-е гг. вопросы организации празднования 1 мая и 7 ноября требовали обязательного согласования высшей партийной инстанции в той части, которая касалась проведения важнейших официальных мероприятий праздничного сценария (военный парад и демонстрация трудящихся на Красной площади, торжественное заседание Моссовета по случаю годовщин Великой Октябрьской социалистической революции), а также была связана с приглашением и приемом зарубежных делегаций. Такой порядок существовал в позднесталинский период и оставался неизменным на протяжении последующих десятилетий. Очевидно, что наряду с презентационными, консолидирующими и мобилизационными задачами празднования главных политических праздников Советского Союза его руководители с особым вниманием относились к тому, что можно назвать особым «дискурсивным порядком» или «дискурсивным режимом» празднования. На основе изученного нами корпуса документов создается впечатление, что именно в редактировании перечня праздничных призывов, уточнении формулировок в проектах праздничных приказов, текстов речей и ответов на поздравительные письма наиболее полно проявлялась «дискурсивная власть» членов Политбюро/Президиума ЦК КПСС. И эти дискурсивные игры, которые, как справедливо отмечает А. Юрчак, были все менее публичными и все более консервативными[70], занимали гораздо больше времени и внимания высших партийных функционеров, нежели вопросы, связанные с содержанием праздничных сценариев и их материально-техническим обеспечением. Именно поэтому базовые формы советской «праздничной хореографии», связанные с 1 мая и 7 ноября, несмотря на смену нескольких политических лидеров (И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева), оставались практически неизменными на протяжении нескольких десятилетий, лишь подвергаясь некоторой «лакировке» внешних форм, как в случае с постепенным исключением изображений и упоминаний Сталина после его смерти. Некоторые потенциальные новации (вроде упоминавшейся попытки отказа от использования на праздниках портретов политических деятелей в 1953 г. или инициативы по достижению «ленинской лаконичности» призывов в 1962 г.) возникали крайне редко и практически сразу «сворачивались», не успев оставить серьезных последствий в официальной праздничной культуре.

Литература

«Помнит мир спасенный…». Поздравительные телеграммы и послания советскому народу. 1941–1945 / сост. И.А. Пермяков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Фонд «Связь эпох», 2021. 320 с.

Азарова П.Е. Праздничные лозунги 1920–1930-х гг. в советской системе социальной мобилизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 264–268.

Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.

Голубев А.В. Западный взгляд и западный наблюдатель в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. / под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2018. С. 219–253.

Деннингхаус В., Савин А.И. Леонид Брежнев: публичность против сакральности власти // Российская история. 2012. № 4. С. 179–194.

Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.

[70] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 108–111.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.

Малышева С.Ю. Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. Вып. 1 (44). С. 138–147.

Махнырёв А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 160 с.

Нечипорук Д.М. «Московский Первомай – это рутина»: освещение американской прессой празднования 1 Мая как ритуального действия (1965–1985 гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 46–52 [Электронный ресурс]. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

Никонова О.Ю. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 743–757.

Попов А.Д. Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 3 (54). С. 29–37.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 230–241.

Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода: изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2004. 192 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141.

McDowell J. Soviet Civil Ceremonies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 3. № 13. P. 265–279.

Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.

References

Azarova, P.E. (2010). Prazdnichnye lozungi 1920–1930-kh gg. v sovetskoy sisteme sotsial’noy mobilizatsii [Festive Slogans of the 1920–1930s in the Soviet System of Social Mobilization]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 9, Iss. 1, pp. 264–268.

Barysheva, E.V. (2020). *“V veselom grokhote, v ognyakh i zvonakh”: sovetskiy prazdnik v sotsial’nom konstruirovanii novogo obshchestva* [“In a Cheerful Rumble, in Lights and Jingles”: a Soviet Holiday in the Social Design of a New Society]. Moscow, RGGU. 192 p.

Bordyugov, G.A. (2010). *Oktyabr’. Stalin. Pobeda. Kul’t yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. Cult of Jubilees in Memory Space]. Moscow, AIRO-XXI. 256 p.

Denningkhaus, V., Savin, A.I. (2014). Leonid Brezhnev: publichnost’ protiv sakral’nosti vlasti [Leonid Brezhnev: Publicity vs. Sacredness of Power]. In *Rossiiskaia istoriia.* No. 4, pp. 179–194.

Glebkin, V. (1998). *Ritual v sovetskoy kul’ture* [Ritual in Soviet Culture]. Moscow, Yanus-K. 168 p.

Golubev, A.V. (2018). Zapadnyy vzglyad i zapadnyy nablyudatel’ v affektivnom menedzhmente sovetskoy sub’ektivnosti [Western View and Western Observer in Affective Management of Soviet Subjectivity]. In *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub’ektivnost’ (1953–1985): sbornik statey*. St. Petersburg, Izd-vo EU St. Petersburg, pp. 219–253.

Kelli, K., Sirotinina, S. “Bylo neponyatno i smeshno”: prazdniki poslednikh desyatiletiy sovetskoy vlasti i vospriyatie ikh det’mi [“It Was Incomprehensible and Ridiculous”: the Holidays of the

Last Decades of Soviet Power and the Perception of Them by Children]. In *Antropologicheskiy forum*. No. 8, pp. 258–299.

Kheveshi, M.A. (2004). *Tolkovyy slovar' ideologicheskikh i politicheskikh terminov sovetskogo perioda* [An Interpretive Dictionary of Ideological and Political Terms of the Soviet Period]. Izd. 2-e, dop. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 192 p.

Makhnyrev, A.L. (2019). *30 i 40 let Velikogo Oktyabrya: chto otrazilos' v zerkalakh yubileev revolyutsii?* [30 and 40 Years of the Great October: What Was Reflected in the Mirrors of the Jubilees of the Revolution?]. Moscow, St. Peterburg, Nestor-Istoriya. 160 p.

Malysheva, S.Yu. (2005). *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet Holiday Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan', Ruten. 400 p.

Malysheva, S.Yu. (2019). Evolyutsiya istoricheskoy mifologii "noyabr'skikh" prazdnikov v Rossii [Evolution of the Historical Mythology of the "November" Holidays in Russia]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Iss. 1 (44), pp. 138–147.

McDowell, J. (1974). Soviet Civil Ceremonies. In *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 3, no. 13, pp. 265–279.

Nechiporuk, D.M. (2020). *"Moskovskiy Pervomay – eto rutina": osveshchenie amerikanskoy pressoy prazdnovaniya 1 Maya kak ritual'nogo deystviya (1965–1985 gg.)* ["Moscow's May Day is Routine": the USA Press Coverage of International Workers' Day in Moscow as a Ritual Procession, 1965–1985]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii.* No. 2, pp. 46–52. Available at: URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (date of access: 25.09.2021).

Nikonova, O.Yu. (2019). Pervyy poslevoennyy yubiley Oktyabr'skoy revolyutsii v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope [The First Post-War Anniversary of the October Revolution in Central and Eastern Europe]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 3, pp. 743–757.

Permyakov, I.A., Dzhalilov, T.A., Pivovarov, N.Yu. (Eds.) (2021). *"Pomnit mir spasennyy…". Pozdravitel'nye telegrammy i poslaniya sovetskomu narodu. 1941–1945* ["Remembers the World Saved…" Congratulatory Telegrams and Messages to the Soviet People. 1941–1945]. Moscow, Fond "Svyaz' epokh". 320 p.

Petrone, K. (2000). *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington, Indiana University Press. 280 p.

Popov, A.D. (2021). Kosmicheskiy supergeroy: vozniknovenie kul'ta Yuriya Gagarina v kontekste vzaimootnosheniy vlasti i obshchestva v SSSR [Space Superhero: Formation of the Cult of Yuri Gagarin in the Context of the Relationship Between Authorities and Society in the USSR]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (54), pp. 29–37.

Rol'f, M. (2009). *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow, ROSSPEN. 438 p.

Surzhikova, N.V., Shishkin, A.A. (2019). Mezhdu novatsiey i traditsiey: prazdnik Velikogo Oktyabrya v poslevoennom Molotove [Between Innovation and Tradition: the Feast of the Great October in the Post-War Molotov]. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 15, No. 4 (33), pp. 230–241.

Tikhonov, V.V. (2017). Revolyutsiya 1917 g. v kommemorativnykh praktikakh i istoricheskoy politike sovetskoy epokhi [The 1917 Revolution in Commemorative Practices and Historical Politics of the Soviet Era]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 92–112.

Yakobson, S., Lassvell, G. (2007). Pervomayskie lozungi v Sovetskoy Rossii (1918–1943) [May Day Slogans in Soviet Russia (1918–1943)]. In *Politicheskaya lingvistika*. Iss. 1 (21), pp. 123–141.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021 г.

Д.Д. Крылова*

Власть над демонами как политическая власть: Памфлет об экзорцизме в идеологической борьбе в эпоху Якова I Стюарта

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-5

УДК 94(36)(=111)“1602/1604”

Выходные данные для цитирования:

Крылова Д.Д. Власть над демонами как политическая власть: Памфлет об экзорцизме в идеологической борьбе в эпоху Якова I Стюарта // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 74–87. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-05.pdf

D.D. Krylova*

The Power Over Demons as Political Authority: the Popular Pamphlet of Exorcism in a Ideological Discourse in Jacobean England

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-5

How to cite:

Krylova D.D. The Power Over Demons as Political Authority: the Popular Pamphlet of Exorcism in a Ideological Discourse in Jacobean England // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 74–87. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-05.pdf]

Abstract. The article analyzes the role of the printed word and the image of exorcism, presented in the pages of popular pamphlets, in the ideological struggle of early Modern Age England. The author identifies the reasons for the use of the theme of possession and the ritual of exorcism in the confrontation between Catholics and Protestants, moderate Protestants and Puritans in England of the 16th–17th centuries. There are three main themes that form the image of the ritual in English popular pamphlets: exorcism as a demonstration of power of a religious cult, exorcism as an attempt to spread influence and new religious experience, exorcism as a form of disobedience to official authorities. Puritan and anti-Puritan view on the question of the usefulness and harmfulness of the use of the Protestant exoretum technique are analyzed. The degree of influence the Protestant method of exorcising demons by prayer and fasting on the domestic policy of James I Stuart is determined. A pamphlet about Mary Glover’s possession is considered as a catalyst for major changes in the religious and social life of England. The activity of Anglican church officials in the process of discrediting the ritual is reconstructed. Prohibition of the use of Protestant practice of exorcism is determined as a response of the state system to a potential threat to the state of religious compromise in society. Skepticism and exposure of Puritan exorcists and possessions is described. The strengthening of the role of the episcopate and the disappearance of exorcism from the information field of the time is analized.

Keywords: politics; authority; England; exorcism; possession; pamphlet.

The article has been received by the editor on 01.06.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется роль печатного слова и образа экзорцизма, представленного на страницах популярных памфлетов, в идеологической борьбе в Англии раннего Нового времени. Выявляются причины использования темы одержимости и ритуала экзорцизма в противостоянии католиков и протестантов, умеренных протестантов и пуритан в Англии XVI–XVII вв. Выделяются три магистральные темы, формирующие образ ритуала в английских популярных памфлетах: экзорцизм как демонстрация силы религиозного культа, экзорцизм как попытка распространения влияния и нового религиозного опыта, экзорцизм как форма неподчинения официальным властям. Анализируются пуританский и

* **Крылова Диана Дмитриевна**, магистр истории, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: diana.krylova90@mail.ru
Krylova Diana Dmitrievna, Master of History, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: diana.krylova90@mail.ru

антипуританский взгляды на вопрос полезности и вредности применения протестантской методики экзоритета. Прослеживается влияние практики протестантского метода изгнания демонов молитвой и постом на внутреннюю политику Якова I Стюарта. Памфлет об одержимости Мэри Гловер рассматривается как катализатор серьезных изменений в религиозной и общественной жизни Англии. Реконструируется деятельность англиканских церковных чинов в процессе дискредитации ритуала. Запрет использования протестантской практики экзорцизма интерпретируется как ответ государственной системы на потенциальную угрозу для состояния религиозного компромисса в обществе. Описывается скептическая критика и практика разоблачения пуританских экзорцистов и одержимых. В финале работы выявляются причины исчезновения темы экзорцизма из информационного поля эпохи.

Ключевые слова: политика; власть; Англия; экзорцизм; одержимость; памфлет.

В Англии на рубеже XVI–XVII вв. весьма распространенным и востребованным стал жанр популярного памфлета. На страницах упомянутых печатных изданий публиковались актуальные и злободневные сюжеты из жизни английского общества: от событий внешней и внутренней политики, сообщений о погодных и небесных явлениях до криминальных сводок, описаний курьезных случаев и необычных происшествий.

В короткие сроки большую популярность приобрела довольно специфическая разновидность популярного памфлета – памфлет об изгнании нечистой силы или экзорцизме. По мере развития на острове «охоты на ведьм» и эпидемий одержимости памфлеты подобного содержания стали неотъемлемой частью английской массовой печати. Памфлет об экзорцизме, на первый взгляд такой далекий от политического дискурса, вместе с тем имел к нему непосредственное отношение и оказывал серьезное влияние на внутриполитические процессы Англии ранних Стюартов. Какую же именно роль сыграл памфлет об экзорцизме в политике Якова I и каково было его влияние на идеологическую борьбу яковианской эпохи, попробуем определить в ходе анализа памфлета Джона Свона «Об избавлении Мэри Гловер».

Памфлет под названием «Правдивое и краткое сообщение о страданиях Мэри Гловер и ее избавлении постом и молитвой» написан и издан в 1603 г.[1] В нем подробно описывается способ избавления от «страданий» девочки Мэри Гловер, чье состояние объяснялось предполагаемой одержимостью или околдованием[2].

В 1602 г. состоялся суд над пожилой Элизабет Джексон, обвиненной Мэри в наведении на нее порчи. Этот судебный процесс стал одним из резонансных, противоречивых, «скандальных» и «шумных» в истории английской ведьмомании, а впоследствии одним из детально изученных и исследуемых дел о колдовстве в историографии[3].

«Нездоровье» Мэри Гловер и ее текущее состояние подверглись специальной экспертизе четырех докторов, которые должны были подтвердить или опровергнуть сверхъестественную природу его происхождения. Результаты исследования были привлечены к делу (мнения специалистов в этом вопросе разделились), а решающее слово осталось за судьей, одним из авторитетных и уважаемых юристов Лондона – Эдмундом Андерсоном. Судья Андерсон – главный судья-председатель Суда общих тяжб и судья Суда Королевской скамьи, уже проявивший себя в ряде крупных процессов, например, в деле королевы Марии Стюарт, экзорциста Джона Даррелла, а также во множестве дел против ведьм, позволивших ему стать «кем-то вроде инквизитора-инспектора в области ведовства», принял позицию

---

[1] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation, and of the deliverance by the means of fasting and prayer. 1603 [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/A_True_and_briefe_Report_of_M_Glovers_ve/qiay0fEDf5gC?hl=ru&gbpv=1 (дата обращения: 31.07.2021).

[2] *Fissell M.E.* Vernacular bodies: the politics of reproduction in early modern England. Oxford; New York, 2004. P. 54–55.

[3] *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009. С. 278.

сторонников околдования Мэри. Своим волевым решением он вынес обвинительный приговор Э. Джексон, приговорив ее к году ареста с покаяниями у позорного столба[4].

Однако ни тюремное заключение Э. Джексон, ни официальное признание ее как ведьмы не прекратили страдания юной Мэри. Обеспокоенные затянувшейся болезнью дочери родители девочки в конце 1602 г. обратились за помощью к 12 *министрам*. Приглашенная группа «друзей» семейства осуществила избавление Мэри от страданий молитвой и постом. Краткое описание декабрьских событий 1602 г., произошедших в доме Гловеров, было зафиксировано и изложено в вышеупомянутом памфлете одним из их прямых участников – студентом Джоном Своном (рис. 1).

Указанное сочинение представляет собой небольшое по размерам девяностостраничное издание. Как и большинство памфлетов этого времени, он состоит из вполне традиционных жанровых элементов, таких как титульная страница с заголовком, обращение, основная часть, а также приложение-молитвенник.

Титульная страница размещается на двух сторонах первого листа. Первая половина включает в себя заголовок с названием памфлета, подзаголовки с указанием автора и года издания, элементы оформления и цитату из Библии, в качестве эпиграфа к тексту: «Бедный человек плакал. И услышал его Господь и спас его от всех бед» (Пс. 34.6). На оборотной стороне, подобно тому как представляют персонажей пьесы или сценария, перечислены действующие лица рассказа, всего 26 персон, включая саму Мэри Гловер, ее родителей, 6 главных министров, проведших ритуал избавления, в том числе и автора, а также свидетелей и очевидцев событий.

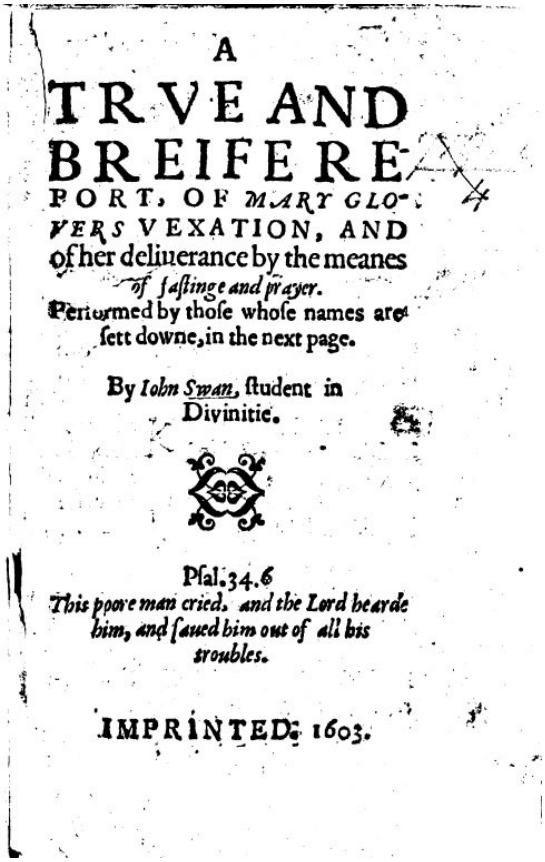

A
TRVE AND
BREIFE RE-
PORT, OF MARY GLO-
VERS VEXATION, AND
of her deliuerance by the meanes
of fastinge and prayer.
Performed by those whose names are
sett downe, in the next page.
By Iohn Swan, student in
Divinitie.
Psal. 34. 6
This poore man cried, and the Lord heard
him, and saued him out of all his
troubles.
IMPRINTED: 1603.

Рис. 1. Титульный лист *Swan J.* A true and brief report… (https://www.google.ru/books/edition/A_True_and_briefe_Report_of_M_Glovers_ve/qiay0fEDf5gC?hl=ru&gbpv=1).

В соответствии с жанровой структурой текст памфлета открывает «обращение». Обычно введение памфлета адресовано некому абстрактному «читателю» или «христианину», но в данном случае у текста есть конкретный адресат – король Шотландии и Англии Яков I Стюарт. При этом автор будет находиться в незримом диалоге со своим предполагаемым адресатом на протяжении всего памфлета.

Основная часть текста под названием «Правдивое и краткое сообщение о тяжких страданиях, причиненных Сатаной, Мэри Гловер с Темз-Стрит г. Лондона, и ее избавлении от них силой Господа Иисуса Христа, благословенным таинством его молитвы и постом»[5] представляет собой детализированный отчет о состоянии Мэри Гловер, о процедуре, проведенной приглашенными министрами, а также размышления автора относительно причин болезни девочки и действенности ритуала в ее лечении. При этом оформление текста памфлета специфично: параллельно основной канве повествования на поля вынесены имена людей, произносящих молитву или проводящих специальные процедуры, что также напоминает оформление пьес или драматических произведений.

[4] *Almond P.C.* Demonic possession and exorcism in early modern England: contemporary texts and their cultural context. New York, 2004. P. 287–288; *Sands K.R.* Demon possession in Elizabethan England. Westport, CT., 2004. P. 183.

[5] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…

Завершает рассказ приложение-молитвенник из двух частей под названиями «Размышления Мэри» и «Благочестие Мэри. Преображение Мэри». Первая часть – это стихи Псалм 116 из «Полной книги Псалмов», вторая – краткая поэма о несчастиях Мэри.

С точки зрения структуры и центрального предмета повествования, памфлет Джона Свона кажется типичным представителем текстов данного времени и жанра, однако при ближайшем рассмотрении смыслового наполнения открывается сложный, во многом уникальный характер произведения. В тексте памфлета нашло отражение множество противоречивых факторов, из которых складывалась история Мэри Гловер в частности и жизнь английского общества в целом. По справедливому замечанию исследователя Майкла МакДональда: «Дело Мэри Гловер невозможно рассматривать вне политического контекста»[6]. Жанр популярного памфлета об экзорцизме также нельзя рассматривать в отрыве от культурно-исторического контекста, в котором он создавался.

Безусловно, популярный памфлет имел тесную связь с глубинными социально-политическими процессами, происходившими в Англии. Рассчитанные на широкий круг читателей памфлеты являлись отражением настроений и взглядов различных социальных слоев, формировали общественную мысль Англии раннего Нового времени. За полтора столетия сформировался особый, характерный для памфлетов язык повествования, сочетавший в себе черты новостной периодики, изданий пропагандистского толка и проповеднической литературы. Важно понимать, что памфлеты использовались в первую очередь для того, чтобы убедить своего читателя, а не только чтобы донести до него актуальную информацию. Помимо этого, в памфлетах делалась попытка обнаружения причин событий, объяснения их последствий и того, как они укладываются в общую картину мира. Данный подход в подаче новостной информации делал жанр памфлетной литературы востребованным у обывателя, поскольку был прост для восприятия, доступным языком не только рассказывал о событии, но и давал ему оценку, предоставляя возможность выбора определенной позиции в отношении к излагаемым фактам.

В условиях сложнейшего религиозного кризиса и противостояния религиозных группировок, усугубившихся в результате нескольких волн реформации и контрреформации в Англии XVI–XVII вв., памфлет использовался как своеобразный рупор или витрина и зачастую был единственной доступной возможностью представления общественности своей идеологической позиции, и рассказы об экзорцизме играли в этом процессе не последнюю роль.

Начиная со времен ранних христиан экзорцизм служил одним из основных инструментов продвижения нового религиозного течения на языческой территории, он был одним из главных орудий в борьбе со старым религиозным культом. Демонстрация власти над демонами издревле считалась показателем силы божества, служителем которого являлся заклинатель. Чем успешнее проходил ритуал избавления одержимого, тем больше последователей мог собрать вокруг себя новый культ, тем быстрее он мог распространиться среди населения[7]. Согласно Новому Завету, Иисус Христос и апостолы обладали способностью изгнания демонов, что являлось подтверждением содержащейся в них божественной благодати, чудотворной силы, а ритуал экзорцизма был одним вариантов демонстрации чудес, проявления божественной воли, а вместе – доказательством существования божественного провидения. Вплоть до XVI в. единственным «легальным» вариантом проведения ритуала изгнания демонов являлся католический обряд или «порядок» со сложной церемониальной частью и заклинательными практиками.

С приходом Реформации в страны Западной Европы католическая практика экзоритета повсеместно запрещалась, так случилось и в Англии, где в 1550-х гг. католический церемониал изгнания демонов попал под запрет, хотя и продолжал применяться, вызывая

[6] Witchcraft and Hysteria in Elizabethan London. Edward Jorden and Mary Glover Case. London; New York, 1999. P. 23.

[7] *Levack B.* The Devil within. Possession and Exorcism in the Christian West. Yale University, 2013. P. 32–55.

широкий общественный резонанс, как это случилось в 1584–1585 гг., когда католические священники провели серию удачных экзорцизмов в доме Пекхэмов[8].

В скором времени протестантские идеологи в борьбе за паству и внимание общественности пришли к выводу о необходимости формирования нового исключительно протестантского метода экзорцизма. В качестве образца был избран сюжет из Нового Завета, в котором Христос изгоняет демонов при помощи молитвы и поста. Одним из первых данный метод лечения одержимости в 1574 г. использовал Джон Фокс, проведя ритуал над Робертом Бригсом. Настоящий пик известности и популярности метод достиг в 1590-х гг. благодаря деятельности протестантского заклинателя и проповедника Джона Даррелла и его сподвижников, таких как Джордж Мор.

В период с 1584 по 1599 г. Джон Даррелл был задействован в проведении нескольких крупных ритуалов, подробные отчеты о которых одновременно выходили в виде популярных памфлетов. Среди них можно упомянуть такие известные случаи, как одержимость Кэтрин Райт (1584), Томаса Дарлинга (1597), история одержимых детей Старки и Ланкаширское дело (1597), история Вильяма Саммерса (1598)[9]. С этого момента метод молитвы и поста стал своеобразным «брендом» протестантов, и именно той их части, что стремилась к проявлению особого религиозного рвения, сподвижников культуры воинственного благочестия (godly culture)[10] – пуритан. В их руках ритуал стал доказательством силы веры и авторитета протестантских проповедников. Считалось, что изгнание демонов невозможно, если пациент или экзорцист недостаточно тверды в своей вере. При этом сам ритуал молитвы и поста трансформировался в способ ниспослания Благодати Божьей, что формировало новый образ процедуры, дарующей не только избавление одержимого от недуга, но и просветление, приобретение нового состояния души аналогичному святости, приближая ее к Богу.

Деятельность Дж. Даррелла и его сторонников способствовала развитию «рекламной» функции памфлетов об экзорцизме, одной из целей печатной продукции стало представление силы протестантского метода, его эффективности и тиражирования его в массах. Благодаря этому памфлеты подобного толка становились настоящими практическими руководствами для новых адептов, инструкциями по претворению ритуала в жизнь.

Отсюда происходит и специфика построения данных текстов, включавшая детализированное пошаговое описание ритуала, что облегчало его дальнейшее воспроизводство. Знакомясь с содержанием памфлетов об экзорцизме, читатель фактически знакомился с готовым сценарием его проведения. Этим объясняется и уже упомянутое выше оформление текста Джона Свона, в котором при желании можно заменять имена реальных участников событий на абстрактные и получить подробный алгоритм лечения одержимости с описанием должного поведения праведных христиан в подобных случаях. Ограниченные в санкционированных Библией церемониальных средствах протестантские экзорцисты, в отличие от католических, располагавших целом арсеналом святынь, реликвий и заклинаний, полагались исключительно на силу молитвы и библейские сюжеты[11], поэтому отдавали предпочтение ярким проповедям и особый акцент делали на силу священного писания, на власть слова Божьего, а также на фигуру экзорциста.

Протестантский метод молитвы и поста изначально формировался исключительно как оппозиция католическому порядку экзоритета, как его единственная легитимная альтернатива. На рубеже XVI–XVII вв. протестантские богословы подчеркивали важность подчинения демонических сил Божьей власти даже больше, чем католики. Первым практикам ритуала было важно продемонстрировать не только действенность этого средства в борьбе с демонами, но и указать на его преимущества и превосходство над остальными вариантами. Одним из важных достоинств метода, которые отмечали протестантские экзорцисты, была

[8] *Sands K.R.* Demon possession in Elizabethan England… P. 91–108.
[9] *Gibson M.* Possession, puritantism and print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan exorcism. Controversy, London, 2006.
[10] Ibid. P. 65.
[11] *Levack B.* The Devil within… P. 154.

«демократичность» его реализации, выражавшаяся в скромности внешнего оформления церемонии, минимализме используемых средств и простоте его проведения. Провести экзорцизм мог любой член протестантской общины, который чувствовал в себе силу и способности для его реализации. Данный человек мог не обладать ни образованием, ни положением в церковной иерархии, ему было достаточно религиозного рвения, безупречной репутации в своем круге и дара убеждения. Неудивительно, что в короткий срок среди пуритан появилось множество проповедников-харизматиков, использовавших ритуал поста и молитвы в пропагандистских целях в борьбе со своими идеологическими противниками, в число которых теперь входили уже не только католики.

Несмотря на наличие общего идеологического врага в лице католического сообщества, внутри самих протестантов назрел серьезный раскол. Недопонимания между умеренным и радикальным крылом английских протестантов возникали в отношении множества краеугольных злободневных вопросов того времени. Диаметрально противоположных мнений придерживались их представители по вопросам реальности колдовства и ведьм, порчи и одержимости, святости и благочестия. Нельзя не отметить, что не все протестанты соглашались с мнением вдохновленного меньшинства относительно применения практики молитвы и поста и целесообразностью проведения экзорцизмов. Чем больший резонанс и внимание привлекали успешные попытки экзорцизмов, чем больше сообщений появлялось об эффективности новых духовных практик в печати, тем сильнее становился скептицизм относительно этих явлений в кругу умеренных протестантов[12].

По мнению идеологов скептического направления протестантской мысли, «век чудес» прошел и в современных реалиях – демонстрация чудес, подобных тем, что описаны в Священном Писании, невозможна. Главным достижением протестантизма, на которое они указывали, являлся отказ от суеверий прошлого и использования ритуалов, подобных магическим практикам. Одухотворенные экзорцисты-протестанты в их глазах были подобны католическим-заклинателям, чья активность вновь возросла в начале XVII в. благодаря деятельности иезуитских миссий на острове[13]. Потворство пуританским харизматикам означало для них откат к раздутому католическому церемониалу, а потому многие из них препятствовали развитию и распространению метода изгнания молитвой и постом.

В 1590-е гг. идейное противостояние двух лагерей протестантов вылилось на страницы тех же популярных памфлетов. Таким образом, на рубеже XVI–XVII вв. практика экзорцизма, как и рассказы о ней, стала важнейшим инструментом в религиозно-идеологической борьбе как между католиками и протестантами, так и внутри протестантизма, в первую очередь между протестантами умеренного и радикального толка – пуританами. В свою очередь популярный памфлет стал некой площадкой для проведения публичных диспутов между данными противоборствующими силами. На страницах этих печатных изданий можно обнаружить свидетельства ожесточенной полемики.

Практически на каждый памфлет с сообщением об успешно проведенном изгнании демонов молитвой и постом издавался памфлет с разоблачением одержимого или экзорциста, обвинением их в фальсификации, подлоге, обмане или мошенничестве[14]. В ответ на обвинения выходили новые издания-опровержения от практиков метода, что формировало особую печатную форму религиозно-идеологических прений. При этом разоблачение «вопиющих обманов папистов» ушло на второй план публичных дискуссий, наиболее серьезным и масштабным гонениям подверглись «мошеннические практики» пуританских экзорцистов. На протяжении почти 10 лет битва двух течений будоражила общественные массы, и своего пика она достигла в 1599 г. во время судебного процесса над Джоном Дарреллом.

---

[12] *Gibson M.* Possession, puritantism and print… P. 371.

[13] *Серегина А.Ю.* Чем пахнет дьявол? Одержимость, экзорцизм и религиозная полемика в Англии конца XVI – начала XVII вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 26. М., 2018. С. 41–66.

[14] *Almond P.C.* Demonic possession and exorcism in early modern England… P. 38–42.

Суд и дальнейший арест пуританского экзорциста Джона Даррелла и его сторонников стали одной из крупных побед умеренных протестантов в споре об использовании метода молитвы и поста. Инициаторами процесса стали основатели антипуританского движения, начало которому было положено в 1583 г., архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт и его ближайший соратник, впоследствии епископ Лондона Ричард Бэнкрофт (рис. 2). Именно благодаря их усилиям экзорцистская деятельность Даррелла была признана вредной и попала под запрет. По мнению представителей этого крыла протестантской мысли, «своей активностью Даррелл навредил протестантизму больше, чем все их католические противники вместе взятые»[15]. Несмотря на то, что Даррелл не использовал в своей практике никаких других средств, кроме тех, что были предписаны Библией, они все равно таили в себе опасность для протестантской общины, так как являли собой попытку продемонстрировать чудеса в постапостольские времена, чем сбивали паству с истинного пути.

Рис. 2. Портрет Р. Бэнкрофта. Неизвестный художник, Национальная портретная галерея, Лондон.

Возможно, вопрос о действенности и правоприменимости экзорцизма так бы и остался лишь в поле дискуссий клерикалов и проповедников, если бы эти сюжеты не стали частью политического дискурса. Важно понимать, что в XVI–XVII вв. вопросы веры, Церкви и религиозного консенсуса были напрямую связаны с политической стабильностью государственной системы Англии. Религия была неотделима от политики, что рождало особый социокультурный климат эпохи, а сообщения об экзорцизме были его неотъемлемой частью.

Период с 1559 по 1603 г. стоит обозначить как время поиска политической и религиозной стабильности, некого общественного консенсуса, который мог обеспечить нормальное функционирование социально-политических институтов. «Лишь к концу почти полувекового правления Елизаветы в результате значительных усилий властей и всеобщей проповеди “Англия стала королевством протестантов”. И трудности, с которыми приходилось справляться властям во второй половине столетия для установления в Англии эффективной протестантской церкви, были многочисленны: сопротивление католиков реформам 1559 г., разногласия между королевой и епископами, нехватка достаточно компетентных и лояльных священников для протестантской проповеди, деятельность радикалов-пуритан»[16].

Идеологов антипуританского движения беспокоило то внимание, которое привлекали к себе пуритане в широких общественных кругах, благодаря использованию экзорцизмов. И речь здесь шла не только о богословии, но и о теории государственного устройства, что находило отражение в печати. «Памфлеты этого периода демонстрировали сложный сплав религиозной и политической мысли. В них так или иначе, в том числе и иносказательно, рассматривались вопросы взаимоотношения религиозных и светских властей, лояльности

[15] *Levack B.* The Devil within… P. 94.
[16] *Таубер В.А.* Рецензия на: Серегина А.Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603) // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2 (6–7). С. 296–305.

государству, о происхождении светской власти и ее пределах»[17]. И тема строительства и укрепления структуры Англиканской церкви была одной из центральных.

В то время как протестанты-англикане выдвигали на первый план образ единых в своих целях общества и церкви, где все их члены – это члены одной большой семьи, в кальвинистской парадигме английского пуританизма главной религиозно-политической единицей стала локальная изолированная община[18]. Одни опирались на сильные государственные и церковные институты, выстраивали жесткую вертикаль власти, другие были их противниками, за что и снискали название диссентеры – оппозиционеров власти государства и официальной церкви. Для протестантов умеренного толка образ церкви и светской власти, объединенных фигурой государя, был краеугольным, при этом институт епископата был его опорой и поддержкой. В этих условиях последователи Уитгтиффта и Бэнкрофта вполне справедливо полагали, что эти ритуалы экзорцизма молитвой и постом, особенно публичные и коллективные, в которых задействовались все члены пуританской общины, являлись средством пуританской пропаганды, угрожавшей власти епископов, в противовес которым выдвигались пуританские конгенерации во главе с министрами или старейшинами[19].

Столкновение официальных церковных властей и пуританских экзорцистов практически сразу вышло за пределы сугубо богословской парадигмы, так как деятельность последних фактически спровоцировала социально-политические и религиозные структуры власти на прямой конфликт с самыми радикальными из них[20]. Раскол и разобщенность, которая возникала внутри протестантской общины вследствие активности пуритан, вызывали озадаченность у Уитгифта и Бэнкрофта. Внутренний конфликт мог сыграть на руку католикам, численность которых в английском обществе все еще преобладала. Это приводило сторонников умеренного протестантизма к выводу о тлетворном влиянии пуританских экзорцистов на благополучие и стабильность формирующейся Англиканской церкви, что создавало угрозу для религиозного компромисса в английском обществе, а потому разумнее всего было подавить увлечение новым методом изгнания в надежде на стабилизацию ситуации.

Ведь радикальный пуританизм мог возвысить на политической арене группы сепаратистов, заинтересованных в отделении своих общин от церкви и ее структур. Зачастую религиозная автономия означала автономию и политическую, что фактически создавало угрозу распада страны. А учреждение отдельных конгенераций пуритан, свободных от контроля епископов и церковной иерархии, лишь утвердило недоверие к ним в начале XVII в. Попытка же властей установить контроль над одержимостью и практикой экзорцизма частично объясняется ужасом перед анархией[21].

На рубеже веков в Англии все еще оставалось немало нерешенных религиозных проблем и противоречий, во многом определивших «повестку дня» уже в следующий, стюартовский период»[22], начало которому было положено в 1603 г. после вступления на английский престол короля Шотландии Якова I Стюарта, которому и был в свою очередь адресован памфлет «Об избавлении Мэри Гловер» Джона Свона (рис. 3).

Возвращаясь к анализу данного текста, необходимо отметить, что в нем так или иначе нашли отражение все вышеописанные сюжеты и исторические реалии, поскольку события, отраженные в памфлете, были их прямым следствием и продолжением.

---

[17] *Серегина А.Ю.* Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI – начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005. С. 77–90.
[18] *Gibson M.* Possession, puritantism and print… P. 126.
[19] *Levack B.* The Devil within… P. 94.
[20] *Gibson M.* Possession, puritantism and print… P. 65.
[21] Ibid. P. 109.
[22] *Таубер В.А.* Рецензия на: Серегина А.Ю. Лондон и Реформация… С. 296–305.

В первую очередь это связано с очевидным пуританским происхождением данного текста. Как сам автор, так и все главные действующие лица повествования являются яркими представителями пуританской общины Лондона. Стоит отметить, что лондонская «протестантская община, в которую входили и пуритане, была самой крупной в стране, влиятельной и хорошо организованной, даже несмотря на то, что продолжала оставаться меньшинством в масштабах столицы»[23]. При этом семейство Гловеров занимало в этой общине не последнее место.

Рис. 3. Портрет Якова I Стюарта. Неизвестный художник, XVII в. *(https://www.metmuseum.org/art/collection/search/750951)*

Фамилия Гловер была довольно известной и уважаемой, родители Мэри описываются в памфлете как люди весьма религиозные, находящиеся на хорошем счету у соседей и знакомых[24]. Отец девочки – Тимоти Гловер, владелец лавки на Тэмз-Стрит, старинной улице Лондона, на которой с XVI в. располагалась столичные резиденции многих королевских придворных, дядя Мэри – Уильям Гловер, некоторое время занимал место шерифа Лондона, а дед по отцовской линии – Роберт Гловер, один из 12 протестантских мучеников Ковентри, сожженных в правление Марии Тюдор[25].

Репутация и авторитет семейства сыграли определяющую роль в проведении судебного процесса над «ведьмой» Элизабет Джексон и вынесени ей обвинительного приговора. Именно уважение и сострадание к семье Гловер побудили коллегию из 6 основных и 18 вспомогательных пуританских министров согласиться помочь Мэри и провести ритуал избавления постом и молитвой, к которому приступили 16 декабря 1602 г. Описание успешно проведенного ритуала экзорцизма изобилует образами христианской эсхатологии и включает множество отсылок на темы пуританской святости и благочестия, изображая процесс изгнания как вариант духовного сражения между светом и тьмой, Богом и Сатаной, полем битвы которых было тело девочки. Сама же Мэри представлена в памфлете как «идеальная пуританская дочь», истинная внучка своего деда, пример набожности и вдохновение для благочестия.

Особый интерес вызывает подбор цитат и молитв, использовавшихся во время ритуала, в частности Псалом 116 из книги «Полное собрание псалмов». Автором-переводчиком этого издания был Томас Нортон, еще один представитель пуританской элиты, политик, поэт и юрист, пострадавший за свои убеждения. Убежденный кальвинист и преследователь папистов, он был заключен англиканскими министрами в Тауэр.

Таким образом, памфлет Джона Свона следует той самой традиции описаний пуританских экзорцизмов и использует случай Мэри Гловер как еще одну возможность демонстрации чуда избавления при помощи метода молитвы и поста. Однако на страницах своего произведения «скромный верноподданный» Джон Свон раскрывает истинные намерения и причины, побудившие его описать историю Мэри Гловер и привлечь внимание к делу широкой общественности, обратиться к «милостивому Государю, высочайшему величеству Королю»: «…отвергнутый, Я вынужден обратиться к его Высочеству, привлекая

[23] *Таубер В.А.* Рецензия на: Серегина А.Ю. Лондон и Реформация… С. 296–305.
[24] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…
[25] *Almond P.C.* Demonic possession and exorcism in early modern England… P. 287–290.

общественное внимание, в той форме, которую его Высочество не осудит, ибо суть дела требует его участия и покровительства»[26].

В продолжение мысли автор пишет: «Преклоняя колени перед мудрым и справедливым Государем, я от имени многих смиренно молю его Величество о защите тех, кто подвергся и еще будет подвергнут многочисленным гонениям. В богохульстве наши личности преследуются, наши имена опорочены и в том числе на страницах публичных сочинений некого капеллана S. H. и, как я понимаю, не без участия Епископа Лондона, чьи злые дела не стоят отдельного представления его Высочеству, но смеем надеяться на милость и решение его Высочества разобраться с автором и его книгой в рамках другого трактата. Ибо невозможно игнорировать его речи, в которых он называет святую практику молитвы и поста, используемую для спасения бедных несчастных созданий, дьявольским надувательством и дьявольскими заклинаниями, а также и то его мнение, что ведьмы всего лишь попрошайки, а вера в ведовство – лишь глупые выдумки»[27].

В этом небольшом абзаце уже представлены основные болевые точки, объясняющие мотивы автора и те отчаянные меры, к которым он прибег, написав памфлет. На протяжении всего текста Джон Свон акцентирует внимание читателя на двух основных причинах:

1. Автор просит защиты и покровительства короля.

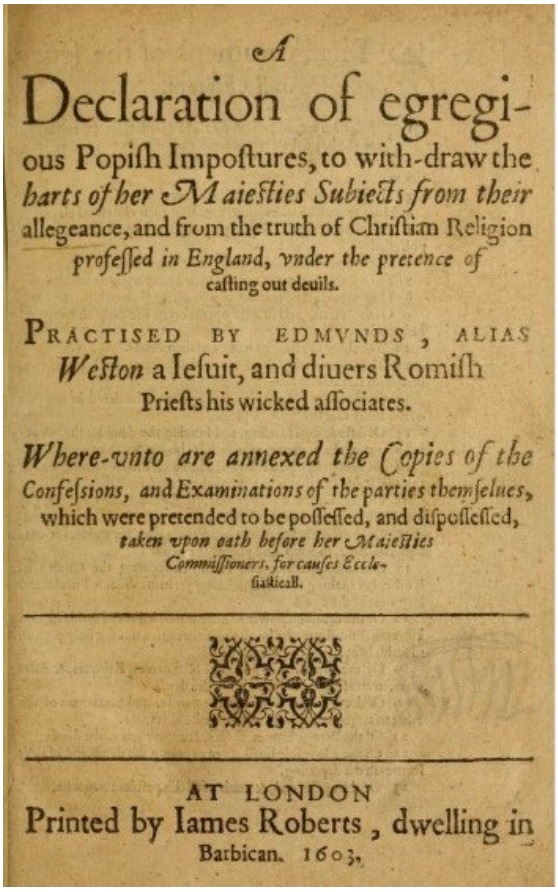
На протяжении всего текста красной линией проходит мотив преследования министров, проведших ритуал, а также семьи Гловер со стороны некого S. H., чьи насмешки, злые слова и похотливое клеветническое перо порочат их честные имена. В тексте таинственный S. H. упоминается 6 раз, нередко в компании епископа Лондона, чье имя не называется. Джон Свон с большой озабоченностью сообщает о недовольстве епископа, о том, что многим министрам удается избегать епископских тюрем, о том, что «в то время как указанные и другие более серьезные противоречия оставались нерешенными, Господь наконец внедрил противоречие между нами, словно заразную болезнь, которая превратила наш триумф в тяжелые дни, срок окончания которых известен только Господу Богу»[28].

Тревога Джона Свона легко объяснима. Дело в том, что первая версия подробного отчета об экзорцизме Мэри Гловер авторства Льюса Хьюза по настоянию вдохновленной публики была передана лично епископу Лондона Ричарду Бэнкрофту. Получив в руки документ, епископ пришел в ярость. Лишь пару лет назад идеологи запрета ритуала изгнания демонов молитвой и постом праздновали окончательную победу над Дж. Дарреллом, как практически в ведомстве епископа происходит вопиющий случай проведения несанкционированного экзорцизма. Льюс Хьюз, как и еще несколько упомянутых в тексте министров, был арестован, а остальные были вынуждены скрываться. Помимо преследования властей, министры подверглись жесткой травле в печати, которую возглавил не кто иной, как главный сподвижник Бэнкрофта – Самуэль Харснетт, тот самый S. H. Его памфлеты, в том числе известное «Разоблачение вопиющих обманов папистов»[29], в ироничной форме высмеивали практики молитвы и поста и людей, их применявших. Так, Свон пишет: «Опять же, я слышал, как веселые капелланы в своем высокомерии презрительно сообщают о практике молитвы и пения псалмов в домах лондонцев, а также высмеивают и издеваются над их трезвым и религиозным поведением на открытых собраниях во время публичной молитвы и проповедей»[30] (рис. 4).

Последствия проведения ритуала коснулись Мэри Гловер и ее семьи. Само состояние Мэри как одержимой подверглось глубокой критике, была проведена серия дополнительных медицинских экспертиз. Один из врачей, проводивших освидетельствование девочки в рамках судебного процесса, Эдвард Джордан, изначально склонявшийся к естественным

[26] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…
[27] Ibid.
[28] Ibid.
[29] *Harsnett S.* A declaration of egregious popish impostures to with – draw the harts of her Maiesties subiects from their allegiance, and the truth of Christian religion professed in England, under the pretence of casting out deuils. London, 1603.
[30] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…

причинам ее заболевания, написал подробный трактат «Краткое рассуждение о болезни, названной “удушье матки”, в котором представил одержимость как вариант развития истерии, болезни не демонического, а физиологического свойства[31]. Эта история значительно подорвала доверие к сообщениям об одержимости в обществе, стала основой для серии разоблачительных процессов над детьми-притворщиками в начале XVII в.


A
Declaration of egregious Popiſh Impoſtures, to with-draw the harts of her Maieſties Subiects from their allegeance, and from the truth of Chriſtian Religion profeſſed in England, vnder the pretence of caſting out deuils.

PRACTISED BY EDMVNDS, ALIAS Weſton a Ieſuit, and diuers Romiſh Prieſts his wicked aſſociates.

Where-vnto are annexed the Copies of the Confeſsions, and Examinations of the parties themſelues, which were pretended to be poſſeſſed, and diſpoſſeſſed, taken vpon oath before her Maieſties Commiſſioners, for cauſes Eccleſiaſticall.

AT LONDON
Printed by Iames Roberts, dwelling in Barbican. 1603.

Рис. 4. Титульный лист *Harsnett S.* A declaration of egregious popish impostures… (https://archive.org/details/declarationofegr00hars/mode/2up).

Исходя из ситуации, Джон Свон обращается к королю с просьбой: 1) защитить и освободить лиц, причастных к проведению ритуала над Мэри Гловер, от преследований и нападок со стороны Харснетта и Бэнкрофта; 2) защитить протестантский метод экзорцизма молитвой и постом и одобрить практику его применения, «чтобы достойные люди могли без опаски собираться публично и в частной компании, по просьбе и своему желанию могли проводить лечение молитвой и постом».

2. Автор просит короля выступить экспертом в публичной дискуссии.

Помимо насущных проблем, Джон Свон упоминает об идейном противостоянии пуритан и умеренных протестантов в вопросах демонологии и ведовства. В условиях растущего скептицизма в отношении судов над ведьмами и реальности одержимости слово государя, как автора крупного труда по «Демонологии», могло стать веским аргументом в окончательном решении этих дискуссий. «Ибо дело, которое оспаривается, касается и славы Иисуса Христа, проявленной в последнее время, и кто может быть более подходящим судьей в таком деле, чем Повелитель, чья книга о подобном случае провозглашает его знание и чье царственное расположение и решимость состоит в том, чтобы выяснить и сохранить всю истину»[32].

Сам автор уже не стремится доказать однозначное демоническое происхождение болезни Мэри Гловер: «Была ли Мэри Гловер одержима или избавлена от демонов, я не буду утверждать. Ибо я вижу, что этот вопрос становится не только спорным, но и опасным для обсуждения»[33], но лишь просит короля как специалиста в этих вопросах помочь решить их, возможно, и путем коллективного публичного обсуждения: «Существуют ли ведьмы, возможна ли одержимость и проведение экзорцизма в наши дни – вопросы достойные решения на созванных торжественных конференциях или диспутах в любом из университетов, но не тяжелой рукой, частным пером и угрозами. Хотя, как я слышал, теперь они отказались от своих ранних обвинений в фальсификации истории Мэри Гловер»[34].

И король услышал Джона Свона. В краткосрочной перспективе решение короля освободить заключенных министров, прекратить их дальнейшее преследование казалось грандиозной победой пуританского меньшинства. Однако уже спустя год можно было с уверенностью подытожить, что пуритане выиграли битву, проиграв войну.

[31] *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы… С. 278; *Almond P.C.* Demonic possession and exorcism in early modern England… P. 3; Witchcraft and Hysteria in Elizabethan London… P. 46.
[32] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…
[33] Ibid.
[34] Ibid.

В 1604 г. Англиканская церковь издала новый свод законов «Code of Canon Law»[35] или канонического права, включавший во второй части под пунктом 1172 «Таинства» запрет на проведение всех несанкционированных экзорцизмов, известный впоследствии как «Канон 72» и звучавший следующим образом:

«Канон 1172. § 1. Никто не может законно совершать экзорцизм над одержимыми, если он не получил специального и явного разрешения от местных властей.

§ 2. Местные власти могут дать это разрешение только пресвитеру, обладающему благочестием, знаниями, благоразумием и порядочностью».

Данный канон представлял собой прямой ответ на усилия Дж. Даррелла и других пуритан, в том числе и Хьюза, по внедрению практики экзорцизмов постом и молитвой, особенно коллективных (общинных) ритуалов. То, что не вышло у Ричарда Бэнкрофта в 1599 г., наконец-то удалось в 1604 г. Пуританской практике изгнания нечистой силы пришел конец. Так как решение в отношении прекращения этой практики было эффективно настолько, насколько в этом были заинтересованы англиканские власти (высшие чины Англиканской церкви). А заинтересованы они были: в XVII в. не было получено ни одного известного разрешения на проведение данного ритуала от англиканских властей[36].

Со временем идея одержимости потеряла свою востребованность в пуританской среде и стала ассоциироваться исключительно с папистами, а ритуал экзорцизма, в том числе, как исключительно католический ритуал[37]. И не последнее место в этом процессе заняла деятельность Бэнкрофта и Харснетта, спровоцировавших расправы и показательные процессы над «невиновными» министрами на страницах памфлетов и трактатов. Серьезную поддержку в этом вопросе им оказали медики, тот же Э. Джордан при активном содействии короля Якова I, который принимал личное участие в разоблачении одержимых. Таким образом, такой жанр массового печатного слова, как популярный памфлет об одержимости, стал катализатором серьезных общественно-политических процедур.

В 1604 г. король Яков созвал конференцию в Хэмптон-Корте для решения проблем церковного устройства. На ней была задумана новая англиканская версия Библии, ставшая ответом на проблемы более ранних переводов, имевших хождение среди пуритан, как, например, версия Томаса Нортона. Король лично дал инструкции переводчикам – Библия должна была отражать епископальную структуру Англиканской церкви и ее веру в рукоположенное духовенство.

Это было только начало в деле усиления епископальных полномочий. В 1606 г. произошел «якобитский компромисс», согласно которому епископат был восстановлен в правах и землях, но при этом находился в полном подчинении короля.

Нередко короля Якова обвиняют в радикальной смене взглядов и выборе скептического направления в отношении вопросов демонологии и ведовства, но по мнению некоторых исследователей его взгляды остались прежними[38], а его действиями по усилению Англиканской церкви скорее руководили прагматизм и рациональный расчет.

В 1603 г. Яков I Стюарт, только став королем Англии, уже оказался в сложнейшей ситуации противоборства религиозных общин, каждая из которых таила в себе серьезную угрозу государю в случае несоответствия его политики их ожиданиям. Так, в 1603 г. группа католических священников всерьез задумывалась над свержением короля из-за его отказа отменить карательные законы против английских католиков[39]. Угрожает в своем памфлете и Джон Свон, говоря о том, что в случае если король оставит интересующие его вопросы без рассмотрения, он будет вынужден привлечь к проблеме внимание широких общественных

[35] Code of canon law. Book IV. Function of the church. Title I: Sacramentals (Cann. 1166–1172). 1604 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/eng/documents/cic_lib4-cann1166-1190_en.html#TITLE_I (дата обращения: 31.07.2021).

[36] *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. New York, 1971. P. 366.

[37] *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии… С. 282.

[38] Там же. С. 284; *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic… P. 366.

[39] *Серегина А.Ю.* Англичане или католики? … С. 77–90.

масс[40]. В этом ключе его действия по усилению роли епископата, расширению властных возможностей Англиканской церкви, прекращению проповеднической вольницы старост и пресвитеров не кажутся такими непоследовательными. Формирование новых общих символов веры, в том числе новой версии перевода Библии, стало началом для объединения страны после проведенных религиозных реформ, и запрет на проведение экзорцизмов был лишь частью этого плана.

В итоге официальная церковь уступила свою власть над демонами власти политической. Для протестантов умеренного крыла, которое скептически относилось к одержимости и околдованию, уже не имело значения, что англиканское духовенство отказалось от одного из самых впечатляющих древних проявлений клерикальной власти – способности изгонять демонов. Благодаря этому тема одержимости и экзорцизма потеряла свою актуальность и практически исчезла из поля общественного интереса. Последний всплеск издания популярных памфлетов на эту тему случился в Англии полвека спустя, накануне и в период Гражданской войны, чтобы впоследствии уже окончательно исчезнуть из массовой периодической печати[41].

Литература

Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб.: Алетейя, 2009. 332 с.

Серегина А.Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI – начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 77–90.

Серегина А.Ю. Чем пахнет дьявол? Одержимость, экзорцизм и религиозная полемика в Англии конца XVI — начала XVII вв. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 26. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 41–66.

Таубер В.А. Рецензия на: Серегина А.Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603) // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2 (6–7). С. 296–305 [Электронный ресурс]. URL: http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-tauber (дата обращения: 31.07.2021).

Almond P.C. Demonic possession and exorcism in early modern England: contemporary texts and their cultural context. New York: Cambridge University Press, 2004. 405 p.

Code of canon law. Book IV. Function of the church. Title I: Sacramentals (Cann. 1166–1172). 1604 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/eng/documents/cic_lib4-cann1166-1190_en.html#TITLE_I (дата обращения: 31.07.2021).

Fissell M.E. Vernacular bodies: the politics of reproduction in early modern England. Oxford. New York: Oxford University Press, 2004. 283 p.

Gibson M. Possession, puritantism and print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan exorcism. Controversy, London, 2006. 218 p.

Harsnett S. A declaration of egregious popish impostures to with – draw the harts of her Maiesties subiects from their allegiance, and the truth of Christian religion professed in England, under the pretence of casting out deuils. London, 1603 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/declarationofegr00hars/mode/2up (дата обращения: 31.07.2021).

Levack B. The Devil within. Possession and Exorcism in the Christian West. Yale University, 2013. 347 p.

Sands K.R. Demon possession in Elizabethan England. Greenwood Publishing Group, Inc., Westport, CT., 2004. 227 p.

Swan J. A true and brief report, of Mary Glovers vexation, and of the deliverance by the means of fasting and prayer. 1603 [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/A_True_and_briefe_Report_of_M_Glovers_ve/qiay0fEDf5gC?hl=ru&gbpv=1 (дата обращения: 31.07.2021).

[40] *Swan J.* A true and brief report, of Mary Glovers vexation…

[41] *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic… P. 368.

Thomas K. Religion and the Decline of Magic. New York: Scribner, 1971. 714 p.

Witchcraft and Hysteria in Elizabethan London. Edward Jorden and Mary Glover Case / ed. by M. MacDonald. London: New York, 1999. 372 p.

References

Almond, P.C. (2004). *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their Cultural Context*. New York, Cambridge University Press. 405 p.

Code of Canon law. Book IV. Function of the Church. Title I: Sacramentals (Cann. 1166–1172). 1604 Available at: URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/eng/documents/cic_lib4-cann1166-1190_en.html#TITLE_I (date of accesses: 31.07.2021).

Igina, Yu.F. (2009). *Vedovstvo I vedmy v Anglii. Antropologya zla* [Witchcraft and Witches in England. Anthropology of Evil]. St. Petersburg, Aleteiya. 332 p.

Fissell, M.E. (2004). *Vernacular Bodies: the Politics of Reproduction in Early Modern England. Oxford*. New York, Oxford University Press. 283 p.

Gibson, M. (2006). *Possession, Puritantism and Print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan Exorcism*. Controversy, London. 218 p.

Harsnett, S. (1603). *A Declaration of Egregious Popish Impostures to with – Draw the Harts of her Maiesties Subjects from their Allegiance, and the Truth of Christian Religion Professed in England, under the Pretence of Casting out Deuils*. London [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/declarationofegr00hars/mode/2up (дата обращения: 31.07.2021).

Levack, B. (2013). *The Devil Within. Possession and Exorcism in the Christian West.* Yale University. 347 p.

Sands, K.R. (2004). *Demon Possession in Elizabethan England*. Greenwood Publishing Group, Inc, Westport, CT. 227 p.

Seregina, A.Yu. (2005). Anglichane ili katoliki? Katolicheskie pamfletisty XVI – nachala XVII veka v istorii angliyskoy politicheskoy mysli [English or Catholic? Catholic Pamphleteers of the 16th – Early 17th Century in the History of English Political Thought]. In *Journal Dialogue with Time.* Vol. 15. Moscow, IWH, pp. 77–90.

Seregina, A.Yu. (2018). Chem pakhnet d'yavol? Oderzhimost', ekzortsizm i religioznaya polemika v Anglii kontsa XVI – nachala XVII v. [What does the Devil Smell Like? Possession, Exorcism and Religious Polemics in the Late 16th – Early 17th Ccentury in England]. In *Adam & Eve. Gender history review.* No. 26. Moscow, IGH RAS, pp. 41–66.

Swan, J. (1603). *A True and Brief Report, of Mary Glovers Vexation, and of the Deliverance by the Means of Fasting and Prayer*. Available at: URL: https://www.google.ru/books/edition/A_True_and_briefe_Report_of_M_Glovers_ve/qiay0fEDf5gC?hl=ru&gbpv=1 (date of accesses: 31.07.2021).

Thomas, K. (1971). *Religion and the Decline of Magic*. New York, Scribner. 714 p.

Tauber, V. (2020). Retsenziya na: Seregina A.Yu. London i Reformatsiya. Zhizn' angliyiskoyy stolitsy v epokhy Tyudorov (1485–1603) [Review on: Seregina A.Yu. London and the Reformation. Life of the English Capital in the Age of the Tudors, 1485–1603]. In *Vox medii aevi*. Vol. 1-2 (6-7), pp. 296–305. Available at: URL: http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-tauber (date of access 31.07.2021).

MacDonald, M. (1999). Witchcraft and Hysteria in Elizabethan London. Edward Jorden and Mary Glover Case. London, New York. 372 p.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021 г.

Л.В. Титова*

Публицистические сочинения старообрядцев как механизм трансляции политических и нравственных идей (на материалах Собрания рукописей Института истории СО РАН)

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-6

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

Титова Л.В. Публицистические сочинения старообрядцев как механизм трансляции политических и нравственных идей (на материале Собрания рукописей Института истории СО РАН) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 88–96. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-06.pdf

L.V. Titova*

Publicistic Works of Old Believers as a Mechanism for the Transmission of Political and Moral Ideas (Based on the Materials of the Collection of Manuscripts of the Institute of History SB RAS)

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-6

How to cite:

Titova L.V. Publicistic Works of Old Believers as a Mechanism for the Transmission of Political and Moral Ideas (Based on the Materials of the Collection of Manuscripts of the Institute of History SB RAS) // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 88–96. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-06.pdf]

Abstact. Based on the material of the Collection of Handwritten and Old Printed Works, the article discusses the problem of the way of transmitting political and moral ideas to like-minded Old Believers. The adherents of the old belif decisively created a huge number of polemical, journalistic and epistolary works, in which they testified to the inviolability of national church traditions. One of the main themes in the Old Believer literature is especially noted – the theme of the martyrdom of the first defenders of ancient piety, the personal moment is skillfully brought into general discussions about the atrocities of the authorities, mass repression and mass martyrdom of Russian people, true Christians who refused to accept church reform and violate the traditions of Russian Orthodoxy. An appeal to their creative heritage provided an opportunity to conclude that the publicistic work of the leaders of the first generation of Old Believers for three centuries ensures the continuity of their political and moral ideas, which formed the platform of the Old Believer ideology and writing. The article makes an attempt to determine the degree of influence of intellectual leaders on their like-minded people, to reveal the nature of the impact of their socially significant and socially recognized works on the readers of future generations.

Keywords: Old Believer journalism; ideologists and leaders of the early Old Believers; polemic-dogmatic and historical works; Collection of manuscripts and early printed books of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Academy of Sciences; political and moral ideas.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на материале Собрания рукописных и старопечатных книг рассматривается проблема способа трансляции политических и нравственных идей единомышленникам старообрядцами. Приверженцы старой веры решительно создали огромное количество полемических, публицистических и эпистолярных сочинений, в которых они засвидетельствовали незыблемость национальных церковных традиций. Особо отмечается одна из главенствующих тем в старообрядческой литературе – тема мученичества первых за-

* **Титова Любовь Васильевна**, кандидат филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: titova_istochnik@mail.ru
Titova Lubov Vasilievna, Candidate of Philological Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: titova_istochnik@mail.ru

щитников древнего благочестия, искусно вводится личностный момент в общие рассуждения о жестокости властей, массовых репрессиях и массового мученичества русских людей, истинных христиан, отказывавшихся принять церковную реформу и нарушить традиции русского православия. Обращение к их творческому наследию предоставило возможность сделать вывод о том, что публицистическое творчество лидеров первого поколения старообрядцев на протяжении трех столетий обеспечивает преемственность их политических и нравственных идей, составивших платформу старообрядческой идеологии и письменности. В статье делается попытка определить степень влияния интеллектуальных лидеров на их единомышленников, выявить характер воздействия их общественно-значимых и общественно-признанных сочинений на читателей грядущих поколений.

Ключевые слова: старообрядческая публицистика; идеологи и лидеры раннего старообрядчества; полемико-догматические и исторические сочинения; Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН; политические и нравственные идеи.

Раскол в Русской церкви, свершившийся в середине XVII в., обернулся страшной трагедией для всего православного мира. Он разделил общество на два лагеря непримиримых противников: с одной стороны оказались те, кто принял церковную реформу патриарха Никона, с другой – защитники старого обряда, борцы с нововведениями в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Противники церковной реформы не только обращались с проповедями к православному населению, но и писали большое количество челобитных на имя Алексея Михайловича с целью убедить его в незаконности действий реформатора, пытались найти аргументы, свидетельствующие об этом, надеялись на отмену результатов реформы.

Когда же их надежды на возврат истинного православия, традиций и заветов предков окончательно рухнули, а это случилось после церковного собора 1666–1667 гг., осудившего защитников староверия и отлучившего их от церкви, разославшего по разным тюрьмам, приверженцы старой веры решительно взялись за перо, чтобы засвидетельствовать незыблемость церковных традиций. За годы гонений они создали огромное количество полемических, публицистических и эпистолярных сочинений, составивших платформу старообрядческой идеологии и письменности. А самая главная ценность старообрядческой литературы[1] состоит в том, что она на протяжении трех столетий обеспечивает преемственность идей, заложенных лидерами русского старообрядчества.

В настоящей статье мы попытаемся на материале рукописного Собрания Института истории СО РАН (ныне Центр хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий) показать, как происходила трансляция политических и нравственных идей, заложенных отцами – наставниками староверия читательской аудитории единомышленников.

Прежде всего, надо отметить характерные особенности и специфику рукописного Собрания ИИ, связанные с его формированием. В шестидесятые годы сотрудниками Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР, Новосибирского государственного университета и Института истории, филологии и философии СО АН СССР были предприняты первые археографические поездки в районы старообрядческого населения Урала и Сибири. Полевая работа активизировалась особенно с созданием Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР, экспедиции стали постоянными, главной задачей было налаживание контактов со старообрядческим населением, а также выявление и приобретение рукописей и старопечатных книг[2]. Экспедиционные приоб-

---

[1] Сочинения, созданные защитниками старого обряда, справедливо рассматриваются исследователями как неотъемлемая часть русской литературы. Старообрядческие полемисты, категорически отвергая новшества в каких бы то ни было проявлениях, по существу оказались новаторами в писательском деле.

[2] Подробнее о начале археографической работы в Сибири и формировании рукописного фонда Института истории см.: *Панич Т.В.* Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. Новосибирск, 2009. С. 177–181; *Панич Т.В.* Собрание старопечатных книг и рукописей XVI–XX вв. Института истории СО РАН

ретения положили начало формированию книжного фонда[3], который в дальнейшем оформился в «Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН», насчитывающих к настоящему времени более полутора тысяч единиц хранения[4].

Поскольку основная масса рукописей Собрания происходит из среды старообрядцев, это определило его специфику. В рукописной части Собрания значительное место занимают памятники старообрядческой письменности. Среди них тексты святоотеческой литературы, жития византийских и русских святых. Особое место в рукописях занимают сочинения эсхатологической тематики. Традиционно это творения Ефрема Сирина, Ипполита, Папы Римского, Палладия Мниха и многочисленные списки Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского. Большой интерес представляют сохранившиеся в Собрании оригинальные тексты, принадлежащие перу лидеров старообрядческого движения, среди которых замечательная рукопись первой четверти XIX в., содержащая неповторяемый вариант популярной в старообрядческой среде «Книги Слов» Спиридона Потемкина[5], где рассматриваются основные вопросы, по которым не прекращались споры защитников старой веры с официальной церковью: это Слова о крестном знамении, о Святом Духе и об аллилуйе. Большая же часть «Книги» посвящена изложению учения об антихристе и последних временах. Главная идея Спиридона Потемкина – толкование текущего момента как предсказанного в Апокалипсисе «последнего времени» накануне наступления «антихристова царства». Спиридоном Потемкиным здесь изложена теория о четырех отступлениях от истинной веры, которая была принята, развита духовным сыном его дьяконом Федором и зафиксирована им в «Ответе православных». В дальнейшем защитники старого обряда активно использовали эту теорию при формировании идеологии старообрядчества, а также при оформлении согласий.

Об интенсивной жизни этого очень важного общественно-значимого идеологического документа для старообрядчества свидетельствует широкое распространение его в рукописных сборниках XVII–XX вв. и активное использование этого текста старообрядцами при составлении полемических сочинений в защиту староверия.

Рукопись «Книги» Спиридона Потемкина в нашем Собрании представляет особый интерес для исследователей тем, что ее текст отражает один из последних этапов (а может быть финальный этап) в истории формирования «Книги». Изучение ее бытования показало, что она, начиная с конца XVII в., время от времени дополнялась авторитетными текстами отцов-основателей, которые продолжали свою жизнь в едином контексте с «Книгой» Спиридона Потемкина[6], а в дальнейшем это устойчивое сопровождение «Книги» перерастало в единство с нею. Так, в нашей рукописи «Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве» стало частью «Книги», окончательно утвердилось в ее составе и помечено здесь как «Слово 10»[7].

как источник изучения духовной культуры сибиряков // Экономическое развитие Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2016. С. 234–238; *Ромодановская В.А.* О Николае Николаевиче Покровском и началах сибирской археографии: эссе // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию акад. Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 644–653.

[3] О первых экспедиционных поездках в старообрядческие поселения и книжных находках см. замечательную книгу, выдержавшую три издания: *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005.

[4] Рукописи Собрания описаны: *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991 (далее – Описание, 1991); *Мальцев А.И., Панич Т.В., Титова Л.В.* Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998 (далее – Описание, 1998); *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание рукописей XVI–XX вв. из собрания Института истории СО РАН. Новосибирск, 2011 (далее – Описание, 2011).

[5] Центр хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий Института истории СО РАН (ИИ). 8/87 (Описание, 1998. С. 154), также в Собрании есть гектографическое издание этой «Книги», ИИ. 6/71-г (Описание, 1991. С. 93).

[6] *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу и «Книга» Спиридона Потемкина // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 48–57.

[7] ИИ. 8/87. Л. 224–246.

Спиридон Потемкин – один из авторитетнейших идеологов раннего этапа старообрядческого движения, почитался всеми поколениями[8] защитников старого обряда, а его сочинения и по сию пору остаются востребованы ими.

Опираясь на тексты Священного писания, отцов церкви, а также на полемико-догматические сочинения писателей первого поколения староверия, писателей-поморцев Выголексенской пустыни, защитники старого обряда в XVIII и XIX вв. создавали разнообразные по стилю и содержанию сочинения, которые свидетельствовали о нарушении реформаторами традиций Русской церкви.

Одним из выразительнейших примеров этого рода литературы, на наш взгляд, следует считать хранящиеся в нашем Собрании три объемистых рукописных сборника[9], воссоздающих единый тематический комплекс. Эти сборники были составлены в конце XIX в. в Тюменской области. «К составлению сборников был причастен влиятельный поморский наставник Варсонофий Иванович Макаров. Вероятно, первоначально он и являлся владельцем всего этого комплекса, представляющего собой уникальную антологию старообрядческой литературы. Многие страницы сборника написаны его рукой, в том числе и его собственные». Подтверждением тому, что все три сборника являются единым комплексом, служит и сплошная авторская пагинация: Первым в этом ряду стоит сборник 13/74, затем 14/74, и затем 2/77, заканчивающийся 2595 листом.

Сборники включают искусную авторскую подборку из сочинений отцов церкви, житийной литературы, сочинений полемистов XVI в. М. Грека, Иосифа Волоцкого, здесь же переписаны сочинения по истории поморского согласия и т.д. Как на раннем этапе истории старообрядчества, так и на более позднем на формирование политических взглядов старообрядчества основное влияние оказывали три крупных историко-литературных пласта древнерусской книжности, о которых пишет Н.Н. Покровский в статье «Книги Тарского бунта 1722 года», а именно «раннехристианская византийская святоотеческая литература, сочинения украинско-белорусских полемистов XVI–XVII вв., новое общественно-литературное явление – писания русских старообрядцев…»[10].

Среди всего круга старообрядческих проблем, как уже неоднократно упоминалось, видное место в сборниках занимает эсхатология, краеугольный камень в идеологии староверия. Автор прежде всего обращается к произведениям, перешедшим на Русь из византийской литературы, к таким как «Слово Ипполита, папы Римского о Христе и антихристе», «Слово Ефрема Сирина на пришествие антихриста», «Слово Палладия мниха о втором пришествии Христове» и др. Особое место среди сочинений этой тематики занимают оригинальные старообрядческие тексты.

Традиционно теме антихриста в старообрядческой литературе сопутствует тема о молении за царя. В наших сборниках помещены многочисленные выписки из Просветителя Иосифа Волоцкого, Устава, Щита веры, которые перемежаются с уникальными сочинениями приверженцев старой веры, такими как «Повесть о старце Филиппе и Терентии»[11], «Вопросы филипповцев поморцам о молении за царя», «Вопросы и ответы о молении за царя» Варфоломея и Матфея, «Ответы Варсонофия Ивановича на вопросы Ивана Григорьевича», а также многочисленные послания на эту тему.

В сборниках нашли широкое отражение и самые значительные историко-догматические памятники старообрядчества: «Пятая Соловецкая челобитная», «История о Выговской пустыни Ивана Филиппова», «История об отцах и страдальцах Соловецких Семена Денисова», «Поморские ответы и послания Андрея Денисова», «История о вере и челобитная о

[8] Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 269–270. Канонизирован РПЦ в 2018 г.

[9] ИИ. 13/74, 14/74 и 2/77.

[10] Сборники подробно описаны, см.: *Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание Тюменских старообрядческих сборников ИИФиФ и УрГУ // Источники по общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 156–268.

[11] См.: *Демкова Н.С., Ярошенко Л.В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 174–191.

стрельцах» Саввы Романова и др. Среди публицистических сочинений писателей раннего периода старообрядчества следует особо отметить фрагменты из «Книги бесед Аввакума и его послания царю Федору Алексеевичу», «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора, его же «Прение с митрополитом Афанасием», «Послание некоему боголюбцу инока Авраамия» и многие другие.

Завершая обзор этого уникального свода текстов, своеобразной антологии старообрядческой литературы, необходимой в старообрядческой полемической практике, еще раз подчеркнем, что она впитала лучшие тексты, необходимые защитникам старой веры, чтобы отстаивать свое право на отделение от официальной церкви, а главное, что они сумели передать свои политические и нравственные идеи как единоверцам-современникам, так и потомкам.

Особой строкой вписывается в старообрядческую литературу тема мученичества первых защитников древнего благочестия, вводится личностный момент в общие рассуждения о жестокостях властей, массовых репрессиях и массовом мученичестве русских людей, истинных христиан, отказывавшихся принять церковную реформу и нарушить традиции русского православия.

Как правило, старообрядческие рукописные собрания (и наше Собрание не исключение) хранят значительные историко-литературные памятники, такие как «История об отцах и страдальцах Соловецких». В рукописях обычно дается название-аннотация, раскрывающее содержание сочинения: «История об отцах и страдальцах Соловецких[12], иже за благочестие и святые церковные законы и предания в настоящее времена великодушно пострадаша. От автора. Симеон Денисов князь Мышецкий. Аще убо древний творец Омир (Гомер), толико тщание, толико подвизание, толикий труд показа, во еже написати Тройска града начало, жительство и разорение, во еже показати мужы исполины храбрыя, иже за честь отечества даже до смерти подвизашася, колико нам подобает множайшее тщание, вящий подвиг, теплейшее усердие явити ко изъявлению не града крепка и преславна, стен твердостию чудима…», и «Виноград Российский»[13] Семена Денисова – знаменитый староверческий мартиролог, составленный также настоятелем Выговской обители Семеном Денисовым. Он содержит около 70 глав – житий страдальцев за старую веру. Написан «Виноград» в 1730–1733 гг. Собирая материал для жития того или иного страстотерпца, Семен Денисов обращался как к документам, так и к непосредственным участникам и свидетелям тех событий, многие из которых в то время были живы. В том же ряду выдающихся литературно-исторических памятников следует назвать «Историю Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова.

Спецификой христианских мученичеств-мартириев (acta) является их историчность и документальность: сообщаются не только имена участников события и очевидцев. Своеобразный историзм начальной старообрядческой литературы в полной мере проявился в создании таких выдающихся памятников прозы начала XVIII в.

Среди первых страдальцев за истинную веру, предание святоотеческое и древнее благочестие следует назвать Павла, епископа Коломенского, протопопа Аввакума, дьякона Федора, священника Лазаря, инока Епифания и других идеологов раннего этапа старообрядческого движения. Именно им посвящены первые сочинения-мартирии, которые в большом количестве сохранились как самостоятельные тексты: это прежде всего «Сказание о Павле, епископе Коломенском, первом мученике за веру». Он открыто и смело выступил против никоновских церковных реформ и за это принял мученическую кончину. Епископ Павел – первая жертва варварской расправы Никона со своими противниками.

«Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» написано старообрядческим книжником дьяконом Федором (Ивановым) на рубеже 1667–1668 гг. как образцовый старообрядческий текст: изображает допрос и мучения сторонников старой веры и свершающиеся с ними чудеса (явное доказательство святости персонажей). При этом Аввакум («сильный Христов

[12] См.: ИИ. 57/71. Л. 362–430 об. (Описание, 1991. С. 86); 44/71. Л. 1–40 об. (Описание, 1991. С. 82); ИИ. 9/97. Л. 151–231 (Описание, 1998. С. 86, 155–156) и многочисленные выписки из него.

[13] См.: ИИ. 57/71. Л. 1–360 об. (Описание, 1991. С. 86) и выписки из него.

воевода»), Лазарь («храбрый Божий слуга») и Епифаний («воин Небесного Царя Христа») переносят страдания со смирением и упованием на Господа, поскольку воспринимают их как способ перехода в Царство Божие. Именно их имена, подвижников и страдальцев за веру, с благоговением хранят старообрядцы на протяжении более трех столетий.

На наш взгляд, несомненный интерес представляют и поэтические сочинения старообрядцев, имеющие непосредственное отношение к историческим событиям, историческим лицам раннего этапа старообрядчества. В данном случае речь идет об одном из популярнейших жанров старообрядческой литературы — Духовным стихам, пользовавшимся огромной популярностью в книжной среде. Они часто названы лаконично и выразительно и в каждом крик души страждущего за веру христианина:

«Аввакум во изгнании». Нач.: «Укрепи меня о Боже / На великую борьбу…» (ИИ. 18/06-г. Л. 9–10 об.; Описание, 2011. С. 167);

«О Никоне». Нач.: «По грехом нашим на нашу страну / Попустил Господь такову беду…» (ИИ. 18/06-г. Л. 11–14; Описание, 2011. С. 167);

«Гонение на веру». Нач.: «Здесь везде одно гоненье, / И пристанища нам нет…» (ИИ. 18/06-г. Л. 14–15; Описание, 2011. С. 167);

«Боярыня Морозова». Нач.: «Снег белый украсил светлицы, / Дорогу покрыл пеленой…» (ИИ. 18/06-г. Л. 15–15 об.; Описание, 2011. С. 167);

«О последнем времени». Нач.: «Христос с учениками из храма выходил Пред крестною смертью своей…» (ИИ. 18/06-г. Л. 16–17. Описание, 2011. С. 167);

«Стих о последнем времени». Нач.: «О, злостный рок под солнцем / Всех сынов Адамлих, во удоли сей…» (ИИ. 16/06-г. Л. 22–22 об.; Описание, 2011. С. 166);

«Памяти протопопа Аввакума». Нач.: «В Даурии дикой пустынной Отряд воеводы идет…» (ИИ. 16/06-г. Л. 23–23 об.; Описание, 2011. С. 166);

«Стих памяти боярыни Морозовой». Нач. «Святая наша мать родная / К тебе все грешные толпой…» (ИИ. 16/06-г. Л. 20; Описание, 2011. С. 166);

«О разорении Соловецкого монастыря». Нач.: «Что во славном было царстве, во Московском государстве…» (ИИ. 1/83-г. Л. 68 об.–73; Описание, 1991. С. 220);

«Верушка первозванная». Нач.: «Уж ты верушка первозванна Самим Господом нам созданная…» (ИИ. 2/76. Л. 46 об. – 47; Описание, 1991. С. 156);

«Песнь смиренных страдальцев». Нач.: «Боже, приидоша времена даже до нас о них пророчено уже прежде нас…» (ИИ. 1/83-г. Л. 68 об. – 73; Описание, 1991. С. 219);

«Рифмы воспоминательны о киновиарсе выговского общежительства Андрея Деонисиевича, вкратце всего жития его». Нач.: «Европа ты славнейшая, мужа сего изнесшая…» (ИИ. 6/72. Л. 39 об. – 44 об.; Описание, 1991. С. 102);

«Стих о втором пришествии Христове и о судном дни». Нач.: «О пречудный владыко, многомилостиве, прими наше рыдание слезное…» (ИИ. 16/83. Л. 1–26 об.; Описание, 1991. С. 216);

«В дни Антихриста последнее время / Сбылось пророчество святое…» (ИИ. 14/89. Л. 13 об. – 14 об.; Описание, 1998. С. 180);

«Протопоп Аввакум». Нач.: «Расскажу я вам повесть печальную…» (ИИ. 4/89. Л. 6 об. – 8; Описание, 1998. С. 179);

«Стих о преобладании нечестия». Нач.: «По грехом нашим на нашу страну…» (ИИ. 4/89. Л. 1–3 об.; Описание, 1998. С. 179).

Мы сделали подробную выборку Духовных стихов со старообрядческой тематикой, чтобы показать, как широко охватывают они главные события из истории старообрядчества и какое важное место в них занимает тема мученичества защитников «древняго благочестия». Следует еще отметить тот факт, что Духовные стихи они бережно хранят, перечитывают и позволяют только копировать, не передают на хранение.

Как видно из всего сказанного, представители первого поколения противников церковной реформы были более убедительны в донесении своей точки зрения до читателей и слушателей, поэтому их сочинения активно переписывались и перерабатывались последу-

ющими поколениями староверия, причем одной из наиболее востребованных была тема мученичества первых защитников древнего православия.

Надо сказать, что старообрядческие книжники стремились передать своим последователям не только идеи, заложенные в полемико-публицистических памятниках, способных, по их мнению, прояснить причину и суть задуманной и осуществленной церковной реформы, они также старались передать и морально-нравственные устои истинных христиан, поскольку подходили к книжности прежде всего с точки зрения ее «душеполезности», особо ценили назидательность. Репертуар чтения большей части старообрядческого населения Сибири свидетельствует также об их целенаправленном интересе к определенным дидактическим литературным памятникам, среди которых «Великое зерцало», «Звезда пресветлая», «Патерики», «Фацеции», «Повести Римских деяний» и т.п.

Особый интерес представляли для защитников старого обряда популярнейшие произведения древнерусской письменности, такие как «Повести из Римских деяний», излюбленные и часто встречающиеся вне корпуса «Римских деяний» об Удоне и гордом царе Агее, а также «душеполезные» повести[14], сочетающие занимательность сюжета и дидактизм, среди них «Повесть о царице и львице» и даже «Беседа отца с сыном о женской злобе», которая сочетает в себе дидактичность и занимательность, чем и вызывала живой интерес у переписчиков и читателей, причем она была не только читаема ими, но и своеобразно отредактирована[15]. Именно на примере «Беседы» мне представляется возможным показать специфику старообрядческой правки. Напомним, что «Беседа отца с сыном о женской злобе» написана в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога, это своеобразный нравственный диалог отца и сына, который практически сводится к развернутому монологу отца, убеждающего сына «не жениться, чтобы без печали жити и опосле не тужити». Как бы передавая свой жизненный опыт и знания о кознях «злых жен», отец красочно описывает самые неприглядные их черты характера. Схема сюжета практически во всех редакциях одинакова: повествование начинается с обличения Евы, ослушавшейся Бога, далее идут зарисовки крадливой жены, злоязычной и блудливой, продолжают сравнения «злых жен» с самыми лютыми зверьми: львицей, медведицей, скорпией, аспидом, затем приводит краткие рассказы о библейских лицах и исторических персонах, пострадавших от злых жен. Завершается повествование своеобразным резюме отца: «Сыне мой, не буди собою укоряти естество женское, вельми бо зло. Вся бо сия видех и в Писании обретох, согласию твоему рекох»[16].

В нашем Собрании (ИИ, 30/71; Описание, 1991, с. 74) сохранился уникальный фрагмент «Беседы», начинающийся словами «…проповедания его ужасеся дьявол и нача трепещущи глаголати…», заканчивается: «…еще же и злаго владыки злеишии слуги, како смеяше возрети на столепное…». Отрывок примечателен тем, что в нем после рассказа об Иоанне Крестителе, пострадавшем (обезглавленном) из-за козней иудейской царицы Иродиады и ее дочери Саломеи, помещен текст, повествующий о житии и страданиях Стефана Уроша III, Сербского короля[17], и конфликте его с сыном из-за престолонаследия, который привел его к гибели от рук сына и его приспешников. Так впервые появляется в «Беседе» проблема отношения детей к родителям, в центре одна из главных христианских заповедей (5), которая гласит «Почитай отца твоего и мать твою». Именно так, с напоминанием о пятой заповеди, завершается фрагмент текста нашего списка: «Слыши сыне мой, как не помилова отеческую утробу, како не ущедри родительскую старость, како не устылися великия честности седин, како не устыди рекшаго в закон: Чти отца и матерь»[18].

---

[14] В самоназвании часто это отражено, наподобие «Повесть душеполезная со вниманием прочитающим и усердно слушающим» (см.: Описание, 2011. С. 48).

[15] Общеизвестно, что многие (если не сказать все) демократические повести, охотно читаемые староверами, подверглись редактированию, при изучении которых исследователи всегда отмечают особые тексты, представленные старообрядческими редакциями, которые, как правило, усиливают дидактический характер сочинения.

[16] *Титова Л.В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

[17] См.: Житие святого Стефана Дечанского. Память 11 ноября // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. Печенга; М., 2003. 750 с.

[18] ИИ. 30/71. Л. 6 об.

Этот текст неизвестен ни одному списку «Беседы» (а их в настоящее время насчитывается более 120), и только здесь, в рукописи (точнее, сохранившемся отрывке из рукописи XVIII в., полученной от старообрядцев), что наталкивает на мысль о старообрядческом происхождении этой версии «Беседы», тем более что характер переделки вполне соответствует стремлениям к усилению дидактичности.

Нет возможности (из-за ограничения объема) более подробно остановиться на принципах и характере старообрядческих переделок, да и тема эта заслуживает особого исследования, но, как нам представляется, приведен наглядный пример старообрядческих обработок назидательно-занимательных памятников демократической письменности.

Все вышесказанное еще раз подтверждает, что материалы Собрания являются ценным источником для изучения духовной культуры сибирского старообрядчества. Оно представляет своеобразную антологию сочинений, впитавших в себя главные идеи староверия и передавшие их не только читателям-единомышленникам, но и грядущим поколениям.

Материалы Собрания представляют интерес также и для исследователей традиционной древнерусской книжности, так как могут содержать неизвестные науке переработки известных повестей, бытующих в старообрядческой среде сибирского населения.

Литература

Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В. Описание Тюменских старообрядческих сборников ИИФиФ и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. С. 156–268.

Демкова Н.С., Ярошенко Л.В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 174–191.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского: с доп., объясн. примеч. и изображениями святых / Репр. изд. Печенга: Трифонов Печенг. монастырь. М.: Книжное дело, 2003. 750 с.

Мальцев А.И., Панич Т.В., Титова Л.В. Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во Со РАН; Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1998. 400 с.

Панич Т.В. Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 177–181.

Панич Т.В. Собрание старопечатных книг и рукописей XVI–XX вв. Института истории СО РАН как источник изучения духовной культуры сибиряков // Экономическое развитие Сибири: мат-лы Сибирского исторического форума. Красноярск: Резонанс, 2016. С. 234–238.

Панич Т.В., Титова Л.В. Описание рукописей XVI–XX вв. из собрания Института истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 322 с.

Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 280 с.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск: Сова, 2005. 344 с.

Ромодановская. В.А. О Николае Николаевиче Покровском и началах сибирской археографии: эссе // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию акад. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 644–653.

Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. 317 с.

Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Исследование и публикация текстов. Новосибирск: Наука, 1987. 416 с.

Титова Л.В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу и «Книга» Спиридона Потемкина // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск: Апостроф, 2019. С. 48–57.

References

Belyaeva, O.K., Panich, T.V., Titova, L.V. (1988). Opisanie Tyumenskikh staroobryadcheskikh sbornikov IIFiF i UrGU. [Description of the Tyumen Old Believers' Collections of IIFiF and USU]. In *Istochniki po obshchestvennoy mysli i kul'ture epokhi pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, Nauka, pp. 156–268.

Demkova, N.S., Yaroshenko, L.V. (1972). Maloizvestnoe staroobryadcheskoe sochinenie serediny XVIII v. "Istoriya postradavshikh otets Filippa i Terentiya" [A Little-Known Old Believer Work of the Middle of the 18th Century. "The story of the victims, father of Philip and Terenty"]. In *Rukopisnoe nasledie Drevney Rusi*. Leningrad, Nauka, pp. 174–191.

Mal'tsev, A.I., Panich, T.V., Titova, L.V. (1998). *Rukopisi XVI–XX vv. iz kollektsii Instituta istorii SO RAN* [Manuscripts of the 16th – 20th Centuries from the Collection of the Institute of History SB RAS]. Novosibirsk, SO RAN. 400 p.

Panich, T.V. (2009). Sobranie staropechatnykh knig i rukopisey Instituta istorii [Collection of Early Printed Books and Manuscripts of the Institute of History]. In *Muzei nauchnykh tsentrov i Institutov Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk. Ocherki formirovaniya i razvitiya.* Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 177–181.

Panich, T.V. (2016). Sobranie staropechatnykh knig i rukopisey XVI–XX vv. Instituta istorii SO RAN kak istochnik izucheniya dukhovnoy kul'tury sibiryakov. [Collection of Early Printed Books and Manuscripts of the 16th–20th Centuries Institute of History SB RAS as a Source for Studying the Spiritual Culture of Siberians]. In *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri: materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma.* Krasnoyarsk, Rezonans, pp. 234–238.

Panich, T.V., Titova, L.V. (1991). *Opisanie sobraniya rukopisey IIFiF SO AN SSSR* [Description of the Collection of Manuscripts of the Institute of Philosophy and Philology of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Novosibirsk, Nauka. 280 p.

Panich, T.V., Titova, L.V. (2011). *Opisanie rukopisey XVI–XX vv. iz sobraniya Instituta istorii SO RAN* [Description of Manuscripts of the 16th–20th Centuries from the Collection of the Institute of History of the SB RAS]. Novosibirsk, SO RAN. 322 p.

Pokrovskiy, N.N. (2005). *Puteshestvie za redkimi knigami* [Rare Book Journey]. Novosibirsk, Sova. 344p.

Romodanovskaya, V.A. (2020). O Nikolae Nikolaeviche Pokrovskom i nachalakh sibirskoy arkheografii: esse [About Nikolai Nikolaevich Pokrovsky and the Beginnings of Siberian Archeography: an Essay]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkheografii. K 90-letiyu akad. N.N. Pokrovskogo.* Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 644–653.

Titova, L.V. (1987). *Beseda ottsa s synom o zhenskoy zlobe. Issledovanie i publikatsiya tekstov* [A Conversation Between Father and Son about Female Anger. Research and Publication of Texts]. Novosibirsk, Nauka. 416 p.

Titova, L.V. (2019). Poslanie diyakona Fedora Ioannu Avvakumovichu i "Kniga" Spiridona Potemkina [Epistle from Deacon Fyodor to Ioann Avvakumovich and "Book" by Spiridon Potemkin]. In *Istochniki po istorii Rossii: Problemy obshchestvennoy mysdi i kul'tury*. Novosibirsk, Apostrof, pp. 48–57.

Vurgaft, S.G., Ushakov, I.A. (1996). *Staroobryadchestvo. Litsa, predmety, sobytiya i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya* [Old Believers. Persons, Objects, Events and Symbols. Encyclopedic Dictionary Experience]. Moscow. 317 p.

(2003). *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei Sv. Dimitriya Rostovskogo* [Lives of the Saints in Russian, Set out According to the Leadership of the Chetikh-Minea of St. Demetrius of Rostov]. Pechenga, Trifonov Pecheng. monastyr. Moscow, Knizhnoe delo. 750 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

А.А. Тухель*

Трансформация топонимики Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века: государственно-идеологические воздействия

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-7

УДК 94(57)

Выходные данные для цитирования:

Тухель А.А. Трансформация топонимики Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века: государственно-идеологические воздействия // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 97–104. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf

A.A. Tukhel*

The Toponymical Transformation of the Verkhnee Pritom'e in the Latter Half of 19th Century – the 1st Quarter of 20th Century: State and Ideological Influences

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-7

How to cite:

Tukhel A.A. The Toponymical Transformation of the Verhnee Pritom'e in the Latter Half of 19th Century – the 1st Quarter of 20th Century: State and Ideological Influences // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 97–104. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf]

Abstract. The article tells about the problem of ethnic and culture process, caused by the state policy, on influencing toponymical system of the Verkhnee Pritom'e. Active ethnic and culture processes in this territory increased the complexity of this toponymical system including appearance of toponymical constructs, which resulted from peaceful and high intensive interaction of different ethnic groups in the latter half of 19th century – the 1st quarter of the 20th century; it was a synthesis of their culture and linguistic traditions. Such interaction was possible due to the population growth and peasant migrations to Siberia controlled by the government during the Stolypin agrarian reforms. Infrastructure projects were also a reason. The author emphasizes the main role of the state in stimulating culture and ethnic interaction between indigenous and alien population. The majority of the alien population were Russians, and they had significant influence on the toponymical system, and its general transformation. The research proves that particular toponymical layers began to form not only as a result of interaction between the Russians and the indigenous people but also as a result of state policy. The induced changes of the toponyms by the Soviet state were a new stage for the toponymical system of the region.

Keywords: toponym; ethnocultural process; toponymy system; state ideology.

The article has been received by the editor on 15.11.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблеме воздействия государственной идеологии на топонимическую систему Верхнего Притомья. Активизировавшиеся во второй половине XIX – первой четверти XX в. этнокультурные процессы на территории данного региона способствовали усложнению топонимической картины, в том числе появлению топонимов-конструктов, являвшихся продуктом мирного высокоинтенсивного взаимодействия различных этнических групп, синтеза их культурных и языковых традиций. Такое взаимодействие происходило благодаря росту численности населения в процессе реализации столыпинской аграрной реформы, а также инфраструктурных проектов, улучшавших качество жизни местного населения. Государство играло определяющую роль в стимулировании этнокультурных и межэтнических взаимодействий аборигенов и переселенцев. Влияние этих процессов на топонимику территории оказалось настолько значительным, что привело

* **Тухель Анатолий Андреевич**, магистрант, Томский государственный университет, Россия, Томск, e-mail: anatoly.tukhel@yandex.ru

Tukhel Anatoliy Andreevich, Master, Tomsk State University, Russian Federation, Tomsk, e-mail: anatoly.tukhel@yandex.ru

к изменению не только отдельных элементов, но и трансформации всей топонимической системы в целом. Кроме того, в исследуемый период отдельные пласты топонимов начинают формироваться непосредственно под воздействием государственной политики. Практика искусственного изменения топонимов советским государством определяла начало качественно нового этапа в функционировании топонимической системы Верхнего Притомья.

Ключевые слова: топоним; этнокультурный процесс; топонимическая система; государственная идеология.

Во второй половине XIX – первой четверти XX в. на территории Верхнего Притомья под воздействием активной деятельности государственной власти произошла значительная интенсификация этнокультурных процессов. Их протекание существенно сказывалось на топонимической системе данного региона. Наметившийся к середине XIX в. процесс «стирания» этнических границ аборигенных народов наиболее ярко проявился в связи с началом массового переселения русскоязычного населения на восток во второй половине XIX в. Последующие события, в числе которых столыпинская аграрная реформа и начало социалистических преобразований после революции, значительно повлияли на быт и традиции как местных инородцев, так и переселенцев.

Ввиду того, что топонимика является индикатором характера этнокультурных процессов, привлечение ее данных для оценки проводимой политики, характера взаимоотношений пришлого и аборигенного населения представляется весьма информативным.

Движение русскоязычного населения на восток было вызвано рядом причин. Во-первых, после отмены в 1861 г. крепостного права крестьяне перестали быть «крепки земле» и наиболее предприимчивые, активные, мобильные из них двинулись за Урал. Во-вторых, в 1865 г. произошло открытие кабинетских земель на территории Алтайского горного округа для свободного поселения крестьян. Это стимулировало миграцию населения в Сибирь, потоки которого проходили в том числе через территорию Томского и Кузнецкого уездов.

Численность населения Томской губернии с 1858 по 1883 г. увеличилась с 673 тыс. до 1 104 тыс. чел.[1], в 1903 г. она составила 2 239 тыс. чел.[2]

В последней четверти XIX в. государство взяло процесс переселения под свой контроль. Государственная политика в данной области не ограничивалась лишь регламентацией (например, изданием временных правил переселения от 10 июля 1881 г. и переселенческого закона от 13 июля 1889 г.), процесс обеспечивался как материальными ресурсами, так и инфраструктурой, развитие которой влияло на масштабы и темпы переселения, на качество и безопасность переселенческого процесса.

Ежегодный прирост переселенцев в Томской губернии по пятилетиям составлял в 1899–1903 гг. – 57 тыс. чел., в 1903–1908 гг. – 141 тыс. чел., в 1908–1913 гг. – 214 тыс. чел.[3]

Пиком миграции русскоязычного населения являлось проведение столыпинских аграрных преобразований. Важным компонентом столыпинской реформы являлось переселение значительной части крестьян из европейской части Российской империи на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока.

По данным «Памятной книжки Томской губернии на 1910 год», население Томской губернии в 1906 г. составляло 2 553 тыс. чел. За период 1906–1913 гг. численность населения увеличилась в общей сложности на 1 628 тыс. чел., среднегодовой прирост населения составил 7,3 %.

Происходило увеличение численности населения и за счет естественного прироста. В период 1907–1913 гг. население увеличилось на 515 тыс. чел. (среднегодовой естественный прирост – 85 тыс. чел.). Общее увеличение численности населения Томской губер-

---

[1] Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск, 1884. С. 6.
[2] Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 1.
[3] Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 302.

нии за данный период составило 1 426 тыс. чел., тогда как 901 тыс. чел. – это прирост в основном за счет переселенцев.

Если в 1908 г. общая численность населения составляла 3 100 тыс. чел., а в 1907 г. – 2 755 тыс. при естественном приросте населения в 62 тыс., то благодаря стихийным миграционным процессам и целенаправленной политике по переселению численность населения возросла на 283 тыс. чел. (следует отметить, что за всю вторую половину XIX в. в Томскую губернию переселилось всего около 350–400 тыс. чел.). В 1909 г. численность населения за счет переселенцев увеличилась на 271 тыс. чел., в 1910 г. – на 110 тыс., в 1911 – на 76 тыс., в 1912 г. – на 88 тыс., в 1913 г. – на 83 тыс.

Переселение инициировало образование новых населенных пунктов, появились новые ойконимы. К примеру, населенный пункт Сибирский, основанный в 1912 г., был назван в честь нового региона проживания переселенцев из европейской части России; Кайдулы была основана в начале XX в. – здесь поселились эстонские крестьяне, которые назвали свою новую деревню по фамилии известной эстонской поэтессы XIX столетия Лидии Кайдула; деревня Катина была основана в 1915 г. крестьянином-переселенцем из Поволжья; деревня Покровка была основана крестьянами-переселенцами 14 октября 1914 г. в православный церковный праздник, что и послужило поводом для названия.

Миграция в Сибирь превращалась из смелой и опасной «авантюры» в обеспеченную государственными средствами организованную миграцию. Создавалась соответствующая инфраструктура, которая была способна выдержать процесс массового переселения, в том числе и стихийного. Переселение становилось более привлекательным, нежели в предшествующие периоды освоения сибирских территорий. Так, по данным «Памятной книжки Томской губернии за 1910 год», «дорог выстроено за 1906–1908 гг. – 633 версты; производится постройка в 1909 г. новых дорог на протяжении 145 верст»[4]. Строительные работы производились в основном на территории Томского и Мариинского уездов, но планировались и в Кузнецком уезде. Таким образом, в 1908 г. на территории Томского уезда числилось 13 дорог, которые были напрямую связаны с переселенческим делом и относились к переселенческому району.

К изменению топонимики Верхнего Притомья приводило и строительство железных дорог. Катализатором данного процесса стало начало строительства в 1892 г. Сибирской железной дороги, которая также оказала влияние на топонимическую систему Верхнего Притомья, так как новым элементом последней стали названия железнодорожных станций и возникших при них населенных пунктов.

Так, город Юрга был основан в 1913 г. как пристанционный поселок на Транссибе, населенный пункт Арлюк – в 1915 г. как железнодорожная станция на линии Юрга-Новокузнецк.

«Вышеуказанный чрезвычайный наплыв переселенцев вызвал всемерное расширение работ по отводу переселенческих участков…»[5]. Создание переселенческих участков – один из ключевых факторов, влиявших на качественное изменение топонимической системы данного региона. Переселенческие участки в рамках переселенческого района занимали огромные площади, количество переселенческих долей росло с каждым годом. Переселенческие участки, имевшие всю необходимую инфраструктуру, постепенно превращались в полноценные населенные пункты со своими наименованиями (ойконимами) и занимали соответствующее место в топонимической системе Притомья.

Массовое заселение территории Верхнего Притомья сопровождалось повсеместным изменением землеустройства. Этот процесс напрямую затронул инородческое сословие и его особый статус.

В конце XIX в. российской властью проводилась реформа, направленная на унификацию инородческого и крестьянского сословий (постановления «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г.; «Главные основания

[4] Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. Приложения. С. 224–225.
[5] Там же. С. 220.

поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г.). Суть реформы сводилась к формированию единой системы управления двумя сословиями, унификации сословного статуса кочевых инородцев и крестьян, реорганизации инородческих управ и формированию на их базе крестьянских волостей, ликвидации кочевых инородческих управ, т.е. переводу оставшихся кочевых инородцев в разряд оседлых.

Если с 1822 г. переход из разряда в разряд был свободным, то в 1899 г. начался процесс принудительного перевода инородцев из разряда кочевых в оседлых. В самый разгар реформы, а именно в 1908 г., П.А. Столыпин потребовал от местных властей скорейшего перевода «кочевых инородцев в разряд оседлых»[6] в целях унификации системы административно-территориального управления и суда. В результате данной политики в Томской губернии были ликвидированы 82 инородческие управы, из них в Томском уезде – 16 управ, а на территории Кузнецкого уезда – 10 управ оседлых инородцев и 23 кочевых. Процесс завершился к 1913 г. «После административной реформы в Кузнецком уезде в 1912–1913-х гг. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости с “оседлыми инородцами”, что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых и территориальных связей, потере локальной этничности и ассимиляции в окружении увеличивающегося по численности русского населения в процессе переселенческой политики российского государства»[7].

Ликвидация кочевых инородческих управ была осуществлена не по причине неэффективности таковых, а из-за необходимости упрощения изъятия земли у населения. Данное мероприятие способствовало ликвидации целого пласта хоронимов.

После революции были запущены новые процессы качественного и количественного изменения топонимической системы Верхнего Притомья.

Социалистические преобразования затронули административно-территориальное устройство Томской губернии, которое претерпело значительные изменения. Наиболее масштабной из них была ликвидация в мае 1924 г. большинства волостей на территории Томской губернии, в частности на территории Томского уезда (например, Арлюкской, Варюхинской, Вознесенской и др.) и Кузнецкого уезда (например, Александровской, Бачатской, Баяновской и др.). Взамен образовались новые хоронимы – названия районов (в сентябре 1924 г. были образованы Кемеровский, Новокузнецкий, Беловский районы и т.д.). В 1925 г. сама Томская губерния прекратила свое существование как административно-территориальная единица, а ее территория вошла в состав Сибирского края, Томский и Кузнецкий уезды также были упразднены.

В послереволюционное время возникло множество топонимов, образованных под воздействием коммунистической идеологии. Так, в 1925 г. был основан населенный пункт Краснинск; в 1922 г. Кольчугино, основанное во второй половине XIX в. крестьянином Кольчугиным, по фамилии которого и называлось, было переименовано в Ленино; в 1920 г. село Брюханово, основанное в 1627 г. казаками Брюхановыми, было переименовано в Красное.

После 1917 г. переселение в Верхнее Притомье продолжается, хотя и затухающими темпами, образуются новые населенные пункты: в 1920-х переселенцами из Белоруссии был основан населенный пункт Белорус, переселенцами из Украины – Курейное. Русские крестьяне-переселенцы основали населенные пункты Ачкасово, Верхний Шурочак, Заречный, Лапшиновка, Лачиново, Пещерка и др.

Несмотря на унификацию крестьянского и инородческого сословия в конце XIX – начале XX в., на последующую советизацию коренных народов, увеличение количества русскоязычного населения и, соответственно, русскоязычных топонимов аборигеноязычные названия сохранялись, а их количество в некоторых местностях даже превалирует над

[6] *Шерстова Л.И.* Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации. Томск, 2007. С. 87.

[7] *Кимеев В.М.* Горная Шория: история и современность. Кемерово, 2018. С. 192–193.

русскоязычными. «Хотя в настоящее время абсолютное большинство жителей ее [Кемеровской области. – *А. Т.*] является русскоязычным населением, географические названия русского происхождения малочисленнее тех, которые были даны коренным населением»[8]. В основном это проявляется на территориях юга Кузбасса.

В топонимике Верхнего Притомья присутствуют топонимы четырех основных языковых групп, характерных для данного региона (южносамодийскоязычная, кетоязычная, тюркоязычная и русскоязычная), носители которых взаимодействовали друг с другом на протяжении длительного периода времени.

Одним из «продуктов» их культурного взаимовлияния являются топонимы-конструкты, т.е. топонимы, в состав которых входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более). При этом они представляют собой не просто два или более разноязычных слова или морфемы, а результат культурного восприятия и адаптации одной этнической группой культурного и лингвистического наследия другой.

На территории Верхнего Притомья можно выделить несколько групп топонимов-конструктов исходя из их языкового происхождения. К их числу относятся тюрко-русские топонимы-конструкты: населенный пункт Аило-Кузедеевское, Старый Шалай, Большой Улус, Ближний Кезек, Березовский Улус, Новый Улус, Дальний Кизек, Средние Кичи, Нижний Шурочак, Верхний Карагол, Верхний Тутуяс; река Белая Теба, Большая Анжерка, Малая Камчала, Малый Казыр, Малая Талда, Малый Шалым, Кайлотские горы, Караканский хребет, Нарыкские горы и т.д.

Имели место быть и подобные кето-русские топонимы-конструкты. Например, населенный пункт Верх-Тайменка, Большой Барандат, Усть-Анзас, Средний Майзас, Новый Берикуль, Нижняя Коура, Верхний Барзас, Верхний Калтан; река Большой Кийзас, Большой Теш, Большой Улуй, Большой Калтан, Большой Кундат, Большой Унзас, Мокрый Берикуль и т.д. Имеются также южносамодийско-русские топонимы-конструкты: горный хребет Бийская Грива, река Большой Базас, станция Юрга Первая, населенный пункт Верхний Базас, река Мазаловский Китат, населенный пункт Верх-Чумыш и т.д.

Следует отметить, что в результате высокоинтенсивного взаимодействия исключительно местного аборигенного населения также возникали топонимы-конструкты. После прихода русских продукт взаимодействия языковых традиций аборигенных народов был воспринят русскоязычным населением, а русский «компонент» становился органической частью географического названия. В результате образовывались и трехъязычные топонимы-конструкты. Примерами подобного рода синтеза культурно-языковых элементов могут служить: кето-южносамодийско-русские топонимы-конструкты – населенный пункт Нижний Ольжерас, Усть-Тарсьма и т.д.; кето-тюрко-русские – река Большой Назас, озеро Большой Берчикуль; населенный пункт Большой Берчикуль, Большой Нымзас, Верх-Кийзас-Улус, Верхний Кельзес и т.д.; тюрко-южносамодийско-русские – река Большая Кендас, Малая Кендас; населенный пункт Нижняя Камжалка, Верх-Подобас и т.д.

Образование топонимов-конструктов стало возможным благодаря отсутствию у русских переселенцев ксенофобии, открытости русского этноса и слабой внутренней консолидации аборигенных общностей, а также благодаря тесным, преимущественно мирным межэтническим контактам, культурному и техническому обмену. Кроме того, такие топонимы могли возникать в результате наслоения различных культурных пластов.

Топонимы-конструкты довольно широко распространены на территории Верхнего Притомья. Они являются уже неотъемлемой частью культуры и истории данного региона и являются прямым доказательством дружественных связей русскоязычных и аборигенных народов. Так, кочевья инородцев Кузнецкого округа по рекам Томи, Мрасе и Кондоме состояли из 147 населенных пунктов[9]. Из них 8 представляли собой топонимы-конструкты, что в свою очередь составляет примерно 5,4 % от общего количества.

---

[8] *Шабалин В.М.* Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск, 1994. С. 3.

[9] Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск, 1871. С. 242.

В состав названий некоторых почтовых станций Томской губернии, помимо русского элемента, входил инородческий. Из названий 88 станций (данные за 1871 г.) 10 представляли собой топонимы-конструкты, причем 6 из них располагались на пути от Томска до Нарыма и составляли примерно 11,36 % от общего числа. Следует отметить, что количественное соотношение односложных топонимов оставалось в пользу аборигенных (52 к 36 русскоязычным).

По данным «Памятной книжки Томской губернии за 1904 год», на территории Томского уезда зафиксировано 912 ойконимов и 245 гидронимов. Из них соответственно 25 и 22 являлись топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 2,7 % и 8,9 % от числа ойконимов и гидронимов. Таким образом, из 1 158 топонимов 47, т.е. 4,1 % от общего числа, представлены топонимами-конструктами.

На территории Кузнецкого уезда зафиксировано 559 ойконимов и 170 гидронимов. Из них соответственно 48 и 14 являлись топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 8,6 % и 8,3 % от числа ойконимов и гидронимов. Из 729 топонимов 62, т.е. 8,5 % от общего числа, представляют собой топонимы-конструкты.

Следовательно, количество топонимов-конструктов составляло примерно 5,8 % от общего количества топонимов Томского и Кузнецкого уездов (1 887 топонимов), зафиксированных в «Памятной книжке».

Образование столь сложной топонимической системы и такого большого количества топонимов-конструктов стало возможно благодаря высокоинтенсивным взаимодействиям местного аборигенного и вновь пришлого русского населения на данной территории, их взаимной ассимиляции и аккультурации.

Следует отметить, что изменение демографической ситуации в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX в., а именно – увеличение численности населения за счет стихийных и контролируемых государством миграций, естественного прироста, увеличения плотности населения; активное развитие инфраструктуры, в том числе строительство железных дорог, медицинских пунктов, свидетельствуют об интенсификации этнокультурных процессов. Увеличение общей массы русскоязычного населения, практически повсеместное землеустройство, организация переселенческих участков вызывали активизацию межэтнических контактов.

Анализ данных топонимики показал, что продуктом подобного взаимодействия различных этнических групп стало появление мультикультурных топонимов – топонимов-конструктов. Топонимическая система в целом была подвергнута существенным изменениям. Об этом свидетельствовало появление достаточно большого числа новых населенных пунктов, в том числе основанных переселенцами, преобразование переселенческих участков в населенные пункты. Некоторые названия географических объектов исчезали, заменялись новыми, ряд топонимов изменил свой статус, появились топонимы, образованные в том числе в результате прямого государственного вмешательства.

Государственно-идеологические воздействия на топонимику и этнокультурные процессы, порожденные масштабными государственными инициативами и местными управленческими решениями, сыграли определяющую роль в трансформации существовавшей на территории Верхнего Притомья топонимической системы, так как стали своего рода катализатором для этнокультурных процессов. После революции происходила смена качественных этапов развития и функционирования топонимической системы: от косвенного воздействия на топонимику в имперский период до непосредственного руководства процессом формирования топонимов в ранний советский. Государственная идеология постепенно стала одним из основных инструментов, изменявших топонимическую систему.

Литература

Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1871. 286 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. 166 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 446 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. Томск: Товарищество С.П. Яковлева, 1904. 663 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Типография Губернского Управления, 1908. 256 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1910. 317 с.

Памятная книжка Томской губернии 1911 года. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1911. 240 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1912. 415 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1913. 298 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1914. 242 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1915. 278 с.

Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск: Наука, 1994. 225 с.

Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века: мат-лы Всерос. науч. конф. (19–21 октября 2005 г.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. С. 85–91.

References

Kimeev, V.M., Kopitov, A.I. (2018). *Gornaya Shoriya: istoriya i sovremennost'. Istoriko-etnografficheskie ocherki* [Gornaya Shoriya: History and Modernity. Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo, Primula. 600 p.

(1871). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1871. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhaiylova i Makushina. 286 p.

(1884). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1884. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhaiylova i Makushina. 166 p.

(1885). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1885 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Bbook of the Tomsk Province for 1885. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhaiylova i Makushina. 446 p.

(1904). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1904 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1904. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhaiylova i Makushina. 663 p.

(1908). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1908 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1908. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 256 p.

(1910). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1910. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 317 p.

(1911). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1911 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1911. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 240 p.

(1912). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1912 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1912. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 415 p.

(1913). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1913 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1912. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 298 p.

(1914). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1914. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 242 p.

(1915). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1915. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 278 p.

Shabalin, V.M. (1994). *Taiyny imen zemli Kuznetskoy: kratkiy toponimicheskiy slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: a Short Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Kemerovo, Kemerovskiy oblastnoy IUU. 225 p.

Sherstova, L.I. (2008). Aborigeny Yuzhnoiy Sibiri v kontekste stolypinskoy reformy: sotsiokulturnye i etnopoliticheskie transformatsii [Aborigines of Southern Siberia in the Context of the Stolypin Reform: Sotiocultural and Ethnopolitical Transformations]. In *Sibirskoe obschestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX veka: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, pp. 85–91.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021 г.

Ян Куйсунь*

Влияние советской России на образование Коммунистической партии Китая**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-8

УДК 930.1

Выходные данные для цитирования:

Ян Куйсунь. Влияние советской России на образование Коммунистической партии Китая // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 105–110. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-08.pdf

Yang Kuisun*

The Influence of Soviet Russia on the Formation of the Communist Party of China**

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-8

How to cite:

Yang Kuisun. The Influence of Soviet Russia on the Formation of the Communist Party of China // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 105–110. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-08.pdf]

Abstract. The article is devoted to the formation of the Communist Party of China with the support of Soviet Russia. After the Opium War of 1840, China was stuck in a semi-colonial state. To change the situation in the country, Chinese patriots tried to learn from the West, but before the October Revolution in Russia, the situation in China became even less stable. The unfair decisions of the 1919 Paris Peace Conference finally forced the progressive intelligentsia and students of China to turn their gaze to the revolutionary Russia oriented towards socialism. From July 23 to August 3, 1921, with the direct participation of representatives of the Comintern, the first congress of the Communist Party of China was held in Shanghai. The communist revolution in China has opened the curtain.

Keywords: Marxism; October Revolution, First Congress of the Communist Party of China; Voitinsky; Chen Duxiu; Li Dazhao.

The article has been received by the editor on 01.06.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фактора воздействия революционной России на процесс образования Коммунистической партии Китая. После Опиумной войны 1840 г. Китай оказался в полуколониальном состоянии. Чтобы изменить ситуацию в стране, китайские патриоты пытались учиться у Запада, но ситуация в Китае стала еще менее стабильной. Несправедливые решения Парижской мирной конференции 1919 г. заставили прогрессивную интеллигенцию и студенчество Китая обратить свой взор в сторону революционной России. С 23 июля по 3 августа 1921 г., при непосредственном участии представителей советской России, в Шанхае состоялся первый съезд Коммунистической партии Китая. На историческую сцену вышла китайская революционная коммунистическая организация.

Ключевые слова: марксизм; Октябрьская революция; первый съезд Коммунистической партии Китая; Войтинский; Чэнь Дусю; Ли Дачжао.

* **Ян Куйсунь (杨奎松)**, доктор исторических наук, профессор, Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, Китай.

Yang Kuisun (杨奎松), Doctor of Historical Sciences, Professor, East China Normal University, Shanghai, China.

** Переводчик с китайского языка на русский: **Цзя Инлунь (贾英伦)**, доктор филологических наук, доцент, Северо-китайский университет водных ресурсов и гидроэнергетики, Чжэнчжоу, Китай e-mail: jiayinglunjenia@163.com

Translator from Chinese to Russian: **Jia Yinglun (贾英伦)**, Doctor of Philology, Associate Professor, North China University of Water Conservancy and Electric Power, Zhengzhou, China, e-mail: jiayinglunjenia@163.com

Введение. После Опиумной войны 1840 г. Китай оказался в полуколониальном состоянии. Чтобы изменить ситуацию, китайские патриоты пытались «учиться у Запада», экспериментировали в различных сферах жизни общества, включая свержение господства династии Цин, отмену монархического строя, заимствование у Запада систем законодательства, образования, военной техники и технологий в разных сферах индустрии. Однако положение Китая становилось все более уязвимым по причине партикуляристских стремлений и междоусобных конфликтов милитаристских группировок, что значительно облегчило осуществление японского плана колонизации Китая. После войны 1894 г. Япония захватила Корею, а затем Тайвань. После Русско-японской войны 1904 г. она захватила Люйшунь (Порт-Артур), Далянь и Южно-Маньчжурскую железную дорогу. В 1914 г. Япония захватила китайский полуостров Цзяодун. В 1915 г. она заставила правительство Юань Шикая подписать «21 требование», а в 1918 г. заключила военный договор с правительством Дуань Цижуя, приобретя право на военные действия в Китае под предлогом «общей защиты». Китайцам, возмущенным японской агрессией, приходилось только надеяться на то, что Европа и Америка помогут восстановить справедливость.

С началом мировой войны китайское правительство объявило о своем присоединении к лагерю Антанты. Учитывая, что Антанта в основном состояла из демократических республик, а президент Соединенных Штатов В. Вильсон призывал к национальному самоопределению, общественное мнение Китая полагалось на справедливый послевоенный мировой порядок. Таким образом, когда весной 1919 г. в Париже состоялась мирная конференция глав государств-членов Антанты, группа представителей китайской элиты приехала в Париж, рассчитывая на то, что конференция заступится за китайские интересы. Вопреки ожиданиям просьба китайского правительства и международное публичное право были проигнорированы, конференция позволила Японии продолжать бесчинствовать на полуострове Цзяодун. Когда известие об этом решении дошло до Китая, большое количество молодежи и студентов вышло на улицы, что сформировало мощное антияпонское движение на «демонстрациях 4 мая».

Именно несправедливые решения Парижской мирной конференции 1919 г. подтолкнули прогрессивную интеллигенцию и студенчество Китая обратить свой взор на революционную Россию. Одновременно по мере того, как власть советского правительства в ходе Гражданской войны постепенно распространялась из центра европейской части России на Сибирь и Дальний Восток, российские большевики, руководствуясь концепцией мировой революции, начали экспериментировать с внедрением российского опыта в странах Азии. С одной стороны, правительство РСФСР вынуждено было сотрудничать с китайским правительством по дипломатическим каналам в соответствии с нормами капиталистического мира. С другой стороны, советская Россия придерживалась антикапиталистической идеологии и стремилась найти союзников среди прогрессивных сил Китая.

Идейное воздействие революции в России на китайское общество. В первое время после февраля 1917 г. китайские газеты и журналы были наполнены словами поддержки и надежды, что Февральская революция в России осуществит республиканское конституционное правление. Тем не менее, начиная с апреля 1917 г., почти все китайские газеты отмечали, опираясь на сообщения европейской и японской прессы: «Русские социалисты, экстремисты и крайне левая партия вступили в конфликты с Временным правительством России, созданным после Февральской революции. Это вызвало разногласия между партиями, несогласия в политических решениях, бесчинство рабочих и солдат. Большевики организовывают забастовки. В России снова поднялась революционная волна...»[1]. Отношение китайской интеллигенции к революциям в России было противоречивым. С одной стороны, оно определялось участием Китая в мировой войне в составе Антанты и нежеланием видеть поражение России, также входившей в этот военный альянс. С другой стороны, считалось, что Февральская революция, свергшая царский режим, последовала за китайской революцией 1911 г., что она соответствовала великой мировой тенденции

[1] Чэньчжунбао. 1917. 4 апреля; Миньгожибао. 1917. 14 апреля, 6 мая, 19 мая и др. (на кит. яз.).

установления демократий и республик, и потому этот исторический процесс не должен был превратиться в кровавую катастрофу из-за ненасытных вожделений «экстремистов, повторявших ошибки Французской революции»[2].

Только через полгода отношение китайской прессы к русской революции стало постепенно изменяться. Одними из первых приветствовали победу революции простого народа в России китайские анархисты. Они выступили с заявлениями в поддержку Октябрьской революции, ориентируясь на сотрудничество с большевиками российского теоретика анархизма П.А. Кропоткина, а также на то, что советское правительство провозглашало защиту интересов рабочих и крестьян[3]. К концу мая 1918 г. организованная китайской революционной партией под руководством Сунь Ятсена газета «Миньгожибао» также начала менять отношение к советской России. Сунь Ятсен послал В.И. Ленину телеграмму, в которой он выразил последнему свое глубокое уважение, приветствовал победу Октябрьской революции и высказал надежду на сплочение «революционных партий Китая и России в целях совместной борьбы»[4]. После этого реформистские газеты и журналы изменили свой неприязненный тон по отношению к «экстремистским социалистам» и начали утверждать: «Благодаря мощи российской революции социализм будет развиваться по тысяче миль за день, штурмуя небо и создавая небывалую ситуацию»[5].

К концу 1918 г., с одной стороны, завершилась мировая война, демократические силы одержали многочисленные победы, монархические системы вслед за Россией пали в Германии, Австро-Венгерской империи, Турции, а с другой стороны, социалистическая революция начала набирать обороты на европейском континенте и в России укрепился социалистический режим. Это дало понять множеству молодых интеллигентов Китая понять, что в Восточной Европе поднялась новая могучая волна, и революция российского образца непременно будет распространяться повсеместно[6]. Профессор Пекинского университета Ли Дачжао, который узнавал и изучал революционную ситуацию в Европе и России из японской прессы, откровенно заявил: «Наблюдая за событиями в России, нам осталось только с нетерпением ждать рассвета новой цивилизации. Нельзя погружаться в пессимизм из-за временно возникшего хаоса в России»[7].

В 1919 г. даже политики фракции Вань из Бэйянской группировки милитаристов создали «Общество изучения социализма». Впрочем, в это время отношение китайцев к социализму, как сказал Цюй Цюбо, было не очень определенно – оно было подобно зрелищу «утреннего тумана в окне». «Социалистические знания и понятия о социализме были хаотичны, не слишком точны. Это было подобно тому, когда открывают шлюзовой затвор и потоки разбегаются, а брызги вспениваются, не зная, куда нестись»[8]. Тем не менее очевидно, что и подъем в Китае социалистических веяний, и огромное влияние Октябрьской революции на китайское общество стали на тот момент непреложным фактом.

Процесс образования Коммунистической партии Китая: российское влияние. После демонстраций 4 мая 1919 г. в Китае все больше внимания стало уделяться идеям социализма. Однако в это время Красная армия еще не пришла на Дальний Восток, и информация

---

[2] *Чжоу Чуньюе.* Мирная революция // Тихий океан. Т. 1, № 4 (на кит. яз.); Журналист. Огромное изменение мира в XX веке // Тихий океан. Т. 1, № 3 (на кит. яз.); *Сунь Хунъи.* Моя надежда на 7-о год Китайской Республики (передовица) // Миньгожибао. 1918. 1 января (на кит. яз.); *Дун Сунь.* Профилактические меры на экстремизм // Гоминьгунбао. 1919. 29 января (на кит. яз.).

[3] *Чи Пин.* История о пионере российской социальной революции Ленине // Труд. Т. 1, № 2 (на кит. яз.).

[4] Телеграмма Ленину и Советскому правительству. Осень 1918 года // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Т. 4. Пекин, 1986. С. 500 (на кит. яз.).

[5] *Хао Бай.* Новая ситуация в Персии // Тихий океан. 1918. Т. 1, № 10; *Пэн Ли.* Тенденция демократизма и социализма // Тихий океан. 1918. Т. 1, № 10 (на кит. яз.).

[6] *Ло Цзялунь.* Новая волна современного мира // Новая волна. 1919. Т. 1, № 1 (на кит. яз.); *Мэн Чжэнь.* Социальная революция – революция в российском стиле // Новая волна. 1919. Т. 1, № 1 (на кит. яз.).

[7] *Ли Дачжао.* Победа большевизма // Новая молодежь. 1918. Т. 5, № 5 (на кит. яз.); *Ли Дачжао.* Сравнение Французской и Российской революций // Трехмесячник «Яньчжи». 1918. Т. 3 (на кит. яз.).

[8] *Цюй Цюбо.* Путевые заметки о новой России. Октябрь 1921 года // Сборник эссе Цюй Цюбо. Т. 1. Пекин, 1953. С. 23–25 (на кит. яз.).

об Октябрьской революции в основном поступала из Японии, Европы и Америки, поэтому в сознании китайских прогрессивных интеллигентов оседали не столько большевистские идеи, сколько идеи, имевшие анархистскую окраску, в частности анархо-синдикализм, мутуализм, лейборизм. Однако, в отличие от конца XIX и начала XX в., почти все, кто участвовал в обсуждении коренных проблем трансформации китайского общества, стали признавать, что самыми влиятельными силами являются «трудящиеся», а «труд» является священным и почетным. Многие стали считать и настаивали на том, что рабочие – это создатели всего, а капиталисты, бюрократы и милитаристы – лишь «позорные мародеры», и основная причина неравенства между богатыми и бедными заключается в частной собственности. Они были уверены: «Революции, произошедшие в России, Австрии, Венгрии, Германии и других европейских странах – революции пролетариата, они направлены на уничтожение неравенства между богатыми и бедными, и эта волна непременно придет в Китай»[9].

К осени 1919 г. Красная армия начала продвигаться в азиатской части России. 26 августа с целью популяризации в Китае своих политических идей, отличающихся от тех, которые выдвигали западные империалистические державы, оно обнародовало «Декларацию Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики по отношению к китайскому народу, северному и южному правительствам Китая». В ней говорилось: «Красная армия советской России пришла на Восток через Урал не для того, чтобы порабощать народы, а для того, чтобы избавить народ от иностранных оков, штыков и иностранных денег, чтобы помочь китайскому народу. Поэтому советское правительство готово вернуть китайскому народу все, что царское правительство вместе с японцами и Антантой разграбило в Китае»[10]. Узнав об этом, многие китайские народные организации отправили телеграммы правительству РСФСР, чтобы выразить свою благодарность. Китайское общество стало более внимательно и более благосклонно относится к российской революции. В то время для России главным политическим пространством являлась Европа. Это объясняется тем, что, по мнению В.И. Ленина и классического марксизма, социалистическая революция, которая произошла в одной стране, может быть консолидирована и успешно осуществлена только в том случае, если она увенчается общей победой во всем мире, особенно в развитых европейских капиталистических странах. Таким образом, в 1918–1919 гг. Россия оказала значительную помощь европейским революционерам, в частности в таких странах, как Германия и Венгрия, и в начале марта 1919 г. для общего руководства и оказания помощи европейской революции создала «всемирную коммунистическую партию» – Коммунистический Интернационал, предназначенный для продвижения мировой революции. Однако к концу весны – лету 1919 г. революции в Германии и Венгрии потерпели неудачу, а в начале 1920 г. Красная армия взяла под свой контроль Сибирь и часть Дальнего Востока. Увидев «рисовые бунты» в Японии, «движение 1 марта» в Корее и патриотическое «движение 4 мая» в Китае, большевистская партия и Коминтерн сразу же начали свою революционную пропагандистскую и организационную работу в дальневосточных странах. Летом 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) специально назначило В.Д. Виленского-Сибирякова полномочным представителем Народного комиссариата иностранных дел по делам Дальнего Востока, а Ф.П. Гапона – его заместителем. Перед ними были поставлены следующие задачи: «1. Сделать все возможное для обострения конфликта интересов между Японией, Соединенными Штатами и Китаем; 2. Попытаться разбудить в Китае, Монголии и Корее широкие массы населения, чтобы начать освободительные движения против угнетения иностранным капиталом; 3. Поддержать революционные движения в этих странах, чтобы помочь им усилить пропагандистскую работу и установить прочные связи с японскими, китайскими и корейскими революционными организациями; 4. Помочь партизан-

[9] *И Ху.* Большие проблемы XX века // Чэньбао. 1 мая 1919 г. (на кит. яз.).

[10] *Ли Цзягу.* Китайско-советские отношения. Пекин, 1996. С. 43–47 (на кит. яз.). Декларация была составлена 25 июля 1919 г. и первоначальное содержание Декларации по безвозмездному возвращению Китаю Китайско-Восточной железной дороги и связанных с ней предприятий к моменту ее публикации в газете было удалено.

ским отрядам в Китае и Корее»[11]. В феврале 1920 г. Виленский-Сибиряков возглавил Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) во Владивостоке и сразу же приступил к выполнению задачи экспорта революции из России в Китай.

В апреле 1920 г. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) отправило в Китай Г.Н. Войтинского (китайское имя У Тинкан 吴廷康), знающего английский язык, в качестве полномочного представителя. Вскоре через российских эмигрантов он познакомился с профессором Пекинского университета Ли Дачжао. Потом при помощи Ли Дачжао Войтинский приехал в Шанхай познакомиться с Чэнем Дусю, главным редактором авторитетного журнала «Новая молодежь» и бывшим профессором Пекинского университета. Через Чэня Дусю Войтинский связался с прогрессивной интеллигенцией в разных регионах Китая. Летом 1920 г. в Шанхае состоялось учредительное собрание Союза социалистов, на котором также был организован Социалистический союз молодежи. Войтинский также оказал материальную помощь изданию ряда журналов и брошюр, а также для перевода некоторых теоретических работ, например «Манифеста Коммунистической партии». Вскоре после этого он при помощи Чэня Дусю и других сформировал подготовительный центр для учреждения Коммунистической партии Китая. В июле при непосредственном участии представителей Коминтерна более пятидесяти коммунистов в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухане и Чанше приняли решение о подготовке китайской революции «по образцу российской» и выбрали 13 делегатов. С 23 июля по 5 августа 1921 г. в Шанхае состоялся первый съезд Коммунистической партии Китая. В ноябре 1921 г. была подготовлена и опубликована «Декларация Коммунистической партии Китая»[12]. В этом же месяце был издан официальный ежемесячный журнал КПК «Коммунистическая партия». Так на историческую сцену выступила китайская революционная коммунистическая организация.

«Идти русским путем – это наша неизбежность»: роль советской России (СССР) в историческом развитии Китая в 1920–1940-х гг. В 1949 г. Мао Цзэдун сформулировал основные причины, которые позволили Коммунистической партии Китая взять власть в свои руки. Октябрьская революция принесла Китаю марксизм-ленинизм и, как следствие, возникновение Коммунистической партии. Победа Октябрьской революции послужила китайским коммунистам примером для подражания. «Идти русским путем – это наша неизбежность»[13].

Однако первым китайцем, который обратился к русским за помощью, был мелкобуржуазный революционер Сунь Ятсен. С осени 1923 г. Москва начала оказывать всестороннюю поддержку и помощь Гоминьдану, возглавляемому Сунь Ятсеном, и всего за четыре-пять лет небольшая организация превратилась в самую мощную политическую силу Китая со своей собственной армией, объединившей весь материковый Китай. Таким образом, советские большевики не только помогли организовать Коммунистическую партию Китая, но и в значительной степени определили роль Сунь Ятсена и возглавляемого им Гоминьдана как главной силы, призванной вывести китайскую революцию на орбиту мировой революции.

Первоначально Коммунистическая партия Китая, имевшая лишь несколько десятков членов, могла заниматься только подпольной деятельностью. Когда по указанию Москвы все члены Коммунистической партии Китая присоединились к Гоминьдану, КПК начала стремительно развиваться, неизбежно вступая в конфликт с Гоминьданом. После смерти Сунь Ятсена лидером Гоминьдана стал Чан Кайши. Коммунисты вскоре были отстранены им от деятельности Гоминьдана и были вынуждены отступить в сельскую местность, чтобы продолжить борьбу за осуществление революции российского образца.

---

[11] Доклад В.Д. Виленского-Сибирякова Исполкому Коминтерна о зарубежной работе среди народов Восточной Азии. 1 сентября 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. Пекин, 1997. С. 38–39 (на кит. яз.).

[12] Манифест Коммунистической партии Китая, ноябрь 1921 г. // Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин, 1989. С. 547–551 (на кит. яз.).

[13] Избранные произведения Мао Цзэдуна. Пекин, 1964. С. 1476 (на кит. яз.).

В 1928 г. Гоминьдан установил свое господство в Китае. Коммунисты, которые действовали в основном в глухих сельских районах, удаленных от центральных городов и дорог, не могли составить серьезный противовес господству Гоминьдана. Однако, как говорил Мао Цзэдун, политический ландшафт Китая в значительной степени изменило вторжение Японии в Китай. Москва, также находившаяся перед угрозой со стороны Японии, своевременно скорректировала свою политику в отношении Китая. Поскольку «революция российского образца» потерпела серьезное поражение в Китае, в Коммунистической партии Китая обратил на себя внимание Мао Цзэдун, владеющий военным искусством, прагматичный и в то же время обладавший самостоятельной концепцией. Это позволило КПК постепенно вернуться на политическую арену Китая после начала войны против японских захватчиков в 1937 г. За восемь лет численность КПК и ее вооруженных сил увеличилась с 23 000 чел. до 1 млн. Это позволило Компартии Китая приобрести возможность воевать с Гоминьданом, потерявшим в процессе японского вторжения контроль над более чем половиной китайской территории.

Значение советской России (СССР) было велико для исторического развития Китая в 1920–1940-х гг. Как Гоминьдан, так и Коммунистическая партия Китая не могли одерживать победы без помощи советской России, но и их неудачи, как правило, имели российские корни. Сложный и извилистый путь значительно обогатил современную историю Китая и оставил множество страниц, достойных дальнейших размышлений.

Литература

Доклад В.Д. Виленского-Сибирякова Исполкому Коминтерна о зарубежной работе среди народов Восточной Азии. 1 сентября 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. Пекин: Изд-во Пекинской библиотеки, 1997 (на кит. яз.).

Избранные произведения Мао Цзэдуна. Пекин: Народное издательство, 1964 (на кит. яз.).

Ли Цзягу. Китайско-советские отношения. Пекин: Издательство социальных наук, 1996 (на кит. яз.).

Манифест Коммунистической партии Китая, ноябрь 1921 г. // Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин: Изд-во Центральной партийной школы КПК, 1989 (на кит. яз.).

Телеграмма Ленину и Советскому правительству (осень 1918 г.) // Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Т. 4. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1986 (на кит. яз.).

Цюй Цюбо. Путевые заметки о новой России. Октябрь 1921 г. // Сборник эссе Цюй Цюбо. Т. 1. Пекин: Изд-во народной литературы, 1953 (на кит. яз.).

References

Li Jiagu. (1996). *Sino-Soviet Relations.* Beijing: Publishing House of Social Sciences (in Chinese).

(1989). Manifesto of the Communist Party of China, November 1921. In *Selected Documents of the CPC Central Committee.* Vol. 1. Beijing, Publishing House of the CPC Central Party School (in Chinese).

Qu Qiubai. (1953). Travel Notes About the New Russia. October 1921. In *Collection of essays by Qu Qiubai*. Vol. 1. Beijing, Publishing House of Folk Literature (in Chinese).

(1997). Report by V.D. Vilensky-Sibiryakov to the Executive Committee of the Comintern on Foreign Work Among the Peoples of East Asia. September 1, 1920. In *The CPSU(b), the Comintern and the National Revolutionary Movement in China. 1920–1925.* Beijing, Publishing House of the Beijing Library (in Chinese).

(1964). *Selected Works of Mao Zedong.* Beijing: People's Publishing House (in Chinese).

(1986). Telegram to Lenin and the Soviet Government (Autumn 1918). In *The Complete Works of Sun Yat-sen.* Vol. 4. Beijing, Chinese Publishing House (in Chinese).

Статья поступила в редакцию 01.06.2021 г.

М.В. Герасимов*

Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-9

УДК 94(470)

Выходные данные для цитирования:

Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 111–121. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf

M.V. Gerasimov*

The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: the Case of Tomsk

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-9

How to cite:

Gerasimov M.V. The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: the Case of Tomsk // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 111–121. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf]

Abstract. The article is devoted to consideration and analysis of the features of symbolic transformation of the public space of Tomsk in the post-Soviet years by the example of two city squares. The dynamics of political changes and socio-economic instability in the 1990s influenced the reassessment of ideological messages encoded in the structure of public urban space objects (squares, streets, squares, etc.). The city square is understood as a field of representations organized and arranger in accordance with the symbolic intent, functioning as an ideological text in which a number of political and cultural meanings are encrypted. The process of symbolic transformation of city squares is described using the example of the Tomsk region. Politicians and public figures of this region in the early 1990s began the process of symbolic positioning on the political map of Siberia, creating the image of a democratic region that broke with its totalitarian past. In the context of delegitimization of the Communist regime, the presence of objects of Soviet power topography created semantic dissonance and ideological contradictions for the new government – in the first months after the collapse of the USSR, its representatives justified the need to destroy Lenin monuments in Tomsk. The author identifies and analyzes the main vectors of symbolic transformation used by the Tomsk power structures in the 1990s: 1) physical elimination of the symbol of the previous regime (dismantling of the Lenin monument on Revolution Square); 2) application of toponymical practices; 3) attempts at value reorientation of the object (restoration of monuments of pre-revolutionary Tomsk architecture that surrounded the Lenin monument on the square of the same name). The author describes the reaction of the readers of the new ideological text – city dwellers who used the space of the square to articulate oppositional narratives about the lost stability of everyday life in the form of political and commemorative actions. The conclusion is made about the ineffective use of the symbolic model of opposing the present to the "totalitarian" past in the process of building the power topography in the first post-Soviet years.

Keywords: Tomsk; post-soviet years; Revolution square; symbolic transformation; monument; Lenin.

The article has been received by the editor on 29.09.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу особенностей символической трансформации публичного пространства Томска в постсоветские годы на примере двух городских площадей. Динамика политических изменений и социально-экономической нестабильности 1990-х годов влияла на переосмысление идеологических сообщений, закодиро-

* **Герасимов Максим Вячеславович**, аспирант, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: gerasim.maks@mail.ru

Gerasimov Maxim Vyacheslavovich, Graduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: gerasim.maks@mail.ru

ванных в структуре объектов публичного городского пространства (площади, улицы, скверы и т.д.). В этом смысле городская площадь понимается в виде поля упорядоченных и выстроенных в соответствии с символическим замыслом репрезентаций, функционирующего как идеологический текст, в котором зашифрован целый ряд политических и культурных значений. Процесс символической трансформации городских площадей описывается на примере Томской области, где политики и общественные деятели в начале 1990-х гг. включились в процесс символического позиционирования на политической карте Сибири, создавая образ демократического региона, порвавшего со своим тоталитарным прошлым. В контексте делегитимации коммунистического режима наличие объектов советской властной топографии создавало смысловой диссонанс и идеологические противоречия для новой власти – ее представители в первые месяцы после распада СССР обосновывали необходимость уничтожения памятников и монументов В.И. Ленину в Томске. Автором выделяются и анализируются основные методы символической трансформации городской площади, использованные томскими властными структурами в 1990-е годы: 1) физическое устранение символа прежнего режима (демонтаж памятника Ленину на площади Революции); 2) применение топонимических практик; 3) попытки ценностной переориентации объекта (восстановление памятников дореволюционной томской архитектуры, окружавших памятник Ленину на одноименной площади). Описывается реакция «читателей» нового идеологического текста – городских жителей, использовавших пространство измененных площадей для артикуляции оппозиционных нарративов в форме политических и коммеморативных акций. Делается вывод о неэффективном использовании символической модели противопоставления настоящего «тоталитарному» прошлому в процессе выстраивания властной топографии в первые постсоветские годы.

Ключевые слова: Томск; постсоветские годы; площадь Революции; символическая трансформация; памятник; В.И. Ленин.

Архитектурные и градостроительные решения, мемориальные и топонимические практики зачастую являются прямым отражением идеологических изменений в период смены власти и социальной нестабильности. Подобное использование элементов городского пространства представляется значимой частью символической политики, отражающей распределение власти и особенности процедуры принятия решений. Как отмечал П. Бурдье, субъекты политической сферы применяют всевозможные средства для утверждения нового видения социального порядка, отвергая прежнюю систему ценностей и применяя символический капитал для воспроизводства и укрепления реальных властных отношений, составляющих структуру социального пространства[1]. В данном контексте городское пространство предстает в виде поля упорядоченных и выстроенных в соответствии с символическим замыслом репрезентаций и может пониматься как идеологический текст, в котором закодирован целый ряд политических и культурных значений.

Контекст радикальных социально-политических трансформаций в начале 1990-х гг. логичным образом усилил процесс творческого использования символических ресурсов, становившихся в городском пространстве постсоветского города инструментами изменений социального порядка. Новые политические структуры активно использовали укорененный в культурном контексте ограниченный набор символических ресурсов с целью легитимации проводимых реформ и собственного политического позиционирования. Вместе с этим ограниченность репертуара пригодных для политического использования символов вызывала большие риски для постсоветских политиков, столкнувшихся с трудностями в процессе построения символической программы[2], конкурировавшей с богатым наследием советской власти в городском пространстве. Подобная ситуация создавала контуры пространства

[1] *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 146.
[2] *Gill G.* Symbolism and regime change: Russia. Cambridge, 2013. P. 36.

символической борьбы, в котором проявилась деятельность новых акторов и агентов, участвовавших в создании и продвижении символов.

Между тем в исследованиях региональной символической политики в 1990-е гг. нередко подчеркивается непоследовательность и осторожность по отношению к советскому прошлому и его ключевым символам, выраженным в мемориальных и топонимических объектах (например, половинчатая позиция в вопросах монументальных памятников и иных мест поклонения В.И. Ленину в разных российских регионах)[3]. Подобная ситуация во-многом связана с использованием практик десоветизации объектов городского пространства в процессе конструирования статуса региона в целях символического позиционирования в иерархии территорий, причем региональные различия в такой практике зависят от комбинаций политических ориентаций региональных властных элит[4].

В этом контексте интересен кейс Томского региона, где политики и общественные деятели включились в процесс символического позиционирования на политической карте Сибири, создавая образ демократического региона, порвавшего со своим тоталитарным прошлым. Политическая реальность Томского региона в первые годы после распада СССР характеризовалась острой борьбой органов законодательной и исполнительной власти, вызывавшей перераспределение сил, ресурсов и полномочий: «Во всех российских регионах, – писал американский советолог С. Коткин, – независимо от того, находились ли в них у руля “демократы” или коммунисты, выиграла и в итоге сильно разрослась исполнительная ветвь власти. Томскую область в начале 1990-х сотрясало сильное демократическое движение, центром которого была местная законодательная власть. Тем не менее к 1994 году плюрализм и здесь сошел на нет, и исполнительная власть восторжествовала над законодательной»[5]. Несмотря на то, что прямым результатом политической нестабильности в 1991–1993 гг. стало усиление региональных институтов исполнительной власти, этот промежуточный этап являлся важным периодом определения символической опоры в процессе самопознания региона.

Процесс распада советских политических структур катализировал деятельность различных социальных субъектов, репрезентировавших различный спектр установок в отношении недавнего прошлого, в связи с чем важным и одним из наиболее обсуждаемых вопросов стала тема советского символического наследия, сосредоточенного в городском пространстве новой власти. Главным публичным пространством г. Томска в годы позднего СССР являлась площадь Революции – символ административной власти Томской губернии в дореволюционные годы и объект советской символической апроприации. В 1920–1930-е гг. советские власти применяли методы агрессивного маркирования своего присутствия в данном пространстве, нашедшие отражение в топонимических практиках и революционных захоронениях. Так, в 1920 г. здесь были торжественно перезахоронены останки большевистских борцов-подпольщиков[6], а сама площадь Ново-Соборная была переименована в площадь Революции[7]. Прежнее название площади было связано с находившимся на ней Троицким собором, закрытым и разрушенным в 1934 г.[8]

Формирование советского публичного пространства происходило в окружении объектов имперской топографии Томской губернии. Представители советской власти в первые постреволюционные десятилетия применяли практики их перекодировки и ослабления символической нагрузки путем изменения функционального назначения объекта. Как отме-

---

[3] *Шерлок Т.* Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М., 2014. С. 251.

[4] *Аксенов К.Э.* Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 4. С. 5.

[5] *Коткин С.* Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М., 2018. С. 161.

[6] Братская могила большевиков-подпольщиков // ОГАУК «Центр по охране памятников» [Электронный ресурс]. URL: http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html (дата обращения: 15.09.2021).

[7] История названия томских улиц. Томск, 2012. С. 203–206.

[8] История Ново-Соборной площади / публ. Э.К. Майданюка // Электронная библиотека ELIB.TOMSK.RU [Электронный ресурс]. URL: http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/ (дата обращения: 27.09.2021).

чают исследователи, подобная позиция означала восприятие объектов имперского пространства власти в качестве утилитарных объектов, не несущих в себе политических коннотаций[9]. Так, бывшее здание губернского управления («присутственных мест») стало одним из корпусов Сибирского физико-технического института (далее – СФТИ), а в бывшей резиденции Томского губернатора учредили Дом ученых.

В окружении монументального архитектурного пространства дореволюционных зданий, лишенных первоначального функционального значения, площадь Революции стала пространством для реализации советского авторитетного дискурса – в дни демонстраций 1 мая и 7 ноября здание Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (далее – ТИАСУР) традиционно украшалось портретами членов Политбюро ЦК КПСС, а с противоположной стороны улицы с каменной трибуны, увенчанной статуей В.И. Ленина, располагались представители партийного руководства Томского региона. В процессе воспроизводства советских ритуалов именно здесь организовывался сакральный символический центр – трибуны на площади заполнялись членами местных партийных элит; проходящие мимо городские жители (читатели идеологического текста) ощущали коллективную советскую идентичность, чему также способствовал монументальный имперский стиль окружающей архитектуры зданий главного корпуса ТИАСУР и СФТИ (рис. 1).

Методы рецепции объектов имперского пространства власти и символического маркирования позволили оформить ориентиры советской топографии власти в Томске. Их предназначение соответствовало принципам легитимации существующего режима, достигавшимся через формы идеологических ритуальных действий. Путем политического использования публичных общественных мест структуры советской власти поддерживали функционирование идеологических сообщений, закодированных в структуре городского пространства.

Рис. 1. Первомайская демонстрация в Томске, трибуна на площади Революции, начало 1970-х гг.

Вполне логично, что в контексте делегитимации коммунистического режима в начале 1990-х гг. наличие объектов советской властной топографии в новой политической реальности создавало смысловой диссонанс и символические противоречия для новой власти. Противоборствующие силы в лице сторонников Б.Н. Ельцина и последователей коммунистического режима в первые месяцы после провала путча ГКЧП определили места городского пространства для артикуляции своих высказываний. Так, 21 августа 1991 г. возле здания областного совета («Белого дома») был проведен масштабный антикоммунистический митинг, организованный членами томского отделения партии «Демократическая Россия». «Вообще-то этот угол “Белого дома” под окнами КПСС – излюбленное место проведения политических акций демократов»[10], – писали в местных газетах. В свою очередь, 15 марта 1992 г. при содействии членов Российской коммунистической рабочей партии (далее – РКРП) на площади Революции прошел митинг в поддержку Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Предварительно маркировав пространство площади красными флагами и исполнением советского гимна, активисты распространяли свои газеты и организовали сбор подписей в поддержку Чрезвычайного съезда и народного вече, а затем высказывали свою оценку окружающей

[9] *Болтунова Е.М.* Державность по-советски: имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 91.
[10] История творится на площадях // Томский вестник (Томск). 24 августа. 1992. № 98. Л. 1.

политической действительности. «Принимается резолюция митинга, – передавали в газете “Томский рабочий”. – Трудящиеся выступают за возрождение СССР, за единство людей всех национальностей в борьбе против нарастающей эксплуатации, за единое Отечество и единую боеспособную Советскую Армию, за независимую от США внешнюю политику»[11].

Соответственно, в первые годы существования «новой» России в политическом пространстве Томска сложились упорядоченные репрезентации сторонников демократической («проамериканский Белый дом») и коммунистической власти (площадь Революции).

Первым шагом в процессе трансформации советской идеологической топографии для постсоветских властных структур в Томске должно было стать решение вопроса о судьбе памятника В.И. Ленину на площади Революции, что, в свою очередь, соответствовало идеям делегитимации коммунистического режима, неоднократно озвученным в публичных выступлениях томских «демократов». Стоит заметить, что непосредственная связь памятников с конструированием коллективной памяти влияет на манипулирование последней, в связи с чем в период социальных потрясений оно неизбежным образом воздействует на судьбу памятников и других мемориальных объектов, и если некоторые из них подвергаются риторическим изменениям, то манипулирование памятниками происходит на уровне «дела» в форме материального уничтожения[12].

Имеющиеся источники демонстрируют актуализацию вопроса о судьбе памятников Ленину в первые дни после провала августовского путча ГКЧП, когда представители демократического движения обращались к политическим субъектам, располагавшим ресурсами для трансформации советского пространства власти. Так, 30 августа участники координационного совета томского отделения партии «Демократическая Россия» сформулировали «Предложения президиумам местных Советов народных депутатов», опубликованные в городской газете «Томский вестник», среди которых одним из важнейших был вопрос о судьбе ленинских памятников: «Демократические силы выиграли схватку с заговорщиками тоталитарного режима и диктатуры. <…> Обеспокоенные возможностью реставрации казарменного социализма, мы требуем: – УВД и УКГБ по Томской области продолжить принципиальную линию, которую они проводили во время переворота, и принять все меры по предотвращению возможной подпольной деятельности сторонников тоталитарного режима; – лишить мандатов народных депутатов СССР, избранных от КПСС; – горсовету рассмотреть вопрос о памятниках В.И. Ленину <…>»[13].

В то же время для многих городских жителей борьба с объектами советского пространства власти мотивировалась эстетическими, а не политическими причинами. Довольно часто подобная аргументация соединялась с желанием возвратить элементам городского пространства дореволюционный, некогда потерянный архитектурный ландшафт. «Крепко стоит трибуна на площади Революции – убогое сооружение среди величественных зданий, к счастью, мало пострадавших от времени и властей, – писали местные краеведы. – Не цветники и напоминающие о соборе тополя, не памятник борцам революции главенствуют на площади, а то ли барак, то ли лестница, то ли другое сооружение общественного пользования. Я против разрушений. Я за то, чтобы площади возвратили первозданный вид в давно ей уготованной – большими мастерами – роли центральной в городе, спроектированной – теми же мастерами – в значительной мере под столицу»[14].

Несмотря на осторожные и не всегда решительные действия многих региональных политиков в области символической политики[15], представители новых властных структур Томска в 1991–1992 гг. не стали ограничиваться вербальными способами оформления собственных вариантов интерпретации недавнего прошлого, а активизировали действия по

[11] Воля народа священна // Томский рабочий (Томск). Март. 1992. № 1. Л. 1.

[12] *Абрамян Л.* Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. 20. С. 28.

[13] Предложения президиумам местных Советов народных депутатов и Резолюция митинга // Томский вестник (Томск). 30 августа. 1991. № 100. Л. 4.

[14] С камушком за пазухой, с фигой за спиной // Томский вестник (Томск). 3 января. 1991. № 1. Л. 3.

[15] *Шерлок Т.* Исторические нарративы и политика… С. 251.

трансформации городского политического пространства. Многими томскими депутатами воспроизводилась мысль о том, что существование памятников героям коммунистического режима прямым образом связано с прочными политическими позициями бывших партийных деятелей. Кроме того, в выступлениях томских политиков нерешенность вопроса памятников называлась проявлением слабого идеологического фона осуществления радикальных рыночных реформ. «В историческую память народа должен быть введен юридический факт осуждения опасной для самой жизни на Земле коммунистической идеологии и высших ее носителей, – заявлял в 1992 г. депутат Томского областного совета В. Васильев. – Семя дьявола больше не должно взойти. Я уж не говорю о крайней необходимости такого давно назревшего решения, как перенос или снос памятников Ульянову-Ленину, Кострикову-Кирову, Куйбышеву. Сейчас они занимают самые красивые места города. Разве это справедливо?»[16].

В заявлениях и выступлениях представителей демократического крыла в томских органах власти подчеркивалась взаимосвязь между наличием памятника Ленину и существовавшим влиянием коммунистических идей, тормозивших ход либеральных экономических реформ, поскольку жители города «ходят каждый день мимо этих памятников по красивейшей улице Томска, которая пока называется “проспект Ленина”, по площадям, которые также названы именами палачей, и думают: а ведь ничего не изменилось…»[17]. В этой логике объекты городского пространства становились частью постсоветской идеологической трансформации и политической борьбы «за территорию», а площадь представала в форме идеологического текста, один из слоев которого был подвергнут сознательному физическому устранению.

В конечном счете в сентябре 1992 г. под предлогом «плановой реконструкции площади»[18] памятник В.И. Ленину на площади Революции был демонтирован (рис. 2) и перемещен из центра города в здание Томского краеведческого музея – вместе с этим он был отправлен на периферию всего городского пространства власти. Подчеркивание взаимосвязи между физическим уничтожением объекта прежнего режима и «нематериальным» существованием идей, которые он олицетворяет, было важным мотивом создания нового идеологического слоя в тексте городского пространства. «В середине девяностых мы добились снесения уродливой, – вспоминал А.С. Макаров, – непристойной фигуры Ленина из гипса и бетона на площади Новособорной – и словно решетку с площади убрали. Мы задышали свободнее»[19].

Рис. 2. Демонтаж памятника В.И. Ленину на пл. Революции. 23 сентября 1992 г.

При политических манипуляциях объектами городской площади при создании демократического пространства власти не учитывали реакции городских жителей – читателей нового идеологического текста, в сознании которых репрезентация последователей советской власти продолжала ассоциироваться с памятником В.И. Ленину на площади Революции. К примеру, 7 ноября 1992 г. очередная годовщина Октябрьской революции

[16] Идеология реформ: камень преткновения или врата в будущее? // Народная трибуна (Томск). 5 марта. 1992. № 44. Л. 2.
[17] Там же.
[18] Уход // Томский вестник (Томск). 25 сентября. 1992. № 188. Л. 1.
[19] *Макаров А.С.* Большие перемены Александра Макарова. Томск, 2006. С. 65.

проходила по привычному сценарию: колонна демонстрантов с красными знаменами двигалась к площади Революции, несмотря на отсутствие праздничных трибун и разрушенного памятника В.И. Ленину. Сохранение сакрального характера центра советского пространства власти подчеркивалось тем, что место разрушенных трибун и памятника заняли демонстранты и городские обыватели, сопровожденные «красной» символикой[20].

Уничтожение памятника Ленину ознаменовало собой окончание первого этапа трансформации политического городского пространства, когда в борьбе за его значимые места победу «за территорию» одержали местные городские власти, обладавшие важными символическими ресурсами и эксплуатировавшие концепцию преодоления исторического разрыва между дореволюционным прошлым и современностью, вовлекая в ее реализацию пространство площади Революции. С этой целью началась реабилитация мифа о разрушенном в 1934 г. Троицком соборе, располагавшемся в самом центре площади Революции. Еще в мае 1991 г. по приглашению городских властей Томск впервые посетил Святейший патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и освятил закладной камень в основании часовни на месте площади, где располагался Троицкий собор, а в мае 1992 г. глава городской администрации В. Гончар издал постановление, в соответствии с которым разрешалось проектирование часовни в память о Троицком соборе[21].

Трансформация символической структуры площади Революции создавала необходимые условия для воспроизводства мифа об уничтоженных большевиками объектах имперского пространства власти. С этой целью городские власти прибегали к практике коммеморативного использования обновленного пространства площади, вовлекая в этот процесс негосударственных агентов (общество «Мемориал», местных ученых, представителей церкви). Ярким примером участия церкви в актах коммеморации событий дореволюционной истории на площади Революции являются публичные молитвы, проводившиеся в начале 1990-х гг. под крылом «Томского общества русской культуры» и иных общественных объединений правого толка. «15 (2) марта 1992 г. – юбилей идеи защиты единства державы Государства Российского, – анонсировали одну из таких акций в местной прессе. – Томское общество русской культуры приглашает всех разделяющих идею единства нашего многонационального Отечества для совместной молитвы за державу Государства Российского. Молитва состоится на площади Революции у памятного камня на месте Троицкого собора»[22].

Кроме этого, попытки создания новых идеологических сообщений и их дальнейшего укоренения в тексте городской площади осуществлялись при помощи топонимических практик. Известно, что переименования улиц и площадей старого порядка могут способствовать трансформации инфраструктуры памяти, а также стимулировать коллективные акты коммеморации событий недавнего прошлого[23]. К середине 1990-х гг. наблюдается перемещение топонимических дискуссий из академического дискурса в политический – именно тогда вопрос о переименованиях становится элементом выступлений и заявлений местных депутатов. Подчеркнем любопытную деталь, требующую отдельного исследования: попытки принятия политических решений в области городской топонимии подстегнули рост слухов, вызвавших недоумение многих городских жителей. Например, 7 января 1993 г. в областной газете «Народная трибуна» вышла заметка: «Улица имени последнего героя», подтверждавшая многие существовавшие слухи о возможных переименованиях. В частности, одним из вариантов нового названия площади Революции являлась «площадь Мучеников»[24].

[20] Под красными знаменами // Томский вестник (Томск). 12 ноября. 1992. № 230. Л. 1.
[21] На память – патриарший день // Томский вестник (Томск). 13 мая. 1992. № 92. Л. 3.
[22] Молитва за державу // Народная трибуна (Томск). 9 марта. 1992. № 49. Л. 1.
[23] *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб., 2018. С. 47.
[24] Улица имени последнего героя // Народная трибуна (Томск). 7 января. 1993. № 5. Л. 2.

Однако топонимические замыслы региональной власти не соответствовали слухам городских жителей. Замена символов советской властной топографии в тексте городской площади опиралась на практики рецепции имперского пространства власти и актуализации образа «студенческого региона», выраженного в метафорическом топониме «Сибирские Афины», во многом репрезентирующего региональный миф об особенной роли Томской области в культурной истории России. В рамках этой программы процесс символической трансформации площади Революции завершился в мае 1997 г., когда вступило в силу постановление мэра г. Томска «О возвращении исторического названия площади Революции»[25]. С этого момента площади было возвращено название Ново-Соборная с сохранением исторической орфографии, что ознаменовало собой окончание символической трансформации площади Революции (Ново-Соборной).

Идеологический облик центральной городской площади Томска в девяностые годы был перекодирован путем топонимического воздействия и физического устранения чуждых артефактов, однако трансформация аналогичных публичных городских пространств происходила иными методами. Так, пространство площади Ленина в Томске, на которой и по сегодняшний день располагается последний ленинский памятник, было подвергнуто символической трансформации, когда символ прежнего режима менял свое место в иерархии ценностей. Памятник Ленину на одноименной площади также представлял собой своеобразный культурный пласт советского идеологического текста, элементы которого становились нечитаемыми в обстановке постсоветских политических изменений. Постсоветские архитектурные и градостроительные решения погрузили последний монументальный ленинский памятник Томска в контекст восстановленного имперского пространства власти – теперь его окружают Богоявленский собор, Иверская часовня и здание торговой галереи (рис. 3). Ценностная перекодировка не решила проблемы смыслового символического диссонанса – дискуссии о сносе памятника/переименовании площади Ленина настигли органы местной власти и академическую общественность сразу же после идеологической трансформации площади Революции (Ново-Соборной). «Я думаю, что это невозможно, – отвечал томский историк В.Г. Томилов на требование томских коммунистов восстановить ленинский памятник на площади Революции, – и предлагаю администрации города переименовать площадь Ленина в площадь Революции и в качестве символа последней сохранить на ней памятник Ленину».

Рис. 3. Площадь Ленина в Томске, 2006 г.

«Последний» Ленин, расположенный возле здания областной администрации, нередко вызывал у томских политиков желание применить знакомую стратегию его физического устранения. Бывший томский мэр А.С. Макаров примечательным образом вспоминал собственные ощущения после визита в Томск патриарха Алексия II в 2003 г., освещавшего

[25] Постановление «О возвращении исторического названия площади Революции» от 26.05.97 // Официальный портал МО «Город Томск» [Электронный ресурс]. URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (дата обращения: 24.09.2021).

восстановленную часовню Богоявленского собора. «Я ненавижу памятник Ленину на одноименной, к сожалению, площади. Для Томска наличие ее позорно. И мне было стыдно за свой город, когда Патриарх Московский и Всея Руси шел освящать часовню от Богоявленского собора мимо памятника Ленину (спасибо случаю, что он хоть спиной стоит к часовне). Алексий Второй – человек умный, тактичный – покосился, но ничего не сказал»[26]. Дискуссии о необходимости декоммунизации городского пространства не закончились в девяностые годы, о чем говорит актуализация этой темы в процессе подготовки масштабного празднования, посвященного 400-летию Томска в 2004 г. и организации саммита «Германия – Россия» с участием А. Меркель и В.В. Путина в 2006 г. Тогда в городском дискурсе артикулировалась идея о переименовании проспекта Ленина в Университетский проспект[27] и «решении вопроса» с последним памятником В.И. Ленину на одноименной площади.

Последовательность символической политики в Томском регионе выражалась в попытках идеологического использования мест городского пространства, представлявших собой связующие узлы советской властной топографии. С этой целью на протяжении всех девяностых годов менялся символический смысл объектов городского пространства Томска, наполненного чрезвычайно насыщенным набором символических элементов, выражавших смыслы разных по содержанию моделей памяти, в связи с чем пространство площадей справедливо воспринимать как идеологический текст, слои которого являлись объектом политических манипуляций новой власти. Подобная ситуация не является оригинальной в периоды смены власти и социально-экономической нестабильности, однако имеет свои региональные особенности. Декоммунизация публичного пространства в Томске характеризовалась радикальным настроем политиков-«демократов», занявших посты в городских органах власти и воспринимавших «борьбу» с материальными советскими символами в качестве инструмента подавления никуда не исчезнувших коммунистических идей, мешавших динамике либеральных экономических преобразований и конструированию образа «демократического региона», освободившегося от «тоталитарного» прошлого.

В то же время, несмотря на государственные попытки снижения символической нагрузки объектов прежнего режима, их смысловая трансформация дала обратный эффект для властных структур – пространство укорененных в социокультурной жизни идей и смыслов использовалось для артикуляции оппозиционных нарративов и ностальгических чувств по потерянной стабильности повседневной жизни. Кейс Томского региона справедливо считать отражением символической политики постсоветских властных структур, показавших неспособность интегрировать важнейшие советские символы и мифы в процессе построения эффективных политических нарративов, что создавало установку противопоставления настоящего «тоталитарному» прошлому. Риск использования подобной модели проявился уже в первые годы существования новой власти, когда в процессе декоммунизации публичного пространства и нараставшего социально-экономического кризиса не было создано нарратива, обосновывавшего необходимость распада прежнего режима. Можно предполагать, что низкая эффективность модели радикального разрыва с советским идеологическим дискурсом повлияла на рост популярности оппозиционной коммунистической партии во второй половине 1990-х гг., использовавших богатые ресурсы памяти о событиях недавнего прошлого.

Литература

Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. 20. С. 25–49.

[26] *Макаров А.С.* Большие перемены Александра Макарова… С. 82.

[27] Главным аргументом в пользу нового топонима называется расположение четырех крупнейших университетов Томска на небольшой части проспекта. Об этом см., напр.: *Пичурин Л.Ф.* О чем спорим? Избранные статьи из «Советской России». Томск, 2009. С. 20–37.

Аксенов К.Э. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 4. С. 3–18.

Болтунова Е.М. Державность по-советски: имперское пространство советских 1970-х гг. // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 89–103.

Братская могила большевиков-подпольщиков // ОГАУК «Центр по охране памятников» [Электронный ресурс]. URL: http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html (дата обращения: 15.09.2021).

Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137–150.

История названия томских улиц / ред. Г.Н. Старикова; изд-е 3-е. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 368 с.

История Ново-Соборной площади / публ. Э.К. Майданюка // Электронная библиотека ELIB.TOMSK.RU [Электронный ресурс]. URL: http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/ (дата обращения: 27.09.2021).

Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.

Макаров А.С. Большие перемены Александра Макарова. Томск: PaRt. Com, 2006. 305 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–54.

Пичурин Л.Ф. О чем спорим? Избранные статьи из «Советской России». Томск: Печатная мануфактура, 2009. 111 с.

Постановление «О возвращении исторического названия площади Революции» от 26.05.97 // Официальный портал МО «Город Томск» [Электронный ресурс]. URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (дата обращения: 24.09.2021).

Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 325 с.

Gill G. Symbolism and regime change: Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 246 p.

References

Abramyan, L. (2003). Bor'ba s pamyatnikami i pamyat'yu v postsovetskom prostranstve (na primere Armenii) [Struggle Against Monuments and Memory in the Post-Soviet Space (on the Example of Armenia)]. In *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 20, pp. 25–49.

Aksenov, K.E. (2020). Geograficheskie modeli desovetizatsii toponimii v gorodakh Rossiyskoy Federacii [Geographic Models of Desovetization of Toponymy in the Cities of the Russian Federation]. In *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 152, no. 4, pp. 3–18.

Boltunova, E.M. (2013). Derzhavnost' po-sovetski: imperskoe prostranstvo sovetskikh 1970-kh gg. [Soviet-Style Sovereignty: the Imperial Space of the Soviet 1970s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 123, no. 123, pp. 89–103.

Bratskaya mogila bol'shevikov-podpol'shchikov [The Mass Grave of the Bolsheviks-Underground Workers]. In *Tsentr po okhrane pamyatnikov [Center for the Protection of Monuments]*. Available at: URL: http://memorials.tomsk.ru/memorials/bratskaya-mogila-bolshevikov-podpolschikov-173.html (date of access: 15.09.2021).

Burd'e, P. (1993). Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. In *Thesis*. Vol. 2, pp. 137–150.

Gill, G. (2013). *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge, Cambridge University Press. 246 p.

Kotkin, S. (2019). *Predotvrashchennyy Armageddon. Raspad Sovetskogo Soyuza, 1970–2000* [Prevented Armageddon. The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Maidanyuk, E.K. Istoriya Novo-Sobornoy ploshchadi [The History of Novo-Cathedral Square]. In *Elektronnaya biblioteka ELIB.TOMSK.RU [Electronic Library ELIB.TOMSK.RU]*. Available at: URL: http://elib.tomsk.ru/purl/1-638/ (date of access: 27.09.2021).

Makarov, A.S. (2006). *Bol'shie peremeny Aleksandra Makarova* [Big Changes of Alexander Makarov]. Tomsk, PaRt.com. 305 p.

Malinova, O. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of Memory as a Field of Symbolic Politics]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 27–54.

Pichurin, L.F. (2009). *O chem sporim? Izbrannye stat'i iz "Sovetskoy Rossii"* [What are We Arguing About? Selected Articles from Newspaper "Sovetskaya Rossiya"]. Tomsk, Pechatnaya manufaktura. 111 p.

Postanovlenie "O vozvrashchenii istoricheskogo nazvaniya ploshchadi Revolyutsii" ot 26.05.97 [Resolution "On the Return of the Historical Name of the Revolution Square" from 26.05.97]. In *Oficial'nyy portal "Gorod Tomsk" [Official portal "Tomsk City"]*. Available at: URL: http://www.admin.tomsk.ru/db1/url/P_1997_263 (date of access: 24.09.21).

Sherlok, T. (2014). *Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetskoy Rossii* [Historical Narratives and Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 325 p.

Starikova, G.N. (Ed.). (2012). Istoriya nazvaniya tomskikh ulits. Izdanie tret'e [The History of the Name of Tomsk Sstreets. 3rd Edition]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 368 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021 г.

Е.В. Метель*

Учительство в первые годы советской власти: идеологическая трансформация

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-10

УДК 908

Выходные данные для цитирования:

Метель Е.В. Учительство в первые годы советской власти: идеологическая трансформация // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 122–133. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-10.pdf

E.V. Metel*

Teaching in the Early Years of Soviet Power: Ideological Transformation

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-10

How to cite:

Metel E.V. Teaching in the Early Years of Soviet Power: Ideological Transformation // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 122–133. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-10.pdf]

Abstract. The essence and significance of pedagogical congresses, as well as their role in transformation of the teaching status, are described in the paper: from the opposition in December 1917 to the loyal attitudes to the Soviet government in 1925. The aim of the work is to study the processes of consolidation in the teaching environment, as well as ways of using them by the example of the events of the First All-Union Teachers' Congress and subsequent activities on the ground (in particular, in Biysk and the surrounding countryside). In the course of the work, statistical data and archival documents, such as "Materials for the retraining of mass teachers in the village (plans, protocols, regulations and correspondence for Biysk Uyezd), for 1924", contained in the archive department of the Biysk City Administration, were analyzed. The article considers the position of a number of historians who think that the main task of the events is political. Quite tangible results in the form of institutions of a new way of life are demonstrated by the example of historical practice. The author considers that the concept of "Teaching – part of the proletariat" was the most significant. It was used to form the social identity of teachers, to join the group of Soviet citizens, so that in the future teachers could transmit the necessary values, ideas and concepts to the masses. In addition, the study indicates that in the 1920s the authorities sought to use such congresses to direct teachers to assist in the cause of socialist construction.

Keywords: pedagogical congresses; elimination of illiteracy; Soviet power; teachers; 1920s.

The article has been received by the editor on 26.05.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование описывает сущность и значение педагогических съездов, а также их роль в трансформации политических позиций учительства: от оппозиционых настроений до лояльности советской власти. Целью статьи является исследование процессов консолидации в учительской среде, а также способов их властного использования на примере организации и проведения I Всесоюзного учительского съезда и последовавшей за ним деятельности на местах (в частности в Бийске и близлежащей сельской местности). В 1920-е гг. власть использовала подобные форумы, чтобы привлечь учителей к делу социалистического строительства. Рассматривается процесс создания учреждений нового быта. Наибольшее значение имела концепция «учительство – часть пролетариата». Она применялась для трансформации социальной идентичности педагогов, их присоединения к общности советских граждан, чтобы в дальнейшем учителя могли транслировать необходимые ценности, идеи и концепции в массы.

* **Метель Екатерина Вячеславовна**, преподаватель, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия, e-mail: metel-ev@mail.ru
Metel Ekaterina Vyacheslavovna, Teacher, Altai Sate Humanitarian and Pedagogical University Named After V.M. Shukshin, Biysk, Russia, e-mail: metel-ev@mail.ru

Ключевые слова: педагогические съезды; ликвидация безграмотности; советская власть; учительство; 1920-е гг.

Педагогические съезды были одной из значимых форм общественно-педагогического движения в пореформенной и постреволюционной России. Они способствовали развитию педагогической мысли, консолидации учительства, стимулировали творческий поиск и обмен опытом.

Первые съезды начали проводиться в 1860-е гг. по инициативе земств и совмещались с организацией учительских курсов. Циркуляром министра народного просвещения в июле 1885 г. съезды учителей были запрещены и возобновлены только в 1890-х гг. с новым подъемом общественно-педагогического движения. С этого времени и особенно после 1905 г. созывались съезды по вопросам внешкольной работы, женского, профессионального, дошкольного и других видов образования, отдельным школьным предметам и отраслям народного просвещения. Описанное выше хорошо известно исторической науке: педагогические съезды конца XIX – начала XX в. подвергались всестороннему исследованию[1].

Первое десятилетие советской власти было отмечено массовой общественной активностью учительства: на съездах рассматривались вопросы реформы школы и создания советской системы образования. И именно эти темы кажутся нам более актуальными. Существует некоторое количество работ, авторы которых освещают общее значение съездов в образовании, а также описывают роль педагогов в профессиональной среде в частности и в обществе в целом (например, М.В. Демчишин[2], А.Н. Поздняков[3]). Фундаментальные научные изыскания избегают сужения области своих исследований до вопросов проведения съездов различных уровней и в основном обращают внимание на более общие вопросы (например, реформирование/трансформация системы образования в тот или иной хронологический период). Наибольшее количество работ, посвященных съездам, можно найти в области региональной истории. Исследователи на местах также рассматривают съезды через парадигму реформы системы образования и новой концепции культурной политики государства (например, В.А. Ермолов[4], Н.П. Щетинина[5]). Однако благодаря широко представленному разнообразию местной специфики в нашей стране из этих работ можно почерпнуть множество нюансов, позволяющих составить более достоверное представление об исследуемом вопросе.

Целью данной статьи является исследование процессов консолидации в учительской среде, а также способов их использования на примере мероприятий Первого Всесоюзного учительского съезда и последующей за ними деятельности на местах (в частности в Бийске и близлежащей сельской местности).

Исследование затрагивает относительно незначительный хронологический период с 1917 по 1925 г. Временные рамки обусловлены постреволюционным вектором развития политики в сфере образования: события съезда и реализация его решений в 1925 г. проистекают из взаимоотношений учителей с новой властью, фундамент которых был заложен в декабре 1917 г., и государственных мероприятий в рамках школьной реформы.

---

[1] Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 283–284.

[2] *Демчишин М.В.* Педагогические съезды первой трети XX века и их значение в контексте становления и развития теории и практики внешкольной педагогики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 167–171.

[3] *Поздняков А.Н.* Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148; *Поздняков А.Н.* Учительство и социально-политическая стратегия власти // Интеллигенция и мир. 2004. № 1-2. С. 67–73.

[4] *Ермолов В.А.* Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (на примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 143–157.

[5] *Щетинина Н.П.* Новая образовательная парадигма и проблемы профессионального развития рязанских учителей в 1918–1919 годах // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 2 (42). С. 77–83.

Различные группы учительства по-разному приняли революцию и ее идеологию, поэтому реформирование школы проходило в сложных условиях. Как отмечал Ф.Г. Паначин, «быстрее это делали учителя начальных школ, труднее и сложнее совершался этот процесс в средних и высших учебных заведениях», многие учителя находились под влиянием кадетов и эсеров[6]. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. был отрицательно воспринят подавляющей массой учителей городских и сельских школ как «попрание принципов демократии». Возмущение учителей усугублялось вмешательством большевиков в область просвещения: в первых числах августа 1917 г. в Петрограде состоялся Всероссийский учительский съезд (ВУС), на котором присутствовало 800 делегатов, был оформлен Устав и поставлены задачи полной реорганизации образования на началах свободы, демократизации и децентрализации. Планировалось провести работу мирным парламентским путем без классовых принципов. Но с приходом к власти большевиков в реорганизации образования стали преобладать иные принципы, и все надежды либерального учительства потерпели крушение. Съезд рекомендовал учительским организациям на местах воздержаться «от любых сношений с советской властью», кроме тех случаев, когда «необходимость в них обуславливается интересами защиты арестованных учителей». Временный Петроградский совет учительских делегатов (450 делегатов от 10 000 учителей города) постановил подвергнуть наркома А.В. Луначарского личному бойкоту[7].

Противостояние учителей действиям советской власти нарастало. 15 декабря 1917 г. Временный Петроградский совет учительских делегатов постановил объявить всеобщую забастовку, но ее организованному проведению помешали непредвиденные обстоятельства. Надвигающийся голод и материальные затруднения в связи с дороговизной товаров первой необходимости раскололи учительское единство. Власть немедленно воспользовалась случаем и перешла в контрнаступление. 27 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению издала постановление о выборности всех педагогических должностей. На заседании Петросовета (Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов) в марте 1918 г. А.В. Луначарский констатировал: «Таким образом, будет удален всякий хлам и сохранен необходимый живой материал». Под «необходимым живым материалом» подразумевались учителя, бывшие явными сторонниками советской власти, а также те, которые были согласны с ней сотрудничать. В 1929 г. А.В. Луначарский утверждал, что «педагог может быть хуже детей, которых он воспитывает, но может хорошо воспитывать их, если у него есть понимание социализма, если он всей душой за новую правду и знает, как ее привить детям»[8]. Речь идет о социалистическом воспитании, о том, что для построения нового общества необходимы люди с иным мышлением. Меры по реализации этой идеи предпринимались через средства массовой информации, но этого не было достаточно без систематизированной работы в сфере образования.

Ломка старой школы и рождение новой протекали в условиях разрухи и голода. Материальное положение учителей ухудшалось. В январе 1918 г. Совнарком (Совет народных комиссаров) принял решение увеличить размеры учительского жалованья. Государственная комиссия по просвещению постановила увеличить оклад учителей начальных школ, который тогда составлял 67 руб. в месяц, до 150 руб. учителям средних школ и преподавателям высших начальных училищ. Прибавка была одной из мер привлечения учителей к сотрудничеству с советской властью, но инфляция быстро обесценивала деньги, стоимость рубля стремительно падала. Заработная плата временами задерживалась. Но если в крупных городских центрах деньги все же доходили до получателей, то в губерниях и уездах они часто использовались местными органами образования на покрытие других потребностей, а потому и приходили в школы с большим опозданием. В результате обесценивания рубля

[6] *Щетинина Н.П.* Новая образовательная парадигма… С. 77–83.
[7] *Ермолов В.А.* Реформа школьного образования…
[8] Там же. С. 145–146.

Наркомпросу (Народному комиссариату просвещения) пришлось, как и на производстве, ввести пайковое снабжение[9].

С окончанием Гражданской войны и введением нэпа (новой экономической политики) положение учителей значительно не улучшилось. Инфляционные процессы не прекратились, престиж учительской профессии падал. Педагогов теперь стали именовать «шкрабами» – по аббревиатуре тех лет, им стали выдавать хлебный паек значительно меньший, чем рабочим и совслужащим. В 1922/1923 учебном году месячная зарплата городского учителя составляла 13,12 руб., в деревне – 8,13 руб. Учитель школы второй ступени в городе получал 15,17 руб., а в деревне – 9,40 руб. Учителя начальных школ получали теперь лишь 75 % дореволюционного содержания[10].

В начале XX в. жалованье учителей средней школы составляло от 900 до 2 500 руб. в год. При выслуге установленного срока службы пенсия назначалась в размере полного оклада. Поэтому благосостояние среднего представителя профессии позволяло ему поддерживать свой престиж и отвечало представлениям о его роли в обществе. Теперь же, стремясь улучшить свое материальное положение, учителя стали покидать школы и переходить на работу в советские учреждения и на производство. Особо невезучие из учителей нанимались работниками к состоятельным крестьянам или осваивали различные ремесла на селе. Но и здесь не всем везло, и тогда в адрес Наркомпроса было направлено множество телеграмм, в которых сообщалось, что «“шкрабы” в очень тяжелом положении»[11].

Со своей стороны, власть начала понимать, что без опоры на учительство невозможно решить проблему поднятия общего культурного и политического уровня населения. Н.К. Крупская считала важнейшей задачей привлечение дореволюционного учительства к строительству новой школы, преодоление его враждебного отношения к советской власти. Решение этой задачи она возлагала на Союз учителей-интернационалистов как группу внутри общего профессионального союза учителей, видя в нем ту прослойку, которая ведет среди учительских масс пропаганду новой идеологии[12]. Особенно это было важно на селе, где учителя представляли собой единственную образованную часть общества. Большевики помнили неприятие со стороны учительства и предпринимали попытки по приобретению союзников в этой среде. Было важно привлечь на свою сторону влиятельную силу и использовать ее в своих интересах.

Культурную оппозицию педагогов большевикам подтверждают слова передовых представителей партии. Так, в 1923 г. Г.Е. Зиновьев писал: «В первые годы нашей революции учительство в массе своей далеко не было на нашей стороне». В 1925 г., уже на Первом Всесоюзном учительском съезде, эту же мысль подтвердил председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков: «При поддержке той громадной массы культурных сил, которая представлена… на настоящем собрании, Октябрьский переворот произошел бы более безболезненно и наши достижения, наши успехи… были бы гораздо значительнее»[13].

Однако подобное положение дел не могло сохраниться по окончании революции и Гражданской войны. И хотя в условиях настороженного отношения к учительству, недоверия к нему, для многих со стороны власти прозвучало неожиданно признание его силой, от которой в значительной степени зависел успех социалистического строительства, тем не менее это было закономерно. Новую роль педагога в системе отношений «учитель – государство» можно проиллюстрировать словами Г.Е. Зиновьева: «Нам пришлось как-то обмолвиться фразой, что нашему учительству придется стать агитпропом советской власти в деревне. Часть товарищей считала преувеличенным такое заявление. Я думаю, теперь они убедились, что тут преувеличения не было. Учительство – агитпроп, это на первый взгляд звучит непонятно…». В том же духе высказывался и Н.И. Бухарин: «Наш народный

[9] *Ермолов В.А.* Реформа школьного образования… С. 146.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] *Щетинина Н.П.* Новая образовательная парадигма… С. 77–83
[13] *Поздняков А.Н.* Учительство и социально-политическая стратегия власти… С. 67–73.

учитель… должен быть агентом нового мира… Он должен стать одним из самых крупных строителей социализма»[14].

Вопросы уровня подготовки учительских кадров были поставлены под государственный контроль. Однако типичной для того периода картиной являлась ситуация, когда в руках учителя не было «ни газеты, ни книги, <…> часто элементарного учебника». Такое положение явно не соответствовало роли, которую предполагалось возложить на педагогические кадры. 1923 г. стал первым годом массовой курсовой переподготовки учителей. Судя по официальным данным, за этот год через губернские и уездные курсы прошли почти 32 % работников просвещения, а включая самообразовательную работу, и все 50 %. Результатом проведенной работы, по определению Наркомпроса и ЦК профсоюза работников просвещения, стало то, что «переподготовка несомненно повысила педагогическую квалификацию», однако более важным признавалось то, что «среди учительства, прошедшего курсы, создавалось определенное политическое настроение (политический сдвиг)»[15].

Важным шагом по вовлечению учительства в дело «социалистического строительства» стал Первый Всесоюзный учительский съезд, который состоялся в январе 1925 г. Факт его проведения был результатом активной работы государства, а сам съезд должен был стать шагом в превращении педагогов в значимую союзную силу.

Ранее уже предпринимались шаги по ликвидации неграмотности. Привлечение к этому процессу учителей стало одним из шагов в государственной просветительской политике. Уже в 1918 г. по всей стране начали создаваться многочисленные краткосрочные курсы для учителей, число которых постоянно росло[16], а 19 июля 1920 г. вышел декрет СНК РСФСР о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ) – специальной организации при Наркомпросе РСФСР, руководившей в 1920-х гг. обучением неграмотных и малограмотных[17]. Спустя некоторое время, шестого ноября 1924 г., было принято решение и составлено соответствующее «Циркулярное письмо об участии союза в работе по ликвидации неграмотности»[18]. Документ был подписан фамилиями председателя Цекпроса (Центрального комитета профсоюза работников просвещения) А. Коростелева и секретаря ЦК М. Аплетина (секретаря по международным вопросам ЦК Союза работников просвещения). В тексте письма сообщалось, что, согласно резолюции XI Всероссийского съезда Советов, была поставлена задача ликвидировать неграмотность среди взрослого населения РСФСР к десятилетию Октябрьской революции. Учебный год 1924/1925 выделялся из ряда других тем, что ВЧКЛБ принял решение о переносе акцента кампании на сельское население. Отмечалось, что выполнение данной амбициозной задачи возможно только с помощью общественных организаций, в частности при активной работе Союза работников просвещения. Предполагалось, что участие в ликвидации неграмотности являлось обязанностью членов вышеупомянутого Союза, так как текст письма содержит указание на то, что «каждый член Союза должен оказать посильную поддержку». Кроме того, организации должны указывать в своих отчетах участие в данной работе с приведением конкретных цифровых данных. Меры, принимаемые комиссией до этого времени, не оставили своего следа в российской глубинке, а данный документ как будто бы активизировал просветительскую работу. Примерно через три месяца был проведен Всесоюзный учительский съезд, и кампания продолжилась уже совершенно в других масштабах.

Важную роль должен был сыграть не только сам съезд, но и подготовительная работа к нему. В связи с этим проводились местные съезды и конференции учителей, на которых давались так называемые «наказы» делегатам. Об их содержании можно судить, например,

---

[14] *Поздняков А.Н.* Учительство и социально-политическая стратегия власти… С. 67–73.

[15] Там же.

[16] *Щетинина Н.П.* Новая образовательная парадигма… С. 77–83.

[17] Декрет Совета Народных Комиссаров № 312 «Об Учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 479.

[18] Циркулярное письмо № 283 (350) об участии союза в работе по ликвидации неграмотности. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

по наказу, принятому на основании постановлений уездных учительских конференций Иркутским губернским совещанием делегатов Всесоюзного учительского съезда. В нем говорилось: «Учительство вполне признает свои ошибки прежнего отношения к Коммунистической партии и советской власти и в то же время твердо заявляет, что к прошлому нет возврата, <…> учительство убедилось в правильности избранного трудящимися СССР и их вождем РКП пути к лучшей жизни и готово отдать все свои силы для того, чтобы внедрить в толщу рабоче-крестьянских масс коммунистическое просвещение…». Аналогичного рода документы принимались и на других съездах. Так, в «наказе» астраханских учителей подчеркивалось, что «учительство… вместе с партийными, советскими и комсомольскими организациями… должно стать стражем великих завоеваний Октября». В отчете о подготовке владимирских учителей к Всесоюзному съезду подчеркивалось: «Последние два года отмечены в жизни учительства как годы отхода от контрреволюции и политического “нейтрализма” и открытого перехода на сторону победившего рабочего класса. Рядом политических выступлений учительство подчеркнуло свою преданность Коммунистической партии и Советской власти»[19].

В Алтайской губернии также был проведен «массовый съезд учительства». Его решением был принят к исполнению План зимне-весенней переподготовки массового учительства в деревне по Алтайской губернии. Он был сформирован в брошюру и распространялся как бесплатное приложение к журналу «Алтайская деревня»[20].

Съездом были запланированы конференции, выставки и кружки. К числу основных мероприятий можно отнести две зимние районные конференции, приуроченные к школьным каникулам. Каждая из них была запланирована по 80 часов (из расчета 10 рабочих дней по восемь часов). В ходе этих мероприятий предполагалось затрагивание двух тематических блоков: так называемого политико-просветительного и педагогического.

Первый цикл представлял собой совокупность следующих тем: Конституция РСФСР, экономическая политика советской власти и народное хозяйство России, исторический материализм, обзор внешней и внутренней жизни СССР. Второй цикл состоял из следующих тем: итоги первого триместра учебного года, конкретизация программы ГУС (Государственного ученого совета) на второй триместр, задание для работы кружков к весенней конференции. Примечательно, что при определении тем съезд конкретизировал содержание каждого вопроса, а по первому блоку приводил наименования литературных источников, по которым необходимо вести подготовку. Это было необходимо, так как съезд возлагал обязанность проведения конференции на учительские кружки, которые должны были распределить вопросы и подготовить доклады. Он полагал, что «таким образом, мы [съезд. – *Е. М.*] будем иметь возможность сразу пустить все кружки по определенной, нужной для учительства программе, и зимняя массовая конференция явится как бы итоговой сводкой всей проделанной кружками работы».

Весенняя районная конференция планировалась как продолжение зимней работы. В ней был заложен аналогичный принцип работы, а также было необходимо рассмотрение вопросов, которые логически проистекали из озвученных ранее. Первый цикл лекций именовался общественно-политическим и состоял из следующих тем: характеристика капиталистического строя и очерк его развития, советская власть и крестьянство, религия и коммунизм. Второй цикл – педагогический, в результате его работы было необходимо подвести итоги второго учебного триместра, а также конкретизировать программу ГУС на третий триместр.

Таким образом, педагоги в течение учебного года проходили дополнительную подготовку в области общих компетенций, профессиональных знаний, а также имели необходимый опыт взаимодействия с коллегами в целях обмена опытом и обсуждения дальнейшей работы. Так же как и в других губерниях, был принят «наказ» делегатам

[19] *Поздняков А.Н.* Учительство и социально-политическая стратегия власти… С. 67–73.

[20] I. План зимне-весенней переподготовки массового учительства в деревне: по Алтайской губернии; II. Решения массового губернского съезда учительства Алтайской губернии. Барнаул, 1924. 20 с.

Всесоюзного съезда. По окончании работы съезда был составлен ряд документов, разосланных по регионам и инструктировавших способам реализации принятых им решений. Кроме того, продвижению кампании по ликвидации неграмотности способствовало изготовление агитационных плакатов.

На XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г., была дана установка на переход от митинговой агитации к массовой пропаганде. В циркуляре РКП(б) «Об агитпунктах» отмечалось, что политические плакаты важны, так как рабочий и крестьянин, пришедшией в клуб, по ним должны наглядно постичь смысл политики партии. В эти годы издательство Главполитпросвета выпускало плакаты политико-просветительского характера, Госвоениздат пропагандировал добровольные общества («Авиахим», «Добролёт» и пр.), Центросоюз развернул агитацию за кооперирование крестьян, смычку города и деревни[21].

XI съезд Советов и Первый Всесоюзный учительский съезд вывели работу по ликвидации безграмотности на новый уровень, усилив агитационную работу для привлечения все большего количества граждан. Одним из примеров подобной агитации является плакат «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество “Долой неграмотность”»[22], который был создан в Ленинграде в 1925 г. Также он содержал следующий текст: «Заветы Ильича – к 10-летию Октябрьской революции не должно быть ни одного неграмотного». Эти слова можно оценить как отсылку к резолюции XI Всероссийского съезда Советов. «Долой неграмотность» – это всероссийское добровольное общество. Оно было основано в 1923 г. и ставило своей задачей всемерное содействие проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Общество создавало школы, группы, члены его вели индивидуальную работу по обучению неграмотных, а также широкую политико-просветительную работу. К 1930 г., по данным Большой советской энциклопедии, общество насчитывало около 3 млн членов и 200 000 ячеек; особенно большую работу оно проделало в деревне. За время своего существования (1923–1936 гг.) члены общества обучили около 5 млн неграмотных и малограмотных[23].

В центре иллюстрации – женщина, изображающая призыв. На ее голову надет красный платок, что дает основание предположить в героине делегатку: этот головной убор стал символом эпохи и женской эмансипации, особую популярность он получил благодаря Владимиру Маяковскому («Идут от станков, от земли и от кадок, под красный платок заправляя прядь. Сотни тысяч баб-делегаток выбраны строить и управлять»[24]). Делегатка изображена на плакате неслучайно: именно они, как наиболее социально активные, наряду с учителями должны были способствовать ликвидации безграмотности. Наиболее крупно на первом плане изображен знак вопроса и текст призыва: «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество “«Долой неграмотность”». Более мелким шрифтом приведена цитата резолюции съезда Советов и изображены граждане, которые обучаются письму. В целом композиция выполнена в ярких контрастных цветовых решениях (черные и красные элементы на белом фоне), что должно привлекать внимание к плакату. И, по всей видимости, привлекало, учитывая успех кампании по ликвидации безграмотности.

Однако, помимо агитационной работы, осуществлялась и организационная работа в центре и на местах. Так, решения центральных органов прорабатывались и приводились в исполнение в глубинке. К примеру, автором примерного плана доклада о Всесоюзном учительском съезде[25] обозначено, что материал должен быть преподнесен с точки зрения четырех наиболее значимых вопросов: с позиции политического значения съезда, со стороны его значения в области «культурного строительства», относительно его роли в вопросе формирования союза работников просвещения, а также с позиции его влияния в

[21] Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. М., 2018. 396 с.

[22] Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество «Долой неграмотность» [Изоматериал] [плакат] / худож. неизв. Л., 1925. 1 л. Цв. литогр.; 104×3 см. Ликвидация неграмотности – СССР Культурная революция – Россия – 20-е гг.

[23] Долой неграмотность // Большая Советская энциклопедия. М., 1969–1978.

[24] *Маяковский В.* Привет делегатке. «Рабочая газета». М., 1928.

[25] Примерный план доклада о Всесоюзном учительском съезде // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–72 об.

области удовлетворения интересов учительства (материальных, правовых и культурных). Кроме того, что данный план был разослан в местные органы власти, материалы размещались в выпусках 2–10 издания «Учительская газета».

Среди предпосылок, определивших необходимость созыва съезда, были выделены два обстоятельства, которые также фигурировали как задачи «общественно-политического момента». К ним относились новая ориентация педагогических работников, лояльная к советской власти, рост их общественно-политической активности, а также необходимость развития взаимодействия города и деревни, укрепления союза рабочих и крестьян. Эти вопросы определили ориентацию съезда, преимущественно акцентировавшего внимание на сельские вопросы. После описания реалий жизни в деревне, освещения актуальных проблем следовали призывы о помощи сельскому учительству. На съезде были заслушаны доклады А.И. Рыкова, Г.Е. Зиновьева и Н.И. Бухарина. Среди прочих докладов особенно выделяется второе выступление «Учительство – часть пролетариата» – оно является наиболее значимым для формирования социальной идентичности учительства, для их присоединения к группе советских граждан.

Съезд позиционировался как элемент культурной революции. Он определил принципиальные позиции учительства и принял ряд конкретных решений по вопросам организации просвещения. Перед союзом работников просвещения была поставлена задача – быть организатором общественно-культурной работы учительства.

Съезд должен был способствовать решению ряда проблем, отрицательно отражавшихся на работе школы и на общественной деятельности учителя. К таковым необходимо отнести вопросы материального положения (несвоевременная выдача заработной платы, отсутствие пенсионного обеспечения), проблемы правового статуса («переброски», «проверкомы», «мобилизации ВИКами», охрана труда), а также вопросы в области культурных потребностей (снабжение литературой, организация самообразования, экскурсии). Необходимо отметить, что вопрос пенсионного обеспечения был разрешен во время съезда; при обсуждении проблем, связанных с охраной труда, в первую очередь было обращено внимание на положение «учительниц-матерей», а говоря о снабжении литературой, акцент был направлен на материалы на национальных языках.

На местах составлялись локальные планы для проведения кампании по проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда[26]. Например, бийский документ состоял из двух основных частей: в первой содержалось описание городских мероприятий, а во второй излагалось содержание кампании в сельской местности.

Среди мероприятий в черте города планировалось зачитывание докладов на открытых заседаниях партийных ячеек совместно с фабзавкомами (фабрично-заводскими комитетами, рабочими комитетами на заводах) в ряде организаций (холодильник, пивзавод, табачная фабрика, мельница, дом крестьянина, ЦРК, райпотребсоюз, милиция, кожевенный завод, текстильная фабрика, военкомат, почта и др.). Для реализации плана были утверждены 23 докладчика, как минимум двое из которых были женщинами.

В деревне вопрос о проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда было решено поставить на очередных районных учительских конференциях и разослать по месткомам (местным комитетам профсоюзной организации) циркулярные письма с информацией о проведении кампании, а также с текстами докладов. Были установлены различные сроки для проведения конференций (в зависимости от районов), но в пределах 20 дней от даты составления плана (5 марта 1925 г.). Докладчики, так же как и для городских мероприятий, были назначены. Каждому из них предстояло выступить в одном или двух районах.

В целом планировалась более обширная работа. После проработки указанной темы на учительских конференциях педагоги, разъехавшись по местам своей службы, должны были сделать доклады о съезде на совместном заседании ячеек РКП и РЛКСМ, а также на общих собраниях граждан.

[26] План проведения кампании по проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

Резолюция совещания при Всесоюзном учительском съезде по вопросам работы среди крестьянок[27] была составлена совещанием делегаток Первого Всесоюзного учительского съезда совместно с отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Документ представляет собой разъяснение способов реализации положений, содержащихся в Постановлении XIII съезда РКП(б) по вопросу о более масштабном привлечении крестьянок в «строительство советской страны». В документе сформулировано восемь задач, которые было необходимо решить для достижения поставленной цели. К их числу относились следующие меры:

– увеличение степени участия учительства в ликвидации неграмотности, в первую очередь среди крестьянок-делегаток и крестьянок-общественниц (к примеру, путем шефства союза работников просвещения);

– участие учительства в работе делегатских собраний крестьянок, подготовка докладов, активная работа в комиссиях, секциях делегатских собраний;

– активное участие в проведении «дней крестьянки» и в работе «уголка крестьянки» при избе-читальне, вовлечение крестьянок в существующие кружки при избах-читальнях и помощь в организации дополнительных интересующих крестьянок кружков;

– привлечение крестьянок в школьные советы, комсоды (комиссии содействия) и на родительские собрания, добиваясь через матерей-крестьянок повышения процента девочек в школе;

– помощь в организации яслей, детских садов, детских площадок и коек для рожениц в деревне;

– способствовать подготовке крестьянок для обучения в вузах;

– участвовать в освещении вопросов труда и быта крестьянок в прессе для крестьянок, вовлекать в нее селькорок (сельских корреспондентов-женщин) из крестьянок, помогая им справляться с этой работой;

– содействовать распространению журналов «Коммунистка» и «Крестьянка», которые являются необходимым пособием в работе среди крестьянок.

Письмо о привлечении учителя к дошкольной работе в деревне[28] было сформировано Центральным комитетом профсоюзов работников просвещения и направлено губпросам и губоно (губернским комитетам народного просвещения и губернским отделам народного образования). Съезд концентрировал внимание на задаче поднятия общекультурного уровня деревни как основной среди поставленных перед учителями. Отмечается, что более значительная работа должна проводиться среди крестьянок как среди «наиболее костной» части населения. Кроме того, на попечении крестьянки находился ее ребенок, который фактически являлся беспризорным в период летних сельскохозяйственных работ. Зачастую это становилось опасным не только для самого ребенка, но и для всей деревни. Решение данных проблем съезд видел в создании детских учреждений, поэтому планировалась агитация на сходах, собраниях, конференциях, съездах, в избах-читательнях с целью создания к ближайшему летнему периоду площадок, садов, дошкольных групп при избах-читательнях и школах. Также учителя и избачи (работники изб-читален) должны были подготовить доклады, организовать кружки по вопросам дошкольного воспитания, а также уголки дошкольника.

Педагогические съезды были одной из значимых форм общественно-педагогического движения. Советская власть, с одной стороны, понимала, что без опоры на учительство невозможно решить проблему поднятия общего культурного и политического уровня населения, но, кроме того, использовала уже рабочий механизм профессиональных собраний педагогов и для удовлетворения собственных политических интересов. В ходе подготовки к масштабным общегосударственным съездам на местах педагоги в течение учебного года проходили дополнительную подготовку в области общих компетенций, профессиональных знаний, а также имели необходимый опыт взаимодействия с коллегами в целях обмена

[27] Резолюция совещания при Всесоюзном учительском съезде по вопросам работы среди крестьянок // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 93.

[28] Письмо Цекпроса о привлечении учителя к дошкольной работе в деревне // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 91.

опытом и обсуждения дальнейшей работы. После всесоюзных мероприятий решения прорабатывались и приводились в исполнение в регионах. Съезд позиционировался как элемент культурной революции. Он определил принципиальные позиции учительства и принял ряд конкретных решений по вопросам организации просвещения. В целом планировалась более обширная работа. После проработки указанной темы на учительских конференциях педагоги, разъехавшись по местам своей службы, должны были сделать доклады о съезде не только в педагогической среде, но и на совместном заседании ячеек РКП и РЛКСМ, а также на общих собраниях граждан.

Ряд историков полагает, что основная задача мероприятия – политическая. К примеру, А.Н. Поздняков ссылается на интервью председателя профсоюза работников просвещения А.А. Коростелева, данное им газете «Известия»: «Поскольку особое внимание <…> будет уделено общественным задачам…, вопросы …профессиональные должны быть …отодвинуты на второй план». Также в пользу позиции автора свидетельствует резолюция, принятая съездом. В ней содержались следующие слова: «Учительство… целиком и полностью разделяет программу Советской власти и призывает …оказать еще более …деятельное и активное содействие Советской власти». Кроме того, автор ссылается на слова Н.К. Крупской: «Одним только остались недовольны учителя – мало удалось обсудить дела педагогические…»[29]. С другой стороны, анализ источников, составленных в регионах, показал, что как минимум половина тем, поднимаемых на провинциальных съездах, была посвящена именно профессиональным вопросам.

Фактически нельзя сделать вывод, что работа ограничивалась только политическими мерами. На практике имелись вполне осязаемые результаты, например, в виде учреждений нового быта. Так, к примеру, в 1924 г. в Бийске не было женских консультаций, а к 1927 г. было организовано пять учреждений. Количество яслей за три года увеличилось в 21,5 раза – с двух до 43. Естественно, и это могло служить на пользу столь необходимой политической лояльности женщин вообще и учителей в частности. Но этот факт не позволяет преуменьшать значение данных мер в области социальной политики.

Работа среди учителей была важным аспектом в создании нового общества. Она касалась не только просвещения граждан, но, в первую очередь, и профессиональной подготовки самих просветителей. По данным С.М. Фридмана, в 1927 г. только 12,4 % учителей имели высшее образование, 57,9 % – среднее, а 13,2 % – низшее. Среди работников начальных школ доля учителей с низшим образованием была еще более значительной – 30–40 %. При этом лишь пятая часть учителей имела педагогическое образование[30]. Так, для повышения качества их работы, а также для достижения целей, поставленных советской властью, было необходимо повышение квалификации основной части учителей, равно как и полноценная подготовка новых специалистов. В.А. Ермолов считает, что «наличие диплома и профессионализма не являлось обязательным условием для поступления на работу. Достаточно было рекомендаций политических или иных организаций, лояльных к власти. Главное – это каких политических взглядов придерживался кандидат на вакантное место учителя»[31]. Однако при анализе статистических данных очевиден прогресс в профессиональном педагогическом образовании: если к 1 января 1917 г. в России функционировало 145 мужских и 26 женских учительских семинарий[32], то в 1927 г. количество педвузов только в РСФСР насчитывало 18 учреждений, а число педтехникумов – 251[33]. Тем не менее лояльность также является немаловажным фактором, и для политической элиты было

[29] *Поздняков А.Н.* Учительство и социально-политическая стратегия власти… С. 67–73.

[30] *Поздняков А.Н.* Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148.

[31] *Ермолов В.А.* Реформа школьного образования… С. 143–157.

[32] *Окушова Г.А.* Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 11. С. 80–85.

[33] *Журавлев А.М.* Опыт государственного руководства подготовкой учительских кадров для сельских школ в 1927–1932 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 100–104.

значимо осуществлять социалистическое воспитание. Для построения нового общества необходимы люди с иным мышлением, и меры по реализации этой идеи предпринимались через средства массовой информации. Но этого не было достаточно без систематизированной работы в сфере образования, поэтому концепция «Учительство – часть пролетариата» являлась наиболее значимой. Она применялась для формирования социальной идентичности педагогов, для их присоединения к группе советских граждан, чтобы в дальнейшем учителя могли транслировать необходимые ценности, идеи и концепции в массы.

Таким образом, учителя, бывшие еще в конце XIX в. силой, склонной к консолидации, объединялись перед социально-экономическими трудностями первого советского десятилетия. Власть же стремилась направить эту активную общественную силу, и учительские съезды различных уровней стали одним из механизмов решения этой задачи. Эта деятельность стала давать результаты, и учительство приняло на себя роль идеологического союзника в социалистическом строительстве. Однако, кроме сугубо политических результатов в виде растущей идеологической лояльности населения, реализация мер способствовала расширению сети социальных учреждений и решению просветительских задач.

Литература

Демчишин М.В. Педагогические съезды первой трети XX века и их значение в контексте становления и развития теории и практики внешкольной педагогики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 167–171.

Долой неграмотность // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд-е. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978 [Электронный ресурс]. URL: https://rus-bse.slovaronline.com/24647-Долой%20неграмотность (дата обращения: 21.04.2021).

Ермолов В.А. Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (на примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 143–157.

Журавлев А.М. Опыт государственного руководства подготовкой учительских кадров для сельских школ в 1927–1932 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 100–104.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / ред. А.В. Сиренов. М.: Юрайт, 2018. 396 с.

Окушова Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 11. С. 80–85.

Педагогический энциклопедический словарь / ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 527 с.

Поздняков А.Н. Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148.

Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти // Интеллигенция и мир. 2004. № 1–2. С. 67–73.

Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма и проблемы профессионального развития рязанских учителей в 1918–1919 годах // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 2 (42). С. 77–83.

References

(1969–1978). Doloy negramotnost’ [Illiteracy Off]. In *Bolschaya Sovetskaya entsiklopediya.* Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Available at: URL: https://rus-bse.slovaronline.com/24647-Долой%20неграмотность (date of access: 21.04.2021).

Bim-Bad, B.M. (Ed.). (2002). *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol’shaya rossiiskaya entsiklopediya. 527 p.

Demchishin, M.V. (2011). Pedagogicheskie s’ezdy pervoy treti XX veka i ikh znachenie v kontekste stanovleniya i razvitiya teorii i praktiki vneshkol’noy pedagogiki Rossii [Pedagogical

Congresses of the First Tthird of the 20th Century and Their Significance in the Context of the Formation and Development of the Theory and Practice of Extracurricular Pedagogy in Russia]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva.* No. 4, pp. 167–171.

Ermolov, V.A. (2009). Reforma shkol'nogo obrazovaniya v ramkakh kul'turnoy politiki sovetskoy vlasti v 20-kh gg. XX veka (na primere Novgorodskoy gubernii) [The Reform of School Education in the Framework of the Cultural Policy of the Soviet Government in the 20s of the 20th Century (on the Example of the Novgorod Province)] In *Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana).* No. 2, pp. 143–157.

Okushova, G.A. (2010). Podgotovka uchitel'skikh kadrov v dorevolyutsionnoy Rossii [Teacher Training in Pre-Revolutionary Russia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 11, pp. 80–85.

Pozdnyakov, A.N. (2004). Uchitel'stvo i social'no-politicheskaya strategiya vlasti [Teaching and Socio-Political Strategy of the Government]. In *Intelligentsiya i mir.* No. 1–2, pp. 67–73.

Pozdnyakov, A.N. (2012). Stanovlenie sistemy povysheniya kvalifikatsii uchiteley v 1920-e gody [Formation of the System of Advanced Training of Teachers in the 1920s]. In *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie.* No. 1 (21), pp. 143–148.

Shchetinina, N.P. (2017). Novaya obrazovatel'naya paradigma i problemy professional'nogo razvitiya ryazanskikh uchiteley v 1918–1919 godakh [New Educational Paradigm and Problems of Professional Development of Ryazan Teachers in 1918–1919]. In *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk.* No. 2 (42), pp. 77–83.

Sirenov, A.V. (ed.). (2018). *Istochnikovedenie: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Source Studies: Textbook for Academic Undergraduate Studies]. Moscow, Yurait. 396 p.

Zhuravlev, A.M. (2008). Opyt gosudarstvennogo rukovodstva podgotovkoy uchitel'skikh kadrov dlya sel'skikh shkol v 1927–1932 gody [Experience of State Management of Teacher Training for Rural Schools in 1927–1932]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena.* No. 76-2, pp. 100–104.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021 г.

Н.А. Потапова*

Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-11

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf

N.A. Potapova*

Unemployment in the Soviet State in the 1920s: Ideological Doctrine and Economic Reality

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-11

How to cite:

Potapova N.A. Unemployment in the Soviet State in the 1920s: Ideological Doctrine and Economic Reality // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 134–141. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf]

Abstract. Unemployment arises at the turn of the 20th century in Russia. According to the 1913 population census, carried out only in a number of large cities of the country, about 500 thousand people were recorded who did not have any means of subsistence due to the lack of permanent work. The World War, the subsequent revolutionary events, the first economic transformations of the new government provoked a massive influx of rural residents into the cities. The increase in the urban population occurred against the background of a lack of jobs due to insufficient growth in industrial production. Therefore, the Soviet leadership already in 1921 faced the problem the existence of a massive and growing reserve army of labor. By the spring of 1927, there were about 1.5 million unemployed in the USSR. The real economic picture did not correspond to the ideological doctrine of the Bolsheviks, which admitted the existence of unemployment only in the capitalist social order. On the contrary, in the socialist system, the continuous growth of production is accompanied by a constant increase in the number of workers, which leads to full employment of citizens. Therefore, the Soviet government in the early 1920s embarked on a course of elimination of unemployment. The article analyzes the measures taken in the fight against unemployment of the population, on the basis of which three stages of the state policy of destroying the “heritage of capitalism” can be distinguished. The first stage dates back to the period 1918–1921,when an attempt was made to destroy the free labor market, the existence of which was contrary to socialist ideas. However, the introduction of the NEP not only marked the beginning of the next period, but also suspended the policy of strict regulation in this area. In 1927, the third stage began, marked by a return to the system of planned construction of the national economy, regulation of the labor market, organized supply of industry, etc. The result of these transformations was the closure of labor exchanges in 1930, the termination of preferential payments, and at the beginning of 1931 the USSR declared itself the first country in the world to defeat unemployment, despite the fact that since 1927 labor exchanges had been carrying out the so-called purges, striking off the register thousands thousands of people, depriving them of their right to work. Based on this, the author casts doubt on the conclusion that was fixed in Soviet historiography about the elimination of unemployment in the USSR and makes the assumption that unemployment after 1930 changed the form of its existence.

Keywords: NEP; unemployment; labor exchange; unemployed population; government measures; industrialization.

The article has been received by the editor on 04.11.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Потапова Наталья Анатольевна**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru
Potapova Natalia Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

Аннотация. Безработица в России возникает на рубеже XIX–XX вв. Согласно переписи населения 1913 г., проведенной только в ряде крупных городов страны, было зафиксировано около 500 тыс. чел., не имевших никаких средств к существованию вследствие отсутствия постоянной работы. Мировая война, последующие революционные события, первые экономические преобразования новой власти спровоцировали массовый приток сельских жителей в города. Увеличение городского населения происходило на фоне отсутствия рабочих мест вследствие недостаточного роста промышленного производства. Поэтому советское руководство уже в 1921 г. столкнулось с проблемой существования массовой и растущей резервной армии труда. К весне 1927 г. в СССР насчитывалось около 1,5 млн незанятых. Реальная экономическая картина не соответствовала идеологической доктрине большевиков, которая допускала наличие безработицы только в капиталистическом общественном строю. Напротив, в социалистической системе непрерывный рост производства сопровождается постоянным увеличением численности работающих, что ведет к полному трудоустройству граждан. Поэтому советской властью в начале 1920-х гг. был взят курс на ликвидацию безработицы. В статье анализируются принятые меры в борьбе с незанятостью населения, на основании которых можно выделить три этапа государственной политики уничтожения «наследия капитализма». Первый этап датируется периодом 1918–1921 гг., в это время была предпринята попытка разрушить свободный рынок труда, существование которого противоречило социалистическим идеям. Однако введение нэпа не только ознаменовало начало следующего периода, но и приостановило политику жесткого регулирования в экономической сфере. С 1927 г. начинается третий этап, ознаменовавшийся возвращением к системе плановости строительства народного хозяйства, регулирования рынка труда, организованного снабжения промышленности и т.д. Итогом этих преобразований стало закрытие бирж труда в 1930 г., прекращения льготных выплат, а в начале 1931 г. СССР объявил себя первой страной в мире, победившей безработицу. Однако с 1927 г. биржи труда проводили так называемые чистки, снимая со своего учета тысячи людей, лишая их права на труд. На основании этого автор ставит под сомнение закрепившийся в советской историографии вывод о ликвидации незанятости населения в СССР и делает предположение о том, что безработица после 1930 г. изменила форму своего существования.

Ключевые слова: нэп; безработица; биржа труда; незанятое население; государственные меры; индустриализация.

Советская идеология определяла безработицу как «явление, присущее капиталистическому общественному строю, когда часть трудящихся не может найти себе работу, становясь “излишним” населением, резервной армией труда»[1]. Напротив, при социалистической системе безработица отсутствует, так как непрерывный рост производства сопровождается постоянным увеличением численности работающих, что, в свою очередь, ведет к полной занятости населения. Однако несмотря на идеологические доктрины, уже в 1921 г. большевистское руководство столкнулось с масштабным и стремительным ростом незанятого населения.

Мировая война, последующие революционные события, первые экономические преобразования новой власти спровоцировали массовый приток сельских жителей в города. Увеличение городского населения происходило на фоне отсутствия рабочих мест вследствие недостаточного роста промышленного производства. Кроме того, экономическая обстановка 1920-х гг., нехватка денежных средств возродили в крестьянской среде практику временного ухода с постоянного места жительства в города с целью заработка, что также негативно сказывалось на общей картине. Помимо уже перечисленных причин безработицы, ряды нетрудоустроенных пополняли демобилизованные красноармейцы. Иначе говоря, реальная картина, сложившаяся в результате революционных трансформаций, не совпадала с совет-

[1] Большая советская энциклопедия: [в 66 т.].1-е изд. М.: 1926–1947. БСЭ. Т. 5. 1927. Стлб. 209–248.

скими идеологическими установками. Поэтому на протяжении всех 1920-х гг. руководство страны вело борьбу с позорным «наследием капитализма», трансформируя экономическую, политическую и социальную сферы. Итогом преобразований стало закрытие в 1930 г. в Москве последней в стране биржи труда, а в начале 1931 г. постановление ЦИК СССР заявило о том, что Советский Союз стал первым государством, победившим безработицу[2], хотя пятилетний план намечал сокращение числа незанятого населения до 400 тыс. Подводя итоги первому этапу индустриализации, И.В. Сталин констатировал: «Одно из основных завоеваний пятилетки в четыре года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов»[3].

Важное мероприятие на рынке труда было сделано еще в начале 1918 г., которое задавало вектор экономического развития социалистического государства на ближайшее десятилетие. Январский декрет СНК «О биржах труда» закрывал все частные и платные бюро и конторы по найму, взамен вводил государственные биржи труда, в функции которых входило трудоустройство безработных, выдача им пособий, учет и распределение рабочих во всех отраслях народного хозяйства, а также упорядочение спроса и предложения труда, организации общественных работ и т.д.[4] Теперь безработные обязывались вставать на учет бирж, которые выступали посредником между нанимателем и работником, не прошедшие процедуру регистрации не только не могли быть приняты на работу, но и не имели права претендовать на пособия и другие льготы по безработице. Фактически этот декрет стал первым шагом в деле уничтожения свободного рынка труда, так как существование последнего противоречило социалистическим идеям.

С введением нэпа руководство страны ослабило политику жесткого регулирования рынка труда. В первой половине 1920-х гг. население, не опасаясь государственных санкций, могло обходить биржи труда при найме на работу, предоставлять частные услуги с целью заработка и т.д. Однако уже в январе 1928 г. народный комиссар труда В.В. Шмидт в своем докладе отмечал, что сложившаяся в СССР система регулирования находится в явном противоречии с системой плановости строительства народного хозяйства[5]. Для исправления сложившейся ситуации нарком в ближайшее время планировал вернуться к плановости регулирования рынка труда, организованному снабжению промышленности, регулированию отходничества, перераспределению излишков рабочей силы. Кроме того, намеревались провести чистку бирж труда с целью снять с учета всех неквалифицированных лиц, а также принять меры по усилению дисциплины среди незанятого населения. Это заявление, ставшее программой преобразований рынка труда в ближайшие годы, было сделано на фоне чрезвычайно сложной экономической ситуации. Безработица в стране росла резкими темпами, за период 1921–1927 гг. численность населения без средств к существованию выросла в пятнадцать раз.

По данным ЦСУ (Центральное статистическое управление), к концу 1921 г. в стране на учете бирж труда находилось 100 тыс. чел., к 1 января 1923 г. эта цифра увеличилась до 641 тыс. чел., а к началу 1924 г. уже 1 240 тыс. чел. не имели постоянной работы[6], т.е. за два года количество нетрудоустроенных возросло почти в 12,5 раза. Во второй половине 1920-х гг. положение еще более обострилось, к весне 1927 г. около 1,5 млн чел. оказались без средств к существованию. Основной удар пришелся на РСФСР, доля неработающего населения в республике составляла около 46,8 %. Особенно затяжной и застойный характер безработица носила среди лиц неквалифицированного (44,3 %) и интеллигентного (25,1 %) труда, а также среди женщин (47,5 %) и подростков (12,2 %)[7].

---

[2] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док-тов за 50 лет. М., 1967. Т. 2: 1929–1940 гг. С. 250–254.

[3] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1938.

[4] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 322–323.

[5] Индустриализация СССР 1926–1928 гг.: док-ты и мат-лы. М., 1969. С. 350–366.

[6] *Рогачевская Л.С.* Ликвидация безработицы в СССР 1917–1930 гг. М., 1973. С. 76–77.

[7] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 21.

В наиболее трудной обстановке оказались чернорабочие. В докладах НКТ отмечалось, что дальнейшие индустриальные процессы вызовут смягчение безработицы только среди квалифицированных групп. Так, например, в 1925–1926 гг. для удовлетворения спроса советской промышленности потребовалось всего 433 тыс. новых кадров, две трети из которых были специалистами[8]. Сокращению числа незанятых среди неквалифицированных рук препятствовал приток отходников, предложения труда со стороны подростков и демобилизованных советских служащих, которые зачастую не имели профессии, но обладали правом безочередного устройства на предприятие. Кроме того, конкуренцию вольнонаемному населению составлял труд заключенных, который использовался в промышленности на фоне тяжелой безработицы[9].

Численные показатели требовали от партии принятия незамедлительных мер, направленных на перераспределение кадров. Первый шаг в этом направлении был сделан в феврале 1927 г. НКТ издал циркулярное письмо, которое запрещало безработным прибывать в Москву, Ленинград, Ярославль, Псков, Симферополь, Севастополь, Феодосию, Керчь, Фрунзе, Кзыл-Орду, Минск, Витебск, Бобруйск, Борисов, Могилев, Харьков, Одессу, Киев, Николаев, Днепропетровск, Запорожье, Баку, Тифлис, Самарканд, Ташкент, Бухару, Коканд, Хиву, Душанбе, Полторацк, Керки, Ленинск, Мерв, Ташауз[10]. В этих советских городах ситуация носила застойный характер.

С целью организованного снабжения промышленности в марте 1927 г. СНК СССР подписывает постановление «О мерах по регулированию рынка труда»[11], согласно которому все государственные, общественные и частные предприятия обязывались заключать специальные соглашения с НКТ или территориальными отделами труда. Новые правила предусматривали набор кадров либо непосредственно нанимателем, либо биржами труда. Кроме того, накладывался запрет на привлечение людей из других местностей через использование посредников, не получивших полномочий, также воспрещалось вызывать работников при помощи писем и публикаций. Иными словами, только официально учтенное население могло рассчитывать на трудоустройство.

Однако данное постановление не учитывало того факта, что в Советском Союзе существовал недостаток бирж труда. Так, в 1924–1925 гг. в стране имелось 384 пункта, а уже в период 1926–1927 гг. – 250, т.е. сеть органов трудового посредничества не охватывала не только многие уездные города, но и промышленные центры[12]. Не вызывает сомнения, что при таком количестве бирж труда не все желающие могли встать на учет, а значит – найти работу. Но существовала и другая сторона, когда спрос на труд не мог быть удовлетворен. Так, например, в июле-сентябре 1927 г. сибирские биржи имели от предприятий запрос на 28 735 чел., однако промышленность не смогла получить 3 063 чел. (или 10,6 %). Причин, объясняющих сложившуюся ситуацию, можно выделить несколько, а именно: отсутствие кадров необходимой квалификации (44,5 %), отказ от работы, где требовался переезд в другой регион (15,4 %), низкооплачиваемый труд (10,1 %), тяжелые условия (6,3 %) и пр.[13]

Начиная с 1927 г. НКТ стал постепенно вводить в практику санкционные меры в отношении тех, кто уклонялся от предлагаемого места. С этого времени биржи труда снимали с учета при следующих обстоятельствах:

– отказ от работы не по специальности;
– отказ от общественных работ;
– отказ от работы в коллективах безработных;

[8] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033. Л. 21.
[9] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 19–20.
[10] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1033а. Л. 179–182.
[11] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1379. Л. 44–47.
[12] Индустриализация СССР… С. 359.
[13] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 5.

– отказ одиноких людей, в особенности умственного труда (медицинских работников, просвещенцев, инженеров, техников и др.), от работы, требующей переезда на другое место жительство;

– отказ от работы, требующей переезда на другое место жительство, малосемейных в тех случаях, когда на новом месте предоставлялось жилье[14].

Отказ в регистрации означал, помимо прекращения выплат пособий и отмены льгот, невозможность найти место работы со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, с этого же времени к регистрации допускались только члены профсоюзов, а также имеющие специальность, трудовой стаж, дети рабочих и служащих, лица, окончившие высшие и средние учебные заведения[15]. В дальнейшие годы список людей, попадавших под такую меру воздействия, расширялся. Так, постановление НКТ СССР от 13 июля 1929 г. № 224 запрещало помогать в трудоустройстве не только лишенным избирательных прав, но и лицам, проживающим на иждивении лишенных избирательных прав[16]. В результате на рубеже 1920–1930-х гг. советское руководство при помощи санкционной политики подкорректировало цифры незанятого населения в стране. На данном этапе исследования трудно судить о численности лиц, подвергшихся таким мерам в общесоюзном масштабе. Но с уверенностью можно сказать, что по всей стране регистрацию потеряли тысячи человек. Так, например, Новосибирская биржа труда только в мае 1929 г. сняла с учета свыше 1 тыс. человек. В Омске в августе 1929 г. под санкции попали 1 255 чернорабочих, в Томске – 2 060[17]. Принятые меры позволили существенно сократить численность учтенных безработных в СССР в период 1927–1931 гг., а людей, снятых с регистрации, лишить права на труд, так как в тех условиях найти работу в обход бирж труда стало невозможным.

Первая пятилетка, как и прогнозировалось руководством страны, существенно изменила ситуацию на рынке труда. Уже в 1928/1929 хозяйственном году предложение труда составило 124 тыс. чел., тогда как спрос превысил 209 тыс. чел.[18] Однако наряду с этим на биржах труда продолжали находиться безработные, систематически отказывавшиеся от предложенной работы или переквалификации и которые подлежали снятию с учета. В постановлении союзного Наркомата труда (апрель 1929 г.) такая ситуация, при которой «стихийность рынка труда и найма рабочей силы противоречит задачам планового обеспечения промышленности рабочей силой», признавалась ненормальной[19]. Государство в условиях повышенного спроса на труд стало все чаще и чаще прибегать к принуждению. Так, в Иркутске отказ от выполнения ряда срочных сезонных работ, таких как прокладка Тулуновского железнодорожного участка, ремонт Култукского тракта, разгрузка в Автопромторге, привели к изданию местным окрисполкомом специального постановления от 2 сентября 1929 г., которое вводило обязательную трудовую повинность для всех состоящих на учете бирж труда неквалифицированных рабочих[20].

Незанятость населения порождала массу проблем, в том числе материально-бытовых, финансовых и т.д. Еще в начале 1925 г. статья в газете «Правда» обвиняла безработицу в нищенском существовании советского населения[21]. Отсутствие работы, денег, жилья стало главной причиной увеличения в стране показателей преступности и самоубийств[22]. СССР захлестнула волна хулиганства. Согласно сведениям статистического отдела НКВД, на

---

[14] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1481. Л. 2.

[15] *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обозрение. М., 2000. Вып. 4. С. 39–80.

[16] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1512. Л. 61.

[17] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1513. Л. 35–45.

[18] Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930. С. 425.

[19] *Кузнецов А.* Вопросы организации труда в 1931 году // Вопросы труда на новом этапе: сб. статей. М.; Л., 1931. С. 86.

[20] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1513. Л. 35–45.

[21] Правда. 1925. 9 января.

[22] *Гиндин Я.И.* Новые формы работы бирж труда (с приложением постановлений и распоряжений Наркомтруда СССР о реорганизации Бирж труда). М., 1924. С. 11.

10 тыс. чел. в РСФСР приходилось в 1925 г. – 3,2, в 1926 – 16,7, а в 1927 – 25,2 случая зарегистрированных противоправных действий, рассматривавшихся как преступные[23]. С другой стороны, проводимые советской властью мероприятия на рынке труда, застойный характер безработицы и сопутствующие тяжелые условия существования на почве материальной необеспеченности, наличие продовольственных затруднений способствовали нарастанию недовольства и распространению антисоветских настроений. Органы ОГПУ фиксировали, что особую опасность представляли биржи труда, так как здесь ежедневно концентрировалось большое скопление незанятых озлобленных масс.

Довольно острый характер ситуация носила в отдельных областях Украины, Закавказья, Казахстана. Безработица провоцировала межнациональное обострение межнациональных конфликтов в регионах с многонациональным составом проживающего населения. Согласно сводкам ОГПУ, в этих местах имело место быть распространение в массовых масштабах листовок антисоветского, националистического, русофобского характера. В этих пропагандистских материалах содержались призывы к свержению советской власти. Так, например, в Донбассе была создана «Украинская коммунистическая партия», которая среди рабочих проводила антисоветскую работу и пыталась внушить шахтерам, что причиной роста безработицы на Украине является политика большевистского правительства, которое закупает уголь в Англии, в то время как свой уголь не находит сбыта внутри страны. А в Казахстане в 1927 г. массовое и хорошо организованное выступление безработных потребовало привлечения регулярной армии для разгона бастующих[24].

Сибирские чекисты отмечали, что эмоции незанятого населения особенно обострены. Подавленность, граничащая с отчаянием, приводит к господству погромных настроений, порождает призывы к беспорядкам. Особую опасность, по мнению сотрудников ОГПУ, представлял массовый и резкий характер недовольств, а также острые выпады против советской власти, партии и коммунистов. Так, например, в сводке ОГПУ за май 1929 г. были приведены следующие взгляды на сложившуюся экономическую ситуацию одной из безработных: «Скоро год, как без работы и не на один день никуда Биржа не посылала. Комиссия обследовала, сижу голодом, все имущество на себе, а на работу не посылают – говорят, не член союза, а где я вступлю в союз, когда мне 19 лет, училась в школе, а потом временно шила у кустаря. Говорят, с проституцией нужно бороться, а сами до этого доводят. Матери 70 лет, получает 8 руб. пенсии, на нем живем двое. Это называется молодежи дорогу даю, дают, но только не к труду, а к проституции, свобода не к жизни, а к голодной смерти»[25].

Большие претензии предъявлялись к работе бирж труда: «Кумовство и протекционизм как были, так и остались. Очередь при посылке на работу биржа нарушает. Те, кто уволился позднее, давно уже получили работы, а мы все ждем». Обычным явлением стали выступления на биржах труда с требованием предоставить/отправить на работы, зачастую такие ультиматумы сопровождались драками с представителями власти, в частности с милицией: «Вот видите, какая нас масса безработных, и с каждым днем все больше и больше. Что они, большевики, нам дали? Только все время крестьян обирают. Сулили рай, а что дали? Скорее бы война, тогда они узнают, кто за нас пойдет»[26]. О массовости недовольств говорят цифры по пяти городам Сибирского края в мае 1929 г. В Омске, Новосибирске, Иркутске, Барнауле и Бийске было зафиксировано 307 актов выступлений безработных. Власти реагировали на это при помощи снятия с учета зачинщиков и участников волнений[27]. Также ответом со стороны советского руководства стали предложения о разгрузке бирж труда от безработных в целом, а в первую очередь антисоветских и хулиганствующих элементов.

[23] Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. М., 1925. Вып. 4–5; М., 1926. Вып. 6; М., 1927. Вып. 7.

[24] *Богданов С.В., Ельчанинов П.М.* Безработица и социальный протест в Советской России в период НЭПа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. 2016. № 9 (71). С. 24–26.

[25] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1513. Л. 35–45.

[26] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1391. Л. 54–63.

[27] Там же. Л. 28.

Кроме того, продолжавшиеся выступления безработных спровоцировали поступление предложений о ликвидации бирж труда как места сосредоточения и объединения антисоветских настроений. Вероятно, это имело силу, так как постановлением «О немедленном направлении безработных на работу и о прекращении выплаты им денежной помощи», изданном в октябре 1930 г., отменялся статус безработного, а биржи труда из органов, выполняющих посреднические функции, превращались в планово-экономические управления по снабжению и подготовке рабочей силы. Вместо Комитета по борьбе с безработицей был образован Совет подготовки и поставки рабочей силы[28].

Таким образом, в советской политике в борьбе с безработицей в 1920-е гг. можно выделить три этапа. Первый начинается в 1918 г. с принятия декрета «О биржах труда», который создал основу для жесткого государственного регулирования рынка труда. От идеи плановости экономики большевикам пришлось отступить в 1921 г. с введением нэпа. Период 1921–1927 гг. ознаменовался ослаблением контроля в экономической сфере. Однако именно в это время начался масштабный рост безработицы. К 1927 г. в стране на учетах бирж труда стояло около 1,5 млн человек. С 1927 г. начинается третий этап, ознаменовавшийся возвращением к системе плановости строительства народного хозяйства, регулированию рынка труда, организованного снабжения промышленности и т.д. В это же время в отношении незанятого населения, отказывавшегося по каким-либо причинам от предлагаемого места, стали применяться санкции, а именно: снятие с учета бирж труда, прекращение льготных выплат. Список лиц, попадающих под новые меры, постепенно расширялся. А в партийных документах 1929 г. имели место быть требования о разгрузке биржи труда. Борьба, направленная на ликвидацию последних, была связана с массовым скоплением здесь незанятого населения, настроенного против советской власти, открыто заявлявшего о борьбе с коммунистами. Частые драки и антиправительственные выступления требовали вмешательства органов власти. На рубеже 1920–1930-х гг. идеи о ликвидации бирж труда стали реальностью. Вероятно, скопление в этих местах антисоветски настроенных групп стало одной из причин закрытия в 1930 г. бирж труда. Поэтому, принимая во внимание ситуацию на рынке труда в конце 1920-х – начале 1930-х гг., вывод о ликвидации безработицы в СССР становится неочевидным. Вероятно, объявление о победе над «наследием капитализма» имело идеологический характер, а безработица после 1930 г. изменила форму своего существования.

Литература

Богданов С.В., Ельчанинов П.М. Безработица и социальный протест в Советской России в период НЭПа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. 2016. № 9 (71). С. 24–26.

Большая советская энциклопедия: [в 66 т.] / гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1926–1947.

Гиндин Я.И. Новые формы работы бирж труда (с приложением постановлений и распоряжений Наркомтруда СССР о реорганизации Бирж труда). М.: Госиздат, 1924. 88 с.

Индустриализация СССР 1926–1928 гг.: док-ты и мат-лы. М.: Наука, 1969. 533 с.

Кузнецов А. Вопросы организации труда в 1931 году // Вопросы труда на новом этапе: сб. ст. М.; Л., 1931. 163 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док-тов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 250–254.

Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930. 804 с.

Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обозрение. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. Вып. 4. С. 39–80.

[28] *Угланов Н.* Рост кадров рабочего класса, изжитие безработицы и снабжение социалистического строительства рабочей силой // Труд в СССР: сб. ст. к XVI парт. съезду. М., 1930. С. 65–68.

Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. М., 1925. Вып. 4-5; М., 1926. Вып. 6; М., 1927. Вып. 7.

Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. М., 1926. Вып. 6; М., 1927. Вып. 7.

Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. М., 1927. Вып. 7.

Угланов Н. Рост кадров рабочего класса, изжитие безработицы и снабжение социалистического строительства рабочей силой // Труд в СССР: сб. ст. к XVI парт. съезду / Наркомат труда СССР. М.: Гострудиздат, 1930. 183 с.

References

Bogdanov, S.V., Elchaninov, P.M. (2016). Bezrabotitsa i socialnyy protest v Sovetskoy Rossii v period NEPa [Unemployment and Social Protest in Soviet Russia During the NEP Period]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy istorii i praktiki.* No. 9 (71), pp. 24–26.

Gindin, Ya.I. (1924). Novye formy raboty birzh truda (s prilozheniem postanovleniy i rasporyazheniy Narkomtruda SSSR o reorganizatsii Birzh truda) [New Forms of Work of Labor Exchanges (with the Attachment of Resolutions and Orders of the USSR People's Commissariat of Labor on the Reorganization of Labor Exchanges)]. Moscow, Gosizdat. 88 p.

Kim, M.P. (Ed.). (1969). Industrializatsiya SSSR 1926–1928. Dokumenty i materialy [Industrialization of the USSR 1926–1928. Documents and Materials]. Moscow, Nauka. 533 p.

Kuznecov, A. (1931). Voprosy organizatsii truda v 1931 godu [Questions of the Organization of Labor in 1931]. In *Voprosy truda na novom etape: sb. statey*. Moscow, St. Petersburg. 163 p.

(1967). Resheniya partii i pravitel'stva po hozyaystvennym voprosam. 1917–1967. Sbornik dokumentov za 50 let [Party and Government Decisions on Economic Issues. 1917–1967 Collection of Documents for 50 Years]. Moscow, Politizdat. Vol. 2: 1929–1940, pp. 250–254.

Shmidt, O.Yu. (Ed.). (1926–1947). Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: [v 66 t.] [Great Soviet Encyclopedia: [in 66 vol.]]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.

(1930). Sibirskiy kray. Statisticheskiy spravochnik [Siberian Region. Statistical Reference Book]. Novosibirsk, 804 p.

Sokolov, A.K. (2000). Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930) [Soviet Policy in the Field of Motivation and Stimulation of Labor (1917 – mid-1930s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta. Iss. 4, pp. 39–80.

(1925). Statisticheskiy obzor deyatel'nosti mestnykh administrativnykh organov NKVD [Statistical Overview of the Activities of Local Administrative Bodies of the NKVD]. Moscow, Iss. 4–5.

(1926). Statisticheskiy obzor deyatel'nosti mestnykh administrativnykh organov NKVD [Statistical Overview of the Activities of Local Administrative Bodies of the NKVD]. Moscow, Iss. 6.

(1927). Statisticheskiy obzor deyatel'nosti mestnykh administrativnykh organov NKVD [Statistical Overview of the Activities of Local Administrative Bodies of the NKVD]. Moscow, Iss. 7.

Uglanov, N. (1930). Rost kadrov rabochego klassa, izzhitie bezrabotitsy i snabzhenie sotsialisticheskogo stroitel'stva rabochey siloy [Growth of the Cadres of the Working Class, the Elimination of Unemployment and the Supply of Socialist Construction with Labor]. In *Trud v SSSR: sb. st. k XVI part. s'ezdu* / Narkomat truda SSSR. Moscow, Gostrudizdat. 183 p.

Статья поступила в редакцию 04.11.2021 г.

М.А. Семёнов*

Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: трансформация идеологических основ**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-12

УДК 94(47).084.3

Выходные данные для цитирования:

Семёнов М.А. Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: трансформация идеологических основ // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 142–148. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-12.pdf

M.A. Semenov*

Soviet Healthcare During the Great Patriotic War: the Transformation of Ideological Foundations**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-12

How to cite:

Semenov M.A. Soviet Healthcare During the Great Patriotic War: the Transformation of Ideological Foundations // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 142–148. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-12.pdf]

Abstract. The article shows the peculiar features of formation and tupical charactiristies of the ideological foundations of Soviet healthcare in the pre-war years. The paper indicates dynamism and a high degree of adaptation to environmental conditions. It is noted that a sharp increase in the burden on health authorities, coinciding with a sharp weakening of their capabilities, made the adaptation of ideological principles of health care inevitable. Based on the study of the administrative documentation of the health authorities, the changes in the understanding of the role and place of health care in the life of Soviet society in the conditions of the Great Patriotic War are reconstructed. Its main goal, instead of fighting for the preservation of life and health of the population, is the fight against fascism, through the struggle for the preservation of life and health of the population. Instead of an activity having an independent value, health care became only one of the means to achieve Victory in the war. The slogan "Everything for the front – everything for Victory" became a reality in relation to healthcare. The change in the ideological component led to the priority development of areas of military-defense importance: the healing of soldiers wounded at the front, the provision of medical care for workers in the defense industry, the struggle for the sanitary well-being of the rear. It has been revealed that the change in ideological foundations also changed the role of health authorities in the state system. If in the pre-war years, the preservation of the health of citizens remained largely a departmental task of the People's Commissariat of Health, then in the war years successful ideological adaptation allowed other party and Soviet bodies to be largely involved in solving the tasks faced by the health care, which now had a military-defense nature. Paradoxically, the leveling of the independent importance of health protection led to an increase in the importance of health care during the war period.

Keywords: ideology; healthcare; medicine; the Great Patriotic War; The Soviet Union.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье показаны особенности формирования и характерные черты идеологических оснований советского здравоохранения в довоенные годы. Указано на его динамичность и высокую степень адаптации к окружающим условиям. Отмечено, что резкий рост нагрузки на органы здравоохранения, совпавший с резким ослаблением его возможно-

* **Семёнов Михаил Александрович**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pihterek@yandex.ru

Semenov Mikhail Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pihterek@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00397 «Гражданское здравоохранение тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00397 "Civil health care of the rear areas of the USSR during the Great Patriotic War".

стей, делал неизбежной адаптацию идеологических принципов здравоохранения к военным условиям. На основе распорядительной документации органов здравоохранения реконструируются изменения в понимании роли и места здравоохранения в жизни советского общества в условиях Великой Отечественной войны. Основной его целью вместо борьбы за сохранение жизни и здоровья населения стала борьба с фашизмом посредством сохранения жизни и здоровья населения. Из деятельности, имеющей самостоятельную ценность, здравоохранение трансформируется в одно из средств достижения победы в войне. Лозунг «Все для фронта – все для Победы» превратился в отношении здравоохранения в реальность. Изменение идеологической составляющей привело к первоочередному развитию направлений, имеющих военно-оборонное значение: исцелению раненных на фронте воинов, обеспечению медицинского обслуживания рабочих оборонной промышленности, борьбе за санитарное благополучие тыла. Выявлено, что изменение идеологических основ вызвало и изменение места, отводимого органам здравоохранения в государственной системе. Если в предвоенные годы сохранение здоровья граждан оставалось во многом ведомственной задачей Наркомата здравоохранения, то в военные годы успешная идеологическая адаптация позволила в значительной степени вовлечь другие партийные и советские органы в решение стоявших перед здравоохранением задач, имевших теперь военно-оборонный характер. Парадоксальным образом нивелирование самостоятельного значения охраны здоровья привело к росту значения здравоохранения в военный период.

Ключевые слова: идеология; здравоохранение; медицина; Великая Отечественная война; Советский Союз.

Идеологические основания никогда не бывают застывшими намертво. Они меняются с течением времени, реагируя на изменяющиеся условия. Сравнительно небольшие, имеющие, казалось бы, только схоластический интерес, изменения в содержании базовых идей приводят зачастую к масштабным процессам, затрагивающим все общество.

Целью данной статьи является исследование причин и характера изменений идеологических основ советского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны, а также вызванных этим последствий.

Источниковой базой работы служили прежде всего приказы Наркоматов здравоохранения СССР и РСФСР. Данные документы не предназначались для широкой публикации и были посвящены решению различных конкретных проблем, стоявших перед здравоохранением в этот период. В этой связи отражение в них понимания высшим руководством роли и места здравоохранения в военных условиях, содержащихся в отдельных предложениях и формулировках, по мнению автора статьи, достаточно достоверно.

Оформление идеологической базы советского здравоохранения происходило не совсем обычным путем. В трудах основоположников марксизма осмыслению здравоохранения отводилось не самое большое место. К. Маркс в своих работах ограничивался критикой здравоохранения буржуазного, справедливо отмечая, что полноценное медицинское обслуживание в масштабах всего общества при капитализме невозможно ввиду неустранимого противоречия между достижением максимальной прибыли и сохранением здоровья трудящихся[1].

Улучшение медицинского обслуживания трудящихся (введение санитарного промышленного надзора, яслей для детей работниц) при неизменной основе буржуазного здравоохранения являлось скромной задачей партии, зафиксированной в программе РСДРП, принятой на II съезде[2].

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1951. С. 274–275.

[2] Программа РСДРП, принятая на II съезде партии // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903. Протоколы. М., 1959. С. 422–423.

После победы Октябрьской революции большевики оказались в сложном положении: было очевидно, что в строящемся новом социалистическом государстве роль здравоохранения и его характер взаимодействия с обществом должны быть принципиально иными, но готовых разработанных концепций социалистического здравоохранения еще не существовало. В то же время перед ставшим к этому времени не только политическим лидером, но и главным идеологом партии В.И. Лениным стояла, помимо решения практических задач, проблема осмысления строительства нового социалистического государства в целом. В сфере здравоохранения В.И. Ленин ограничился лишь указанием на ряд мер практического характера, направленных прежде всего на борьбу с тифом[3].

Таким образом, в плане подготовки концепции социалистического здравоохранения был заметен серьезный провал: до революции его осмысление считалось преждевременным, а после революции оказалось запоздалым.

Автором концепции советского здравоохранения стал Н.А. Семашко. После революции по его инициативе был создан первый в мире орган централизованного управления здравоохранением – Наркомат здравоохранения РСФСР, а он сам стал его первым главой. Н.А. Семашко активно развивает теоретические основы нового социалистического здравоохранения. Уже в программе РКП(б) 1919 г. появляется базовый принцип, ставший базовым при строительстве советской медицины: «обеспечение общедоступной бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи»[4].

Создание и развитие идеологической основы советского здравоохранения имело ряд важных черт, оказавших непосредственное влияние на его изменение в годы Великой Отечественной войны.

Во-первых, ни один из общепризнанных в СССР основоположников марксизма-ленинизма не был к ней причастен. Если любая, даже отвлеченно-философская критика воззрений К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина рассматривалась как дело политическое, посягающее на незыблемость советской власти, то теоретические построения Н.А. Семашко подобным ореолом не обладали.

Во-вторых, для создания любой четко выстроенной системы, в том числе идеологической, требуется время. Создание непротиворечивой концепции советского здравоохранения было в основном завершено только к 1947 г., когда вышла в свет книга Н.А. Семашко «Очерки по теории организации советского здравоохранения»[5]. Хотя основные принципы были сформулированы и начали претворяться в жизнь намного раньше.

В-третьих, создание концепции советского здравоохранения происходило в период быстрых изменений всех сторон жизни советского общества и не могло не изменяться вместе с ними. Так, актуальный в двадцатые годы тезис о классовом характере советского здравоохранения к концу тридцатых годов отошел на второй план, что было связано как с ростом возможностей советского здравоохранения, так и с исчезновением «эксплуататорских классов» в СССР.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны идеологическая основа советского здравоохранения была достаточно динамичной и в значительной степени неопределенной. Принципы единства управления, классового характера здравоохранения, его общедоступности и т.д. то выступали на первый план, то приобретали второстепенное значение в зависимости от обстановки. Менялась интерпретация этих принципов. Неизменным оставался базовый принцип: государство трудящихся должно заботиться об их здоровье максимально эффективным способом из возможных.

С началом Великой Отечественной войны нагрузка на систему здравоохранения значительно возросла. Снижение уровня жизни и рост трудовой нагрузки на население привели к

[3] Речь на VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2–4 декабря 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М., 1963. С. 359, 410–411.

[4] Программа РКП(б) // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 411.

[5] *Семашко Н.А.* Очерки по теории организации советского здравоохранения. М., 1947. 47 с.

росту угроз здоровью граждан. Возросло распространение эпидемических заболеваний, в том числе за счет массового передвижения эвакуированных граждан, появилась необходимость в организации исцеления раненных на фронте воинов.

Вместе с тем во время войны значительно сократились возможности здравоохранения. Большое число медицинских работников было мобилизовано на фронт. Значительная часть кадров, медицинского оборудования, зданий была направлена на развертывание сети госпиталей. Резко сократился бюджет, выделяемый на здравоохранение. Если в 1940 г. на нужды медиков было выделено 9,0 млрд руб., то в 1941 г. всего 6,8 млрд руб.[6] При этом значительная часть этих средств уходила на финансирование эвакогоспиталей. Наконец, здравоохранение понесло серьезные потери в результате наступления немецких войск. Значительное количество медицинских работников и учреждений оказалось на оккупированных территориях. Так, число врачей в 1941 г. сократилось по отношению к предыдущему году на 54 %, а среднего медицинского персонала – на 48 %[7].

В этих условиях здравоохранение вынуждено было определить для себя новые приоритеты. Так, уже 25 июня 1941 г. новое видение роли и места здравоохранения нашло выражение в директивном письме ЦК профсоюза Медсантруд о перестройке работы профсоюзных организаций в соответствии с требованиями войны. В нем перед медицинской интеллигенцией ставилась главная историческая задача – «полного уничтожения фашизма», для чего предполагалось «обеспечить снабжение Красной Армии и Военно-Морского Флота всем необходимым»[8]. Критерий значимости деятельности медиков для фронта стал господствующим в понимании роли здравоохранения в жизни общества. Например, в приказе № 33 Наркомата здравоохранения РСФСР от 4 февраля 1943 г. о работе органов здравоохранения по оказанию помощи семьям военнослужащих указано в качестве причины его появления: «в широкой и многообразной помощи советского народа Красной Армии особое место занимает забота о семьях доблестных защитников Родины»[9].

В соответствии с этим критерием были определены новые приоритетные направления деятельности органов здравоохранения. Прежде всего, значительные силы и средства здравоохранения были направлены на непосредственное медицинское обеспечение деятельности вооруженных сил как посредством мобилизации медиков в ряды РККА, так и организацией и обеспечением деятельности сети тыловых эвакогоспиталей. Задачей медиков было «заботиться о максимальной эффективности лечения раненых бойцов и командиров Красной Армии»[10]. В опубликованных 31 октября 1941 г. лозунгах ЦК ВКП(б) к 24-й годовщине Октябрьской революции в обращении к медицинским работникам Красной армии подчеркивалось: «Помните, что от вашей самоотверженной работы зависит жизнь раненых советских бойцов!»[11].

Учитывая важность этой задачи, действия органов здравоохранения было решено подкрепить авторитетом других партийных и советских органов. Уже 8 октября 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) предписывалось создать на союзном, республиканском, областном уровнях к 15 октября 1941 г. комитеты помощи раненым «из представителей партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и общественных организаций в составе 9–11 чел. под председательством одного из секретарей обкома, крайкома ЦК Ком-

[6] *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. М., 1994. Вып. 2. С. 86.

[7] Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1473. Л. 21а–22; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1474. Л. 11, 15–17.

[8] Директивное письмо ЦК профсоюза работников Медсантруд Центра о перестройке работы профсоюзных организаций в соответствии с требованиями войны. 25 июня 1941 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. док-тов и мат-лов. М., 1977. С. 26–27.

[9] Приказ № 33 Наркомата здравоохранения РСФСР от 4 февраля 1943 г. «О работе органов здравоохранения по оказанию помощи семьям военнослужащих» // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 309. Л. 8.

[10] Медицинский работник. № 80. 4 октября 1941 г. Цит. по: Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны… С. 52.

[11] Из лозунгов ЦК ВКП(б) к XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 31 октября 1941 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны… С. 54.

партий союзной республики»[12]. Данные органы позволяли организовать активное взаимодействие различных ведомств для решения вопросов, встававших в процессе развертывания и деятельности сети эвакогоспиталей.

Другим направлением, ставшим приоритетным в годы войны, была организация медико-санитарного обслуживания рабочих оборонных заводов. В приказе Наркомздрава РСФСР о работе здравпунктов оборонной промышленности от 22 ноября 1941 г. так раскрывалось значение этого направления работы: «Народный комиссариат здравоохранения РСФСР считает, что правильная постановка медико-санитарного обслуживания рабочих оборонных предприятий в настоящее время является одной из важнейших задач органов здравоохранения, направленных к снижению заболеваемости с утратой трудоспособности и тем самым к увеличению работоспособности и повышению производительности труда рабочих, занятых на производстве вооружения и боеприпасов»[13]. Схожие идеи были зафиксированы в приказе Наркомата здравоохранения СССР № 393 от 29 июля 1942 г., в котором указывалось на недостатки в медицинском обслуживании рабочих, а именно было отмечено, что отдельные руководители «не поняли значения этих мероприятий в обеспечении наиболее высокого выпуска продукции оборонных заводов»[14].

Большое значение придавалось предотвращению массовых эпидемий, на что неоднократно указывал народный комиссар здравоохранения Г.А. Митерёв[15], назначенный в феврале 1942 г. на специально созданный пост уполномоченного Государственного комитета обороны (ГКО) по проведению противоэпидемических мероприятий. Он отмечал: «Перед нами стояла ответственная оборонная задача – сохранить санитарно-эпидемическое благополучие в стране и тем самым оградить фронт и тыл от опасности массового распространения инфекционных заболеваний. Мы с вами знаем, что каждая война вызывает резкое повышение эпидемических заболеваний, и примеры прошлого нам говорят о том, что многие армии утратили свою боеспособность не столько из-за потерь от пуль и снарядов, сколько из-за потерь, вызванных эпидемическими заболеваниями»[16]. Значение, придававшееся успешной борьбе с заболеваемостью органами высшей власти, было крайне велико. Помимо введения в систему ГКО поста уполномоченного по проведению противоэпидемических мероприятий, была создана целая система межведомственных органов с чрезвычайными полномочиями, которые должны были противостоять распространению эпидемий – чрезвычайных противоэпидемических комиссий, в состав которых входили представители органов здравоохранения, партийных, советских органов и органов Народного комиссариата внутренних дел.

Трансформация идеологического перехода здравоохранения на роль средства достижения победы в войне ярко видна в приказе № 37 Наркомата здравоохранения РСФСР от 6 февраля 1943 г., посвященном достаточно далекому от военных нужд медико-санитарному обслуживанию сельского населения. Указав на выявленные недостатки по этому направлению, нарком здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьяков попытался объяснить своим подчиненным значение проводимой работы следующим образом: «Условия военного времени требуют особенно четкой организации медико-санитарного обслуживания сельского населения, ибо от этого зависит санитарное благополучие тыла. <…> От четкой организации работы сельских врачебных участков зависит также охрана здоровья подрастающего поколения, в частности призывников, а это значит – обеспечение Красной Армии здоровым

[12] Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об организации Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. 8 октября 1941 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны… С. 53.

[13] Из приказа Наркомздрава РСФСР о работе здравпунктов оборонной промышленности // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны… С. 61.

[14] Приказ по Народному комиссариату здравоохранения Союза ССР № 393 от 29 июля 1942 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 об.

[15] *Митерёв Г.А.* Все на службу фронта // Советская медицина. 1941. № 13–14. С. 4–7; *Митерёв Г.А.* Очередные задачи здравоохранения // Советское здравоохранение. 1944. № 1–2. С. 3–14.

[16] *Митерёв Г.А.* Очередные задачи здравоохранения… С. 4.

пополнением. От медицинских работников села зависит, наконец, и то, чтобы женщины-колхозницы, работницы совхозов могли более продуктивно работать в колхозе, совхозе, МТС и заменить ушедших на фронт мужчин»[17].

Даже создание в 1944 г. Академии медицинских наук СССР имело военно-оборонное обоснование: «в особенности велика необходимость организации такого компетентного органа (Академии медицинских наук СССР. – *М. С.*) в настоящее время – в дни Отечественной войны, настоятельно требующей от медицинской науки разрешения ряда существенной важности вопросов в области лечения боевых травм, их осложнений, ближайших и отдаленных последствий…»[18].

Таким образом, в годы войны произошла кардинальная переоценка роли и места здравоохранения в жизни общества. Основной его целью вместо борьбы за сохранение жизни и здоровья населения стала борьба с фашизмом посредством борьбы за сохранение жизни и здоровья населения. Вместо деятельности, имеющей самостоятельную ценность, здравоохранение стало лишь одним из средств достижения победы в войне. Лозунг «Все для фронта – все для Победы» превратился в отношении здравоохранения в реальность, чему немало способствовала изначальная динамичность его идеологических оснований.

Изменение идеологических основ вызвало и изменение места, отведенного органам здравоохранения в государственной системе. Если в предвоенные годы сохранение здоровья граждан оставалось во многом ведомственной задачей Наркомата здравоохранения, то в военные годы успешная идеологическая адаптация позволила в значительной степени вовлечь в решение стоявших перед здравоохранением задач, имевших теперь военно-оборонный характер, другие партийные и советские органы в рамках чрезвычайных противоэпидемических комиссий, Комитетов помощи раненым и т.д. Парадоксальным образом нивелирование самостоятельного значения охраны здоровья привело к росту значения здравоохранения в военный период. Поддержка других партийно-государственных органов, возросшие полномочия органов здравоохранения позволили в годы войны добиться серьезного успеха: не только обеспечить исцеление раненных на фронте воинов, но и добиться радикального снижения смертности гражданского населения.

Литература

Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. док-тов и матлов / под ред. М.И. Барсукова, Д.Д. Кувшинского. М.: Медицина, 1977. 576 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. Вып. 2. 143 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1963. 623 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1952. 796 с.

Митерёв Г.А. Все на службу фронта // Советская медицина. 1941. № 13–14. С. 4–7.

Митерёв Г.А. Очередные задачи здравоохранения // Советское здравоохранение. 1944. № 1–2. С. 3–14

Семашко Н.А. Очерки по теории организации советского здравоохранения. М.: Акад. мед. наук СССР, 1947. 47 с.

References

Barsukov, M.I., Kuvshinskiy, D.D. (Eds.). (1977). Z*dravookhranenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Healthcare During the Great Patriotic War 1941–1945: Collection of Documents and Materials]. Moscow, Meditsina. 576 p.

[17] Приказ народного комиссара здравоохранения РСФСР № 37 о медико-санитарном обслуживании сельского населения от 6 февраля 1943 г. // ГАТО. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 3. Л. 35 об. – 36.

[18] Из письма народного комиссара здравоохранения СССР в Центральный Комитет ВКП(б) о создании Академии медицинских наук СССР. 26 февраля 1944 г. // Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны… С. 377.

Lenin, V.I. (1963). *Polnoe sobranie sochineniy.* 5-e izd [The Complete Works. Fifth Edition]. Vol. 39. Moscow, Gospolitizdat. 623 p.

Marks, K. (1952). *Kapital* [Capital]. Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat. 796 p.

Miteryov, G.A. (1941). Vse na sluzhbu fronta [All for the Service of the Front]. In *Sovetskaya meditsina*. No. 13–14, pp. 4–7.

Miteryov, G.A. (1944). Ocherednye zadachi zdravookhraneniya [The Next Tasks of Hhealth-care]. In *Sovetskoe zdravookhranenie*. No. 1–2, pp. 3–14

Semashko, N.A. (1947). Ocherki po teorii organizatsii sovetskogo zdravookhraneniya [Essays on the Theory of the Organization of Soviet Health Care]. Moscow, Akademiya meditsinskikh nauk SSSR. 47 p.

Zinich, M.S. (1994). *Budni voennogo likholet'ya, 1941–1945.* [Everyday Life of the War Years, 1941–1945]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. Vol. 2. 143 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

А.И. Савин
Н.Ю. Пивоваров*

«Два плюс два равно пять?»: социалистическое соревнование как идеологический концепт в послевоенном СССР (1945–1964 годы)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-13

УДК 94(47).084.9:323.23

Выходные данные для цитирования:

Савин А.И., Пивоваров Н.Ю. «Два плюс два равно пять?»: социалистическое соревнование как идеологический концепт в послевоенном СССР (1945–1964 годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 149–169. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-13.pdf

A.I. Savin
N.Yu. Pivovarov*

"Two Plus Two Equals Five?": Socialist Competition as an Ideological Concept in the Post-War USSR (1945–1964)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-13

How to cite:

Savin A.I., Pivovarov N.Yu. "Two Plus Two Equals Five?": Socialist Competition as an Ideological Concept in the Post-War USSR (1945–1964) // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 149–169. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-13.pdf]

Abstract. This article reconstructs the concept of socialist competition in the post-war period, that is, how the highest party and state leadership of the USSR understood in 1945–1964 the role and place of social competition in the Soviet economy and in the Soviet project as a whole, as well as how the forms and content of social competition were transformed in accordance with these ideas. A special place in the article is occupied by the issues of moral and material encouragement of participants of competitions and the deficiencies of social competition. The main sources for writing the article were the materials of the Central Committee of the CPSU(b)/CPSU, identified by the authors in the Russian State Archive of Modern History. The authors came to the following conclusions. The development of the concept of socialist competition began to be carried out in the USSR after 1945 along the extensive path of maximizing the number of competitors due to the increase in the number of competitions in each individual branch of the economy. Such an order led to the maximum bureaucratization and formalization of socialist competition, reduced any potential activity of workers to a minimum. The forms of representation of socialist competition remained just as formalized, especially in the mass media. After Stalin's death, an attempt was made to transform the concept of socialist competition. The main idée fix of the Khrushchev period in this area was the maximum increase in the initiative of the entire mass of workers. Khrushchev believed that workers and collective farmers on the eve of building communism would work with maximum efficiency in their own interests, primarily in industries that played a key role in improving the living standards and material well-being of the population. However, in practice, the changes turned out to be minimal: social competitions were still used as a mandatory tool for solving problem areas in the economy. The activity and initiative of the workers remained at a low level, and Khrushchev never managed in its mobilization effect as to create anything

* **Савин Андрей Иванович,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Savin Andrey Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Pivovarov Nikita Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Academy of Sciences, Moscow, Russia; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00218.

The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-09-00218.

similar to the Stakhanov movement. In addition, the lack of focus on personalization in social competitions discredited this institution as one of the effective social elevators. Finally, neither Stalin nor Khrushchev managed to cope with the fundamental defect of the concept of socialist competition – to solve the problem of low quality of products.

Keywords: socialist competition; Soviet economy; social mobility; Soviet award system; Central Committee of the CPSU(b)/CPSU.

The article has been received by the editor on 16.11.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящей статье реконструируется концепт социалистического соревнования в послевоенное время, т.е. как высшее партийное и государственное руководство СССР представляло себе в 1945–1964 гг. роль и место соцсоревнования в советской экономике и советском проекте в целом, а также как в соответствии с этими представлениями трансформировались формы и содержание соцсоревнования. Особое место в статье занимают вопросы морального и материального поощрения соревнующихся, а также дефициты соцсоревнования. Основными источниками для написания статьи послужили материалы ЦК ВКП(б)/КПСС, выявленные авторами в Российском государственном архиве новейшей истории. Авторы пришли к следующим выводам: развитие концепта социалистического соревнования стало осуществляться в СССР после 1945 г. по экстенсивному пути максимального увеличения численности соревнующихся за счет роста количества соревнований в каждой отдельно взятой отрасли экономики. Такой порядок привел к максимальной бюрократизации и формализации социалистического соревнования, свел к минимуму любую потенциальную активность трудящихся. Такими же формализованными оставались формы репрезентации социалистического соревнования, в первую очередь в средствах массовой информации. После смерти Сталина была предпринята попытка поднять социалистическое соревнование «на новую ступень». Главной идеей фикс хрущевского периода в этой области стало максимальное увеличение инициативности всей массы трудящихся. Хрущев полагал, что рабочие и колхозники в преддверии построения коммунизма станут в собственных интересах работать с максимальной отдачей, в первую очередь в отраслях, играющих ключевую роль в деле повышения жизненного уровня и материального благосостояния населения. Однако на практике изменения оказались минимальными: соцсоревнования по-прежнему использовались в качестве обязательного инструмента для решения проблемных мест в экономике. Активность и инициатива трудящихся оставались на низком уровне, а Хрущеву так и не удалось создать ничего похожего на стахановское движение по своему мобилизационному эффекту. Кроме того, отсутствие ставки на персонализацию в соцсоревнованиях дискредитировало этот институт как один из эффективных социальных лифтов. Ни Сталину, ни Хрущеву не удалось справиться с фундаментальным дефектом концепта социалистического соревнования: этот внеэкономический инструмент, нацеленный на валовые показатели и количественные производственные рекорды, не мог быть эффективно использован для решения такой глобальной проблемы советской экономики, как низкое качество выпускаемой продукции.

Ключевые слова: социалистическое соревнование; советская экономика; социальная мобильность; советская наградная система; ЦК ВКП(б)/КПСС.

Соревнование как знамение времени. В 1949 г. западные интеллектуалы, а вслед за ними весь западный мир узнали о том, что им не стоит бояться коммунизма. Более того, коммунизм даже полезен Западу. Об этом заявил известный британский историк А.Дж. Тойнби, сравнив Запад с сельдью в водоеме, которой не дает дремать коммунистическая зубатка, заставляя селедку сохранять тонус и подвижность. Таким образом, Западу следовало конструктивно использовать напряженность «холодной войны», тем более в свете постепенного осознания

губительности нового мирового вооруженного конфликта для его участников. Две сверхдержавы и два мира должны были теперь доказывать свое преимущество не в военном противостоянии, а в соревновании систем, в том числе за симпатии так называемого «третьего мира»[1]. Тойнби оказался прав: Советский Союз и США действительно вступили между собой в глобальное соревнование, в результате соревновательность стала знамением послевоенного времени и неотъемлемой составной частью сосуществования двух миров.

Руководители послевоенного Советского Союза рассчитывали, что победить в соревновании внешнем им в том числе поможет такой испытанный инструмент мобилизации трудящихся, как соревнование внутреннее – так называемое «социалистическое соревнование», «соцсоревнование». В настоящей статье предпринимается попытка реконструировать концепт социалистического соревнования в послевоенное время, т.е. выяснить, как высшее партийное государственное руководство СССР представляло себе в 1945–1964 гг. роль и место соцсоревнования в советской экономике и советском проекте в целом, а также как в соответствии с этими представлениями трансформировались формы и содержание соцсоревнования. Особое место в статье занимают вопросы морального и материального поощрения соревнующихся, а также дефициты соцсоревнования. Вслед за реконструкцией представлений правящей элиты авторы постарались нарисовать крупными мазками реальную картину социалистического соревнования, выявить его специфику в период позднего сталинизма и в «славное» хрущевское десятилетие. Основным источником для написания статьи являются материалы Политбюро/Президиума и Секретариата ЦК КПСС, а также Бюро ЦК по РСФСР, выявленные авторами в Российском государственном архиве новейшей истории.

«Старое вино в новые мехи»: попытки модификации соцсоревнования в 1945–1964 годах? Первые производственные соревнования регулярно проводились по линии профсоюзов или комсомола с середины 1920-х годов. Так, ЦК ВЛКСМ, начиная с 1926 г., ежегодно организовывал среди рабочей молодежи конкурсы на лучшего производственника, на лучшие предложения и изобретения, выставки рабочей смекалки и «товарной дряни». С 1927 г. соревнования превратились в медийно значимое событие: газеты «Тверская правда» и калужская «Коммуна» впервые объявили перекличку-соревнование между текстильными предприятиями Тверской губернии и Каменской бумажной фабрикой. В том же году о соревнованиях стали активно писать «Правда» и «Известия».

Однако решающие изменения в деле организации соцсоревнований, включения их в структуру общественно-политической и экономической жизни страны произошли в год «великого перелома». Именно тогда власть ощутила настоятельную потребность в идеологическом инструменте, необходимом для «подстегивания» коллективов трудящихся на индустриальных стройках первой пятилетки. Начало переосмысления роли и значения соцсоревнования было положено 20 января 1929 г. В этот день в главной партийной газете страны, в связи с пятилетней годовщиной смерти В.И. Ленина, под заголовком «Ленин – знамя миллионов» были опубликованы черновые наброски «вождя мирового пролетариата», в том числе рукопись «Как организовать соревнование», написанная еще в конце декабря 1917 г. Данная публикация носила политический характер: общественные и государственные структуры были поставлены перед необходимостью инициировать низовые соцсоревнования. В итоге уже 5 марта 1929 г. в «Правде» был опубликован вызов рабочих ленинградского завода «Красный Выборжец», адресованный всем заводам и фабрикам СССР. Ленинградцы предложили всем трудящимся принять участие в соревновании по снижению себестоимости продукции[2]. Вслед за этим в центральных и местных газетах стала активно печататься информация об организации соцсоревнований, о проведении производственных перекличек, встречные договоры и вызовы.

Однако идею соцсоревнований развивали не только рядовые инициативы. В начале апреля 1929 г. руководство Бюро ЦК ВЛКСМ направило на рассмотрение Оргбюро ЦК

[1] *Кореневский А.В.* «Русская зубатка и западная селедка». Об одной из мифологем «холодной войны», изобретенных британским историком Арнольдом Дж. Тойнби // Родина. 2017. № 4. С. 131–133.
[2] Вызов «Красного Выборжца» // Правда. 1929. 10 марта. № 53.

ВКП(б) докладную записку «Об общерабочем социалистическом соревновании», в которой довольно подробно изложило основные задачи и формы организации соцсоревнований[3]. Комсомольские вожди обосновывали их значение следующим образом: «Соцсоревнование должно не только пробудить инициативу трудящихся и вызвать желание лучше работать – соревнование должно также создать обстановку бойкота лодырям и прогульщикам, нарушителям трудовой дисциплины. Партия, опираясь на лучших передовых рабочих, должна организовывать критику недочетов внутри пролетарских рядов, перевоспитывая отсталых и беспощадно изгоняя вредителей и врагов, прикрывающихся рабочим званием»[4]. Речь пока не шла о реализации амбициозных проектов и перевыполнении плановых показателей. Основные задачи соцсоревнований сводились в записке к решению банальных производственных вопросов – борьбе с прогулами и браком, порчей оборудования, а также выполнению плановых норм. Вместе с тем в документе ставились вопросы стимулирования и поощрения участников соцсоревнования. Так, наряду с индивидуальным премированием (денежным вознаграждением, дополнительными отпусками, научными и учебными командировками), руководители комсомола предлагали вводить и коллективные награды. Победители соцсоревнований могли рассчитывать на ускоренное строительство жилья для рабочих, домов отдыха, столовых, клубов, бань, школ ФЗУ и фабрично-заводских школ-семилеток, на внеплановую электрификацию рабочих поселков и организацию автобусного сообщения.

Окончательная институализация соцсоревнований произошла в начале мая 1929 г. 4 мая в «Правде» было опубликовано обращение XVI Всесоюзной партконференции о проведении социалистического соревнования[5], а спустя еще несколько дней, 10 мая, было обнародовано постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», утвержденное днем ранее на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)[6]. Соцсоревнования были объявлены в постановлении «одним из важнейших методов социалистического воспитания пролетариата и вовлечения самых широких рабочих масс в дело хозяйственного строительства». Основные задачи соревнований сводились к следующему: «выполнение и превышение промфинпланов, выполнение и перевыполнение намеченных норм по снижению себестоимости и поднятию производительности труда, улучшение качества продукции, борьба с прогулами, браком, уменьшение накладных расходов, достижение образцовой производственной дисциплины, активное проведение технических усовершенствований и рационализации производства с привлечением рабочего изобретательства»[7].

1930-е годы стали временем соревнований всех и каждого. Соревновались рабочие, колхозники, врачи, учителя, ученики и даже домохозяйки. В 1937 г. в Ленинграде среди жительниц города было объявлено соревнование по сдаче государству грудного молока[8]. Квинтэссенцией соревновательного процесса стало стахановское движение. Однако уже с конца 1930-х годов наблюдается снижение внимания властей к соцсоревнованиям, что, вероятно, объясняется рутинизацией процесса. С.А. Экштут высказал предположение, пересекающееся с выводами Ш. Фицпатрик, что стахановское движение фактически было свернуто Сталиным уже к 1940 г. в первую очередь из-за того, что к этому времени завершилось формирование новой советской элиты – партийной, военной, хозяйственной, творческой. Молниеносное появление в высших эшелонах советских элит людей из народа грозило нарушить сложившиеся иерархии. Социальный лифт в виде стахановского движения утратил свою актуальность. В преддверии войны сталинскому режиму были нужны не именитые рабочие, бьющие рекорды, а многомиллионные трудовые ресурсы, для чего была введена уголовная ответственность за самовольные уходы с предприятия и прогулы[9].

[3] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 16. Д. 19. Л. 1–12.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Социалистическое соревнование, пробуждая творческую энергию и инициативу масс, должно стать постоянным методом вовлечения трудящихся в социалистическое строительство // Правда. 1929. 4 мая. № 101.
[6] О социалистическом соревновании фабрик и заводов // Правда. 1929. 10 мая. № 104.
[7] Там же.
[8] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 7. Д. 417. Л. 81.

И все же в годы Великой Отечественной войны стахановское движение оказалось вновь востребованным, хотя и не в такой мере, как во второй половине 1930-х годов.

В послевоенный период, учитывая экстраординарные задачи, стоявшие перед СССР, следовало с максимальной отдачей задействовать все рычаги, в том числе и такой рычаг, как соцсоревнование. Совершенно очевидно, что после перехода к мирной жизни концепт социалистического соревнования требовал радикального обновления и перезагрузки, аналогичной новациям 1935 г., когда на смену изжившего себя «ударничества» пришло «стахановское движение». Однако советское политическое руководство во главе со Сталиным либо оказалось не в состоянии этого сделать, либо не испытывало такой потребности. В результате был выбран самый простой из вариантов – экстенсивное увеличение численности соревнующихся за счет роста количества соревнований в каждой отдельно взятой отрасли народного хозяйства. Любая народно-хозяйственная кампания в СССР в обязательном порядке предполагала организацию соцсоревнования, в идеале каждый сектор экономики, вплоть до отдельных участков, проводил свое отдельное соревнование.

Соцсоревнование в послевоенные годы являлось «вотчиной» советских профсоюзов во главе с ВЦСПС, который разрабатывал и утверждал условия всесоюзных соцсоревнований, подводил их итоги, занимался вручением переходящих Красных знамен и премий, а также осуществлял контроль за правильным расходованием средств, отпускаемых на эти цели. Что же касается местных соревнований, то их итоги, как правило, подводили местные власти (партийные организации и советы профсоюзов) по согласованию с министерствами и главками. В 1955 г. руководство советских профсоюзов попыталось снять с себя почетную обязанность быть арбитром соцсоревнования, переложив ее на ЦК профсоюзов и министерства. Однако руководство ЦК КПСС не поддержало данный проект и, по настоянию М.А. Суслова, сняло его с рассмотрения[10].

Чем важнее была народно-хозяйственная задача, тем выше была вероятность того, что для ее решения будет также использовано соцсоревнование. Например, ГОКО СССР своим постановлением от 10 июня 1945 г. об обеспечении Ленинграда газом и жидким топливом предписал ВЦСПС и народному комиссариату угольной промышленности СССР организовать отдельное соревнование среди эксплуатируемых, восстанавливаемых и строящихся сланцевых шахт, а ВЦСПС и Ленинградскому горисполкому – соревнование среди коллективов, занимавшихся строительством газовых сетей в Ленинграде[11].

Экстенсивный вектор развития концепта привел к тому, что соцсоревнование стало практиковаться в сферах, для которых соревновательность была не просто контрпродуктивной, но и вредной. Так, 8 июня 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) подвергло резкой критике «соревнование, механически перенесенное из области производства в лечебно-профилактическую работу медицинских учреждений», так как это «вредно отражается на их деятельности» и «приводит к серьезным недостаткам в деле медицинского обслуживания населения». Как «порочная практика», были заклеймены соревнования между врачами и лечебными учреждениями за сокращение сроков лечения больных, установление лимитов по снижению заболеваемости и другим качественным показателям, связанным с лечебным процессом. В итоге ВЦСПС и Министерству здравоохранения было «предложено» запретить практику соревнования в медицинских учреждениях[12].

Наряду с экстенсивностью, еще одним отличительным признаком соцсоревнования периода позднего сталинизма стала его жесткая бюрократизация. Никакой самодеятельной инициативы трудящихся не допускалось, все было предельно четко урегулировано и санкционировалось на самом высшем уровне. Так, 16 февраля 1947 г. с просьбой к И.В. Сталину и

---

[9] *Fitzpatrick S.* Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 38. No. 3. P. 399–402; *Экштут С.А.* «Светлый путь» стахановцев в жизни. Почему массовое движение новаторов было стремительно свернуто накануне войны // Родина. 2016. № 2. С. 77–79.

[10] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1516. Л. 108.

[11] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 1–2.

[12] Там же. Л. 16.

Л.П. Берии разрешить соцсоревнование между шахтерами Кемеровской и Сталинской областей в честь 30-й годовщины Октября обратился секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) Е.Ф. Колышев. В совершенно секретной шифровке Колышев детальнейшим образом расписал все соревновательные обязательства кемеровских шахтеров, вплоть до выполнения плана весеннего сева и размера урожайности подсобных хозяйств комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь». Завершала шифровку просьба разрешить опубликовать вызов на соревнование в центральной и местной печати[13].

Тем не менее, пусть к концу сталинской эпохи, высшее советское руководство все же пришло к мысли о необходимости трансформации концепта соцсоревнования. Об этом свидетельствует постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве» от 23 ноября 1951 г. за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. Нововведения в области соцсоревнования обосновывались изменениями в народном хозяйстве страны за последние годы, заключавшимися в том, что промышленность, транспорт и сельское хозяйство «серьезно обогатились новейшей техникой, значительно пополнились высококвалифицированными кадрами рабочих и специалистов». Главная задача соцсоревнования теперь четко формулировалась как «борьба за всемерное повышение качества и снижение себестоимости продукции, за экономию сырья, материалов, правильное использование резервов промышленности и сельского хозяйства, внедрение новой техники и передовой технологии, дальнейшее повышение производительности труда и культуры производства»[14].

Секрет перехода от традиционных количественных показателей к показателям качественным заключался, по мнению авторов документа, в детальной специализации условий соцсоревнования применительно к каждой отдельно взятой отрасли народного хозяйства. Так, если в угольной, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, производстве стройматериалов, химической и лесозаготовительной промышленности главная цель соревнования теперь состояла в максимальном увеличении производительности каждого агрегата, где качество продукции достигалось за счет лучшего использования техники, механизации и автоматизации производственных процессов и повышения производительности труда, то в машиностроительной, легкой и пищевой промышленности – в увеличении выпуска продукции высокого качества за счет повышения культуры производства, а также экономии черных и цветных металлов, хлопка, шерсти, топлива, электроэнергии, снижении производственных потерь. В постановлении свои «рецепты» были «прописаны» также для строительной промышленности, транспорта и сельского хозяйства[15].

Разрушение ключевых основ сталинской системы произошло уже в первые месяцы после смерти вождя. В ряду первостепенных мероприятий наследников Сталина был запрет массовых репрессий, демонтаж ГУЛАГа, замораживание амбициозных и непосильных проектов и программ, заметные уступки деревне, прекращение войны в Корее. Вслед за этим, по мнению О.В. Хлевнюка, последовал длительный процесс модификации системы, основу которого составили отказ от диктатуры в пользу авторитарности, активизация социальной политики, попытки экономических реформ и большая открытость миру. На этих основаниях, пишет Хлевнюк, «сформировалась новая модель советского социализма, благодаря которой СССР достиг своего максимального могущества»[16].

Критика сталинской системы хозяйствования не могла, казалось бы, не повлиять на концепт соцсоревнования. Однако уже первые решения нового руководства СССР показали, что соцсоревнование по-прежнему традиционно будет использоваться как палочка-выручалочка для решения проблемы «узких мест» народного хозяйства. Так, сентябрьский 1953 г. Пленум ЦК КПСС, поставивший амбициозную задачу «в ближайшие 2–3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в

[13] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 12–13.
[14] Там же. Л. 18.
[15] Там же. Л. 17–20.
[16] *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 450–451.

продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую промышленность», потребовал в интересах широкой пропаганды достижений сельского хозяйства открыть в Москве в 1954 г. постоянно действующую Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и развернуть соревнование среди всех работников сельского хозяйства за право участия в выставке. В свою очередь все обкомы, крайкомы и ЦК союзных республик были обязаны организовать широкое соцсоревнование за решение задач дальнейшего развития всех отраслей сельского хозяйства, опираясь «на передовых людей колхозов, МТС и совхозов, мастеров земледелия и животноводства, ряды которых будут расти и множиться изо дня в день». Ничего нового в такой постановке вопроса не было, разве что романтической ноткой прозвучала ставка на молодежь: решения Пленума требовали повысить роль комсомольских организаций, обеспечить вовлечение сельской молодежи в соцсоревнование, всемерно развивать и поддерживать инициативу и ценные начинания молодежи. Именно комсомольские организации должны были теперь выступать застрельщиками социалистического соревнования[17].

Аналогичные постановления об использовании соцсоревнования для «расшивки узких мест» народного хозяйства были приняты Советом Министров СССР и ЦК КПСС в первых числах октября 1953 г. В постановлении от 6 октября 1953 г. речь шла об организации социалистического соревнования среди железнодорожников за образцовую перевозку грузов с акцентом на передовые методы труда. Так, метод «передовых паровозных машинистов» следовало использовать для повышения среднесуточного пробега и увеличения веса грузовых поездов, метод «передовых поездных диспетчеров» – для обеспечения выполнения графика движения поездов, метод «передовых составителей» – для совершенствования маневренной работы на станциях, метод «передовых весовщиков» – для уплотненной загрузки вагонов[18]. 7 октября 1953 г. было принято постановление об организации Всесоюзного соцсоревнования лесопунктов и мастерских участков в целях ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности[19]. Оба постановления демонстрируют манию контроля и руководства соцсоревнованием на всех уровнях.

Само собой разумеется, не могла обойтись без «своего» соцсоревнования кампания освоения целинных и залежных земель. 25 декабря 1954 г. постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС потребовало «широко развернуть социалистическое соревнование за успешное выполнение всенародной задачи по дальнейшему освоению целинных и залежных земель» не только среди целинников, но также «за бесперебойное снабжение сельского хозяйства тракторами, горючим, оборудованием и другими изделиями промышленности и своевременную доставку этих машин и материалов в районы освоения»[20]. Казалось бы, такое масштабное начинание также могло обусловить новации хотя бы на уровне теории соцсоревнования, но этого на тот момент не произошло.

В 1950-е годы также соблюдалась преемственность в деле организации и подведения итогов соцсоревнований. «Развертывали» соревнования чаще всего накануне юбилеев и торжественных событий. К последним относились съезды. Например, накануне XXI съезда ВЦСПС объявил о соревновании за звание бригад коммунистического труда, в котором приняли участие почти 100 тыс. бригад по всей стране[21]. Главными организациями, которым было доверено держать руку на пульсе соцсоревнований, были ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Представители именно этих структур командировались на места, где знакомились с содержанием обязательств, принимаемых участниками соревнований, а также разрешали конфликты при подведении итогов. В целях организации и проведения общесоюзных соревнований ВЦСПС проводил специальные совещания в Москве, принимавшие иногда циклопический размах. Например, в совещании «О дальнейшем развитии соревнования за

[17] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 22–23.
[18] Там же. Л. 24.
[19] Там же. Л. 25–26.
[20] Там же. Л. 28.
[21] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 682. Л. 14.

звания бригад и ударников коммунистического труда», состоявшемся в Колонном зале Дома Советов в октябре 1959 г., участвовали почти 1 500 человек.

Свое собственное лицо концепт социалистического соревнования хрущевского периода стал приобретать в 1955 г., когда постепенно вырисовывается марксистская ставка на трудящуюся массу, а не на отдельных героев а-ля Стаханов. Впервые о массовидности соцсоревнования речь зашла в постановлении январского 1955 г. Пленума ЦК КПСС «Об увеличении производства продуктов животноводства», принятом по докладу Н.С. Хрущева. В частности, в постановлении говорилось о том, что «массово-политическая работа среди животноводов ведется неудовлетворительно […] Среди колхозников и работников МТС и совхозов недостаточно развито социалистическое соревнование». Для изменения ситуации ЦК потребовал за счет организаторской работы «в массах» «пробуждать стремление у людей работать как можно лучше, развивать их творческую инициативу и активность», «способствовать широкому развертыванию социалистического соревнования». Партийным и профсоюзным организациям предлагалось «окружить вниманием и заботой каждого труженика, вовремя поддерживать его начинания, укреплять его уверенность в успешном выполнении порученного дела, поощрять передовиков сельского хозяйства. […] Нужно всегда помнить указание великого Ленина о том, что массы все могут, когда они все знают и на все идут сознательно»[22].

Более артикулированно ставка на массы, а не на отдельных героев прозвучала в постановлении Пленума ЦК КПСС от 11 июля 1955 г. «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства». В этом постановлении резкой критике подверглись ВЦСПС, ЦК профессиональных союзов и местные профсоюзные комитеты за то, что они «не уделяют должного внимания организации социалистического соревнования», а именно «чаще всего они занимаются лишь отдельными лицами или небольшими группами передовых рабочих и забывают основную массу участников соревнования, решающих своей работой выполнение производственного плана». В результате ЦК КПСС потребовал «поднять социалистическое соревнование на новую ступень» за счет настойчивого внедрения и распространения в массах достижений передовиков и новаторов производства[23].

Лозунг «поднять соцсоревнование на новую, более высокую ступень» вновь был озвучен в постановлении Пленума ЦК КПСС «О работе профессиональных союзов» от 17 декабря 1957 г. Охарактеризовав соцсоревнование как форму вовлечения трудящихся в управление производством, ЦК КПСС снова обрушился с критикой на профсоюзы, которые допускают много формализма в руководстве соревнованием, а «принятые обязательства не всегда подкрепляются организаторской, массово-политической работой с людьми, конкретными организационно-техническими мероприятиями». Речь в очередной раз шла о вовлечении в соревнование *всех рабочих и инженерно-технических работников*, о выполнении и перевыполнении норм выработки *всеми рабочими* [курсив наш. – *А. С., Н. П.*]. В основу соцсоревнования должны были быть положены такие принципы, как гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения передового опыта и товарищеская взаимопомощь[24].

Таким образом, мы очевидно можем утверждать, что взгляды Хрущева на соцсоревнование определял эгалитарный и коллективистский подход. В сочетании с тотальной бюрократизацией и манией контроля это не могло не сказаться негативно на самой идее соревнования как первенства, а также на роли соцсоревнования в качестве эффективного социального лифта. По-видимому, Хрущевым руководили романтические представления утопического свойства, согласно которым все советские трудящиеся поголовно в своих же собственных интересах приложат максимум сил для выполнения поставленных партией задач, необходимо только донести эту идею до каждого труженика. Именно здесь свою роль

[22] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 29–30.
[23] Там же. Л. 32.
[24] Там же. Л. 51.

и должно было сыграть соцсоревнование как школа коммунистического труда. Чем большее непосредственное влияние отрасль экономики оказывала на уровень жизни населения, тем выше, по мнению Хрущева, должна была быть активность трудящихся.

Так, Хрущев считал себя вправе ожидать трудового энтузиазма от рабочих, занятых в строительстве жилья. 31 июля 1957 г. было принято постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором ставилась задача организовать социалистическое соревнование коллективов строителей за своевременное выполнение работ по жилищному строительству и производству сверх установленных планов строительных материалов, изделий и деталей для жилищного строительства. Соцсоревнование за лучшее выполнение планов жилищного строительства, снижение его себестоимости и улучшение качества предполагалось развернуть между республиками, экономическими административными районами, городами, предприятиями и строительными организациями[25].

В дальнейшем апелляция к собственным интересам трудящихся стала обязательной составной частью концепта соцсоревнования. Призывая к организации «широкого соревнования за выполнение программы дальнейшего развития химической индустрии и умелое использование химических материалов во всех отраслях народного хозяйства», ЦК КПСС отмечал в своем постановлении от 13 декабря 1963 г.: «каждый советский человек должен уяснить себе, что ускоренное развитие химической промышленности является важнейшим условием дальнейшего подъема народного хозяйства страны и роста благосостояния народа»[26].

Тем не менее никто не собирался отказываться от соцсоревнования как инструмента экстренной «расшивки узких мест». Соревнование было призвано внести свой вклад в ускорение научно-технического прогресса[27] в той же мере, как и в быстрейшее освоение шин новых конструкций[28] или подготовку призывных контингентов молодежи для службы в Советской армии[29].

Моральное и материальное поощрение соревнующихся. Моральное и материальное стимулирование играло далеко не последнюю роль в деле соцсоревнования. Руководство СССР осознавало это уже в первые годы становления соревновательной системы. Так, в постановлении «О социалистическом соревновании» указывалось: «Необходимо ввести поощрительные меры для лучших предприятий, цехов, групп рабочих, специалистов и отдельных рабочих. Предложить ВСНХ и НКПС по согласованию с ВЦСПС выделить особый фонд премирования для лучшего удовлетворения материальных нужд и культурных запросов рабочих и работниц, а также установить различные формы общественного поощрения: красный список, почетная грамота, трудовое знамя, переходящее из цеха в цех и от одного предприятия к другому и т.д.»[30].

При этом в довоенный период основное внимание уделялось моральному стимулированию. Это находило отражение не только в конкретных шагах властей (создании досок почета, учреждении многочисленных ведомственных наград), но и в поддержке со стороны общества. В этом отношении показательной является записка М. Капустина – работника газеты «Правда», датированная 3 февраля 1932 г., в которой он предлагал И.В. Сталину уделить особое внимание поощрению колхозников, рабочих МТС и совхозов, изготовив для данной категории 100 тыс. художественно-исполненных жетонов с надписью «Лучшему мастеру социалистической земли». В частности, Капустин писал: «Пора надеть в массе “советскую медаль” на хороших мужиков-колхозников, трактористов и рабочих совхозов, доказавших своей производственной работой и общественностью преданность партии и

[25] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 44.
[26] Там же. Л. 74.
[27] Там же. Л. 55.
[28] Там же. Л. 73.
[29] Там же. Л. 75.
[30] Правда. 1929. 10 мая. № 104.

советской власти, принимающих активное участие в борьбе с кулачеством, способствующих организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Таким людям, а их очень много, нужно создать в деревне социалистический почет. Правительство награждает лучших колхозников орденами Ленина и Красного трудового знамени. Ясно, что мы не можем этими почетными знаками награждать многих. Жетон сможет дополнить эти ордена, и колхозники с большим интересом будут стремиться получить его и носить с гордостью»[31].

Капустин делился с вождем впечатлением того, как рабочие на промышленных предприятиях положительно реагировали на такие награды: «Когда организации раздавали отличившимся рабочим такие жетоны и грамоты, они с огромным интересом, а некоторые со слезами благодарности принимали их на торжественных вечерах. Жетоны и почетные грамоты интересовали рабочих больше, чем материальные премии (вещи и деньги). Они видели в жетоне и грамоте форму общественного почета от партии и рабочего класса за свою проделанную работу. Жетон можно носить, грамоту – повесить дома на стену, ее увидят родственники, знакомые»[32].

Главным символом социалистического соревнования в СССР и наградой для соревнующихся традиционно были переходящие Красные знамена. 31 мая 1945 г. председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов в докладной записке на имя Г.М. Маленкова писал: «В связи с окончанием войны возникает необходимость в некотором изменении существующего порядка организации и проведения Всесоюзного социалистического соревнования». В качестве первого шага на этом пути Кузнецов предлагал сменить надписи на знаменах, поскольку старая надпись («Под непобедимым знаменем Ленина–Сталина вперед, на разгром немецких захватчиков») уже не отвечала текущему моменту. Кузнецов предложил заменить ее на надпись: «Под непобедимым знаменем Ленина–Сталина – вперед, за дальнейший расцвет нашей Великой Родины», где вторая часть была цитатой из приветствия Сталина 24 мая 1945 г. в адрес редакции «Комсомольской правды». Старые знамена, как имеющие «историческую ценность», Кузнецов предлагал передать лучшим наркоматам и предприятиям, выполнявшим государственный план в течение всего военного периода[33]. 10 июня 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложениями Кузнецова и одобрило следующий текст для размещения на переходящих Красных знаменах ГОКО, ЦК ВКП(б), ВЦСПС и наркоматов: «Под знаменем Ленина–Сталина – вперед, за дальнейшее укрепление могущества нашей Родины». ВЦСПС было поручено изготовить знамена с новым текстом к 1 октября 1945 г.[34]

В полном соответствии с концептом роста численности соревнований и соревнующихся, начиная со второго полугодия 1945 г., росло также количество переходящих Красных знамен. В соответствии с постановлением ГОКО СССР от 21 июня 1945 г., в ходе всесоюзного соревнования 1945 г. колхозов, совхозов, МТС, районов, областей, краев и республик «за получение высокого урожая и подъем колхозного животноводства» увеличивалось количество переходящих Красных знамен ГОКО по сравнению с 1944 г. Для соревнующихся областей, краев и республик число знамен увеличивалось с 10 до 14, из них семь вручались за получение высоких урожаев и семь – за достижения в области животноводства. Для соревнующихся районов количество знамен увеличивалось с 30 до 40 штук. Также в 1945 г. дополнительно учреждались на 1945 г. за получение высокого урожая хлопка, льна, сахарной свеклы, плодов и винограда – 4 переходящих Красных знамени ГКО для областей, краев и республик и 18 знамен для районов, из них пять – за хлопок, пять – за лен, пять – за свеклу, три – за плоды и виноград.

В 1949 г., после последнего масштабного голода в СССР 1948 г., численность Красных знамен и, соответственно, соревнований увеличилась в сельском хозяйстве еще на 20 штук. Таким образом было решено подстегнуть уборочную кампанию в целях выхода из тяжелой

[31] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 217. Л. 52–53.
[32] Там же.
[33] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 8–9.
[34] Там же. Л. 6.

продовольственной ситуации. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июня 1949 г. были учреждены 15 переходящих знамен Совета Министров СССР с выдачей денежной премии по 50 тыс. рублей для районов и пять знамен с выдачей 200 тыс. рублей – для областей, краев и республик, добившихся лучших результатов в соцсоревновании за образцовую подготовку, проведение уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов, а также за полное обеспечение колхозов и совхозов собственными семенами и кормами для животноводства[35].

Что касается промышленности и строительства, то здесь численность переходящих Красных знамен тоже только росла. Так, согласно постановлению ГОКО СССР от 10 июня 1945 г., было учреждено переходящее знамя ВЦСПС и Ленгорисполкома, которое присуждалось ежемесячно организациям – строителям газовых магистралей. Вручение переходящего знамени сопровождалось премией в 100 тыс. рублей для организации-победительницы, за второе место полагалось 60 тыс., за третье – 25 тыс. рублей. Соответственно, шахты – победители соревнования среди шахтеров-сланцевиков – получали ежемесячно 150 тыс. рублей[36]. 13 августа 1945 г. ГОКО СССР разрешил учредить переходящее Красное знамя ГОКО для строительных управлений ГУШОСДОРА НКВД СССР[37]. Существенный прирост Красных знамен пришелся на октябрь 1953 г., когда для ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности постановлением Совета Министров и ЦК КПСС было учреждено 35 переходящих Красных знамен ВЦСПС и Министерства лесной и бумажной промышленности СССР для лесопунктов и 60 знамен для мастерских участков.

Всего по состоянию на 1957 г. ежеквартально передовым предприятиям – участникам Всесоюзного социалистического соревнования – присуждалось 272 переходящих Красных знамени Совета Министров СССР и ВЦСПС и 672 переходящих Красных знамени ВЦСПС и министерств, т.е. всего 944 знамени[38]. Однако после создания совнархозов руководство ВЦСПС вновь предложило увеличить это число, добавив к существующим еще 1 358 переходящих Красных знамен совнархозов. В последующие годы число знамен продолжало расти, но не столь заметно. Например, в том же 1957 г. министерство сельского хозяйства РСФСР и министерство совхозов РСФСР обратились в ЦК с просьбой учредить персональное переходящее знамя для регионов, МТС и совхозов, добившихся резкого прироста молока, мяса и шерсти[39]. В 1960 г. решением Бюро ЦК по РСФСР было учреждено несколько десятков знамен для присуждения победителям, добившимся высоких урожаев кукурузы[40].

В хрущевские годы изменилось не только число знамен, но и их оформление. После XX съезда КПСС и осуждения культа личности Сталина руководство ВЦСПС ощутило настоятельную потребность в очередной замене знамен. Глава советских профсоюзов В.В. Гришин 7 июня 1956 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой изменить оформление знамен. Вместо «знамени Ленина–Сталина» на переходящих знаменах теперь предлагалось поместить барельеф В.И. Ленина и призывы: вверху – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», внизу – «Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии вперед, к победе коммунизма!». Всего требовалось изготовить около 1,5 тысяч (вместе с дублирующими) переходящих Красных знамен[41]. Кроме того, в целях «повышения роли центральных комитетов профсоюзов в руководстве Всесоюзным социалистическим соревнованием и устранения формализма в этом деле» ВЦСПС предлагал возложить подведение итогов соревнований предприятий по отраслям народного хозяйства на соответствующие центральные комитеты профсоюзов совместно с министерствами. В итоге 17 июля

[35] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 15.
[36] Там же. Л. 1–2.
[37] Там же. Л. 11.
[38] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1107. Л. 65.
[39] РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 520. Л. 205. Это предложение было поддержано Бюро ЦК по РСФСР (Там же. Л. 200).
[40] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 685. Л. 6.
[41] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 23. Л. 36–37.

1956 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о переименовании переходящих Красных знамен Совета Министров СССР в переходящие Красные знамена Совета Министров СССР и ВЦСПС, а переходящих Красных знамен ВЦСПС и министерств – в переходящие Красные знамена министерств и ЦК профсоюзов[42]. Как решался вопрос утилизации старых знамен, в постановлении не оговаривалось.

Отдельной темой является моральное поощрение победителей социалистического соревнования в виде награждения трудящихся орденами и медалями СССР. Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, такой вид поощрения был сознательно минимизирован Н.С. Хрущевым. Рубежным здесь стали 1958–1959 гг. Сначала Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1958 г. отменялось введенное при Сталине награждение орденами и медалями СССР за выслугу лет, в соответствии с которым, например, в 1954 г. ордена и медали получили более 358 тыс. чел., или 96,5 % всех награжденных в данном году. Затем 20 января 1959 г. Центральный комитет КПСС отправил ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии закрытое письмо «Об упорядочении дела представления к награждению орденами и медалями и присвоению почетных званий СССР», в котором жестко критиковались «упрощенное и неправильное представление о возможности получения орденов и медалей», «необдуманный подход к представлению к наградам» и «наградное увлечение», «захватившее» партийно-советских и хозяйственных руководителей, которые «утрачивают чувство меры, большевистской скромности и настойчиво выпрашивают у ЦК КПСС и Правительства ордена и звания по любому поводу»[43].

В результате в период с 1959 г. по 1964 г. включительно орденами и медалями СССР в среднем ежегодно награждалось всего лишь около 23 тыс. чел. При этом абсолютный минимум награждений за всю послевоенную историю СССР был зафиксирован в последний год нахождения Н.С. Хрущева у власти: за 1964 г. было награждено всего около шести тысяч человек. В основе такой политики лежало не только стремление повысить ценность награждений за счет их минимизации, но и коммунистический пуризм самого Н.С. Хрущева. Несомненно, именно с его голоса ЦК КПСС предлагал в январе 1959 г. шире использовать другие методы морального поощрения, такие как награждение грамотами, публичное объявление благодарности, занесение на Доску почета и т.п.[44]

В полном соответствии с этими рекомендациями широкое распространение при Хрущеве получило награждение передовиков и победителей социалистического соревнования почетными значками (знаками) – этими советскими «эрзац-орденами». Конечно же, награждение значками не было новацией Хрущева. Еще с 1938 г. стали появляться различные ведомственные значки и знаки: «Почетный дорожник», «Почетный работник лесопромышленности», «Отличник социалистического соревнования тяжелой промышленности», «Отличнику Дальстроевцу», «Участник строительства большого Ферганского канала», «Заслуженный работник НКВД» и многие другие. После Сталина число ведомственных награждений возросло. Так, 18 августа 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление «О нагрудных значках для отличников социалистического соревнования», которым предоставлял министрам, руководителям других центральных учреждений СССР и Советам министров союзных республик по согласованию с ВЦСПС и Минфином СССР учреждать ведомственные нагрудные значки для отличников социалистического соревнования[45].

Один из первых нагрудных знаков в постсталинский период учредило Министерство лесной и бумажной промышленности. Уже в октябре 1953 г., в целях дальнейшего развития социалистического соревнования в лесозаготовительных и лесосплавных предприятиях, для

[42] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 23. Л. 33.

[43] «Нужно навести строгий порядок…» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2. С. 144–149; Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 181–185.

[44] В частности, добившихся наиболее высоких показателей награждали грамотами ЦК ВЛКСМ, почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и др.

[45] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 21.

бригадиров и рабочих, проработавших на лесозаготовительных и лесосплавных предприятиях министерства не менее трех лет и имеющих особые заслуги, учреждалось звание «Почетный мастер заготовок леса лесосплава». К званию прилагались вознаграждение в размере месячного оклада и специальный нагрудный знак. В соответствии с положением о знаке, звание присваивалось при условии непрерывного, в течение двух лет, перевыполнения норм выработки, а также образцовой организации труда и улучшения технологии производства. На самом знаке внизу было нанесено позолоченное изображение гаечного ключа и молота, в середине – трелевочного трактора с прицепленной древесиной, венчала композицию надпись «Почетный мастер»[46]. К середине 1950-х годов только в машиностроительной отрасли существовало 14 различных значков.

Спустя три года, 8 октября 1956 г., за подписями Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина был учрежден знак «Шахтерская слава» трех степеней для награждения работников угольной промышленности и шахтного строительства, достигших высоких производственных показателей. Этим знаком награждались передовые рабочие, горные мастера и десятники, инженерно-технические работники и служащие угольной промышленности и шахтного строительства, активно участвующие в социалистическом соревновании и способствующие своим трудом и инициативой выполнению и перевыполнению государственных планов. Награждение и лишение знака производились только приказами министра угольной промышленности СССР и министра строительства предприятий угольной промышленности СССР[47].

В сентябре 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден знак «Отличник социалистического соревнования железнодорожного транспорта». Одновременно этим же указом прекращалось награждение наградными знаками «Отличный паровозник», «Отличный движенец», «Отличный путеец», «Отличный связист», «Отличный вагонник», «Отличный строитель», «Отличный восстановитель» и «Отличный административный работник», учрежденными указами от 22 сентября 1943 г., а также знаком «Ударник Сталинского призыва», введенным указом от 23 апреля 1934 г.[48] Здесь налицо была унификация наградных знаков и стремление повысить «цену» нововведенного отличия. В этом же направлении действовало постановление Совета Министров СССР от 20 декабря 1958 г. «О порядке учреждения и изготовления нагрудных значков»[49]. Еще одним шагом к унификации наград за победу в соревнованиях стало предложение председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского, поддержанное Бюро ЦК по РСФСР в апреле 1958 г., об учреждении нагрудного значка «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства», который должен был заменить все остальные наградные знаки в сельском хозяйстве[50].

Возможно, предоставляя министерствам и ведомствам право самим учреждать наградные значки и производить награждение, Хрущев стремился подкрепить свою идею о децентрализации управления экономикой и приближении руководящих органов к непосредственному производству. Впрочем, были и иные взгляды на данную проблематику. Так, председатель ВЦСПС В.В. Гришин в августе 1957 г. предложил учредить новый значок «Отличник социалистического соревнования», единый для всех отраслей народного хозяйства[51]. Однако против попыток централизации данного процесса выступил Отдел партийных органов по союзным республикам, заявив, что вопрос уже решен Советом Министров СССР и что к нему не следует возвращаться[52].

Что же касается награждения победителей соцсоревнований государственными наградами, то у нас нет точной статистики. Исключением в этом смысле выступают данные за

[46] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 21.
[47] Там же. Л. 38–39.
[48] Там же. Л. 49.
[49] Там же. Л. 53.
[50] РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 621. Л. 45. Это предложение было рассмотрено и поддержано Бюро ЦК по РСФСР 26 апреля 1958 г. (Там же. Л. 46).
[51] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1107. Л. 65–68.
[52] Там же. Л. 63.

1960 г., которые могут являться репрезентативными для всего периода 1959–1964 гг. Итак, в 1960 г. ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ представили к званиям Героя Социалистического труда, награждению орденам Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак почета» 2 581 чел. – победителей соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. Однако в итоге все представленные были награждены по рекомендации ЦК КПСС только медалями «За трудовое отличие» (563 чел.) и «За трудовую доблесть» (2 018 чел.). Из общего числа награжденных 2 379 чел. (92,2 %) были работниками предприятий промышленности, строительства, транспорта и связи, 189 чел. (7,3 %) – работниками сельского хозяйства, 13 чел. (0,5 %) работали в торговле и общественном питании. По профессиональной принадлежности 2 133 чел. были рабочими, 338 – инженерно-техническими работниками, 61 – колхозниками и 49 – профсоюзными и комсомольскими работниками предприятий и строек. Из общего числа только 645 чел. (т.е. почти 25 %) были женщинами. Беспартийных было меньше половины – 1 122 чел. (43,4 %), но из последнего числа 476 были членами комсомола. Таким образом, только 646 чел. не состояли ни в каких политических организациях[53]. Что касается республиканского представительства, то лидером по числу победителей была, разумеется, РСФСР – 1 663 чел., затем шла Украина – 463 чел., Казахстан – 115 чел., Белоруссия – 49 чел., Узбекистан – 48 чел., Азербайджан – 41 чел., Латвия – 34 чел., Грузия – 30 чел., Литва – 28 чел., Молдавия, Армения и Туркмения – по 20 чел., а замыкала список Эстония, где было всего 15 награжденных[54].

Таким образом, хрущевское руководство сравнительно скромно инструментализировало тему трудового героизма. В анализируемом массиве документов слово «героизм» встречается лишь один раз: в постановлении Совета Министров СССР «О мерах по увеличению добычи рыбы и производства рыбной промышленности» от 24 мая 1962 г. призывалось шире развернуть соревнование среди комсомольцев и молодежи рыбной промышленности за досрочное выполнение заданий семилетки, за коммунистический труд. В частности, редакциям молодежных газет и журналов рекомендовалось «больше публиковать ярких и содержательных материалов о героическом труде моряков рыбопромыслового флота»[55].

Кроме того, Хрущеву так и не удалось зримо и красочно персонализировать движение ударников коммунистического труда и создать полноценный миф собственных героев. В использованных документах термин «стахановцы» не был упомянут ни разу. Имя Валентины Гагановой, одной из наиболее «раскрученных» героинь труда «славного десятилетия», встречается в них только один раз, а именно – в постановлении «О ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрения в производство новейших достижений науки и техники» от 15 июля 1960 г. Как известно, бригадир прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината В.И. Гаганова стала в июле 1959 г. Героем Социалистического труда за добровольный переход из передовой бригады с более высокой оплатой труда в отстающую бригаду и поднятие ее до уровня передовой. Очевидно, этот поступок наиболее адекватно отвечал хрущевскому представлению о массовом характере соцсоревнования с активным участием вплоть до самого последнего рабочего. В частности, постановление от 15 июля 1960 г. призывало сделать «патриотический почин Валентины Гагановой и ее многочисленных последователей» подлинно всенародным[56]. Однако это пожелание так и не было реализовано на практике. По целому ряду причин, прежде всего преклонного возраста, не подходила на роль демиурга социалистического соревнования еще одна женщина – герой труда, получившая широкую известность в начале 1960-х годов, – Н.Г. Заглада. В результате в народной памяти обе героини остались в лучшем случае в качестве персонажей песни В.С. Высоцкого «Случай на шахте» и многочисленных анекдотов[57].

[53] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 825. Л. 4.
[54] Там же. Л. 5.
[55] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 72.
[56] Там же. Л. 66.

После прихода к власти Л.И. Брежнева роль морального поощрения, особенно в форме награждения орденами и медалями, сразу же резко выросла. 2 сентября 1965 г. Президиум ЦК КПСС утвердил положение о социалистическом государственном производственном предприятии, в котором констатировалось, что «за достижения в работе и проявлении инициативы рабочие и служащие предприятия поощряются почетными грамотами и премиями; им могут присваиваться почетные звания. Рабочие и служащие предприятия за особо выдающуюся новаторскую деятельность в области хозяйственного строительства и высокие производственные показатели представляются к награждению орденами и медалями СССР и к присвоению звания Героя Социалистического Труда в установленном порядке»[58].

Моральное поощрение дополнялось материальным. Главным образом речь шла о премиях, значительная часть которых до войны расходовалась на организацию культурно-массовых и физкультурно-спортивных мероприятий. Только половина, а иногда и меньше, расходовалась на денежное довольствие победителей. При этом добавку к основной зарплате получали не отдельные передовики производства, а весь коллектив. Но главное, что суммы оставались сравнительно небольшими и не превышали месячных окладов. После Великой Отечественной войны объем премирования победителей соцсоревнований резко увеличился. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 13 сентября 1946 г. «О премиях предприятиям – победителям во Всесоюзном социалистическом соревновании», на индивидуальное премирование рабочих, инженерно-технических работников и служащих было разрешено тратить уже до 60–70 % от всей суммы, а на улучшение культурно-бытового обслуживания и жилищные нужды – только до 30–40 %. При этом под последними понимались следующие объекты: ремонт жилищ и культурно-бытовых учреждений, приобретение инвентаря для детских садов и яслей, пионерлагерей, рабочих общежитий, расходы на оборудование и ремонт санаториев, домов отдыха, клубов, красных уголков, рабочих столовых и спортивных сооружений, на приобретение «культинвентаря» и литературы для заводских библиотек[59].

Заметно выросли также сами премии. Если в 1946 г. общий объем бюджетных денег, выделяемых на премии, составлял 6,9 млрд руб., то в 1947 г. – уже 9,2 млрд руб., что было признано вредным. В июле 1948 г. Совет Министров СССР утвердил постановление о сокращении на 50 % размера премий, выплачиваемых победителям соцсоревнований. Кроме того, этим же постановлением было запрещено выделять какие-либо дополнительные бюджетные средства на премиальный фонд. Теперь премии формировались только за счет сверхплановой прибыли от снижения себестоимости продукции, полученной предприятиями с начала календарного года[60]. Таким образом, не государство, а сами предприятия формировали свой же премиальный фонд. Но самое главное, что резко сократился реальный объем премий, особенно на крупных производствах. В выигрыше от постановления 1948 г. оказались небольшие предприятия, где трудилось от 100 до 200 чел. Ежеквартальная премия для них составляла от 40 до 100 руб. на одного трудящегося. На производствах, где работали свыше 40 тыс. человек, размер премий колебался в размере от 10 до 20 руб. на человека, т.е. меньше, чем стоила бутылка водки. Так, в 1950-е годы бутылка низкопробной водки, прозванной в народе «сучок», стоила 21 руб. 20 коп. Изменить шкалу премирования победителей соцсоревнований руководство ВЦСПС предлагало еще в 1957 г. Но только 30 декабря

[57] «Что успел и что не успел сделать Хрущев? – Успел выдать замуж Терешкову. Не успел выдать замуж Загладу»; «Какой новый подвиг совершила Валентина Гаганова? – Бросила хорошего мужа и ушла к плохому»; «Кому живется весело, вольготно на Руси? – Вале Гагановой, Юре Гагарину, Герману Титову, Никите Хрущеву, Фролу Козлову, да еще Брежневу, а остальным по-прежнему». См.: *Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов) М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 251, 460, 504.

[58] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 23. Л. 78. Более подробно см.: *Деннингхаус В., Савин А.И.* «Смотришь, и Мане и Тане какой-то “Знак Почета” попадает…». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

[59] Постановления Совета Министров СССР за сентябрь 1946 г. Б.м. и б.г. С. 174–175.

[60] Постановления Совета Министров СССР за июль 1948 г. Б.м. и б.г. С. 13–14.

1959 г. было принято совместное постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об условиях премирования по социалистическому соревнованию», которым фактически была восстановлена норма образца 1946 г. Вместе с тем индивидуальное премирование работников предприятий было увеличено до 80 %, а расходы на культурно-бытовые нужды сокращены до 20 % от общего объема выделяемых премий. После прихода к власти Брежнева уже в 1965 г. объем индивидуальных премий был увеличен до 90 %.

Дефициты соцсоревнования. Взгляд на социалистическое соревнование «сверху», отраженный в документах Президиума ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС, использованных при написании данной статьи, фиксирует, хотя и довольно избирательно, серьезные дефициты соцсоревнования, что позволяет в определенной мере реконструировать его реальные механизмы.

Очевидно, одним из распространенных недостатков соцсоревнования в первые послевоенные годы являлась практика признания победителями предприятий, которые на самом деле даже не выполняли плановых заданий. Например, 29 июня 1945 г. Сталин потребовал от ВЦСПС и наркоматов – поставщиков предприятий черной металлургии, при подведении итогов Всесоюзного социалистического соревнования промышленных предприятий не присуждать знамен ГОКО, ВЦСПС и наркоматов, а также премий предприятиям, не выполнившим плана поставок[61].

Определенный срез «непарадной» стороны соцсоревнования к концу сталинской эпохи демонстрирует уже упоминавшееся выше постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве» от 23 ноября 1951 г. за подписью Г.М. Маленкова. После традиционной хвалебной преамбулы Маленков сосредоточился на «существенных недостатках», главным из которых называлась диспропорция между количеством и качеством. В частности, Маленков писал: «Социалистическое соревнование на некоторых предприятиях и в колхозах все еще направлено главным образом на достижение количественных результатов, без достаточной борьбы за высокие качественные показатели работы», «многие предприятия» перевыполняли план в ущерб качеству за счет невыполнения заданий правительства по ассортименту и номенклатуре изделий, перерасходу сырья, топлива, электроэнергии, допуская большие потери от брака и отходов. Сами условия Всесоюзного соцсоревнования в ряде отраслей не отражали актуальных требований в отношении повышения качества и снижения стоимости продукции, экономии сырья, материалов, топлива, электроэнергии.

В свою очередь, руководители ведомств и предприятий рассматривали соцсоревнование как набившую оскомину рутину, вследствие этого не уделяли достаточного внимания организации соцсоревнования, не принимали мер к подтягиванию отстающих предприятий и привычно закрывали глаза, когда предприятия систематически не выполняли производственных планов. Даже профсоюзы, писал Маленков, для которых организация соцсоревнований была чуть ли не главной задачей, «редко обсуждают вопросы организации соревнований, проходят мимо серьезных ошибок и извращений в этом деле». Обязательства, взятые на себя рабочими, не отвечали задачам, поставленным перед данным производством, не соответствовали требованиям к росту качества продукции, экономии сырья и материалов. Иначе говоря, в ходе проведения соревнования по-прежнему превалировали валовые показатели. Иногда соревнующиеся сознательно брали на себя заниженные обязательства. Профсоюзы слабо пропагандировали опыт передовых предприятий. Не все гладко было также в области публичной репрезентации соревнования: постановление констатировало, что на многих предприятиях принятие обязательств и подведение итогов соцсоревнования проводились с запозданием, формально, без обсуждения на рабочих собраниях, а переходящие Красные знамена вручались несвоевременно[62].

В «хрущевский» период требование повышения качества продукции как одного из ключевых параметров соцсоревнования только усиливалось. Так, 24 сентября 1957 г.

[61] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 10.
[62] Там же. Л. 17–20.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР своим постановлением «Об улучшении качества авиационной техники» потребовали от профсоюзных организаций всех уровней при подведении итогов хозяйственной деятельности предприятий, выпускающих оборонную продукцию, учитывать качество изготовленной ими продукции в качестве одного из важнейших параметров при организации и подведении итогов Всесоюзного социалистического соревнования[63].

Однако ситуация на производстве менялась крайне медленно. Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 декабря 1959 г. «Об условиях премирования по соцсоревнованию» констатировало, что действующие условия соцсоревнования не отвечают в полной мере задачам, поставленным в решениях XXI съезда КПСС. Главная проблема заключалась в том, что при подведении итогов социалистического соревнования «имелись случаи», когда звания победителей в соревновании и денежные премии присуждались предприятиям, «выпускающим устаревшую технику и производящим продукцию низкого качества, не пользующуюся спросом». Еще одной уловкой, направленной на поддержание парадного имиджа соцсоревнований, было присуждение премий победителям не по квартальным, а по месячным результатам работы. Обтекаемая фраза о том, что «допускаются излишества в выплате премий руководителям предприятий», свидетельствовала о том, что начальство привычно использовало премиальные деньги для наполнения собственных карманов[64].

Теперь же присуждение денежных премий должно было производиться по результатам работы за квартал, а для коллективов совхозов, лесхозов, конных заводов и подсобных хозяйств – по результатам работы за первое полугодие или год. Для индивидуального премирования рабочих, ИТР и служащих из суммы премии менее 20 тыс. рублей предписывалось использовать до 100 % выделенной суммы, при начислении свыше 20 тыс. – до 60–70 %. Остальная часть премии использовалась на улучшение культурно-бытового обслуживания, строительство жилья и культурно-бытовых объектов. Директора, замы, главные инженеры и главбухи предприятий-победителей в случае присуждения предприятию первой премии могут быть премированы в размере до 50 % месячного оклада, второй премии – до 40 %, третьей – до 30 % оклада[65].

Постановление от 30 декабря 1959 г. требовало также пересмотреть действующие условия соцсоревнования и установить в качестве основного показателя, который давал бы соревнующимся право на получение премий, «выполнение и перевыполнение плана по снижению себестоимости продукции при непременном условии улучшения ее качества, [а также] выполнение плана производства продукции»[66]. Таким образом, в очередной раз был дезавуирован основной параметр соцсоревнования начиная со сталинских времен, а именно – параметр рекорда в форме многократно перевыполненных плановых валовых показателей. Однако такой акцент на качестве продукции и снижении ее себестоимости делался только для промышленных предприятий, причем для ряда промышленных сфер «перевыполнение плана производства» все же оставалось основным показателем при оценке хозяйственной деятельности, но лишь при условии выполнения плана снижения себестоимости и повышения качества производимой продукции.

В 1960 г. Бюро ЦК по РСФСР утвердило следующий перечень условий победы в соревнованиях: 1) наибольшее перевыполнение плана по снижению себестоимости выпускаемой товарной продукции и стоимости строительно-монтажных работ; 2) лучшие показатели по росту производительности труда; 3) лучшие показатели по увеличению выпуска продукции по сравнению с прошлым годом; 4) выполнение планов капитальных вложений и строительно-монтажных работ, а также введение в действие производственных мощностей, жилой площади, объектов культурно-бытового назначения; 5) перевыполнение планов по

[63] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 50.
[64] Там же. Л. 59–60.
[65] Там же.
[66] Там же.

освоению и внедрению в производство новой техники, передовых технологий, комплексной механизации и автоматизации; 6) улучшение качества и выполнения заданий по сортности выпускаемой продукции, снижение потерь от брака и непроизводительных расходов[67]. С 1962 г. еще одним условием победы стало активное использование достижений химической продукции и производства химтоваров[68].

Курс соцсоревнования на качественные показатели подтвердил Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июле 1960 г. В своем постановлении «О ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрения в производство новейших достижений науки и техники» от 15 июля 1960 г. Пленум констатировал, что при оценке хозяйственной деятельности предприятий и строек, а также подведении итогов соцсоревнования как важнейший показатель следует учитывать выполнение плановых заданий по ассортименту выпускаемой продукции и повышению ее качества. Особой строкой постановления было прописано требование распространения «ценного опыта» передовых предприятий, «добившихся выпуска продукции только отличного качества»[69].

Что же касается сельского хозяйства, то здесь все оставалось по-старому: основными показателями при подведении итогов социалистического соревнования называлось получение сверхплановой прибыли и перевыполнение плана сдачи сельскохозяйственной продукции государству[70]. Налицо было влияние хрущевской идеи фикс, провозглашенной в мае 1957 г. – догнать и перегнать США по уровню производства мяса, молока и масла на душу населения. В интересах решения этой задачи требование качества сельскохозяйственной продукции не просто уходило на задний план, а было вредным.

Как широко известно, ставка на «решительные меры» в области троекратного увеличения производства мяса в кратчайшие сроки привела к крупномасштабным аферам, самой известной из которых стал печально знаменитый «Рязанский эксперимент». После вскрытия авантюры в конце 1960 г. Хрущев был вынужден публично дистанцироваться от громкого скандала. 18 января 1961 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление «О выполнении государственного плана и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства в 1960 году и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства», в котором вся ответственность за провал была возложена на местных руководителей, хотя фамилия первого секретаря Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионова в документе не упоминалась.

Постановление начиналось с констатации «серьезных недостатков […] в организации социалистического соревнования в деревне». В основе этих «недостатков» якобы лежала безответственность работников, которые «берут обязательства, трубят вовсю, что они выполняют столько-то планов, бюрократически все это расписывают, но организационными мероприятиями обязательства не подкрепляют и в результате проваливают их выполнение». Далее тон постановления становился крайне резким и обвинительным: «Находятся такие руководители, которые, стремясь прикрыть свою бездеятельность и создать видимость благополучия, становятся на преступный путь обмана государства, допускают очковтирательство, приписки и другие антигосударственные действия. Это не политические организаторы, а карьеристы, примазавшиеся к партии люди, они позорят партию, их надо исключать из партии и предавать суду»[71].

После столь острой критики логично было бы ждать каких-то рациональных новаций в области организации соцсоревнования на селе, но Хрущев не собирался расставаться со своей мечтой о победе над Америкой. В результате все закончилось традиционным призывом к «труженикам села» «поднять темпы роста производства сельскохозяйственных продуктов» и «встретить XX съезд партии новыми выдающимися успехами». Пленум

[67] РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 564. Л. 140.
[68] РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 794. Л. 57.
[69] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 65.
[70] Там же. Л. 59–60.
[71] Там же. Л. 67.

ЦК КПСС выражал уверенность в том, что сельчане еще шире развернут социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий семилетки и дадут Родине «столько продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, сколько необходимо для полного удовлетворения растущих потребностей советского народа, добьются новых побед в строительстве коммунизма в нашей стране»[72].

Далеко не парадную картину положения дел в области выполнения плановых заданий в целом и социалистических обязательств в частности рисовало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 мая 1961 г. «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств». По сути дела, само постановление являлось признанием того, что практика приписок в отчетных данных о выполнении государственных планов стала повсеместным явлением[73]. Главным лекарством от этой болезни руководство СССР называло усиленный контроль как со стороны трудящихся, так и профсоюзных организаций. В частности, руководители хозяйственных организаций должны были выступать с регулярными отчетами о выполнении планов на собраниях рабочих и служащих и на постоянно действующих производственных совещаниях. Решения о присуждении переходящих знамен и денежных премий по итогам соцсоревнований должны были приниматься профсоюзами только после тщательной проверки данных о выполнении планов и обязательств предприятиями и организациями, выдвинутыми кандидатами на получение премий. Публикация сообщений о выполнении республиками, краями, областями, городами, районами, совнархозами, министерствами и ведомствами годовых, квартальных и месячных планов, а также принятых соревновательных обязательств по всем отраслям хозяйства производилась в центральной печати только после проверки данных ЦСУ СССР, а в республиканской и местной печати – после проверки их соответствующими статистическими органами[74]. В случае выявления приписок премии, незаконно выданные руководителям предприятий и хозяйственных организаций, а также главным бухгалтерам, начальникам плановых и финансовых отделов, подлежали обязательному взысканию.

Выводы. Развитие концепта социалистического соревнования стало осуществляться в СССР после 1945 г. по экстенсивному пути максимального увеличения численности соревнующихся за счет роста количества соревнований в каждой отдельно взятой отрасли народного хозяйства. В идеале каждый отдельный сектор экономики, вплоть до отдельных участков, организовывал свое собственное соревнование, находившееся под патронажем партийно-государственных органов власти и соответствующего профсоюза. Такой порядок неизбежно приводил к максимальной бюрократизации и формализации социалистического соревнования, сводя любую потенциальную активность трудящихся к минимуму. Такими же формализованными оставались формы репрезентации социалистического соревнования, в первую очередь в средствах массовой информации.

Приход Н.С. Хрущева к власти осуществлялся под аккомпанемент критики сталинской политики, в том числе – состояния народного хозяйства. Разрушение ключевых основ сталинской системы произошло уже в первые месяцы после смерти вождя. Вслед за этим последовал длительный процесс модификации советской системы. В том числе была предпринята попытка поднять социалистическое соревнование «на новую ступень». Главной идеей фикс хрущевского периода в этой области стало максимальное увеличение инициативности всей массы трудящихся. По-видимому, основные надежды Хрущева

[72] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 23. Л. 67.

[73] Так, 6 февраля 1961 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление «О фактах приписок и обмана при продаже государству продуктов животноводства в Кировской области», зимой-весной 1961 г. в ЦК КПСС поступили сведения о систематических приписках и фактах обмана государства в Азербайджанской и Таджикской ССР, Павлодарской области Казахской ССР, Владимирской, Ростовской, Тюменской областях РСФСР. См. также докладную записку Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС о борьбе с приписками и искажениями отчетности от 24 июля 1961 г. См.: Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 251–368.

[74] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 23. Л. 69.

возлагались на то, что рабочие и колхозники в преддверии построения коммунизма станут в собственных интересах работать с максимальной отдачей, в первую очередь в отраслях, играющих ключевую роль в деле повышения жизненного уровня и материального благосостояния населения.

Однако на практике изменения оказались минимальными: соцсоревнования по-прежнему использовались в качестве обязательного инструмента «расшивки» узких мест в экономике, а также являлись неотъемлемым атрибутом всех хозяйственно-политических кампаний. Активность и инициатива трудящихся оставались на низком уровне, а Хрущеву и его «команде» так и не удалось создать ничего похожего на стахановское движение по своему мобилизационному эффекту. Более того, ставка на персонализированные «локомотивы» соцсоревнований в виде мифологических фигур типа Стаханова даже не делалась. «Передовикам» и «новаторам» производства в интересах массовости соцсоревнования отводилась скорее роль технических инструкторов, призванных поделиться своим опытом со всеми трудящимися. Поэтому социалистическое соревнование при Хрущеве оказалось обезличено, а «загладовцы» и «гагановцы», последователи новаторов Н.Г. Заглады и В.И. Гагановой, так и не смогли превратиться в настоящих хрущевских «стахановцев». Кроме того, пурист Хрущев минимизировал «делание героев» за счет максимального сокращения награждения трудящихся орденами и медалями СССР за всю послевоенную историю, серьезно ослабив моральные рычаги поощрения передовиков производства. Это, в свою очередь, дискредитировало концепт соцсоревнования в качестве эффективного социального лифта. И, наверное, самое важное: ни Сталину, ни Хрущеву не удалось справиться с фундаментальным дефектом концепта социалистического соревнования – этот внеэкономический инструмент, нацеленный на валовые показатели и количественные производственные рекорды, в принципе не мог быть эффективно использован для решения такой глобальной проблемы советской экономики, как низкое качество выпускаемой продукции.

Литература

Деннингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то “Знак Почета” попадает…». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

Кореневский А.В. «Русская зубатка и западная селедка». Об одной из мифологем «холодной войны», изобретенных британским историком Арнольдом Дж. Тойнби // Родина. 2017. № 4. С. 131–133.

Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1103 с.

«Нужно навести строгий порядок…» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2. С. 144–149.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 773 с.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Corpus, 2015. 461 с.

Экштут С.А. «Светлый путь» стахановцев в жизни. Почему массовое движение новаторов было стремительно свернуто накануне войны // Родина. 2016. № 2. С. 77–79.

Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 387. No. 3. P. 377–402.

References

Denninghaus, V., Savin, A.I. (2014). “Smotrish’, i Mane i Tane kakoy-to “Znak Pocheta” popadaet…”. Brezhnevskaya “industriya” nagrazhdeniy i sovetskoe obshhestvo [“You Look, and Mane and Tanya Get Some Kind of “Badge of Honor”…”. Brezhnev’s “Industry” of Awards and the Soviet Society]. In *Rossiyskaya istoriya.* No. 2, pp. 127–149.

Ekshtut, S.A. (2016). “Svetlyy put’ ” stakhanovtsev v zhizni. Pochemu massovoe dvizhenie novatorov bylo stremitel’no svernuto nakanune voyny [The “Bright Path” of Stakhanovites in Life. Why was the Mass Movement of Innovators Rapidly Curtailed on the Eve of the War]. In *Rodina.* No. 2, pp. 77–79.

Fitzpatrick, S. (1979). Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939. In *Slavic Review*. Vol. 38, No. 3, pp. 377–402.

Khlevnyuk, O.V. (2015). Stalin. Zhizn’ odnogo vozhdya [Stalin. The Life of One Leader]. Moscow, Corpus. 461 p.

Khlevnyuk, O.V., Prozumenshchikov, M.Yu., Vasil’ev, V.Yu. (Comp.). (2009). Regional’naya politika N.S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiynye komitety. 1953–1964 gg. [The Regional Policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and Local Party Committees. 1953–1964]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 773 p.

Korenevskiy, A.V. (2017). “Russkaja zubatka i zapadnaja seledka”. Ob odnoy iz mifologem “kholodnoy voyny”, izobretennykh britanskim istorikom Arnol’dom Dzh. Toynbi [“Russian Catfish and Western Herring”. About One of the Mythologies of the “Cold War” Invented by the British Historian Arnold J. Toynbee]. In *Rodina.* No. 4, pp. 131–133.

Mel’nichenko, M. (2014). Sovetskiy anekdot (Ukazatel’ syuzhetov) [Soviet Anecdote (Index of Plots)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 1103 p.

(1998). “Nuzhno navesti strogiy poryadok…” [“We Need to Establish Strict Order…”]. In *Vestnik Arhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii.* No. 2, pp. 77–79.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021 г.

А.Б. Колесников*

Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-14

УДК 930.1

Выходные данные для цитирования:

Колесников А.Б. Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 170–178. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-14.pdf

A.V. Kolesnikov*

Physical Culture and Sport in the USSR as a Social "Laboratory" for Constructing the Ideal of a Soviet Person

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-14

How to cite:

Kolesnikov A.B. Physical Culture and Sport in the USSR as a Social "Laboratory" for Constructing the Ideal of a Soviet Person // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 170–178. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-14.pdf]

Abstract. The article is devoted to the aspects of formation of the ideal of the Soviet man in the system of physical culture and sports of the USSR. The author examines the power-idealogical project of the Soviet state in the context of physical culture and sports of the 1950s and 1970s. The paper characterizes and highlights the directions of political instrumentalization of this industry. Based on the scientific works of Soviet and foreign scientists, the article describes the social functions of physical culture and sports, which are manifested in most spheres of society and are aimed at internal and external target audiences. In addition, the analysis of documents contained in the archival fonds of RGASPI, GARF was carried out, which allowed to identify the importance of sports success for promoting the achievements of the socialist system. The paper shows the role and influence of the ideocratic regime of the state on the construction of ideas about a new model socialist personality. The article describes the characteristics of Soviet bodily practices, which include physical, spiritual, moral and ideological components. The author comes to the conclusion that physical culture and sport in the USSR in the socio-political project of the state performed the functions of a special social "laboratory", which was focused on improving human discipline through political control over the human body and on visualizing an "imaginary society". As a result, the ideal bodies of Soviet athletes and athletes were achieved due to the direct political intervention of the state.

Keywords: social policy; ideology; physical culture; sports; bodily practices; ideocratic regime; propaganda; ideal; ideas; a new exemplary personality.

The article has been received by the editor on 28.09.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена истории реализации идеала советского человека в системе физической культуры и спорта СССР. Предметом внимания автора является сфера советской физической культуры и спорта в 1950–1970-х гг. В статье дана общая характеристика и выделены направления политической инструментализации этой сферы деятельности, описываются социальные функции физической культуры и спорта, направленные на внутреннюю и внешнюю целевые аудитории. Проведен анализ архивных документов с целью выявить значение спортивных успехов для пропаганды достижений социалистического строя. В работе показано влияние идеократического характера советского государства на конструирование представлений о новой образцовой социалистической личности. В статье формулируется характеристика советских телесных практик, включавших в себя физические, нравственные,

* **Колесников Алексей Борисович**, аспирант, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: kolesnikoff.alexey94@gmail.com
Kolesnikov Aleksey Borisovich, Graduate Student, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: kolesnikoff.alexey94@gmail.com

духовные и идеологические компоненты. Физическая культура и спорт в СССР выполняли функции особой социальной «лаборатории», которая была ориентирована на улучшение дисциплины посредством политического контроля над телесностью человека и на визуализацию «воображаемого общества». Идеальная телесность советских спортсменов и физкультурников возникала благодаря прямому политическому вмешательству государства.

Ключевые слова: социальная политика; идеология; физическая культура; спорт; телесные практики; идеократический режим; пропаганда; идеал; представления; новая образцовая личность.

Историческое наследие во многом определяет состояние российского общества, направления его развития задаются на основе опыта предшествующих исторических периодов. Обращение к истории реализации советского проекта формирования «нового человека» в СССР в 1950–1970-х гг. является одним из перспективных направлений научных исследований.

Начиная с первых лет установления советской власти высшее руководство государства провозглашало необходимость формирования образцового гражданина. Новая гармонично развитая личность должна была символизировать перемены в жизни страны. Процесс формирования «нового человека» был закреплен в партийных стратегических документах как одна из важных задач: «Формирование нового человека происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни, под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций, в которой важная роль принадлежит печати, радио, кино и телевидению», — отмечалось в программе КПСС[1]. Концепт «нового идеального человека» менялся под влиянием идеологических задач советского государства. При этом одним из важных компонентов этой концепции всегда оставалось физическое развитие. В этой связи исследовательское внимание к сфере физической культуры и спорта в СССР 1950–1970-х гг. остается актуальным.

Цель настоящей статьи – определить влияние физической культуры и спорта в СССР на процесс формирования идеала советского человека. Для достижения поставленной цели автор ставит перед собой следующие задачи: раскрыть условия развития физической культуры и спорта в общем контексте социальной политики СССР 1950–1970-х гг., определить факторы популяризации физической культуры и спорта в СССР.

С середины 1950-х гг. начался новый этап государственного идеологического проекта по пропаганде преимуществ и успехов социалистического строя и образа жизни. Инструментами этого проекта стали, в том числе, физическая культура и спорт. При этом элитный спорт (спорт высших достижений) был ориентирован на международную арену (зарубежных потребителей, внешних идеологических противников), а массовый спорт и физическая культура – на советское население (мобилизация населения, мотивация жителей страны к труду). Если же достижения элитного спорта были наглядными (в качестве показателей эффективности этого направления могут выступать победы советских спортсменов и команд), то успехи массового спорта проследить сложнее. В частности, пропагандистские материалы регулярно основывались на отчетах властных органов. И. Быховская и О. Мильштейн говорят о так называемых «“потолочных” отчетах». К примеру, один из способов формирования «правильной» статистики, демонстрирующей поступательное развитие физической культуры и спорта в СССР во второй половине XX в., заключался в следующем: «один и тот же ученик, имевший в школе два урока физкультуры в неделю, считался и членом спортивной секции, и участником спортклуба, а потому эта „единица“ превращалась в значительно более серьезное число, фигурируя и в отчетах, полученных от учебных заведений (суммировало соответствующее министерство), и в отчетах территориальных

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 117.

спортивных организаций (сумма получалась уже в другом ведомстве), и в достижениях профсоюзных организаций»[2].

Тем не менее для советского общества была характерна политическая инструментализация спорта, проявлявшаяся в совмещении соматических и политических элементов и начал в единый процесс[3]. Советский социально-политический проект получил особое развитие благодаря идеократическому режиму, сформированному в государстве.

Выделяются четыре направления политической инструментализации советского спорта. Первое связано с формированием дисциплины человека через контроль над его телом (в качестве примера можно назвать Всесоюзный физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне»). Второе было направлено на визуализацию «воображаемого» общества (общества «строителей коммунизма»). То есть спорт как массовая практика являлся не только инструментом формирования идеальной телесности советских людей, но и выступал средством репрезентации этой идеальной телесности в дискурсивном пространстве советского государства. Советскими идеологическими структурами спорт рассматривался как канал трансляции ценностей и смыслов социалистического строя и образа жизни за пределы советского государства. Идеальная телесность советских спортсменов достигалась благодаря усилиям, которые прикладывала отечественная спортивная система, находящаяся под партийным контролем. Таким образом, идеальные тела советских спортсменов становились результатом прямого политического вмешательства в человеческую соматику[4].

В социально-политическом проекте советского государства физическая культура и спорт наделялись также и функциями социализации личности. Этот результат направлен на подготовку личности к успешному выполнению своих обязанностей в обществе. В этих условиях спорт влияет на сущностные стороны личности, благодаря чему человек развивается духовно и физически. В спорте широко представлено межличностное общение. Оно проявляется как в тренировочном процессе, так и в период проведения соревнований. К слову, состязания стоит определять как особую форму деятельности, которая проявляется в разных сферах жизни общества. Социализация в спорте проводилась также через деятельность объединений спортсменов и физкультурников, спортивных организаций. Однако стоит обратить внимание, что не нужно переоценивать социализирующую роль спорта.

Политическая инструментализация советского спорта также была ориентирована на внешнеполитическое направление. Функции советского спорта на международной «арене» в социально-политическом проекте государства заключались в следующем.

В первую очередь, это трансляции достижений многонационального советского спорта, пропаганда успехов социалистических стран, помощь молодым независимым государствам, ведущим национально-освободительную борьбу. Кроме того, предполагалось бороться с проявлениями национализма, шовинизма, расовыми дискриминациями в спорте, воспитывать у спортсменов чувство патриотизма и интернационализма, знакомить спортсменов с достижениями национальных культур.

Безусловно, отправной точкой нового этапа политической инструментализации отечественного спорта являлся выход на международную «арену». «Открытие» новой спортивной советской эпохи тесно связано с «реновацией» партийного курса по формированию образа «нового» советского человека.

В 1945 г. после окончания Великой Отечественной войны Советский Союз вступил в международное спортивное движение. Отечественные спортсмены и команды стали участвовать в международных соревнованиях, в том числе в чемпионатах мира и Европы. А спустя шесть лет СССР вступил в олимпийское движение. В 1952 г. Советский Союз

---

[2] *Быховская И.М., Мильштейн О.А.* Советская социология спорта: старт и… еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрения. 2017. Т. 16, № 2. С. 297–298.

[3] *Кильдюшов О.В.* Как говорить о спорте на языке философии // Научно-образовательный портал IQ.HSE [Электронный ресурс]. URL: https://iq.hse.ru/news/217117326.html (дата обращения: 12.08.2021).

[4] Там же.

дебютировал на летних Олимпийских играх в Хельсинки, а через четыре года – на зимних Играх в Мельбурне.

Вступление СССР в международное спортивное движение происходило на фоне начала «холодной войны» и «железного занавеса». Однако спорт с позиций советских идеологов выступал «проводником» достижений социалистического строя. Функционеры считали, что «успешное выступление советской команды будет способствовать пропаганде достижений советского спорта и преимуществ социалистической системы физического воспитания»[5].

14 февраля 1951 г. председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьян обратился к И.В. Сталину с предложением о вступлении СССР в Международный олимпийский комитет. В.Г. Григорьян подчеркивал, что «к участию в Олимпийских играх допускаются спортсмены только тех стран, в которых созданы национальные олимпийские комитеты, признанные Международным олимпийским комитетом». Он предложил создать Национальный олимпийский комитет при Всесоюзном комитете по делам физической культуры и спорта. В состав Олимпийского комитета СССР предлагалось включить «председателей Всесоюзных спортивных секций по видам спорта, советских представителей в международных спортивных объединениях и виднейших мастеров спорта». Кандидатура заместителя председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР К.А. Андрианова была рекомендована в качестве представителя Олимпийского комитета СССР в МОК[6].

18 апреля 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) полностью одобрило предложения Внешнеполитической комиссии ЦК [7].

Далее последовала организационная работа по подготовке к участию советской делегации в Олимпийских играх 1952 г. в Хельсинки. Государство направляло представителей на заседания и конгрессы Международного олимпийского комитета.[8] Подготовительная работа прошла успешно. И 7 июля 1952 г. было принято Постановление Совета министров СССР «Об участии советской спортивной делегации в XV Международных Олимпийских играх 1952 г. в г. Хельсинки». Документ в частности утверждал план участия советской спортивной делегации в XV Международных Олимпийских играх, согласно которому «Советская спортивная делегация, участвуя в XV Международных Олимпийских играх 1952 г. в Хельсинки, должна добиться завоевания первого общекомандного места в этих соревнованиях, а также первых командных и личных мест по всем разделам программы, в которых советские спортсмены примут участие. Делегация должна показать на XV Международных Олимпийских играх достижения Советского Союза в области спорта, заботу Советского государства о физическом воспитании трудящихся, о развитии спорта среди молодежи. Выступления советской спортивной делегации должны всемерно способствовать укреплению дружбы между спортсменами всех стран в борьбе за мир во всем мире»[9].

По итогам Олимпийских игр в Хельсинки сборная СССР завоевала 22 золотых, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей. По сути, Игры в Хельсинки открыли новую эпохальную страницу в истории отечественного спорта. И это событие было неоднозначным. С одной стороны, Советский Союз превратился в спортивную сверхдержаву. А с другой – это означало, что государство совершает «разворот» в сторону спорта высших достижений[10].

При этом программы массовой физической культуры формально не сворачивались. Напротив, как отмечает П.С. Степовой, к концу 1970-х гг. в стране по сравнению с 1960 г. в 2,5 раза увеличились расходы на физическую культуру и здравоохранение (финансирование

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 237. Л. 10.
[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1582. Л. 180–181.
[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1088. Л. 53 (протокол № 81, п. 243).
[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1583. Л. 130; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1088. Л. 66 (протокол № 81, п. 299); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1583. Л. 131; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1092. Л. 63, 64; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 571. Л. 113–116.
[9] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д. 752. Л. 247–255.
[10] *Кильдюшов О.В.* Открытие советской спортивной эпохи // Живая история. 2016. Т. 13, № 7. С. 30–37.

шло по Госплану по статье «Физическая культура и здравоохранение)[11]. П.С. Степовой приводит следующую статистику. К концу 1970-х гг. в стране построено более 3 тыс. стадионов, более 60 тыс. спортивных залов, свыше 1 300 плавательных бассейнов, 500 тыс. спортивных площадок и полей, 16 тыс. стрелковых тиров и т.д. К 1979 г. в СССР организованно занимались физической культурой более 50 млн чел. Ежегодно нормативы ГТО сдавали 20 млн чел. В стране насчитывалось 220 тыс. коллективов физкультурников[12].

Итак, в середине 50-х гг. XX в. в СССР в условиях господствующего идеократического режима в стране дан старт новому витку общественного обсуждения концепта идеального образа советского человека. В дискуссии были вовлечены представители научного сообщества (в большинстве своем сотрудники кафедр физического воспитания и профильных вузов), тренеры и спортсмены, партийные и государственные деятели. Их идеи и представления о советской системе физической культуры и спорте как социально-политическом проекте представляются для автора настоящего исследования значимыми, поскольку они формировались под воздействием социалистической идеологии и позволяют «погрузиться» в дискурсивное поле исследуемой проблемы.

В контексте настоящего исследования представляет интерес анализ ориентации дискурса на социальные функции физической культуры и спорта в СССР 1950–1970-х гг. С опорой на рефлексию специфики проявления этих функций в стране и общественно-политического контекста современники формулировали свои представления о «новой образцовой личности».

Выделим первую функцию – влияние спорта на всестороннее гармоничное развитие личности. Надо сказать, что в общественном обсуждении этого аспекта среди советских авторов доминировали архаичные элементы теоретических обобщений. Еще К. Маркс, рассуждая о свободном времени трудящихся, утверждал, что человек использует его не только для восстановления энергии, но в большей степени оно предназначается для всестороннего развития – умственного, нравственного, эстетического и физического совершенствования[13].

То есть К. Маркс, говоря о физическом совершенствовании личности, подразумевал физическую активность – спорт – как массовую телесную практику. При этом Маркс не упоминал о взаимосвязи тех или иных видов совершенствования личности.

Во второй половине XX столетия обсуждение роли физической культуры и спорта в СССР получило новую «порцию» «итерации». Профессор Государственного института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта Н.И. Пономарев подчеркивал, что «физическая культура и спорт располагают большими и не всегда еще в полной мере используемыми возможностями для формирования целостной, всесторонне развитой, активной и творческой личности»[14]. В связи с такой постановкой проблемы возникал ряд вопросов, связанных с темой личности в сфере физической культуры и спорта. Среди них: как спорт используется для социализации личности, для формирования характера человека, его активности, общения с другими людьми; что побуждает человека заниматься спортом; какие ценности он потребляет через спорт; как складываются отношения внутри малых спортивных групп и т.д. Эта тема является многогранной, взгляд исследователей на эту проблематику при этом неоднозначный.

Иными словами, Н.И. Пономарев, с одной стороны, отмечал, что в сфере физической культуры и спорта в СССР созданы необходимые условия для формирования гармонично развитой личности. А с другой, видный ученый профильной научно-образовательной организации обращал внимание на необходимость выработки подходящих механизмов для более эффективного использования ресурсов при воздействии на человеческую соматику.

---

[11] *Степовой П.С.* Физическая культура в обществе развитого, зрелого социализма// Спорт и образ жизни: сб. ст. М.,1979. С. 51.
[12] Там же.
[13] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 4. М., 1935. С. 119.
[14] *Пономарев Н.И.* Социальные функции физической культуры и спорта. М., 1974. С. 179.

В работах авторов исследуемого периода прослеживается влияние коммунистической идеологии. При этом особое значение в этой концепции приобретало физическое совершенствование, подлинное очеловечивание физического, одухотворенность биологических потребностей. Иными словами, в работах советских авторов физическая культура и спорт выполняли гуманистическую функцию в процессе «движения к коммунистическому обществу». Причем гуманистическая функция выражалась, прежде всего, в месте физической культуры и спорта в гармоническом развитии личности[15]. Отечественные исследователи мыслили физическую культуру и спорт как важный фактор воздействия общества на духовный и физической облик личности. Над этой темой работали А.А. Френкин, А.Д. Новиков, Г.И. Кукушкин, С.Я. Чикин, И.Б. Вишневский. Также эта проблематика входила в сферу научных интересов авторов из других социалистических стран. В частности, А. Воля, Г. Эрбаха, Ф. Трогша, А. Стойчева и др. К примеру, Ф. Трогш называет физическое совершенство принципом формирования человека, а целостную личность – мечтой человечества[16].

В этом смысле гармонично развитая, физически совершенная личность трактовалась авторами как канал трансляции образа гражданина воображаемого общества – строителя коммунизма. А воплощение в жизнь представлений об образцовой личности с идеальной телесностью достигалось благодаря занятиям физической культурой и спортом.

Обратимся к следующей социальной функции спорта – формированию дисциплины трудящихся.

Благодаря значительно ускорившемуся во второй половине XX в. научно-технологическому прогрессу в СССР на производственных предприятиях усиленными темпами внедрялись и развивались процессы автоматизации. Поэтому повысился спрос на высокообразованных и физически крепких сотрудников производственных предприятий. Увеличение двигательной активности требовало от работников хорошей физической подготовки. Эту функцию выполняли физическая культура и спорт. Н.И. Пономарев отмечал, что «всесторонне физически развитый человек выступает на данном историческом этапе как непременное условие осуществления полной и завершенной автоматизации»[17].

То есть формирование представлений об образцовой физически развитой личности в производственной сфере символизировало стремление к ускорению научно-технологического прогресса.

В этой связи следует подчеркнуть, что автор настоящего исследования придерживается точки, что спорт являлся маркером социокультурных изменений в обществе.

Н.И. Пономарев обращал внимание, что физическое воспитание являлось фактором производственного обучения. Ссылаясь на данные научных исследований и практик того времени, Н.И. Пономарев делал вывод: «физкультурники и спортсмены легче и быстрее овладевают профессиональными движениями, быстрее входят в нужный темп работы, более выносливы и координированы, чем не занимающиеся физической культурой»[18]. Н.И. Пономарев подчеркивал: физическая культура играет важную роль в процессе сокращения сроков производственного обучения, что является вопросом государственного значения[19].

Позиция Н.И. Пономарева позволяет нам обратиться к паттернам идеократического режима. На наш взгляд, можно обратить внимание на следующее. Мы предполагаем, что идеальный образ советского спортсмена – физически совершенной личности – представлялся «двигателем» научно-технологического прорыва. В этой связи представления о новом идеальном образе советского человека – это в том числе индикатор произошедших социокультурных в изменений в стране.

---

[15] *Френкин А.А.* Гуманизм и физическая культура // СЖР. 1970. № 4. С. 2–3.

[16] *Trogsch F.* The state and Develoopment of Sport Sociological Research in the German Domestic Republic (Review and Bibliography) // International Review for the Sociology of Sport. 1996. Vol. 1, no. 1. P. 218–226.

[17] *Пономарев Н.И.* Социальные функции физической культуры и спорта… С. 64.

[18] Там же. С. 65.

[19] Там же.

Еще одной социальной функцией физической культуры и спорта в советском социально-политическом проекте являлось идейное воспитание населения. Основной целью при этом ставилось формирование «нового человека» с «образцовым мышлением». Этот процесс происходил в двух направлениях: при помощи освоения дисциплин общественного цикла самостоятельно и в процессе учебно-воспитательной деятельности. Идейное воспитание советских физкультурников и спортсменов должно было выражаться в нравственном, умственном, эстетическом воспитании, в проявлении интернационализма.

Стоит отметить, что идейное воспитание в условиях господствующего идеократического режима во многом ставилось во главу угла. Для ретрансляции идейных ценностей привлекали лидеров общественного мнения в спортивной среде.

Так, советский хоккеист, двукратный олимпийский чемпион, девятикратный чемпион мира, заслуженный мастер спорта СССР В.И. Старшинов отмечал, что спортивный коллектив играл весомую роль в формировании коллективизма, товарищества, ответственности, трудолюбия советских граждан. Эти качества являлись элементами нравственного воспитания. Важной фигурой в вопросах формирования спортивного коллектива был тренер. Таким образом, В.И. Старшинов делал вывод, что нравственные представления советских спортсменов напрямую зависели от качества воспитательной работы тренеров[20].

Фигуры лидеров общественного мнения из спортивной среды для процесса идейного воспитания являлись ключевыми. Для многих они являлись символами побед, высоких достижений. Они вызывали эмоции у людей, им доверяли. Поэтому идеологи активно привлекали героев спорта для донесения нужных смыслов и образов.

В воспитательном процессе важная роль предназначалась физкультурно-спортивным коллективам. Эти коллективы являлись агитационно-пропагандистскими каналами, через которые транслировались ценности и смыслы, направленные на формирование сознательного отношения трудящихся к занятиям физическими упражнениями и удовлетворению потребностей в физическом развитии, здоровье и активном отдыхе[21].

Физическая культура и спорт также были тесно связаны с умственным воспитанием советского населения. Физкультурные и спортивные занятия рекомендовалось включать в распорядок дня для всех, кто занимается умственным трудом, тем самым признавая эффективность этих практик.

Это говорило о том, что в представлениях советских идеологов «новый» образцовый граждан интеллектуально развит. Для совершенствования интеллектуальной элиты, составленной из людей новой формации, предлагалось использовать спорт как эффективную телесную практику.

Еще одной из социальных функций физической культуры и спорта являлось эстетическое воспитание советских граждан. Благодаря этому государство решало ряд задач. Среди них – воспитание эстетики поведения, формирование стремления к красоте тела и движений, развитие способности создавать прекрасное, воспитание эстетических чувств, вкусов и идеалов. Для решения указанных задач использовались следующие методы: эмоциональные объяснения, выразительный показ физических упражнений, эстетическая оценка движений, приучение к творческой эмоциональной деятельности на занятиях физической культурой и спортом[22]. Таким образом, эстетическое воспитание посредством физической культуры и спорта выступало, в том числе, и в качестве мотивирующего фактора для населения. Красота тела спортсменов являлась одним из видимых идеалов. Особенно для начинающих свой путь в спорте.

Учитывая все вышеизложенное, резюмируем: физическая культура и спорт стали «ядром» советского социально-политического проекта века по созданию «нового» человека. На

[20] *Старшинов В.И.* Нравственное формирование личности советского спортсмена // Теория и практика физической культуры. 1972. № 7. С. 13–17.
[21] *Пономарев Н.И.* Социальные функции физической культуры и спорта… С. 134.
[22] Там же. С. 165.

протяжении многих десятилетий велись дискуссии вокруг этой темы, пока проект не был канонизирован в 1950–1970-е гг.

Таким образом, физическая культура и спорт в 1950–1970-е гг. являлись особой средой для формирования представлений об идеале нового советского человека. Аспекты развития физической культуры и спорта заключались в особенностях господствующего идеократического режима, в котором они стали инструментами политической пропаганды государства как внутри СССР, так и за его пределами. Благодаря массовому тиражированию этой тематики физическая культура и спорт с каждым годом набирали большую популярность среди населения. В этих условиях физическая культура и спорт стали особой социальной «лабораторией» конструирования идеала советского человека. Советские телесные практики сочетали в себе физические, духовные, нравственные и идеологические компоненты.

Спорт в Советском Союзе в XX столетии являлся индикатором социокультурных перемен в стране. Поэтому дискурс вокруг проблемного поля культурно-соматических практик понимается автором как поиск механизмов формирования тела модерна.

Литература

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / ред. В. Адоратский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. Т. IV. 275 с.

Быховская И.М., Мильштейн О.А. Советская социология спорта: старт и… еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 2. С. 297–298.

Кильдюшов О.В. Как говорить о спорте на языке философии // Научно-образовательный портал «IQ.HSE» [Электронный ресурс]. URL: https://iq.hse.ru/news/217117326.html (дата обращения: 12.08.2021).

Кильдюшов О.В. Открытие советской спортивной эпохи // Живая история. 2016. Т. 13, № 7. С. 30–37.

Пономарев Н.И. Социальные функции физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт, 1974. 310 с.

Программа Коммунистической партии Советского союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.

Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат, 1973. 414 с.

Старшинов В.И. Нравственное формирование личности советского спортсмена // Теория и практика физической культуры. 1972. № 7. С. 13–17.

Степовой П.С. Физическая культура в обществе развитого, зрелого социализма // Спорт и образ жизни: сб. ст. / сост. В.И. Столяров, З. Кравчик. М.: Физкультура и спорт, 1979. С. 51–58.

Френкин А.А. Гуманизм и физическая культура // СЖР. 1970. № 4. С. 2–3.

Trogsch F. The state and Development of Sport Sociological Research in the German Domestic Republic (Review and Bibliography) // International Review for the Sociology of Sport. 1966. T. 1, № 1. P. 218–226.

References

Advoratskiy, V. (ed.). (1935). A*rkhiv K. Marksa i F. Engel'sa* [Archive of K. Marx and F. Engels]. Moskow, Partizdat TSK VKP(b). 275 p.

Bykhovskaya, I.M., Mil'shtein, O.A. (2017). Sovetskaya sotsiologiya sporta: start i… eshche raz start (sub'ektivnye zametki s pretenziey na ob'ektivnost') [Soviet Sociology of Sports: Start and … Start Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie.* Vol. 16, no. 2, pp. 297–298.

Frenkin, A.A. (1963). Burzhuaznaya sotsiologiya o roli sporta v obschestve [Bourgeois Sociology on the Role of Sport in Society]. In *Teoriya i praktika fizicheskon kul'tury.* No. 1, pp. 7–10.

Kil'dyushov, O.V. (2016). Otkrytie sovetskoy sportivnoy epokhi [Opening of the Soviet Sports Era]. In *Zhivaya istoriya.* Vol. 13, no. 7, pp. 30–37.

Kil'dyushov, O.V. (2018). Kak govorit' o sporte na yazyke filosofii [How to Talk about Sports in the Language of Philosophy]. In *Nauchno-obrazovatel'nyy portal "IQ.HSE"* [Scientific and Educational Portal "IQ. HSE"]. Available at: https://iq.hse.ru/news/217117326.html (date of access: 12.08.2021).

Ponomarev, N.I. (1974). *Sotsial'nye funktsii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Social Functions of Physical Culture and Sports]. Moscow, Fizkul'tura i sport. 310 p.

(1961). *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow. 144 p.

Starshinov, V.I. (1972). Nravstvennoe formirovanie lichnosti sovetskogo sportsmena [The Moral Formation of the Personality of a Soviet Athlete]. In *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury.* No. 7, pp. 13–17.

Stepovoy, P.S. (1979). *Fizicheskaya kul'tura v obshhestve razvitogo, zrelogo sotsializma* [Physical Culture in the Society of Developed, Mature Socialism]. In *Sport i obraz zhizni*. Moscow, Fizkul'tura i sport, pp. 51–58.

Trogsch, F. (1966). The State and Development of Sport Sociological Research in the German Domestic Republic (Review and Bibliography). In *International Review for the Sociology of Sport.* Vol. 1, no. 1, pp. 218–226.

Vol', A. (1966). *Mesto i rol' fizicheskoy kul'tury v sovremennoy tsivilizatsii. Doklad na zasedanii komiteta po sotsiologii* [The Place and Role of Physical Culture in Modern Civilization. Report at the Meeting of the Committee on Sociology]. Kel'n. 378 p.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021 г.

Н.Д. Николаева*

Опыт осмысления политических катаклизмов XII века: аберрации исторического зрения**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-15

УДК 930.85

Выходные данные для цитирования:

Николаева Н.Д. Опыт осмысления политических катаклизмов XII века: аберрации исторического зрения // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 179–192. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-15.pdf

N.D. Nikolaeva*

Experience of Understanding Political Cataclysms of the 12th Century: Aberrations of Historical Vision**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-15

How to cite:

Nikolaeva N.D. Experience of Understanding Political Cataclysms of the 12th Century: Aberrations of Historical Vision // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 179–192. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-15.pdf]

Abstact. The 12th century for the history of relations between the Christian East and West was a "point of bifurcation", due to its position between the two key events in the history of the Crisianity: the Schism of 1054, the beginning of the Crusades (1096) and the Fourth crusade (1202–1204). Accordingly, this century in historiography was a natural stage of increasing contradictions between the two Christian civilizations. For these reasons, the 12th century remains rather neglected by researchers and is considered by them as "intermediate". The author adheres to the hypothesis that such a tendentious consideration of the 12th century is the result of a teleological approach to the problem of relations between the Christian East and West in the 11th–13th centuries. Using the method of comparative analysis of scientific works on this topic, the author has established that the aberrations of the historical vision led to in ignoring the internal heterogeneity of the Eastern and Western Christian worlds. This was a consequence of the inevitable development of the historiography of the issue in the line of the civilizational paradigm. This paradigm gave science the concept of the Christian East and West as separate, internally unified civilizations.

Keywords: Byzantium; Holy Roman Empire; Russia; Poland; Periphery; Civilizational Split; historiographical tradition.

The article has been received by the editor on 18.09.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. XII столетие для истории взаимоотношений христианского Востока и Запада является своеобразной «точкой бифуркации» в силу того, что оно находится между двумя ключевыми для христианского мира событиями – «Великой Схизмой» 1054 г. и IV крестовым походом 1202–1204 гг. Однако XII век остается «в тени» историографической традиции и считается временем неуклонного нарастания противоречий между западно- и восточно-христианским мирами, включавшими как империи – Византийскую и Римскую, так и их периферии. Цель исследования состоит в выявлении ключевых особенностей формирования историографии, посвященной взаимоотношениям двух христианских миров в XII в., а также в анализе аберраций исторического зрения, порожденных идеей об этом столетии как о времени укрепления предпосылок для цивилизационного раскола. Методом компаративного анализа основных исследовательских работ по означенной теме было выяснено, что понятия «христианский Восток» и «Запад», используемые в историографии для обозначения Византийской и Римской империй как политических акторов, а также их имперской периферии,

* **Николаева Наталья Дмитриевна**, преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: natp@sfedu.ru
Nikolaeva Nataliya Dmitrievna, Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: natp@sfedu.ru
** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.
Funding: The research was funded by RFBR and Novosibirsk region, project number 19-39-90057.

не являются целесообразными ввиду отсутствия в данных исторических образованиях внутреннего единства. Неизбежное развитие историографии вопроса в русле цивилизационной парадигмы дало науке понятие христианского Востока и Запада как отдельных цивилизаций, представляющих собой внутренне целостные единые системы, что не соответствует исторической действительности.

Ключевые слова: Византия; Священная Римская империя; Русь; Польша; периферия; цивилизационный раскол; историографическая традиция.

XII столетие в истории взаимоотношений восточно- и западнохристианских миров традиционно считается временем, которое создало, по выражению Ж. Ле Гоффа, «непроходимый ров, разделявший Запад и Византию»[1]. Эта система взглядов сложилась в силу того, что XII веку предшествовала Великая Схизма 1054 г., в его преддверии начались крестовые походы (1096 г.), сопровождавшие это столетие (1147–1149 гг., 1189–1192 гг.), а за ним последовало падение Константинополя в результате IV крестового похода (1204 г.). Подобная совокупность факторов послужила поводом для формирования широко растиражированного тезиса об антагонизме между двумя христианскими конфессиями. Этот антагонизм, по выражению Б.Н. Флори, «постепенно обостряясь, накладывал негативный отпечаток на развитие отношений между разными частями христианского мира»[2]. В контексте такого видения XII век представляется прелюдией к осевому моменту европейской истории. При этом кажущаяся очевидность подобного представления является причиной крайне слабого интереса исследователей к этому столетию. Ведь «проходной» период, когда взаимоотношения христианских стран все более и более осложнялись конфессиональными преградами, воспринимается как малоперспективный в плане научных открытий. Поэтому в историографии сформировалась традиция «простых ответов» о причинах и предпосылках цивилизационного раскола христианского мира, напрямую связанного с IV крестовым походом. Опасность подобного оценивания XII в. состоит в той ситуации, которую очень точно охарактеризовал А.В. Кореневский: «Историку мешает то, что он смотрит на события из будущего и знает, чем они завершились, тогда как людям прошлого именно несбывшийся сценарий мог казаться вполне реалистическим, а то, что стало реальностью, – несбыточной иллюзией»[3].

Исходя из этой позиции, представляется целесообразным определить закономерности и основные особенности формирования историографии, посвященной взаимоотношениям двух христианских миров в XII в., что сделает возможным обозначение характера ретроспекции в отношении данной проблематики и ее дальнейших исследовательских перспектив.

Христианский Восток и Запад. Вехи формирования историографической традиции. Обозначением проблемы развития христианского Востока историческая наука обязана французскому просвещению. Именно тогда были заложены основы прочтения истории Византии как мрачной картины неуклонного падения и деградации на протяжении всего ее существования. Эпоха крестовых походов представлялась просветителям яркой демонстрацией порочности монархического строя. Как подчеркивал Ш.Л. Монтескьё, «не было ни одного греческого императора, который не трепетал бы от страха» при виде крестоносцев[4]. Именно в период крестовых походов, по мнению Монтескьё, византийская монархия стала деградировать еще стремительнее и «при последних императорах империя, ограниченная предместьями Константинополя, кончилась подобно Рейну, который кажется не более ручья,

---

[1] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 84.
[2] *Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 125.
[3] *Кореневский А.В.* «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. New Past. 2017. № 1. С. 20.
[4] *Монтескьё Ш.Л.* Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 387.

теряясь в океане»[5]. Вынося приговор «византийскому абсолютизму», просветители имели в виду столь ненавистный им абсолютизм Бурбонов. Однако, зародившись как наглядная иллюстрация косности и вредности «абсолютизма», концепция неуклонной деградации Византии стала достоянием всей эпохи Просвещения. Окончательное оформление она получила в сочинении Э. Гиббона с красноречивым названием «Закат и падение Римской империи»[6] и заложила основы представлений о византийской истории, которые имели влияние на ее изучение в дальнейшем.

На заре формирования классической исторической науки идея о постепенной деградации Византийской империи не без влияния философско-идеологических течений претерпела определенные трансформации. В начале XIX в. в Европе начинает формироваться романтизм, основу которого составляли представления об особом национальном духе, присущем каждому народу. В России этого периода проявляет себя кризис европейской идентичности, выразившийся в появлении теории официальной народности, историософского концепта «византинизм» и движении панславизма, декларировавшего инаковость и духовное превосходство ведомого Россией славянства. В подобных условиях формируется противопоставление России как наследницы Византии и Западного мира. Это, в свою очередь, неизбежно вело к поиску истоков «инаковости» России и обращении к ее византийскому наследию. Данный процесс стал точкой отсчета в формировании представлений об «иноприродности» Византии: империя изначально была «не-Западом», поэтому взаимодействие с западными институциями стало для нее губительным.

Так, британский историк Ч. Оман, рассматривая конец XI– XII вв. как время стремительного упадка империи, видел основную причину этого в латинофильстве Комнинов, выраженном в раздаче привилегий итальянским купцам. Историк писал: «В своих собственных морских портах император едва ли обладал хоть тенью власти: итальянцы торговали там на таких условиях, какие сами выбирали»[7]. Это, по мнению Ч. Омана, и погубило Византию, «ибо в конечном счете именно на своем коммерческом богатстве византийское государство основывало свое процветание»[8], а итальянцам удалось его подорвать. Г. Герцберг вовсе противопоставил консервативный Восток прогрессивному Западу, ставя в вину Византии эпохи Комнинов неспособность перенять политические и мировоззренческие новшества последнего[9].

Ф. Грегоровиус, в отличие от многих историков Нового времени высоко ценивший династию Комнинов, писал в несколько ином ключе о губительном влиянии Запада на «стареющую империю» в XI–XII вв. Он находил «резкий контраст» между латинскими странами и греческим Востоком, возникший в «историческом сознании Запада сначала при нормандских правителях Сицилии, а затем во время крестовых походов»[10]. То есть автор возложил серьезную долю вины за окончательный упадок Византии именно на латинян. Очень похожее прочтение событий можно найти у российского византиниста Ф.И. Успенского. История Византии рассматривалась им как органичная часть поступательно развивавшейся истории греческого народа, единственной помехой которому было вмешательство Запада. Историк указал на всю эпоху крестовых походов как на «эпизод борьбы между Западом и [христианским] Востоком» и в качестве основной причины разногласий обозначил «сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию Римской церкви»[11].

Таким образом, XIX в. стал временем развития концепции о фатальной предопределенности упадка Византийской империи. Точкой бифуркации в этом процессе стал конец XI –

[5] *Монтескьё Ш.Л.* Персидские письма… С. 389.
[6] *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т. 6. М., 2008. 592 с.
[7] *Oman C.* The Byzantine Empire. London, 1902. P. 267.
[8] Там же.
[9] *Herzberg G.* Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883. S. 269.
[10] *Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart: Cotta, 1889 [Электронный ресурс]. URL: https://www.projekt-gutenberg.org/gregorov/athen/athen18.html (дата обращения: 23.07.2021).
[11] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Расцвет. Крушение. М., 2011. С. 359.

XII вв., когда Византия, столкнувшись с Западом, не смогла достойно ответить на его «вызовы».

Подобные идеи плавно перетекли в XX столетие. Так, немецкий историк К. Дитерих восхвалял целенаправленное латинофильство Комнинов, доказывая факт существования дуализма в их политике, обусловленного попытками правящей династии модернизировать византийское общество и неспособностью последнего это воспринять[12].

Эти идеи получили свое развитие в позитивизме, в рамках которого были открыты «законы человеческого духа». Вся история человечества стала мыслиться на основании двух парадигм. Считалось, что исторический процесс строится либо на зависимости человека от природы, что имеет место вне Европы, либо на стремлении к господству человека над природой, присущем европейской цивилизации[13]. Собственно, в русле подобного разделения на разные миры рассматривал византийскую историю Ш. Диль. Он акцентировал внимание на существовании «неизгладимого контраста и глубоких различий между двумя [Византийской и Латинской. – *Н. Н.*] цивилизациями или, вернее, между двумя встретившимися лицом к лицу мирами»[14].

Как неумолимо нарастающую угрозу для Византийской империи со стороны Запада рассматривал XII век российский историк А.А. Васильев. Уже в ситуации I крестового похода он видел встречу «не только схизматиков, но и политических противников»[15]. Позднее Г.А. Острогорский обозначил Схизму 1054 г. как время прекращения церковного общения и, как следствие, констатировал полное отсутствие «предпосылок для совместных действий с Западом» в крестовых походах[16].

Эти идеи, которые не противоречили, а скорее дополняли опыт предшествующих периодов изучения истории Византии, легли в основу последующих исследовательских концепций. Тем паче, что политические условия этому благоприятствовали – особенно поспособствовали военные потрясения XX столетия и «холодная война», разделившая Европейский континент на два противоборствующих полюса.

Советские историки-марксисты возложили на Запад серьезную долю вины за падение Византии, считая это следствием неуклонного взаимного отдаления двух христианских миров. Так, М.А. Заборов делал акцент на Схизме 1054 г. как времени оформления «теократической программы папства по ликвидации независимой греко-православной церкви»[17], которой способствовала политическая и экономическая нестабильность в Византии XII в. Н.П. Соколов развивал концепцию целенаправленной политики «натиска на Восток»[18] со стороны латинской Венеции, успешность которой обусловила плачевные итоги рубежа XII–XIII вв.

В Европе с подачи А.Дж. Тойнби история Византии и Запада мыслилась как сосуществование двух разных цивилизаций[19]. Причем Византийское государство было представлено как «агонизирующее», а приход к власти первого представителя династии Комнинов – как «мимолетная передышка» в падении цивилизации[20]. Британский исследователь Ст. Кеннет выделял неудачную политику Комнинов в отношении латинской Венеции как далеко не последний фактор в ослаблении Византийской империи[21]. Его соотечественник С. Рансимен указывал на рубеж XI–XII вв. как на время окончательного разрыва между Западом и Востоком: «Крестоносцы были обижены его [Константинополя. – *Н. Н.*] не слишком

[12] *Dieterich K.* Byzantinische Charakterkupfe. mit zwei Bildnissen. Leipzig, 1909. S. 35.
[13] Подробнее см.: *Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии: в 2 т. М., 2002. Т. 2. 509 с.
[14] *Диль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 225.
[15] *Васильев А.А.* История Византийской империи. М., 2000. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-vizantijskoj-imperii-tom2/ (дата обращения: 23.08.2021).
[16] *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. С. 434.
[17] *Заборов М.А.* Папство и крестовые походы. М., 1960. С. 25.
[18] *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 359.
[19] *Тойнби А.Дж*. Постижение истории. М., 2010. 640 с.
[20] Там же. С. 396.
[21] *Kenneth M.* Hystory of Crusades. The Later Crusades. 1189–1311. Wisconsin, 1969. P. 147.

ревностным отношением к священной войне [крестовым походам. – *Н. Н.*]»[22]. При этом исследователь признавал нападение крестоносцев на Константинополь в 1204 г. «величайшим в истории мира преступлением против человечества»[23]. В первую очередь Запад, по мнению С. Рансимена, ответственен за исход IV крестового похода. Подтверждение этому историк находил в том, что степень взаимных обид между двумя христианскими мирами была абсолютно несоразмерна ситуации 1204 г.

Проблеме несоразмерности масштабов противоречий в христианском мире до начала XIII в. и фатальности исхода IV крестового похода посвящено довольно много современных исследований. В них убедительно доказывается, что осмысление Схизмы 1054 г. как «события всемирно-исторического значения» произошло уже в научной историографии Нового времени[24], «в 1054 году ни Восток, ни Запад не считали церковный раскол совершившимся фактом»[25]. Однако концепция постепенного и неизбежного отдаления христианского Востока от Запада, начиная с середины XI в. и, соответственно, в течение XII в., продолжает свое существование. Так, по мнению К.А. Костромина, в эпоху разделения церквей, которую он доводит до XIII в., «конфликтующие христианские традиции […] раскололись по географическому признаку “Восток-Запад”»[26]. Глубина Схизмы 1054 г. видится В.М. Живову и Р. Пиккио столь сильной, что именно к рубежу XI–XII вв. они относят истоки деструктивных процессов в славянских странах: перенявшие религию из Византии и Рима, они, по мнению исследователей, разделились соответственно «на Slavia Orthodoxa [византийское христианство. – *Н. Н.*] и Slavia Romana [латинское христианство. – *Н. Н.*]»[27]. Добавляемые историографией трактовки складываются в картину нарастания глубоко укорененных противоречий, в силу чего данная эпоха представляет собой закономерный этап на пути к окончательному цивилизационному расколу. Взаимные недовольства, связанные в первую очередь с религиозными факторами, в течение XII в. обострились ввиду начала крестовых походов. Именно они стали катализатором, усилившим существовавшую между христианским Востоком и Западом неприязнь, создав платформу для захвата «латинянами» Константинополя в 1204 г.

Восток и Запад в микросюжетах. Однако подобные выводы теряют свою кажущуюся очевидность, когда историки применяют к событиям XII в. иную оптику, рассматривая каждый конкретный факт как вполне самоценный объект микроисторического анализа, без оглядки на то, что было потом. При обращении к конкретным историческим источникам и отказе от телеологического подхода концепция взаимоотношений христианского Востока и Запада в XII в. перестает казаться столь убедительной и логически безупречной.

Определенные нестыковки между общей объяснительной схемой и конкретными фактами обнаруживаются даже в исторических трудах отечественных историков XIX в., достаточно категорично настроенных относительно влияния Запада на судьбу Византии. Они не могли отрицать случаев взаимодействия между этими акторами в XII в. Уже Ф.И. Успенский писал, что император Иоанн Комнин, ища союзников в борьбе с Рожером Сицилийским, с 1124 г. вел переговоры с папой Калликстом II относительно объединения церквей. Более того, ученый, опираясь на «латинские хроники», описывал приход «в Мерзебург к Лотарю двух послов из Константинополя с дарами и предложением дружбы». Вслед за источником, контакты с Западом Ф.И. Успенский объяснял «нормандской угрозой для Византии» – острые военные конфликты империи с Сицилийским королевством в XI–XII вв.[28]

---

[22] *Runciman S.* Eastern Schism. London, 1997. P. 168.
[23] Ibid.
[24] *Мартынюк А.В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики. Семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 147.
[25] *Пападакис А., Мейендорф И.* Христианский Восток и возвышение папства. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 106.
[26] *Костромин К.А.* Восток и Запад в христианстве первого тысячелетия и разделений церквей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 15, № 4. С. 8.
[27] *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т.1 (Древняя Русь). С. 600. См. также: *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 3–74.
[28] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи… С. 381.

При этом историк совершенно четко выделял два возможных пути политики Иоанна Комнина для решения этой проблемы: он, по мнению Ф.И. Успенского, «мог войти в сношение либо с Римским престолом, либо с германским королем»[29]. Иными словами, историк видел западную светскую и церковную власть как самостоятельных акторов исторического процесса. Однако, находясь в рамках общей объяснительной схемы, согласно которой в XII в. происходило фатальное нарастание противоречий между всем христианским Востоком и Западом, внутреннее единство которых не особенно подвергалось сомнению, историк сделал заключение обобщающего характера, констатировав, что переговоры об объединении церквей «не сопровождались положительными результатами», и обозначив, что «в Риме и Константинополе не теряли надежды на благоприятное их направление»[30]. Возникает закономерный вопрос: если обе стороны «не теряли надежды на объединение», почему же тогда переговоры не имели «положительных результатов»? Быть может, следует разобраться в том, какие стороны стремились к объединению? Данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку говорить о ситуативном характере политики Иоанна Комнина было бы неверно ввиду очевидно последовательной латинофильской позиции его преемника Мануила Комнина.

Об одержимости Мануила Комнина идеей воссоздания Римской империи писал как сам Ф.И. Успенский[31], так и А.А. Васильев[32]. Всю западную политику Мануила историк объяснял «личными симпатиями императора к Западу»[33]. Однако возникает вопрос: если западная политика Мануила объясняется только субъективными факторами, то почему во времена его предшественника Иоанна Византия и Запад «не теряли надежды на объединение»[34]? Можно было бы подумать, что А.А. Васильев придерживался иного взгляда по данному вопросу. Однако ученый также констатировал «расширение контактов с западными странами» во времена правления Иоанна Комнина[35]. Более того, этот историк также разводил понятия светской и церковной власти на Западе, развивая идею о союзе «двух империй», Византийской и Римской, во времена правления Мануила Комнина[36]. Однако последовательного истолкования взаимоотношений между этими акторами автор не дал, снова смешав всех воедино. Исследователь пишет: «Второй Крестовый поход совершенно, по крайней мере на время, изменил положение вещей: он […] лишил Византию германской поддержки и подверг ее двойной опасности: со стороны крестоносцев и норманнов»[37]. Таким образом, пример комплексных работ по истории Византии Ф.И. Успенского и А.А. Васильева очень показателен в плане несоответствия обобщающих выводов и микросюжетов, где рассматриваются частные случаи отношений Византии и Запада в XII в.

В плане работ, всецело посвященных частным темам, показательна статья Х.М. Лопарева. Его исследование «Об униатстве Михаила Комнина» охватывает 60-е гг. XII в. – время, когда император Мануил Комнин решил предложить папе Александру III стать патриархом Рима и Константинополя, что предполагало объединение церквей. Х.М. Лопарев изложил ожесточенную полемику между императором Мануилом и патриархом Михаилом Анхиалом, задействовав широкий круг источников. Император апеллировал к родственным связям двух христианских центров: «Я ищу мира и радею о соединении христиан»[38], а патриарх приводил контраргументы: «Никто другой, […] более папы не отлучается церковными канонами»[39].

---

[29] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи… С. 381.
[30] Там же. С. 384.
[31] Там же.
[32] *Васильев А.А.* История Византийской империи…
[33] Там же.
[34] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи… С. 384.
[35] *Васильев А.А.* История Византийской империи…
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] *Лопарев Х.М.* Об униатстве Мануила Комнина // Византийский временник. 1907. Т. XIV. Вып. 2–3. С. 343.
[39] Там же. С. 339.

Х.М. Лопарев, оценивая значение полемики между императором и патриархом, писал: «За три столетия церковной вражды в Византии накопилось много горючего материала, ожесточило сердца православных и приучило их ко всяким резкостям по отношению к папе и римскому христианству»[40]. Вероятно, нахождение в русле все той же парадигмы мышления, сутью которой является нарастающий антагонизм между христианским Востоком и Западом, не дало историку сделать главный вывод, очевидным образом вытекающий из его исследования. В изложении полемики между патриархом Михаилом Анхиалом и императором Мануилом совершенно ясно видны две противоборствующие стороны византийской политики XII в. – светская власть и церковь, апеллировавшие к разным системам ценностей. Очевидно, что для императора общий христианский мир существовал, а для патриарха – уже нет.

Об еще одном политическом акторе – чиновной аристократии – писал Ш. Диль. Он развивал концепцию о том, что приход к власти династии Комнинов «знаменовал торжество крупной военной аристократии»[41]. Саму верхушку византийского общества XII в. историк делил на «военную […] и гражданскую партии»: под первой подразумевалась феодализирующаяся военная знать, под второй – столичная бюрократия[42]. Описывая, как эти две «партии» попеременно солидаризовались с императором и духовенством, в обобщающих выводах Ш. Диль совершенно игнорирует момент внутреннего раскола византийского общества. Он пишет: «Крестовые походы еще больше обострили антагонизм между византийским Востоком и латинским Западом […]. Политика по отношению к латинянам, обосновавшимся на Востоке, оправдывала это недоверие и усугубляла вражду между двумя мирами»[43].

Иными словами, в каждом из рассмотренных текстов (примеров можно было бы привести гораздо больше, однако мы ограничены в объемах) имплицитно присутствует идея об отсутствии внутреннего единства в византийской правящей элите. Закономерно возникает вопрос о том, насколько согласованы выводы историков о ситуации на Западе.

Еще А.А. Васильев, развивая идеи о противостоянии Востока и Запада, назвал последователя Мануила Комнина – Андроника – противником латинян. Этот император, как писал историк, использовал народное движение против их «засилья» и на волне всеобщего негодования пришел к власти. При этом, говоря о «латинском засилье», исследователь явно имел в виду только итальянских купцов. Ведь сразу после упоминания о «резне латинян» в 1182 г. он обратился к венецианским источникам, сокрушаясь, что они «совершенно умалчивают» об этом событии, хотя «венецианские купцы пострадали немало»[44]. Более того, ссылаясь на латиноязычные источники, А.А. Васильев писал о том, что буквально в том же году Папа Луций II посылал легатов в Константинополь. Исследователь обратил внимание также на то, что в 1185 г. Андроник против воли патриарха построил в Константинополе церковь, где латинские католические священники совершали культ по своему обряду[45].

Иными словами, идея о том, что Андроник был против засилья «латинских» купцов на территории Византии, нежели решительно противился некоему абстрактному, «монолитному» Западу, присутствует в труде историка. Однако она нигде не отрефлексирована им в полной мере. И в более поздней историографии Андроник однозначно записывается в «решительные противники западного направления [политики Комнинов. – *Н. Н.*]»[46], пришедший к власти на волне антилатинских настроений. В основе последних, по мнению ряда исследователей, лежала неприязнь к латинянам со стороны греков, «чьи культура и цивилизация всегда основывались на насаждаемом духовенством фанатичном православии»[47].

---

[40] *Лопарев Х.М.* Об униатстве Мануила Комнина… С. 339.
[41] *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948. С. 52.
[42] Там же. С. 50.
[43] Там же. С. 108.
[44] *Васильев А.А.* История Византийской империи…
[45] Там же.
[46] *Острогорский Г.А.* История Византийского государства… С. 473.
[47] *Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 36.

Крайне занимателен тот факт, что Ш. Диль, игнорируя неоднородность византийской правящей верхушки, совершенно четко писал о нескольких политических силах на Западе. Как минимум исследователь видел этих акторов во время правления императора Мануила в Византии: «Папа не мог согласиться стать византийским епископом в Риме; […] итальянские республики не доверяли честолюбивым проектам Мануила; Барбаросса, выведенный из терпения двуличной политикой греков, становился явно враждебным и угрожающим […]. Весь Запад объединился против Византии»[48]. Однако, как очевидно из приведенной выше цитаты, все политические акторы латинского мира выступают, по мнению историка, единым фронтом против Византии.

О неоднородности Запада писал и Н.П. Соколов. Исследователь, рассуждая о политике «натиска на Восток» со стороны латинской Венеции, констатировал тот факт, что «ситуация борьбы с венецианским засильем вела к сближению с иными латинянами – генуэзцами и пизанцами»[49]. То есть разногласия с одной «латинской» торговой республикой вовсе не предполагали ухудшения отношений с другими. Иными словами, историография знает примеры, где идея об абстрактности понятия «Запад» так же, как и в случае с Византией, присутствует в микросюжетах, но теряется в обобщающих выводах.

Таким образом, в историографии взаимоотношений христианского Востока и Запада XII в. можно наблюдать пунктирно обозначенную идею об отсутствии их внутреннего единства. Условный «Запад» делится историками на церковную и имперскую власть, а также на западнохристианские торговые республики, с которыми у Византии были отдельные отношения. Условный «Восток» аналогично подразделяется на власть церковную и светскую, которая также не является однородной, подразделяясь на две властные элиты.

Имперская периферия Востока и Запада. Еще несколько слов о микросюжетах. Заключение в кавычки абстрактных понятий христианского «Востока» и «Запада» не отменяет того факта, что их центры были империями – «централизованными образованиями, имеющими имперский центр и периферию»[50]. И если в исследованиях, посвященных имперскому центру, совершенно очевиден разрыв между общими представлениями о его «монолитности» и конкретными фактами истории, то что можно говорить о периферии? Нет ли в трудах историков логических несоответствий, подобных тем, что были охарактеризованы выше?

Византийской периферии всецело посвятил свою монографию Д. Оболенский. Именно этот труд окончательно оформил представление о существовании «византийского содружества наций» как сверхнациональной общности, основанной на единстве православной веры. В это «содружество» исследователь включил страны Балканского полуострова, Моравию и Венгрию, которые значительное время испытывали влияние восточного христианства, и, конечно же, Русь как «духовную дочь» Византии. При этом историк обратил внимание на принципиально важный аспект: одним из главных обстоятельств византийских противоречий он называл тотальную византинизацию всей периферии, сочетающуюся с устойчивыми антивизантийскими настроениями. Более того, особую роль в развитии подобных настроений исследователь отвел именно «духовной дочери Византии» – Руси, поскольку географически она была удалена от Византии «и не было способа заставить ее согласиться на прямое подчинение императору»[51]. Однако тезис об антивизантийских настроениях в Русских землях эпохи Средневековья теряется в итоговых выводах автора. По его мнению, вплоть до падения Византии под ударами турок-сельджуков в 1453 г. «константинопольский патриархат продолжал оставаться централизующей силой, поддерживающей политическое и религиозное единство»[52].

---

[48] *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948. С. 112.
[49] *Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи… С. 282.
[50] Теории и истории империй. СПб., 2012. С. 5–6.
[51] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 238.
[52] Там же. С. 388.

Даже в отзывах крупных историков на книгу Д. Оболенского, где высказано немало критических замечаний, на это несоответствие не было обращено внимания – принадлежность Руси к византийскому миру не оспаривалась. Так, Г.Г. Литаврин указал на то, что политические интересы стран, входивших в «Содружество», мало соотносились друг с другом, однако ощущение общности имело место и было основано на культурно-конфессиональном единстве[53]. Аналогичной точки зрения придерживался А.П. Каждан, указав на то, что «иерархия “Византийского содружества” была скорее фактором самосознания, нежели политического единения»[54].

При этом исследования последних десятилетий ставят под вопрос даже культурно-конфессиональное единство и самосознание властных элит Руси, ориентированное исключительно на Византию. В.В. Долгов сравнивает русское средневековое самосознание с конструктором, где присутствует «набор византийских идей»[55], однако он представляет собой лишь составную часть общей модели мировоззрения. Как точно заметил А.В. Кореневский, византийские идеалы «воспринимались [Русью. – *Н. Н.*] сознательно и достаточно избирательно. […] Византия лишь играла роль фундаментального религиозного, политического и культурного ориентира, в соответствии с которым средневековая Русь создавала и формировала свою идентичность»[56].

Наиболее примечательно то, что эти тенденции, согласно выводам историков, отчетливо проявили себя именно в XI–XII вв. Так, уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (50-е гг. XI в.), по мнению В.Н. Топорова, впервые была сформулирована идея о богоизбранности Руси. Эти взгляды исследователя получили широкую поддержку среди современных историков, которые видят идею об особой миссии Русской земли и в Повести временных лет (XII в.)[57].

А.Ю. Карпов нашел подобные тенденции в перенесении перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь (начало XII в.). Историк обращает внимание на то, что древнерусское сказание прославляет св. Иоанна Крестителя как покровителя не только тех стран, в которых почивали его мощи прежде (Палестина и Греческая земля), но и Руси. Причем последняя как «новый народ» через почитание святого оказывается в одном ряду с более древними христианскими народами[58].

А.Г. Кузьмин обратил внимание на учреждение праздника св. Николы Вешнего на Руси на рубеже XI–XII вв. Он был установлен в честь похищения итальянскими купцами мощей св. Николая из города Миры, находившегося в ведении Византии, и перенесения их в итальянский город Бари. Очевидно, что это событие стало национальной трагедией в Византии, однако Русь с энтузиазмом поддержала ликование по поводу обретения мощей западной церковью. Успех культа св. Николы Вешнего в XII в. А.Г. Кузьмин объяснял тем, что он «как бы перехватил идею независимости русской церкви и от Рима, и от Константинополя»[59]. К сожалению, автор не дал более детального обоснования своему тезису. Однако в случае с установлением праздника Николы Вешнего можно видеть наглядный пример избирательного отношения Руси к авторитету ромеев в XII в. Антивизантийская направленность действий русской политической элиты в этом случае вовсе принимает

---

[53] *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 355.

[54] *Каждан А.П.* D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London, 1971 // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 262.

[55] *Долгов В.В.* Древняя Русь. Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск, 2004. С. 19.

[56] *Korenevskiy A.V.* Russia’s Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 65.

[57] См., например: *Данилевский И.Н.* Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова. Ч. I. М., 1997. С. 192; *Ужанков А.Н.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–163.

[58] *Карпов А.Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2019. С. 143–160.

[59] *Кузьмин А.Г.* Крещение Киевской Руси. М., 2012. С. 38.

форму открытого «вотума недоверия» грекам – демонстративной апелляции к авторитету их религиозных и политических оппонентов.

Иными словами, микросюжеты, посвященные истории Русских земель XI–XII вв., идут вразрез с концепцией разделения средневековой истории Европы на византийский и латинский «миры». Выводы исследователей скорее приводят к заключению о гетерогенном характере русской культуры и самосознания, где конфессиональная составляющая (как минимум у властных элит) практически не берется в расчет.

О том, что подобные тенденции были характерны не только для «византийской периферии» Руси, но и для других стран, входивших в имперские ойкумены, говорит появление в историографии концепции Slavia Christiana – особого типа христианства и, соответственно, уклада жизни, ментальности, идеологии, присущего славянским странам, которые испытало и западно-, и восточнохристианское влияние[60]. При этом В.М. Живов, введший этот концепт в российскую историческую науку в 90-е гг. XX в., считал, что подобная общность просуществовала лишь до начала XII в.: «Понадобились сосредоточенные усилия как католического, так и православного духовенства, чтобы к началу XII в. утвердить у славян принцип конфессионального противостояния»[61]. В. Водов в качестве отличительной особенности Slavia Christiana выделил то, что оно «ни в коем случае не соответствовало разделению на греческую и латинскую ветви»[62]. И в отличие от В.М. Живова, он все же посчитал, что в XII столетии эта славянская общность еще существовала. И с этим выводом сложно не солидаризоваться, учитывая вышеозначенные примеры исследований самосознания и идеологии Руси XI–XII вв.

Крайне примечателен в этом контексте и другой пример – Польши, входившей в римскую имперскую ойкумену. Эту страну наряду с Русью исследователи относят к сообществу Slavia Christiana. Более того, еще в XX в. в историографии утвердился тот факт, что взаимодействие Руси и Польши XII в. было ключевым для международных отношений[63]. При этом, как отметил Я. Кеневич, поведение польских элит по отношению к их конфессиональному «центру» – Священной Римской империи – мало чем отличалось от взаимоотношений Руси и Византии. Исследователь приводит в пример то, что уже при Болеславе Храбром (XI в.) была предпринята мессианская попытка христианизации соседних с Польшей пруссов. Мученическая смерть св. Войцеха, некоторое время жившего в Польше, во время его миссии, связанной с христианизацией пруссов, как отмечает исследователь, дала возможность добиться от римской кафедры основания польского архиепископства[64].

Таким образом, в историографии, посвященной имперской периферии, присутствует идея об отсутствии у местных властных элит четкой привязки к византийскому и латинскому мирам. Собственно, и сами эти миры представляются «искусственно» разделенными в историографии. Быть может, в этом контексте стоит обратить внимание на исследования самых последних лет, в которых историки призывают к кардинальному пересмотру идеи о существовании в Средневековье христианского «Запада» и «Востока»?

Примечательны в этом контексте работы А.Ю. Виноградова[65] и М.А. Бойцова[66], которые рассматривают Священную Римскую империю, Византию и их периферию как единую мир-систему, фундаментом которой является христианство, и заслуживают особого внимания.

---

[60] *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси… С. 600; *Водов В.А.* Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 14.

[61] *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси… С. 598.

[62] *Водов В.А.* Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом»… С. 14.

[63] См., например: *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1983. С. 73; *Пашуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. М., 2011. С. 186.

[64] *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004. С. 139–140.

[65] *Виноградов А.Ю.* Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 180–190.

[66] *Бойцов М.А.* Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 171–178.

«Христианский мир» у А.Ю. Виноградова представляет собой «совокупность христианских государств (а не просто христианских народов, как на христианском Востоке, простирающемся до Китая), где христианство, как и в Западной Европе, определяло многие сущностные черты средневекового общества»[67]. Иными словами, речь идет не обо всем ареале распространения христианства, а лишь о тех странах, где оно представляло собой конституирующий элемент социальной организации и культурной традиции, т.е. там, где данная религия имела статус государственной и/или исповедовалась большинством населения. Собственно говоря, несостыковки, аберрации исторического зрения в работах историков как раз-таки и случаются там, где имеют место попытки разделения христианского мира XII в. (в понимании М.А. Бойцова) на два противоборствующих лагеря – «Запад» и «Восток».

Подводя итоги, следует отметить, что игнорирование историографией внутренней неоднородности Византии и Запада как основных акторов политического процесса того времени есть проявление глубокого искажения исторической реальности. Основная причина аберрации исторического зрения при осмыслении политических катаклизмов XII в. состоит в традиции применения телеологического подхода – в том, что ученые исходят из цивилизационного раскола как данности из того, что он уже произошел. Соответственно, XII век представлен ими как время неуклонного роста противоречий от Схизмы 1054 г. к «закономерному» исходу IV крестового похода. Такое видение – результат неизбежного развития историографии вопроса в русле цивилизационной парадигмы. Именно она дала науке понятие христианского «Востока» и «Запада» как отдельных цивилизаций, представляющих собой внутренне целостные единые системы. Именно в русле цивилизационного подхода формируется дихотомия «мы – они», суть которой состоит в категоричном противопоставлении восточнохристианской и западнохристианской цивилизаций. Однако сама историография при ее детальном рассмотрении дает понять, что для XII в. были характерны равно одинаковые условия как для диалога между восточно- и западнохристианскими политическими акторами, так и для отдаления, обусловленного их неоднородностью.

Литература

Бойцов М.А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 171–178.

Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. М.: Мысль, 2002. Т. 2. 509 с.

Васильев А.А. История Византийской империи: в 2 т. М., 2000. Т. 2.

Виноградов А.Ю. Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 180–190.

Водов В.А. Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 13–15.

Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: в 7 т. М.: ТЕРРА, 2008. Т. 6. 592 с.

Головко А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев: Наукова думка, 1988. 136 с.

Данилевский И.Н. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: сб. ст. в честь чл.-кор. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М.: СИГНАЛЪ, 1997. Ч. I. С. 172–220.

Диль Ш. Византийские портреты. М.: Искусство, 1994. 244 с.

Диль Ш. История Византийской империи. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1948. 160 с.

Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси / Из истории русской культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 586–618.

Заборов М.А. Папство и крестовые походы. М.: АН СССР, 1960. 262 с.

Каждан А.П. D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971 // Византийский временник, 1973. Т. 35. С. 261–262.

[67] *Виноградов А.Ю.* Параллельные «Средневековья»… С. 180.

Карпов А.Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига, 2019. 400 с.

Кореневский А.В. «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. New Past. 2017. № 1. С. 10–28.

Костромин К.А. Восток и Запад в христианстве первого тысячелетия и разделений церквей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки, 2013. Т. 15, № 4. С. 7–23.

Кузьмин А.Г. Крещение Киевской Руси. М.: Алгоритм, 2012. 272 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.

Лопарев Х.М. Об униатстве Мануила Комнина // Византийский временник. 1907. Т. XIV. Вып. 2–3. С. 334–357.

Мартынюк А.В. «Великий раскол» восточнославянской медиевистики. Семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 145–153.

Монтескьё Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 512 с.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-Ко, 1998. 655 с.

Острогорский Г.А. История Византийского государства. М.: Сибирская благозвонница, 2011. 895 с.

Пападакис А., Мейендорф И. Христианский Восток и возвышение папства. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 630 с.

Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 688 с.

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 563 с.

Теории и истории империй / отв. ред. В.Н. Барышников. СПб.: Издательство СПБГУ, 2012. 728 с.

Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Айрис Пресс, 2010. 640 с.

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / пер. с польск. М.: Весь Мир, 2004. 544 с.

Ужанков А.Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–163.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Расцвет. Крушение. М.: Астрель; ФСЕ, 2011. 1008 с.

Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М.: Православная энциклопедия, 2007. 528 с.

Юревич О. Андроник I Комнин. СПб.: Евразия, 2004. 250 с.

Dieterich K. Byzantinische Charakterkupfe. Mit zwei Bildnissen. Leipzig: Teubner, 1909. 146 s.

Gregorovius F. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart: Cotta, 1889. 477 s.

Kenneth M. Hystory of Crusades.The Later Crusades. 1189–1311. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1969. 896 p.

Korenevskiy A.V. Russia’s Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 62–79.

Oman C.W. The Byzantine Empire. London: Fisher Unwin, 1892. 364 p.

Runciman S. Eastern Schism. London: Oxford University Press, 1997. 189 p.

Herzberg G.F. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin: G. Grote, 1883. 752 s.

Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 3–74.

Долгов В.В. Древняя Русь. Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2004.

References

Boytscov, M.A. (2019). Srednevekov'e – v "real'nosti" ili tol'ko v nashem soznanii?" [Is the Middle Ages in "Reality" or Only in Our Consciousness?]. In *Vox medii aevi.* Vol. 2 (5), pp. 171–178.

Bokl', G.T. (2002). *Istoriya tsivilizacii v Anglii:* 2 t. [History of Civilization in England in 2 vol.]. Moskow, Mysl'. Vol. 2. 509 p.

Vasil'ev, A.A. (2000). *Istoriya Vizantiiskoy imperii:* 2 t. [History of the Byzantine Empire in 2 vol.]. Moscow.

Vinogradov, A.Yu. (2019). Parallel'nye "Srednevekov'ya": Vizantiya, Kavkaz i Drevnyaya Rus'. In *Vox medii aevi.* Vol. 2 (5), pp. 180–190.

Vodov, V.A. (1992). Kievskaya Rus' pered "grecheskim zakonom" i "rimskim zakonom" [Kievan Rus before the "Greek Law" and "Roman Law"]. In *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Spornye problemy.* Moscow, IRI RAN, pp. 13–15.

Golovko, A.B. (1983). *Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X – pervoy treti XIII v.* [Ancient Russia and Poland in the Political Relations of the 10th – First Third of the 13th Century]. Kiev, Naukova dumka. 136 p.

Gibbon, E. (2008). *Zakat i padenie Rimskoy imperii* [Decline and Fall of the Roman Empire]. Moskow, TERRA. 592 p.

Danilevskiy, I.N. (1997). Eskhatologicheskie motivy v Povesti vremennyh let [Eschatological Motives in the Tale of Bygone Years]. In *U istochnika. Sbornik statey v chest' chlena-korrespondenta RAN Sergeya Mikhaylovicha Kashtanova.* Moscow, SIGNAL, vol. II, pp. 172–220.

Dil', Sh. (1994). *Vizantiyskie portrety* [Byzantine Portraits]. Moskow, Iskusstvo. 244 p.

Dil', Sh. (1948). *Istoriya Vizantiiskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moskow, Gos. izd-vo inostrannoy literatury. 160 p.

Zhivov, V.M. (2000). Osobennosti retseptsii vizantiyskoy kul'tury v Drevney Rusi [Features of the Reception of Byzantine Culture in Ancient Russia]. In *Iz istorii russkoy kul'tury*. Vol. 1, pp. 586–618.

Zaborov, M.A (1960). *Papstvo i krestovye pokhody* [Papacy and Crusades]. Moskow, AN SSSR. 262 p.

Kazhdan, A.P. (1973). D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. In *Vizantiyskiy vremennik.* Vol. 35, pp. 261–262.

Karpov, A.Yu. (2019). *Issledovaniya po istorii domongol'skoy Rusi* [Research on the History of Pre-Mongol Russia]. Moscow, Quadriga. 400 p.

Korenevskiy, A.V. (2017). Oskomina illyuziy ili vlast' nesbyvshegosya [The Edge of Illusions or the Power of the Unfulfilled]. In *Novoe proshloe. New Past.* No. 1, pp. 10–28.

Kostromin, K.A. (2013). Vostok i Zapad v khristianstve pervogo tysyacheletiya i razdeleniy tserkvey [East and West in Christianity of the First Millennium and the Separation of Churches]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 7–23.

Kuz'min, A.G. (2012). *Kreshchenie Kievskoy Rusi* [The Baptism of Kievan Rus]. Moskow, Algoritm. 272 p.

Le Goff, Zh. (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Yekaterinburg, U-Faktoriya. 560 p.

Litavrin, G.G. (2000). *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII vv.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (9th – Beginning of the 12th Centuries)]. St. Petersburg, Aleteya. 398 p.

Loparev, Kh.M. (1907). Ob uniatstve Manuila Komnina [On the Uniate of Manuel Komnenos]. In *Vizantiiskiy vremennik.* Vol. XIV, pp. 334–357.

Martynyuk, A.V. (2017). "Velikiy raskol" vostochnoslavyanskoy medievistiki. Sem' tezisov k diskussii [Great Schism of the East Slavic Medieval Studies. Seven Theses for Discussion]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* No. 1, pp. 145–153.

Montesk'e, Sh. (2002). *Persidskie pis'ma. Razmyshleniya o prichinakh velichiya i padeniya rimlyan* [Persian Letters. Reflections on the Reasons for the Greatness and Fall of the Romans]. Moscow, CANON-press-C, Kuchkovo pole. 512 p.

Obolenskiy, D. (1998). *Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov* [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]. Moskow, Janus-Ko. 655 p.

Ostrogorskiy, G.A. (2011). *Istoriya Vizantiiskogo gosudarstva* [History of the Byzantine State]. Moskow, Sibirskaya blagozvonnitsa. 895 p.

Papadakis, A., Meiendorf, I. (2010). *Khristianskiy Vostok i vozvyshenie papstva* [Christian East and the Rise of the Papacy]. Moskow, Izd-vo PSTGU. 630 p.

Pashuto, V.T. (2011). *Rus'. Pribaltika. Papstvo* [Rus. Baltic Country. Papacy]. Moskow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 688 p.

Sokolov, N.P. (1963). *Obrazovanie Venetsianskoy kolonial'noy imperii* [Formation of the Venetian Colonial Empire]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta. 563 p.

Baryshnikov, V.N. (ed.). (2012). *Teorii i istorii imperiy* [Theories and Histories of Empires]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 728 p.

Toynbi, A.Dzh. (2010). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moskow, Iris Press. 640 p.

Tymovskiy, M., Kenevich, Ya., Hol'tser, E. (2014). *Istoriya Pol'shi* [History of Poland]. Moskow, The Whole World. 544 p.

Uzhankov, A.N. (2005). *Koncepty "Rus'" i "Russkaya zemlya" v mirovozzrenii drevnerusskikh knizhnikov XI–XV vv.* [Concepts of Rus and the Russian Land in the Worldview of Ancient Russian Scribes of the 11th–5th Centuries]. In *Rossiya XXI.* No. 5, pp. 134–163.

Uspenskiy, F.I. (2011). *Istoriya Vizantiiskoy imperii. Rastsvet. Krushenie* [History of the Byzantine Empire. Bloom. Crash]. Moskow, Astrel'Russia. 1008 p.

Florya, B.N. (2007). *Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [Research on the History of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moskow, Pravoslavnaya enciklopediya. 528 p.

Yurevich, O. (2004). *Andronik I Komnin* [Andronikos I Komnenos]. St. Petersburg, Eurasia. 250 p.

Dieterich, K. (1909). *Byzantinische Charakterkopfe mit zwei Bildnissen* [Byzantine Character Heads with Two Portraits]. Leipzig, Teubner. 146 p.

Gregorovius, F. (1889). *Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter* [History of the City of Athens in the Middle Ages]. Stuttgart, Cotta. 477 p.

Kenneth, M. (1969). *Hystory of Crusades. The Later Crusades*. *1189–1311*, Wisconsin, The University of Wisconsin press. 896 p.

Korenevskiy, A.V. (2016). Russia's Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth. In *Novoe proshloe. New Past.* No. 1, pp. 62–79.

Oman, C.W. (1892). *The Byzantine Empire.* London, Fisher Unwin. 364 p.

Runciman, S. (1997). *Eastern Schism.* London, Oxford University Press. 189 p.

Herzberg, G.F. (1883). *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches* [History of the Byzantines and the Ottoman Empire]. Berlin, G. Grote. 752 p.

Pikkio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and Language]. Moscow, Znak. 703 p.

Dolgov, V.V. (2004). *Drevnyaya Rus'. Mozaika epohi. Ocherki social'noy antropologii obshchestvennykh otnosheniy XI–XVI vv.* [Ancient Russia. Mosaic of the Epoch. Essays on the Social Anthropology of Social Relations of the 11th–16th Centuries]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. 218 p.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021. г.

А.Г. Тепляков*

Сибирские партизаны Г.Ф. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-16

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

Тепляков А.Г. Сибирские партизаны Г.Ф. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 193–204. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-16.pdf

A.G. Teplyakov*

Siberian Partisans of G.F. Rogov in Modern Historiography: Between Myth and Historical Criticism

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-16

How to cite:

Teplyakov A.G. Siberian Partisans of G.F. Rogov in Modern Historiography: Between Myth and Historical Criticism // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 193–204. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-16.pdf]

Abstract. The article is devoted to the problems of mythologization and demythologization of the activities of the anarchist partisans of the Siberian ataman G. Rogov in the Soviet and post-Soviet historiography. The Red partisans of the Civil War still remain the most mythologized participants in the Russian confrontation. If the shadow sides of the activities of the Soviet partisans of the Second World War are actively studied, then the rebels of the Civil War era usually still appear under an idealized guise of fighters against exploiters and interventionists. It is characteristic that in Soviet and Russian historiography there has been a struggle between apologists and critics of the Red partisans over 100 years. Paradoxically, the assessments of Rogov's partisans, known for their atrocities, mass murders and robberies, were more objective in the early Soviet period. Even then, a relatively adequate historiographical canon was formed, which was attacked by some researchers in the late Soviet period. These historians reject the information about the extreme brutality of Rogov's partisans and believe that they should be rehabilitated as honest and brave fighters for the power of the Soviets. The controversy of apologists and critics of ataman Rogov has been particularly active in the last third of the century, and fans of this partisan are numerically predominant. Despite the publication of a large number of revealing materials, historians who sympathize with anarchism are trying to whitewash Rogov. It can be considered proven that their cohesion and publication activity form a positive attitude towards Rogov in the scientific community. However, the publications of recent years, which are based on objective archival material, suggest that historians are moving to a more critical position regarding the numerous crimes of the G.F. Rogov detachment. The author of this article also introduces unknown archive documents about the crimes of the Rogov detachment at the end of 1919, especially during the capture of Kuznetsk and Shcheglovsk in Kuzbass.

Keywords: G.F. Rogov; I.P. Novoselov; anarchists; partisans; pogroms; murders; historiography; apologetics; criticism.

The article has been received by the editor on 03.12.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблемам мифологизации и демифологизации деятельности партизан-анархистов сибирского атамана Г.Ф. Рогова в советской и постсоветской историографии. Красные партизаны Гражданской войны поныне остаются самыми мифологизированными участниками российского противостояния. Если теневые стороны деятельности советских партизан Второй мировой войны активно изучаются, то повстанцы эпохи Гражданской войны обычно до сих пор предстают в светлом облике борцов против эксплуататоров

* **Тепляков Алексей Георгиевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Teplyakov Aleksey Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

и интервентов. Характерно, что в советской и российской историографии уже 100 лет идет борьба между апологетами и критиками красных партизан. Парадоксально, но оценки партизан Рогова, известных своими жестокостями, массовыми убийствами и грабежами, в ранний советский период были более объективными. Уже тогда был сформирован относительно адекватный историографический канон, который был атакован некоторыми исследователями в позднесоветский период. Эти историки отвергают сведения о крайней жестокости партизан Рогова и считают, что они должны быть реабилитированы как честные и храбрые борцы за власть Советов. Особенно активно полемика апологетов и критиков атамана Рогова развернулась в последнюю треть века, причем количественно преобладают поклонники этого партизана. Несмотря на публикацию большого количества разоблачительных материалов, историки, которые симпатизируют анархизму, Рогова стараются обелить. Можно считать доказанным, что их сплоченность и публикационная активность формируют в научной среде положительное отношение к Рогову. Однако публикации последних лет, которые основаны на объективном архивном материале, позволяют говорить о том, что историки переходят к более критической позиции в отношении многочисленных преступлений отряда Г.Ф. Рогова. Автор данной статьи также вводит в оборот неизвестные документы архивов о преступлениях отряда Рогова в конце 1919 г., особенно при захвате Кузнецка и Щегловска в Кузбассе.

Ключевые слова: Г.Ф. Рогов; И.П. Новоселов; анархисты; партизаны; погромы; убийства; историография; апологетика; критика.

Красные партизаны поныне остаются самыми мифологизированными участниками российского гражданского противостояния. На фоне отсутствия консенсуса в российском обществе по поводу основных событий его истории очевиден разнобой во мнениях на такое значимое в истории Сибири и Дальнего Востока явление, как партизанское движение. Парадоксально, но если теневые стороны партизанского движения периода Второй мировой войны активно изучаются[1], то красные повстанцы эпохи Гражданской войны чаще всего до сих пор предстают в светлом облике борцов за народное счастье.

Современная историография отражает эту ситуацию, деля историков на апологетов и критиков партизанщины. Эта историографическая ситуация противостоит пореволюционной, когда наличие множества живых свидетелей обусловило сравнительно адекватные оценки деятельности, например, партизан крупных анархически-погромных отрядов Г.Ф. Рогова и Я.И. Тряпицына. Но в позднесоветский и постсоветский периоды ряд историков стали трактовать их деятельность все более положительным образом. Однако постепенно мифы отступают, и это отступление призвана продемонстрировать настоящая статья, автор которой ранее уже выступил с анализом деятельности Рогова и Тряпицына как теоретиков и практиков масштабных социальных чисток[2], а в данной работе приводит новые факты разрушительных действий партизан, действовавших в 1919 г. на территории Алтая и Кузбасса. Знамя у анархистов было черным, но террор – красным. Новое осознание этого факта оказалось процессом небыстрым, но его историографическая фиксация может считаться состоявшейся.

Для Сибири разрушительный напор красной партизанщины олицетворяет прежде всего трагедия разгромленного роговцами в декабре 1919 г. четырехтысячного Кузнецка (ныне – Новокузнецк) Томской губернии, где погибли сотни жителей. И в ранней, и в оттепельной советской историографии фигура Григория Рогова трактовалась отрицательно – как по

---

[1] *Спириденков В.А.* Лесные солдаты: партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944 гг. М., 2007; *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М., 2012.

[2] *Тепляков А.Г.* Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и тряпицынщина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 134–142; *Тепляков А.Г.* Рогов Григорий Федорович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: биографические материалы. М., 2017. С. 452–454.

причине широчайшего применения террора, так и из-за участия в антикоммунистическом восстании весной и летом 1920 г. Здесь следует отметить, что томская большевистская газета в начале 1920 г. с нескрываемым одобрением написала о том, как в Кузнецке «злая контрреволюционная гидра в 347 душ была уничтожена» роговцами[3]. В партийной прессе 1920-х гг. роговским погромам городов и селений Кузбасса были даны самые жесткие оценки: так, книга, посвященная 10-летию Октября в Кузнецком округе, в одном абзаце упоминала «роговскую орду», «знаменитую роговскую чистку» и «произвол роговских головорезов»[4].

Затем о роговцах и роговщине писали приглушенней – как о неудобном историческом эпизоде. С оттепельных времен, когда внимание к сложным противоречивым фигурам раннесоветской эпохи вернулось, Рогова по-прежнему считали беспощадным воплощением «сибирской махновщины», но некоторые литераторы и публицисты стали трактовать его деятельность иначе, выдвигая на первый план выдающиеся победы над белыми войсками. Эта точка зрения проявилась в документальной повести Г.В. Егорова «Крушение Рогова», где герой был показан справедливым борцом за советскую власть[5]. В ответ на подобные публикации и активность уцелевших роговцев, требовавших своей исторической реабилитации, критическое отношение к фигуре Рогова высказали видные сибирские историки, в том числе М.Е. Плотникова[6] и В.А. Кадейкин. Последний отметил, что «всюду роговцы устраивали дикую расправу над населением», а в Кузнецке осуществили «чистку», зарубив до 300 жителей. В газетной статье Кадейкин назвал роговцев «эсеро-анархистской бандой», враждебной советской власти[7].

Упреки в терроре и мародерстве оспаривались роговцами до самого краха коммунистической власти, в том числе бывшим под следствием в 1920 г. командиром роговского батальона В.А. Булгаковым[8] (только в 1988 г. подписанное им и сотоварищами давнее письмо с протестом против «очернения» Рогова решился опубликовать академический журнал «История СССР»[9], не дав к нему никаких комментариев). Под явным влиянием этих лиц вполне положительно в начале 1980-х годов начал оценивать Рогова новосибирский историк В.Т. Шуклецов, ранее писавший о нем в соответствии с историографической традицией. В монографии 1981 г. он резко изменил свое мнение о Рогове и, опираясь на некоторые тенденциозные партизанские мемуары, щедро приписывал ему руководство победоносной 10-тысячной армией[10], полностью отрицал участие как в разгроме Кузнецка, так и в майско-июньском восстании 1920 г., утверждая, что Рогов не замешан в последнем и был убит «по недоразумению». За анархичность и жестокость партизан стал отвечать роговский соратник-анархист И.П. Новоселов, совративший простоватого и искреннего ненавистника белой власти Рогова на небольшевистский путь. Автором определенно заявлялось, что следствие

[3] Сибирский коммунист. 1920. 22 января. С. 4.

[4] За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции (1917–1927). Щегловск, 1927. С. 28–29.

[5] *Егоров Г.* Крушение Рогова. Барнаул, 1965.

[6] *Плотникова М.Е.* О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посвящ. 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С. 73.

[7] *Кадейкин В.А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. Кемерово, 1959. С. 97–98; *Кадейкин В.А.* Что такое «роговщина» // Кузнецкий рабочий. 1968. 21 июня. С. 1.

[8] То же мы видим применительно к фигуре Я.И. Тряпицына: его партизаны, включая бывших под судом в 1920 г. в качестве проводников террора, в 50–70-е гг. написали десятки обращений в высокие инстанции с требованиями реабилитировать своего вождя, в июле 1920 г. расстрелянного за уничтожение Николаевска-на-Амуре. См.: *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018. С. 323.

[9] К истории партизанского движения в Сибири // История СССР. 1988. № 4.

[10] На деле отряд перед конфликтом Рогова и большевика Анатолия (М. Ворожцова) имел более 4 тыс. бойцов и раскололся примерно пополам. См.: *Ларьков Н.С.* Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 579.

якобы «установило непричастность командного состава партизан к погромам в Кузнецке…»[11].

Под влиянием книги Шуклецова в итоговой советской монографии о красном повстанчестве фамилия Рогова упоминалась бегло: ее автор уверял, что тот отличался всего лишь «политическими колебаниями и неустойчивостью», а главным лицом в истории погромных отрядов Кузбасса, затем поднявших антисоветское восстание, был исключительно И.П. Новоселов[12]. Однако в советском энциклопедическом справочнике, вышедшем в том же 1983 г., Рогов и Новоселов традиционно были охарактеризованы как кулацко-анархистские элементы, а их отряд – как ставший в конце 1919 г. «анархо-бандитским»[13].

В ответ на реабилитацию Рогова В.И. Шишкин привел убедительные архивные данные из разнообразных и объективных источников, доказавшие полную несостоятельность попыток Шуклецова ревизовать обвинения Рогова в терроре и мятеже[14]. Однако после книги и более поздней статьи Шуклецова[15] многие историки и публицисты взяли на вооружение лживые мемуары роговских партизан, заявлявших, что их вожак был оклеветанным героем. Эпоха гласности и постсоветские разоблачения только подстегнули апологетов роговщины, заявлявших, что города и селения громили некие другие, «неправильные» партизаны, а Рогов был настоящим народным вождем. До сих пор это мнение популяризируется частью краеведов, опирающихся на не отвечающие научным критериям публикации воспоминаний роговцев в 1980–1990-х гг., обелявших своего вождя и себя, уверявших, что убили в Кузнецке не более 12–15 отъявленных врагов, а основной вклад в погром внесли уголовники, выпущенные из тюрьмы[16]. При этом игнорируются опубликованные официальные материалы революционных властей о том, что роговцы зарубили в Кузнецке от 400 до 800 человек[17].

В середине 1990-х гг. А.А. Штырбул писал, что освобождение комсостава роговского войска произошло за недоказанностью обвинений и по ходатайству населения[18]. На деле, судя по следственным материалам, прекращенным Томской (Новониколаевской) губЧК[19], вполне доказанные погромы были расценены чекистами как закономерный красный террор, перехлесты которого не могли затмить «неоценимых услуг» партизан. Защищая роговцев, барнаульский краевед Г.Н. Безруков в 1999 г. заявил о необходимости их реабилитации как тех, «кого десятки лет незаслуженно клеймили как бандитов, пьяниц и насильников», при этом не без оснований уверяя, что обстановка в отрядах знаменитых алтайских предводителей Е.М. Мамонтова и Ф.И. Архипова «была примерно такая же, как у Рогова». Также Безруков скептически упоминал про «якобы разграбление» Щегловска с Кузнецком и якобы убийства их жителей[20].

---

[11] *Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981. С. 253–258.

[12] *Павлов Я.С.* Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983. С. 367–369.

[13] Партизанское движение в Сибири // Гражданская война и военная интервенция в ССР: энциклопедия. М., 1983. С. 426.

[14] *Шишкин В.И.* Еще раз о Рогове и «роговщине» // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 102–126.

[15] *Шуклецов В.Т.* Причернские партизаны. Кто они – герои или бандиты? (Историография и источники) // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск, 1989. С. 53–59.

[16] К истории партизанского движения в Сибири… С. 163; Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг.: док-ты и мат-лы. Барнаул, 1999. С. 226–275.

[17] *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. С. 71; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: в 4 т. М., 1998. Т. 1: 1918–1922. Док-ты и мат-лы. С. 257.

[18] *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся – теория и практика. Ч. 2. (1918–1925). Омск, 1996. С. 63–64.

[19] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322.

[20] Партизанское и повстанческое движение в Причумышье… С. 11, 18, 19.

Споры о том, был ли Рогов беспощадным убийцей и грабителем или же победитель белых в Причумышье и Кузбассе стал жертвой исторической клеветы, активно идут последние 30 с лишним лет, сопровождаясь вводом значимого нового материала[21]. Среди публикуемых источников, помимо исследовательских работ[22], особенно заметны мемуары, в которых ветераны-роговцы вспоминают одно, а свидетели их похождений – совершенно иное[23]. Довольно критично, но все же не без прикрас показал роговцев в своем новейшем историко-документальном романе журналист К.К. Сомов[24], использовавший архивные мемуары ряда роговских партизан и отнесшийся к ним с большим, чем следовало бы, доверием.

При этом основной массив современной литературы до последних лет был настроен в пользу Рогова. Даже 35 лет спустя после критики В.И. Шишкиным построений Шуклецова находятся историки, которые эмоционально принимают сторону последнего, избегая конкретики и злоупотребляя кавычками: «Еще памятна сибирская “историографическая война” периода “застоя” по личности Г.Ф. Рогова и “роговщине”, и безобразная “научная” травля с идеологическим уклоном “группой товарищей” известного исследователя, уважаемого человека В.Т. Шуклецова, научная позиция которого в отношении Рогова и “роговщины” хотя и была в чем-то уязвимой, но, в общем, не более уязвимой, чем у его оппонентов. Неумолимое время в этой “войне” уже в 1990-е гг. всех рассудило и все расставило по своим местам…»[25].

В современной историографии сложилась заметная группа исследователей, сочувствующих анархистам и трактующих их действия как проявление положительной революционной энергии. Они рассматривают Рогова как патриотично настроенного и самоотверженного борца с белогвардейскими угнетателями, отвергая сведения о терроре. Современный левый историк подчеркивает, что в XXI в. «наметилась тенденция к новому “сгущению красок” вокруг… партизан-анархистов», что «современные критики “справа” подчас поминают как имена нарицательные Рогова и Тряпицына в связке, подобно тому, как раньше это делали некоторые советские критики». При этом он обоснованно указывает, что камнем преткновения сегодня является история вокруг взятия Кузнецка в декабре 1919 г.[26]

В своей новейшей работе старается освободить Рогова от наиболее серьезных обвинений историк анархизма Д.И. Рублев, при этом не касаясь архивов и используя давнюю и весьма неточную работу Штырбула, а также публикации тенденциозных мемуаров некоторых роговцев. Рублев уверяет, что последние убили в Кузнецке «лишь 12 чел.», грабить им Рогов запрещал, про грабежи ходили только «слухи», конфискованное имущество раздавалось бедноте, а Щегловск они, разумеется, «освободили»[27]. Аналогичные утверждения можно прочитать и у еще более поверхностно знакомого с темой В.Д. Ермакова[28]. В только что появившейся энциклопедической, но малосодержательной статье о Рогове Д.И. Рублев, упомянув фантастическую «Барнаульскую ЧК» вместо Новониколаевской губЧК, отметил, что Н.С. Ларьков, В.И. Шишкин и А.А. Штырбул возлагают ответственность за кузнецкий погром на Рогова, а Г.Н. Безруков и А.Ю. Федоров «не столь категоричны и объясняют

---

[21] Рогов Г.Ф. (Кузнецк, декабрь 1919). Аннотированный список литературы. Новокузнецк, 2010. 87 с.

[22] *Гришаев В.Ф.* Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. С. 184.

[23] *Кушникова М.* Лжегерои стихов и легенд // Наша газета. 1996. 22 окт. С. 3; *Кушникова М., Тогулев В.* О крестьянах-партизанах и о синдроме лжи // Кузнецкий рабочий. 1998. 20 января.

[24] *Сомов К.К.* Год Колчака (Главы из романа «Усобица»). Барнаул, 2012.

[25] *Штырбул А.А.* О некоторых тенденциях и явлениях в исследовании Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири. Омск, 2019. С. 318–324.

[26] *Федоров А.Ю.* Революционная эпопея анархистов Григория Рогова и Ивана Новоселова // Прямухинские чтения 2017 года. М., 2018. С. 339.

[27] *Рублев Д.И.* Российский анархизм в XX веке. СПб., 2019. С. 395–396, 401.

[28] *Ермаков В.Д.* Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018. С. 178.

случившееся сложившимися обстоятельствами». При этом автор не счел нужным пояснить, что первые трое – известные историки, зато Безруков краевед, а Федоров – археолог[29].

Оценивая феномен роговского террора, нельзя игнорировать тот факт, что для многих партизан принципиальным условием победы были чистки населения от всех «гадов», список которых мог быть очень широким. Само слово «чистка» было хорошо знакомо партизанам. Один из них вспоминал: «Прихода Красной армии жаждали. Но партизанам самим очень хотелось, так сказать, наложить лапу на город, т.е. произвести маленькую чистку беляков…»[30] (идея о «полонении городов» была распространена и у забайкальских партизан[31]). Среди роговцев не редкостью были не только особо опасные уголовники, но и патологические садисты. Так, партизан Нормайкин, «…потрясая револьвером, часто говорил: “Если мне человека каждый день не убить – я не могу терпеть”»[32].

Если во время следствия Рогов усиленно пытался отрицать какую-либо вину, то Новоселов был откровенней: «При моих глазах совершено убийств б[ессчет?]ное множество, я даже и указать не могу, я работал целый год и в течение этого времени не могу запомнить, сколько мною уничтожено. <…> Я признаю себя виновным в том, что в гор. Кузнецке совершено убийств при моемъ участии 40–60 жертв и я считал их жертвами революции»[33]. Свидетель П.Н. Морозов показывал, что Новоселов лично зарубил 27 кузнечан и угрожал смертью тем, кто пытался его остановить. А видный роговец П. Леонов в ответ на вопрос Морозова о судьбе награбленного Леоновым имущества «вместо ответа хотел меня зарубит[ь]»[34]. Воевавший в Причумышье по соседству с роговцами комиссар 1-го Бийского партизанского полка И.Я. Огородников так характеризовал цели и методы партизанского террора: «…Головы… рубили почем попало. Хорошо [или] плохо это, для партизан было все хорошо и верно. Чем-то нужно было заняться. <…> Этим мы задали деревенской, сельской, городской контрреволюции страсти. Они в то время не смели показать головы»[35].

Огородников красноречиво описал ужас, который наводили на сельское население даже отдельные роговцы, особенно известный своей жестокостью И. Тигров (Тигра). В его мемуарах есть запись о том, как в первой половине декабря 1919 г. в с. Яминском Барнаульского уезда были задержаны подозрительные лица: «Тов. Тигра приехал нарочно расправиться с ними… Помню одного здорового мужчину по фамилии Оксенов, второй среднего роста, допросили их обоих, чем были виноваты. Тигра попросил веревку[,] руки первому связали и вывели в обширную комнату, толкнули его и давай драть нагайками со Шведо[вы]м, драли[,] драли, с одной стороны пробили кожу до крови и повернули кверху животом, тоже также [били]. Устанут[,] приглашают из публики желающих, в то время желающих можно найти много. <…> …[Тигра] берет ухо у противника, отрезает, немного оставляет кожи, чтобы ухо не упало проч[ь], и второе ухо также. Смотрю[,] и нос тоже стал пилить ножом. <…> Выводят [затем жертву] наружу… у ворот и расстреляли. Пришли [назад] и второго тоже так освежовали… <…> Окончили [расправу и] собрались в город Бийск… Меня [командир партизанского отряда] тов. Бахтин призвал и предупредил, ты с ними не езди, они тебя убьют дорогой, вон какие звери. …[Вы] не видали[,] что они здесь работали на глазах массы. Я… больше видал у них, чем ты здесь»[36].

Тем не менее Огородников рискнул отправиться с роговцами и смог отговорить их от новых расправ: «Приехали в село Ложкино, где тов. Шведов жил батраком, народ хорошо

[29] *Рублев Д.И.* Рогов Григорий Федорович // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: энциклопедия в 3 т. М., 2021. Т. 2. С. 62.
[30] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7–8.
[31] *Степанов Ф.* Тактические уроки борьбы // Партизаны: сборник статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1929. С. 26.
[32] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 59.
[33] ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 24 об.
[34] Там же. Л. 50.
[35] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 96–97.
[36] Там же. Л. 33.

изучил, видно[,] много было у них врагов… Нашли тех друзей, которые их поддержат… собрали противников[,] должно[,] человек до тридцати и устраивают суд. Меня [выбрали] предсудом[,] они члены суда. Вырабатывают план, сначала всех обсудим, а потом будем убивать. Мы двое у окна будем убивать, а ты нам только выводи по одному человеку… <…> …Я не могу согласиться расстреливать людей[,] когда на них нет никакого материала обвинительного…». Автор подытожил данный эпизод такими словами: «Вполне могли бы расстрелять трое тридцать человек, никто бы не шелохнулся, так боялись»[37].

Многочисленные и полные кровавых подробностей партизанские мемуары в изобилии представлены в сибирских архивах; давно не секретно и следственное дело в отношении Рогова и Новоселова. Но недавняя обстоятельная статья о партизанах Кузбасса беспомощно констатировала, игнорируя и опубликованные, и архивные источники: «Распространение слухов о зверствах Рогова, возможно, является провокацией местных мещан и других враждебных Советской власти лиц. Дать взвешенную оценку декабрьским событиям в Кузнецке затруднительно ввиду практически полного отсутствия документальных источников»[38].

Аналогично выглядит и современная оценка примерно таких же жестоких партизанских бесчинств в Щегловске. Помимо Кузнецка, роговский террор обрушился на другие города и селения Кузбасса: Щегловск (Кемерово), Гурьевск[39], Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий). Щегловские старожилы в рассказах, записанных полвека назад, вспоминали про несколько человек, брошенных в огонь: церковнослужителей, милиционера В. Хрипатого. О числе жертв достоверной информации не приводилось: опубликованы сведения, взятые из мемуаров, о гибели либо 20, либо 30–40 или 60 чел.[40], либо нескольких сотен горожан[41]. О жестоком погроме Щегловска давно упомянул современный историк[42], однако в новейшей краеведческой литературе дается уклончивая оценка: «Но пока мы не можем утверждать о массовых бессудных расправах, учиненных партизанами в Щегловске»[43]. Между тем капитан 3-го Барнаульского полка Г.Г. Садильников, прибывший со своим полком 22 декабря в Щегловск, в дневнике записал: «В городе красные похозяйничали. Кругом по улицам валялись трупы местных горожан. В одном из домов было сложено поленницей так много обезображенных трупов с отрубленными конечностями»[44].

Советский источник подтверждает эти мемуары. Учитывая сведения А.Н. Геласимовой о разоружении в городе целых воинских эшелонов, сотнях убитых и массовой ловле приезжавших в Щегловск «буржуев» и беженцев, из-за чего «пленными до отказа забили свободные дома, амбары, магазины, сараи», и ее признание, что в Щегловске было «уничтожено много колчаковцев»[45], главную массу жертв составили не горожане, а взятые в плен, в том числе гражданские лица – беженцы. Геласимова записала в дневнике: «Взяли Щегловск… Что было – трудно передать. Сотни трупов»[46]. В неопубликованной части других своих мемуаров Геласимова откровенно написала об отношении к нескольким тысячам пленных (и, надо полагать, беженцам тоже), из которых половина была тифозных и обмороженных: «Освободили несколько домов и один на другого сваливали полуживых

[37] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 34, 35.
[38] *Усков И.Ю., Пьянов А.Е.* Партизанское движение в Кузбассе в годы Гражданской войны 1917–1919 годов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 433.
[39] *Лагздин Э.* На Гурьевском заводе // Сборник Истпарта. № 1. Новониколаевск, 1923. С. 104–107.
[40] *Усков И.Ю.* Рождение города. Кемерово, 2011. С. 178; *Лопатин А.А.* Была ли сожжена церковь в Щегловске? (мифы и действительность) // Балибаловские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 30–35.
[41] *Балмасов С.С.* Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 260.
[42] *Звягин С.П.* Кузбасс в годы гражданской войны. Омск, 2007. С. 58.
[43] *Усков И.Ю.* Рождение города… С. 177.
[44] *Малеевская Т.Н., Шулдяков В.А.* Последнее отступление Сибирской армии. Дневник капитана Г.Г. Садильникова (конец октября 1919 – начало марта 1920 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 71.
[45] *Геласимова А.Н.* Записки подпольщицы. М., 1967. С. 250.
[46] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1121. Л. 50.

врагов…»[47]. Вероятно, основная часть пленных и беженцев была перебита партизанами (сотни), погибла от холода и тифа (возможно, что тысячи).

Только в самое последнее время наметился перелом в освещении кузнецкой драмы. Авторы последней известной нам статьи заявляют, что «…факты, установленные по материалам разнообразных источников, утверждают одно: в ноябре–декабре 1919 года Кузнецк был затерроризирован, разгромлен и полностью разграблен… правомерно говорить о нескольких сотнях погибших»[48]. Близкую позицию занял опубликовавший в конце 2020 г. большой архивный материал о Рогове Ю.И. Гончаров. Правда, его статья использует материалы следственного дела роговцев крайне выборочно, сосредоточена вокруг боевой деятельности атамана и в ней заметен привкус апологетики с желанием занизить число убитых кузнечан. Автор считает, что в Кузнецке погибло до 200 человек, примерно столько же жертв было в Кузнецком и Щегловском уездах. Однако он, используя наиболее откровенные партизанские мемуары, приводит максимальные в литературе оценки роговского террора в отношении уничтоженных в начале декабря 1919 г. защитников церкви в Тогуле – 560 убитых, включая около сотни заживо сожженных. Важно, что Ю.И. Гончаров показал, как уничтожение роговской разведки отступавшими белыми в самом конце 1919 г. резко охладило воинственность партизан, а ответом на их недисциплинированность, уход в тыл и нежелание выполнять приказы командования РККА был арест основных роговских сподвижников и разоружение его отряда красноармейцами[49].

Таким образом, давно известный объективный материал о многочисленных жертвах роговщины до сих пор не воспринимается левонастроенной частью исторического сообщества, а также многими публицистами. Монографии и авторитетные справочные издания нередко воспроизводят публицистически окрашенные комплиментарные клише, реабилитируя либо скрывая преступления Г. Рогова и его соратников. Однако в последнее время не только расширилась источниковая база трагических событий в Кузнецке и других городах Кузбасса, но происходят и серьезные подвижки в переосмыслении этих событий. Массовый террор, насилия Рогова и роговцев чаще стали называть адекватными терминами. Ситуация в современной историографии роговщины свидетельствует о наличии социального заказа как на традиционную мифологию Гражданской войны, так и ее преодоление.

Литература

Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. 384 с.

Геласимова А.Н. Записки подпольщицы М., 1967. 305 с.

Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. М., 2012. 526 с.

Гончаров Ю.И. 140 лет со дня рождения командующего партизанской армией в 1919 г. Г.Ф. Рогова (1881–1920) // Алтайский край. Календарь знаменательных и памятных дат 2021 г. Барнаул, 2021. С. 48–55.

Горбатов А.В., Мальцев М.А. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году // Научный диалог. 2021. № 1. С. 224–240.

Гришаев В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. 240 с.

Егоров Г. Крушение Рогова. Барнаул, 1965. 127 с.

Ермаков В.Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917–1922 годов. СПб., 2018. 272 с.

[47] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 388. Л. 3.

[48] *Горбатов А.В., Мальцев М.А.* Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году // Научный диалог. 2021. № 1. С. 233. Здесь следует уточнить, что в ноябре терроризировался не Кузнецк, а селения уезда.

[49] *Гончаров Ю.И.* 140 лет со дня рождения командующего партизанской армией в 1919 г. Г.Ф. Рогова (1881–1920) // Алтайский край. Календарь знаменательных и памятных дат 2021 г. Барнаул, 2021. С. 48–55.

За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции (1917–1927) / отв. ред. В. Ворченко. Щегловск, 1927. 79 с.

Звягин С.П. Кузбасс в годы гражданской войны. Омск, 2007. 115 с.

К истории партизанского движения в Сибири // История СССР. 1988. № 4. С. 159–170.

Кадейкин В.А. Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. Кемерово, 1959. 99 с.

Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018. 430 с.

Лагздин Э. На Гурьевском заводе // Сборник Истпарта. № 1. Новониколаевск, 1923. С. 91–107.

Ларьков Н.С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 579–582.

Лопатин А.А. Была ли сожжена церковь в Щегловске? (мифы и действительность) // Балибаловские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 30–35.

Малеевская Т.Н., Шулдяков В.А. Последнее отступление Сибирской армии. Дневник капитана Г.Г. Садильникова (конец октября 1919 – начало марта 1920 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 65–84.

Павлов Я.С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983. 430 с.

Партизанское движение в Сибири // Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 425–428.

Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг.: док-ты и мат-лы / ред.-сост. Г.Н. Безруков. Барнаул, 1999. 319 с.

Плотникова М.Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф., посвящ. 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С. 66–81.

Рогов Г.Ф. (Кузнецк, декабрь 1919). Аннотированный список литературы / сост. Т.Н. Киреева. Новокузнецк, 2010. 87 с.

Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия в 3 т. М., 2021. Т. 2. 877 с.

Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. СПб., 2019. 704 с.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: в 4 т. М., 1998. Т. 1: 1918–1922. Док-ты и мат-лы. 864 с.

Сомов К.К. Год Колчака (Главы из романа «Усобица»). Барнаул, 2012. 656 с.

Спириденков В.А. Лесные солдаты: Партизанская война на Северо-Западе СССР: 1941–1944 гг. М., 2007. 334 с.

Степанов Ф. Тактические уроки борьбы // Партизаны: сборник статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1929. С. 22–28.

Тепляков А.Г. Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919–1920 гг.: роговщина и тряпицынщина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2013. Т. 1. С. 134–142.

Тепляков А.Г. Рогов Григорий Федорович // Вожаки и лидеры смуты. 1918–1922 гг.: биографические материалы. М., 2017. С. 452–454.

Усков И.Ю. Рождение города. Кемерово, 2011. 352 с.

Усков И.Ю., Пьянов А.Е. Партизанское движение в Кузбассе в годы Гражданской войны 1917–1919 годов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 423–438.

Федоров А.Ю. Революционная эпопея анархистов Григория Рогова и Ивана Новоселова // Прямухинские чтения 2017 года. М., 2018. С. 338–353.

Шишкин В.И. Еще раз о Рогове и «роговщине» // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 102–126.

Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 710 с.

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся – теория и практика. Ч. 2. (1918–1925). Омск, 1996. 174 с.

Штырбул А.А. О некоторых тенденциях и явлениях в исследовании Гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления сов. власти в Сибири (Омск, 13–14 ноябрь 2019 г.). Омск, 2019. С. 318–324.

Шуклецов В.Т. Причернские партизаны. Кто они – герои или бандиты? (Историография и источники) // Проблемы историографии партийных организаций Сибири. Томск, 1989. С. 53–59.

Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981. 271 с.

References

(1983). Partizanskoe dvizhenie v Sibiri [The Partisan Movement in Siberia]. In *Grazhdanskaya voyna i voennaya intervenciya v SSSR: entsiklopediya.* Moscow, pp. 425–428.

Balmasov, S.S. (2016). Krasnyy terror na vostoke Rossii v 1918–1922 gg. [The Red Terror in the East of Russia in 1918–1922]. Moscow. 384 p.

Bezrukov, G.N. (ed., comp.). (1999). *Partizanskoe i povstancheskoe dvizhenie v Prichumysh'e 1918–1922 gg.: dok-ty i mat-ly* [The Partisan and Insurgent Movement in Prichumyshye 1918–1922: Documents and Materials]. Barnaul. 319 p.

Egorov, G. (1965). *Krushenie Rogova* [The Crash of Rogov]. Barnaul. 127 p.

Ermakov, V.D. (2018). Anarhisty na frontakh Grazhdanskoy voyny 1917–1922 godov [Anarchists on the Fronts of the Civil War of 1917–1922]. St. Petersburg. 272 p.

Fedorov, A.Yu. (2018). Revolyutsionnaya epopeya anarhistov Grigoriya Rogova i Ivana Novoselova [The Revolutionary Epic of the Anarchists Grigory Rogov and Ivan Novoselov]. In *Pryamuhinskie chteniya 2017 goda.* Moscow, pp. 338–353.

Gelasimova, A.N. (1967). Zapiski podpol'shchitsy [Notes of an Underground Worker]. Moscow. 305 p.

Gogun, A. (2012). Stalinskie kommandos. Ukrainskie partizanskie formirovaniya, 1941–1944 [Stalin's Commandos. Ukrainian Partisan Formations, 1941–1944]. Moscow. 526 p.

Goncharov, Yu.I. (2021). 140 let so dnya rozhdeniya komanduyushchego partizanskoy armiey v 1919 g. G.F. Rogova (1881–1920) [140 Years Since the Birth of the Commander of the Partisan Army in 1919, G.F. Rogov (1881–1920)]. In *Altayskiy kray. Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat 2021 g.* Barnaul, pp. 48–55.

Gorbatov, A.V., Mal'cev, M.A. (2021). Pravoslavnye obshchiny i partizanskoe dvizhenie v Kuzbasse v 1919 godu [Orthodox Communities and Partisan Movement in Kuzbass in 1919]. In *Nauchnyy dialog.* No. 1, pp. 224–240.

Grishaev, V.F. (2004). *Nevinno ubiennye. K istorii stalinskikh repressiy pravoslavnogo duhovenstva na Altae* [Innocently Murdered. On the History of Stalin's Repressions of the Orthodox Clergy in Altai]. Barnaul. 240 p.

(1988). K istorii partizanskogo dvizheniya v Sibiri [On the History of the Partisan Movement in Siberia]. In *Istoriya SSSR.* No. 4, pp. 159–170.

Kadeykin, V.A. (1959). Gody ognevye. Iz istorii grazhdanskoy voyny v Kuzbasse 1918–1919 gg. [Years of Fire. From the History of the Civil War in Kuzbass 1918–1919]. Kemerovo. 99 p.

Kireeva, T.N. (comp.) (2010). *Rogov G.F. (Kuzneck, dekabr' 1919) Annotirovannyy spisok literatury* [Rogov G.F. (Kuznetsk, December 1919). Annotated List of References]. Novokuzneck. 87 p.

Kriven'kiy, V.V. (2018). *Anarhistskoe dvizhenie v Rossii v pervoy chetverti XX v.: teoriya, organizatsiya, praktika* [Anarchist Movement in Russia in the First Quarter of the 20th Century: Theory, Organization, Practice]. Moscow. 430 p.

Lagzdin, E. (1923). Na Gur'evskom zavode [At the Guryev Plant]. In *Sbornik Istparta*. Novonikolaevsk. No. 1, pp. 91–107.

Lar'kov, N.S. (2009). Partizanskoe dvizhenie [Partisan Movement]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t*. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 579–582.

Lopatin, A.A. (2008). Byla li sozhzhena tserkov' v Shcheglovske? (mify i deystvitel'nost') [Was the Church in Shcheglovsk Burned Down? (Myths and Reality)]. In *Balibalovskie chteniya. Mat-ly nauch.-prakt. konf.* Kemerovo. Vol. 5, pp. 30–35.

Maleevskaya, T.N., Shuldyakov, V.A. (2009). Poslednee otstuplenie Sibirskoy armii. Dnevnik kapitana G.G. Sadil'nikova (konets oktyabrya 1919 – nachalo marta 1920 gg.) [The Last Retreat of the Siberian Army. The Diary of Captain G.G. Sadilnikov (Late October 1919 – Early March 1920)]. In *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya.* No. 15, pp. 65–84.

Pavlov, Ya.S. (1983). Narodnaya voyna v tylu interventov i belogvardeytsev (Rukovodstvo RKP(b) podpol'noy i partizanskoy bor'boy v gody vooruzhennoy inostrannoy interventsii i grazhdanskoy voyny) [The People's War in the Rear of the Interventionists and the White Guards (Leadership of the RCP(b) Underground and Guerrilla Struggle During the Years of Armed Foreign Intervention and Civil War)]. Minsk. 430 p.

Plotnikova, M.E. (1971). O partizanskom otryade Rogova i sushchnosti "rogovshchiny" [About Rogov's Partisan Detachment and the Essence of the "Rogovshchina"]. In *Novokuzneck v proshlom i nastoyashchem: mat-ly nauch. konf., posvyashchennoy 350-letiyu osnovaniya Kuznecka.* Novokuzneck, pp. 66–81.

(2021). *Rossiya v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922: entsiklopediya v 3 t.* [Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia]. Moscow. Vol. 2. 877 p.

Rublev, D.I. (2019). Rossiyskiy anarhizm v XX veke [Russian Anarchism in the 20th Century]. St. Petersburg. 704 p.

Shishkin, V.I. (1985). Eshche raz o Rogove i "rogovshchine" [Once Again About Rogov and "Rogovshchina"]. In *Oktyabr' i grazhdanskaya voyna v Sibiri. Istoriya. Istoriografiya. Istochnikovedenie.* Tomsk, pp. 102–126.

Shishkin, V.I. (1997). *Sibirskaya Vandeya: vooruzhennoe soprotivlenie kommunisticheskomu rezhimu v 1920 godu* [Siberian Vendee: Armed Resistance to the Communist Regime in 1920]. Novosibirsk. 710 p.

Shtyrbul, A.A. (1996). *Anarhistskoe dvizhenie v Sibiri v 1-j chetverti XX veka: antigosudarstvennyy bunt i negosudarstvennaya samoorganizatsiya trudyashchihsya – teoriya i praktika* [Anarchist Movement in Siberia in the 1st Quarter of the 20th Century: Anti-State Revolt and Non-State Self-Organization of Workers – Theory and Practice] (1918–1925). Omsk. Vol. 2. 174 p.

Shtyrbul, A.A. (2019). O nekotorykh tendentsiyakh i yavleniyakh v issledovanii Grazhdanskoy voyny na territorii Sibiri v postsovetskiy period istoriografii [About Some Trends and Phenomena in the Study of the Civil War in Siberia in the Post-Soviet Period of Historiography]. In *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: mat-ly III Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu vosstanovleniya sov. vlasti v Sibiri.* Omsk, pp. 318–324.

Shukletsov, V.T. (1981). *Sibiryaki v bor'be za vlast' Sovetov: deyatel'nost' partii v krest'yanskih massah Zapadnoy Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [Siberians in the Struggle for Soviet Power: the Activity of the Party in the Peasant Masses of Western Siberia During the Revolution and the Civil War]. Novosibirsk. 271 p.

Shukletsov, V.T. (1989). Prichernskie partizany. Kto oni – geroi ili bandity? (Istoriografiya i istochniki) [The Taiga Guerrillas: who are They – Heroes or Bandits? (Historiography and sources)]. In *Problemy istoriografii partiynykh organizatsiy Sibiri*. Tomsk, pp. 53–59.

Somov, K.K. (2012). *God Kolchaka (Glavy iz romana "Usobica")* [The Year of Kolchak. Chapters from the novel "Internecine Strife"]. Barnaul. 656 p.

(1998). *Sovietskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. V 4 t. 1918–1922. Dok-ty i mat-ly* [The Soviet Village Through the Eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918–1922. Documents and Materials]. Moscow. Vol. 1. 864 p.

Spiridenkov, V.A. (2007). Lesnye soldaty: Partizanskaya voyna na Severo-Zapade SSSR: 1941–1944 gg. [Forest Soldiers: The Guerrilla War in the North-West of the USSR: 1941–1944]. Moscow. 334 p.

Stepanov, F. (1929). Takticheskie uroki bor'by (1929) [Tactical Lessons of Fighting] In *Partizany: sbornik statey, partizanskikh i krasnogvardeyskikh vospominaniy, istoricheskikh dokumentov i boevykh pesen, posvyashchennyy trekhletney geroicheskoy bor'be rabochikh i krest'yan Zabaykal'ya za vlast' Sovetov*. Chita, pp. 22–28.

Teplyakov, A.G. (2013). Partizanskie sotsial'nye chistki na vostoke Rossii v 1919–1920 gg.: rogovshchina i tryapitsynshchina [Partisan Social Purge in the East of Russia in 1919–1920: Rogovshchina and Tryapitsynshchina]. In *Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR. 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetskogo gosudarstva: mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf.* Krasnodar. Vol. 1, pp. 134–142.

Teplyakov, A.G. (2017). Rogov Grigoriy Fedorovich [Rogov Grigoriy Fedorovich]. In *Vozhaki i lidery smuty. 1918–1922 gg.: biograficheskie materialy.* Moscow, pp. 452–454.

Uskov, I.Yu. (2011). Rozhdenie goroda [The Birth of the City]. Kemerovo. 352 p.

Uskov, I.Yu., P'yanov, A.E. (2020). Partizanskoe dvizhenie v Kuzbasse v gody Grazhdanskoy voyny 1917–1919 godov [The Partisan Movement in Kuzbass During the Civil War of 1917–1919]. In *Nauchnyy dialog.* No. 3, pp. 423–438.

Vorchenko, V. (1927). *Za desyat' let. Kuzneckiy okrug k desyatoy godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii* (1917–1927) [For Ten Years. Kuznetsk District on the Tenth Anniversary of the October Revolution (1917–1927)]. Shcheglovsk. 79 p.

Zvyagin, S.P. (2007). *Kuzbass v gody grazhdanskoy voyny* [Kuzbass During the Civil War]. Omsk. 115 p.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021 г.

Н.А. Старухин*

Протоколы Краевого съезда старообрядцев всех согласий: к истории идеологических и организационных процессов в обществах сибирских староверов (Барнаул, июль 1917 года)

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-17

УДК 930.1

Выходные данные для цитирования:

Старухин Н.А. Протоколы Краевого съезда старообрядцев всех согласий: к истории идеологических и организационных процессов в обществах сибирских староверов (Барнаул, июль 1917 года) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 205–223. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-17.pdf

N.A. Starukhin*

Minutes of the Regional Congress of Old Believers of All Agreements: on the History of Ideological and Organizational Processes in the Societies of Siberian Old Believers (Barnaul, July, 1917)

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-17

How to cite:

Starukhin N.A. Minutes of the Regional Congress of Old Believers of All Agreements: on the History of Ideological and Organizational Processes in the Societies of Siberian Old Believers (Barnaul, July, 1917) // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 205–223. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-17.pdf]

Abstract. Despite the fact that the Old Believers, as a representative religious and social movement, have long been under constant attention of researchers, its socio-political component, as well as its organizational structure, still needs to be considered. In this regard, the study of record-keeping materials, which have been poorly preserved and have not been the subject of a special study, seems relevant in this regard. Analysis of record-keeping materials helps to trace changes in the social structure of Old Believer communities, to reveal the ideological foundations and the level of social and political activity of Old Believers, the evolution of their ideological constructions, which, as is known, most consistently manifested itself in critical epochs. Record-keeping sources help to restore in detail the history of Old Believer communities, biographies of the leaders of Old Believer communities, ordinary community members, whose position largely determined the decision-making on key issues of Old Believer life, which was far from easy at all times. The article introduces into scientific circulation the protocols of one of the diocesan congresses of the Old Believers of the Belokrinitsky hierarchy, which took place in Barnaul from 20 to 24 July 1917. Its vivid feature was the inclusion in the agenda of issues of the country's political life, so diligently camouflaged by the Old Believers' organizations throughout their previous history. The attempts of the Old Believers of various accords to find common ground and to act as a united front on the eve of the upcoming elections to representative bodies of power also look very unusual.

Keywords: Old Believers; Belokrinitsky consent; chapels; Pomeranian consent; sources; office work; political parties.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Несмотря на то, что старообрядчество как представительное религиозно-общественное движение давно находится в поле зрения исследователей, его общественно-политическая составляющая, равно как и организационная структура, еще требует своего рассмотрения. Актуальным видится в этой связи изучение делопроизводственной документации, мало сохранившейся и не являвшейся предметом специального исследования.

* **Старухин Николай Алексеевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: prognostika@mail.ru
Starukhin Nikolay Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: prognostika@mail.ru

Именно изучение материалов делопроизводства помогает проследить изменения и в социальной структуре староверческих общин, выявить идейные основы и уровень общественно-политической активности староверов, эволюцию их идеологических построений, как известно, наиболее последовательно проявлявшуюся в переломные эпохи. Делопроизводственные источники помогают детально восстановить и историю староверческих обществ, биографии лидеров староверческих обществ, рядовых общинников, позиция которых во многом определяла принятие решения по ключевым вопросам старообрядческой жизни, далеко непростой во все времена. В статье вводятся в научный оборот протоколы одного из епархиальных съездов старообрядцев Белокриницкой иерархии, проходившего в Барнауле с 20 по 24 июля 1917 г. Его бросающейся в глаза особенностью стало включение в повестку дня вопросов политической жизни страны, столь старательно камуфлируемых староверческими организациями на протяжении их предыдущей истории. Весьма необычно выглядят и попытки староверов разных согласий найти точки соприкосновения, выступить единым фронтом накануне предстоящих выборов в представительные органы власти.

Ключевые слова: старообрядчество; белокриницкое согласие; часовенные; поморское согласие; источники; делопроизводство; политические партии.

Участие старообрядчества в общественно-политической жизни России в начале XX столетия все больше привлекает внимание исследователей. Изменившийся в результате революционных событий курс законодательной политики государства по отношению к движению старообрядчества существенным образом повлиял на его общественную активность, во многом подготовил участие отдельных лидеров старообрядческих общин и в политических акциях в период острейшего социально-политического кризиса 1917 г. Изучение причин и последствий этого кризиса является одной из дискуссионных проблем в отечественной историографии. Неслучайно в научных исследованиях на сегодняшний день сложились диаметрально противоположные точки зрения, касающиеся оценки участия старообрядцев в политической жизни страны в начале прошлого столетия. Изучение этих акций требует вдумчивого и всестороннего изучения. В свое время академик Н.Н. Покровский, неоднократно подчеркивавший, что церковные споры XVII в. практически изначально носили острый политический характер, высказывал весьма справедливые сомнения по поводу самой политической активности староверия в попытках объединить разнородную староверческую массу вокруг конкретного центра.

Для последующего изложения важно указать, что политизация жизни, процесс массового образования партий в стране после 1905 г. так или иначе староверие, конечно, затронул. Ведущие согласия в силу ряда причин вырабатывают свою политическую позицию, свое отношение к тому или иному партийному движению. Характерно, что в III и IV Государственные Думы депутаты-старообрядцы входили от разных партий. Отмеченные положения подтверждают выводы историографии советского периода о социальной неоднородности староверия, борьбы в нем разных группировок, выражавшейся в частности в догматической и идейной сферах.

События февраля 1917 г. – новый этап политической активности белокриницких общин. В старообрядческой публицистике получил свое освещение факт проведения московскими старообрядцами нескольких согласий «политического» собрания 5 марта 1917 г. в Политехническом музее, на котором была скоординирована позиция после совершившегося «государственного переворота». Ведущая роль на собрании принадлежала деятелям белокриницкого согласия. Говорилось, что над монархическим режимом, «душившим все живое», «свершился справедливый суд Божий». Легитимным признавалось новое правительство – созданное, по мнению собравшихся, «народной волей». Собрание московских старообрядцев санкционировало создание политических организаций в старообрядчестве в целом, хотя и говорилось, что принять участие в политической жизни можно в частном порядке как «живым членам государственного организма». По мнению участников

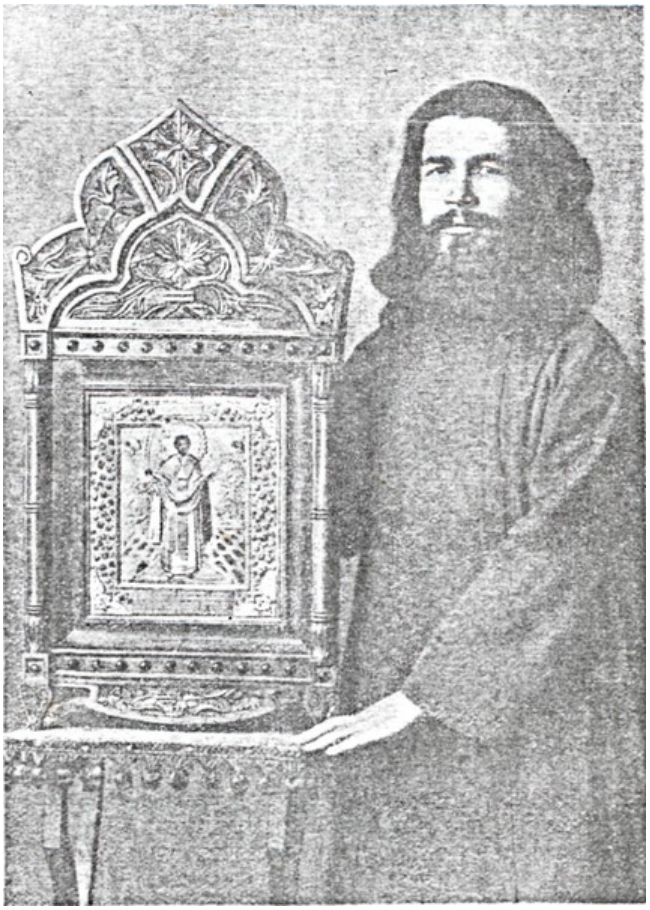
собрания, именно революционная смена власти подтолкнула староверов к политической деятельности, «строительству государственной жизни». 14 марта того же года на очередном организационном совещании московские староверы, поморцы, беглопоповцы и представители белокриницкого согласия обсудили вопрос о государственной форме правления. На этом же совещании для разработки политической программы старообрядцев был избран Исполнительный комитет представителями белокриницкого, беглопоповского и поморского согласий. Вскоре Исполнительным комитетом была подготовлена «Политическая программа старообрядцев всех согласий», одобренная прошедшими в мае того же года поморскими и белокриницкими всероссийскими съездами. Программа включала девять вопросов: о форме государственного правления, территориальной целостности России, отношении к войне, подготовке к Учредительному собранию, уравнении в правах всех вероисповеданий, просвещении и образовании, земле, о конфискованном у старообрядцев в разное время имуществе (последний вопрос остается актуальным для староверческих общин и в последние десятилетия). Показателен, с точки зрения внутренних идейных установок староверов, вопрос о форме государственного правления, включенный первым пунктом в программу. В частности, в нем говорилось, что народ должен сам избирать свое правительство, верховный представитель власти обязательно должен быть «представителем христианского исповедания». Не менее интересна и показательна ссылка на подобный порядок управления «в старину» в Новгороде, Пскове, «других русских уделах». Обязательным требованием для выбираемых в Учредительное собрание депутатов-старообрядцев являлось знакомство не только с нуждами самих старообрядцев, но и «общегосударственными вопросами». Для решения земельного вопроса предлагалось создание государственного земельного фонда, образованного за счет «отчуждения» государственных, удельных, бывших кабинетских и жалованных, церковных и монастырских земель (последним предлагалось оставить такое количество земли, какое монахи могли бы обработать своим личным трудом). Конфискации не должны были подлежать земли крестьян и крестьянских обществ, приобретенные через крестьянский банк или другие «кредитные учреждения». Земли крупных землевладельцев должны были отчуждаться «по справедливой» (не рыночной) цене. Кроме того, в программе высказывалась поддержка Временному правительству, необходимость ведения войны «до победного конца» и т.д. Как отмечалось в старообрядческой литературе, статус «политических» получили 18-й и 19-й съезды – последние всероссийские съезды в белокриницком согласии, состоявшиеся в мае и августе 1917 г. Как говорилось выше, предполагалось создание центральных выборных органов, координирующих политическую деятельность старообрядцев. После октября 1917 г. их деятельность будет перенесена в региональные центры.

Свое влияние события в центре страны оказали и на сибирские старообрядческие общины. Для Сибири со своей спецификой характерна также полемика, хотя и менее острая, чем в столичных городах, борьба за умы между старообрядческими лидерами и представителями различных, прежде всего правых и радикальных партий. Известно, что членом «Союза русского народа» был первый председатель церковного совета Новониколаевской белокриницкой общины, купец К.А. Поляков. Достаточным влиянием в Новониколаевске пользовался член местной белокриницкой общины Т.А. Чернышев, близкий по взглядам к Ф.Е. Мельникову, неоднократно подчеркивавший свои антимонархические позиции. Но наибольшее влияние среди крестьянского и, как показал анализ источников, старообрядческого населения в Сибири в этот период имели левые партии, прежде всего эсеры. Перипетии этой борьбы нашли отражение как в столичной старообрядческой прессе, так и в публикуемых ниже протоколах епархиального съезда.

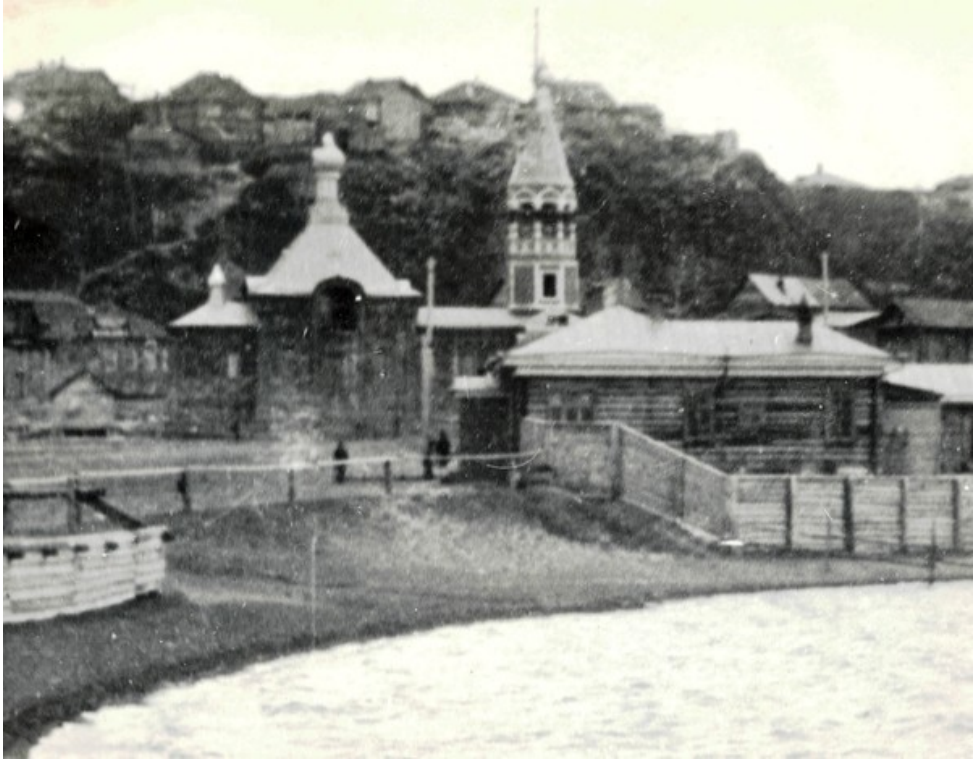
Прошедший в Барнауле 20–24 июля 1917 г. Краевой съезд старообрядцев белокриницкого согласия с участием отдельных представителей от беглопоповских, часовенных и поморских обществ являлся одной из серьезных политических акций этого периода. Но съезд следует обязательно рассматривать в связи со всеми мероприятиями, проводимыми политическими, религиозными и национальными организациями в Сибири с марта 1917 по ноябрь 1918 г.

Кроме того, в решениях барнаульских съездов явно прослеживается влияние разработанной политической программы московских старообрядцев, по сути, только санкционировавшей ее принятие. Бросается в глаза и то, что даже в наиболее мобильном в организационном плане белокриницком согласии немалая часть обществ не приняла участие в Краевом съезде, и несколько беспомощно выглядят попытки организаторов съезда обратиться к епископу Иоасафу (Журавлеву) сделать внушение «неповинующимся священникам» и приходам, не присылающим уполномоченных на епархиальные съезды. Уже с весны–лета 1917 г. все настойчивее звучат и настороженные тона, появляются первые эсхатологические сочинения этого периода.

Публикуемые протоколы епархиального съезда на сегодняшний день известны в единственном экземпляре. Характерно, что печатались они в кадетской типографии «Народная свобода», и доклад именно этой партии упоминается в протоколе от 22 июня 1917 г. Чтобы сохранить все особенности источника, сохранена его орфография, выделения жирным шрифтом, разрядка, написание отдельных слов прописными буквами. Знаки препинания по возможности приведены в соответствие с современными требованиями. Явные опечатки исправлялись безоговорочно.



Один самых активных участников
общественно-политической жизни сибирских староверов
о. Даниил Суворов перед поездкой на фронт в 1914 г.



Барнаульская Крестовоздвиженская церковь – место проведения
Краевого съезда старообрядцев всех согласий.

Старейший участник Краевого съезда
старообрядцев всех согласий
белокриницкий священник о. Марк Рябов.

Один из организаторов Краевого съезда
старообрядцев всех согласий
барнаульский священник о. Иаков Чучалин
с сыном Климентием.

Л. 1 **«Пятый Епархиальный съезд старообрядцев Томско-Алтайской епархии с 20-го по 24-е июля 1917 года в г. Барнауле». Гор[од] Барнаул. Тип[ография] Товарищества «Народная свобода», 1917.**

// Л. 2 Священникам, общинам и всем приходам Томско-Алтайской старообрядческой епархии[1]. **ПРИГЛАШЕНИЕ**

Настоящим приглашаю Вас[а] прибыть на чрезвычайный, созываемый экстренно, епархиальный съезд, имеющий быть в г. Барнауле с 20-го по 25-е июля сего 1917 г[ода]. Ввиду очень важных и неотложных серьезных вопросов, касающихся **Государства, старообрядчества и текущих событий в стране,** желательно и даже необходимо, чтобы кроме священника прибыли на съезд от каждаго прихода по два представителя, и, в крайнем случае, обязательно по одному, по избранию прихода. Отрешимся на несколько дней от своих личных дел и поработаем для пользы **Отечества** и своего правового положения, ибо теперь на всех нас лежит великая ответственность пред страной. Мы призваны к строительству.

Программа съезда.

1. Доклад о поставлениях[б] и резолюциях Всероссийскаго съезда старообрядцев[2]: а) О государственном строе; б) Об отношении к войне; в) О Учредительном собрании; г) Земельный вопрос; д) О займе свободы[3]; е) О школах и воспитании детей[4] и многия другия.
2. Объединение старообрядцев всех согласий по политическим вопросам.
3. Разсмотрение устава Епархиального свечного завода[5] и утверждение его.
4. Разсмотрение докладов могущих поступить на съезд, касающихся старообрядческой, политической, общественной и церковной жизни.

На сие и преподаю мое архипастырское благословение.

Смиренный Иоасаф[6], епископ Томский, Алтайский и Минусинский.

Примечание: Если есть в вашем приходе старообрядцы других согласий? То предложите им избрать своих уполномоченных на съезде, так как одновременно с нашим съездом созывается Краевой съезд старообрядцев всех согласий. Барнаул, Подгорная улица № 61[7].

// Л. 2 об.

Список лиц, явившихся с уполномочиями от общин и приходов старообрядцев всех согласий на Краевой старообрядческий съезд в г. Барнауле с 20-ого по 24-е июля 1917 года.

1) Священник Трифон Сухов[8], благочинный, Томский приход.
2) Протоиерей Павел Хромцев[9], благочинный, Анисимовский[в] приход.
3) Священник Иаков Чучалин[10], благочинный, Барнаульский приход.
4) Протоиерей Даниил Быков[11], благочинный, Айский приход.
5) Священник Гавриил Бурминов[12], благочинный, Красно-Ярский приход.
6) ” Игнатий Чучалин[13], Н[ижне]-Каянчинский[г] прих[од].
7) ” Петр Плотников[14], Маслянинский приход.
8) ” Констант[ин] Баженов[15], Покровский приход.
9) ” Даниил Суворов[16], чл[ен] епархиальн[ого] сов[ета].
10) ” Александр Дернов[17], Н[ово]-Глушинский приход.
11) ” Зотик Горкунов[18], Н[ово]-Шульбинск[ий] приход.

[а] *Так в документе.*
[б] *Так в документе, возможно, следует читать* постановлениях.
[в] *Испр., в документе* Аксимовский.
[г] *Испр., в документе* Н-Каянчеинский.

12) ” Павел Колотов[19], Попереченский приход.
13) ” Иоаким Сотников[20], Подонниковск[ий] приход.
14) ” Панфил Никулин[21], Язовский приход.
15) ” Евфимий Овчаров[22], Благовещенск[ий] приход.
16) ” Сергей Килин[23], Бажевский приход.
17) ” Увеналий Кононов[24], Южаковский приход
18) ” Леонтий Барашов[25], Платовский приход.
19) ” Авраамий Перпикин[26], Никулинский приход.
20) ” Иоаким Черноусов[27], Полковниковский прих[од].
21 ” Иаков Берсенев[28]. Н[ово]-Драченинский пр[иход].
22) ” Григорий Мишуров[29], Воронихинск[ий] прих[од].
23 ” Марк Рябов[30], Шмаковский приход.
24) ” Филипп Ларионов[31], Богатыревский приход.
25) ” Леонтий Ефимов[32], Еловская община.
26) ” Терентий Козминых[33], Инюшевский приход.
27) ” Крестьян[ин] Роман Тихонов Лаптев[34], Колыванский приход.
28) ” Дементий Артемьев[д] Бабушкин[35], Шмаковский приход.
29) ” Арсений Никитин Другов[36], Н[ижне]-Каянчинск[ий] прих[од].
30) ” Фома Архипов Бубенщиков[37], Маслянинский приход.
31) ” Харлампий Кириллов Кошкарев[38], Покровский приход.
32) ” Исаак Трофимов Гладков[39].
33) Торгующий Артемон Иосифов Волков[40], Барнаульский приход.
34) Слесарь Николай Феоктистов Симеонов[41].
35) Торгующий Иван Иович Черкасов[42], Барнаульск[ий] приход.
36) Псаломщик Фока Павлов Мельников[43], Южаковский приход.
37) Торгующий Климент Родионов Козлов[44], Барнаульск[ий] беглопоп[овец]. // Л. 3
38) Крестьян[ин] Пимен Тимофеев Галкин[45], Бажевский приход.
39 ” Григорий Осипов Фоминых[46], Н[ово]-Шульбинский прих[од].
40) ” Яков Иванов Иванков[47], Благовещенск[ий] прих[од].
41) ” Алексей Антипов Мезенцев[48], Айский приход.
42) Торгующий Киприан Афанасьев Волков[49], Барнаульск[ий] приход.
43) Крестьян[ин] Игнатий Макаров Житников[50], Платовский приход.
44) Алексей Гаврилов Мальцев[51], хутор «Алтай».
45) Иван Андреев Рожков[52], Никольский приход.
46) Ефим Архипов Горин[53], Никулинск[ий] приход.
47) Торгующий Кирилл Александр[ович] Поляков[54]. Н[ово]-Николаевск[ий] прих[од].
48) Крестьян[ин] Трифилий Ефимов Кузнецов[55] [е], Воронихинск[ий] прих[од].
49) ” Ефим Мефодиев Маметьев[56], Снегиревский приход.
50) Учитель Тимофей Семенов Медов[57], Богатыревск[ий] прих[од].
51) ” Афанасий Поликарпов Портнягин[58], Н[ово]-Глушинский прих[од].
52) Крестьянин Аким Феоктистов Бурлаков[59], Красноярский прих[од].
53) ” Иван Петров Писменников[60], Владимировск[ий] прих[од].
54) ” Анфим Степанов Мошкин[61], Н[ово]-Новониколаевск[ий] прих[од].
55) ” Александр Евдокимов Евстратов[62], Частоозерский прих[од].
56) Лесопром[ышленник] Тарас Антонов Чернышев[63]. Н[ово]-Николаевский прих[од].
57) Крестьян[ин] Савватий Абрамов Казанцев[64], Н[ово]-Драченинск[ий] прих[од].
58) ” Федор Захаров Шилов[65], Еловский приход.
59) ” Емелиан Евгениев Носков[66], Тайнинский приход.
60) Торгующий Михаил Ефимов Найденов[67], Красноярский прих[од].
61) ” Максим Андриянов Меднов[68], Анисимовский прих[од].

[д] *Испр., в документе* Артемьев.
[е] *Испр., в документе* Кузнецев.

62) Служащий Дионисий Калинников Михалев[69], барнаульск[ий] безпоп[овец].

63) Крестьянин Сидор Васильев Веревкин[70], Попереченск[ий] прих[од].

64) ” Иван Александров Бабиков[71].

65) Лесопром[ышленник] Федор Кондратьев Козлов[72], барнаульск[ий] безпопов[ец].

Без уполномочий с совещательным голосом и слушателей было человек 35. Всего до 100 человек.

Протокол № 1-й

Заседания епархиальнаго съезда Томской старообрядческой епархии 20-го июля 1917-го г[ода] в г. Барнауле. В 3 часа пополудни после обычной молитвы священник о[тец] Трифон Сухов читает поручение ему ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИОАСАФА на ведение дела по съезду, – программу съезда, и, объявляя съезд открытым, предлагает избрать председателя, помощника ему, и двух секретарей. // Л. 3 об. Открытым голосованием избраны: председателем священ[ник] о[тец] Трифон Сухов, помощником священ[ник] о[тец] Иаков Чучалин, секретарями А.П. Портнягин и А.И. Волков. Председатель предлагает избрать комиссию для просмотра докладов и на случай разсмотрения частных вопросов, и выработки резолюций съезда. После обмена мнений съезд постановил избрать комиссию из 11-ти лиц: от старообрядцев приемлющих священство 4 священников и 4-х мирян, и от других согласий трех лиц. Избраны: свящ[енник] о[тец] Трифон Сухов, свящ[енник] о[тец] Даниил Суворов, протоирей о[тец] Павел Храмцев, и свящ[енник] о[тец] Даниил Быков. Из мирян: А.Г. Мальцев, И.И. Черкасов, М.А. Меднов, Д.А. Бабушкин, Д.К. Михалев, К.Р. Козлов и Ф.К. Козлов. Председатель в пространной речи приветствует съезд от имени епископа Иоасафа и от себя, отмечает первый свободный съезд, вдобавок, с участием старообрядцев других согласий, а также отмечает весьма тяжелое положение страны и всех призывает к совместной дружной работе. Д.К. Михалев приветствует съезд от имени старообрядцев не приемлющих священства, и выражает горячее пожелание полнаго единения всех старообрядческих согласий по политическим вопросам. Священник Д[аниил] Суворов приветствуя съезд, отмечает прошлое старообрядчества, современное положение родины и тоже призывает всех старообрядцев совместно искать вернаго пути для спасения Отечества. Является надобность объявить о формах государственнаго правления. По просьбе съезда делает объяснение священник о[тец] Д[аниил] Суворов. О[тец] Д[аниил] кратко познакомил относительно царей с историей народа еврейскаго, других древних народов и России до наших дней, причем стало ясно, что цари установление человеческое, и с христианской точки зрения обязательными считаться не могут. Далее о[тец] Даниил[ё] и с другими формами государственнаго правления, и какая из них желательна для старообрядчества, предлагает решить съезду. Объявляется перерыв заседания на 15 минут. По возобновлении заседания священник о[тец] Иаков Чучалин читает доклад о резолюциях Всероссийскаго старообрядческаго съезда в Москве с[его] г[ода] Съезд благодарит докладчика. Председатель предлагает высказаться по вопросам, решенным на Всероссийском съезде. Ставится вопрос о «Форме государственнаго правления». Бабушкин высказался, что население, // Л. 4 избравшее его на съезд, склонно, чтобы была в России республика. Портнягин, отмечая довольно веския доводы участников Всероссийскаго съезда старообрядцев за демократический образ правления, а главным образом, жизнь самой старообрядческой церкви на началах соборности, соглашается с резолюцией Всероссийскаго съезда, но при этом же говорит, что демократическое правление считать безусловно совершенным все-таки нельзя, т.к. хорошее направление жизни может исходить от таких народных учреждений, которые состоят из лучших представителей. Это доказывается жизнью в наше время. Вследствие духовной отсталости большинства русскаго народа за несколько месяцев демократическаго правления Россия страдает от розни и насилия. О[тец] Д[аниил] Суворов делает пояснение в том же направлении, и подробнее знакомит съезд с демократическим правлением. Председатель предлагает все же придти к одному заключению. По просьбе некоторых членов съезда,

[ё] *Так в документе, вероятно, следует читать* Далее о[тец] Даниил познакомил…

о[тцом] Д[аниилом] Суворовым делается объяснение, что такое однопалатная, двухпалатная республика. В виду вечерняго времени окончательное решение вопроса откладывается до следующаго заседания.

Протокол № 2

21 июля 1917 г[ода]. Заседание открывается в 10 часов утра. Председатель предлагает высказаться снова по вопросу о формах гос[ударственнаго] правления, нерешеннаго на предыдущем заседании. Чернышев Т.А. предлагает для точнаго выяснения вопроса сначала разсмотреть программы различных политическ[их] партий. Поляков К.А. высказывает свой взгляд на политические течения, где коснулся высказанных мнений докладчиками на Всероссийском съезде Ф.Е. Мельниковым[73] и Н.Д. Зениным[74], из которых первый, допускает возможность старообрядцам при выборах в Учредительное собрание баллотироваться с партиями от правых до с[оциал]-р[еволюционеров] включительно, а второй призывает держаться правых партий, но оба сходятся, что социальное течение в России при современных условиях в жизни воплотиться не может, а посему ни с одной из существующих партий всему старообрядчеству слиться находят невозможным. Далее Поляков осветил ту горькую действительность, что народныя массы еще не сознают сущности социализма, который поверхностно навязывается им представителями политических партий, // Л. 4 об. с обещанием народу земли и пр[очих] выгод. Бурлаков, не поняв высказаннаго Поляковым, и, опасаясь, чтобы съезду не допустить ошибку, предлагает принять целиком резолюцию Всероссийскаго съезда. Чернышев настаивает найти определенный путь по вопросу образа правления. Меднов[ж] проводит мысль, что образ правления в России желателен – народный, с ограниченной властью правителя, но только, к сожалению, народ наш политики не подготовлен. О[тец] Д[аниил] Суворов говорит, что как старое правительство вело Россию к гибели, так и теперь некоторые вожаки левых партий не менее вредят ей, а потому дело не в партиях, а качестве людей честных и работоспособных. Читается резолюция Всероссийскаго съезда, и после обмена мнений, единогласно принимается. С позволения съезда представитель исполнит[ельного] комитета Барнаульск[ого] уездн[ого] совета кр[естьян]ских депутатов Шапошников[75] знакомит съезд с наказом членам Учредительнаго собрания от кр[естьян]ства Алтайск[ой] губернии, с программой социал-революционеров. Причем сообщил, что крестьянство чрез своих депутатов примкнуло к этой партии, и предлагал съезду присоединиться к требованиям этой партии.

Съезд остановился на вопросе о земле. Идут прения. Многие высказались, что не должно быть принудительно безплатнаго отчуждения земель, т[ак] к[ак] мелкия землевладельцы приобретали землю с большим трудом, который должен быть оплачен. Объявляется перерыв заседания на 2 ½ часа. Заседание возобновляется в 7 час[ов] вечера. Председатель читает резолюцию Всеросс[ийскаго] съезда о единой власти Временнаго правительства. Съезд единогласно принимает резолюцию. Далее читается из резолюции Всероссийск[аго] съезда пункт о единстве России. Поляков высказывается о невозможности разделения России на автономныя части, доказывая вред явлениями из истории России при разделении ея князьями на уделы. Съезд соглашается с мнениями Полякова. Ставится на очередь вопрос о войне. Читается доклад Чистоозерской общины, где говорится «победить или умереть, но вместе с нашими союзниками». Чернышев, соглашаясь с мнением доклада, высказал порицание Ленину и другим обманщикам и предателям России. Солдат Ермолаев[76] упрекнул старообрядческое духовенство в поддержке войны, что, по мнению Ермолаева, не свойственно представителям христианства, и высказался в защиту ленинской организации. Возражает о[тец] Д[аниил] Суворов, доказывая недавними событиями на фронте и внутри России гибельность требований и поступков большевиков. Идут прения. Портнягин желая привести прения к концу напоминает, // Л. 5 что настоящая война есть казнь Божия за беззакония людей, и конец ея зависит всецело от воли Божьей, поэтому тяготу войны мы должны нести до конца, сбросив прежнюю безпечность, стремиться к нравственному совершенству.

[ж] *Испр., в документе* Медов.

Председатель тоже поясняет недостатки ораторов, высказывавшихся за прекращение войны, и предлагает огласить поэтому вопросу резолюцию Всероссийскаго съезда. Читается резолюция и единогласно принимается съездом. Заседание заканчивается в 9 часов вечера.

Протокол № 3-й

22-го июля 1917 г. Заседание открывается в 10 час[ов] утра. Ставится на очередь вопрос о подготовке к Учредительному собранию. По просьбе съезда Поляков объясняет смысл и значение Учредительнаго собрания, где снова многочисленными доводами указывает на порабощение русскаго[з] народа иностранцами, и теперь настало время засилия иностранцев, а чтобы сбросить его, то русский народ должен объединиться, и послать в Учредительное собрание людей, проникнутых национальным чувством и работающих всецело на пользу русскаго[и] народа. В свою очередь, мы, старообрядцы, должны провести людей верующих и горячо преданных старообрядчеству. Председатель говорит в этом же направлении. Затем Поляков знакомит с самыми порядками выбора в Учредительное собрание. Читается доклад партии «Народной свободы». Председатель говорит, чтобы выборы в Учредительное собрание были какими следует, то нужна на местах особая подготовка, и путь ея уже указан нашим Всероссийским съездом. После обмена мнений съезд постановил: в г. Барнауле учредить отдел Центральнаго Всероссийскаго Союза старообрядцев всех согласий, который бы давал руководство и наставления приходам. В приходах же учредить комитеты и послать агитаторов, главным образом для объединения старообрядцев всех согласий. Кандидатов в этот отдел съезд поручает наметить комиссии съезда. Объявляется перерыв на 2 часа.

В 4 часа вечера заседание возобновляется. Читается доклад от[ца] Черноусова об уравнении в правах духовенства всех вероисповеданий. Доклад принимается к сведению. // Л. 5 об. Читается доклад по вопросу об образовании[к] и просвещению среди старообрядцев. Открытым голосованием допускается с участием совещательнаго голоса представитель от Совета солдатских и рабочих депутатов. Председатель говорит по вопросу образования среди старообрядцев раньше и теперь, и заключает свою речь тем, что старообрядцы стремились к просвещению, но в этом им ставились преграды. Теперь старообрядцы смело могут требовать открытия своих училищ и содержания их на счет государства. Михалев читает резолюцию Уральскаго съезда[77], и тоже высказывается за открытие и содержание своих школ за счет государства. Представитель С[овета] р[абочих] депутатов говорит, что по мысли лучших людей в мире религия должна быть свободна, в соединении же с государством и христианская религия утрачивает свой облик. Что же касается преподавания Закона Божия, то оратор говорит, что в раннем детстве оно может быть и не обязательным. Целый ряд ораторов его мнение считает противным христианскому учению. Портнягин присоединяется к мнению предыдущих ораторов, но при этом в слове из резолюции социалистических организаций «не обязательным» не усматривает стеснения и воспрещения Закона Божия, т.к. в стране объявлена свобода совести. Управляющий отд[елением] Госуд[арственнаго] банка Лашевич[78] в пространной речи доказывает необходимость преподавания З[акона] Божия с ранняго возраста и считает его неотъемлемым от школы. Читается резолюция Всероссийскаго съезда по открытию школ для старообрядцев, которую съезд единогласно принимает[79]. Ставится вопрос о военном займе. Лашевич пространно излагает тяжелое финансовое положение России и указывает, что выйти из этого положения вполне возможно при живом участии всего народа во внутренних займах. Оратор обращается с горячим призывом к участникам съезда по прибытии на места разъяснить всю важность военнаго «Займа свободы». Потом читается резолюция Всероссийскаго съезда о займе и единогласно принимается. В отдел Центральнаго Всероссийскаго Союза старообрядцев всех согласий по подготовке к Учредительному собранию комиссией съезда назначены следующие кандидаты: свящ[енник] Т[рифон] Сухов, свящ[енник] И[аков] Чучалин,

[з] *Испр., в документе* Русскаго.
[и] *Испр., в документе* Русскаго.
[к] *Испр., в документе* образования.

свящ[енник] И[оанн] Иванов[80], свящ[енник] Д[аниил] Суворов, свящ[енник] Павел Храмцов, Т.А. Чернышев, К.А. Поляков, И.И. Черкасов, К.Р. Козлов, А.Г. Мальцев, А.П. Портнягин, Бурлаков. Каковые в своем назначении утверждаются съездом. Заседание закрывается в 8 часов, следующее заседание назначено в 1 час дня.

// Л. 6. **Протокол № 4-й**

23-го июля 1917-го года. Заседание открывается в 1 час дня. Председатель предлагает закончить решение земельнаго вопроса, попутно затронутого на 2-м заседании съезда и достаточно уже выясненнаго. Читается поэтому вопросу резолюция Всероссийскаго съезда старообрядцев[81], и единогласно принимается. С согласия съезда говорит миссионер Чистотин[82]. Приветствуя съезд, миссионер освещает вопрос о формах управления народом. Целым рядом доводов из истории, начиная от сотворения человека, и до наших дней, миссионер, доказывая, что могут быть допустимы различныя формы правления, причем иногда сам Господь допускал управителей и с неограниченной властью. По мнению миссионера, самая лучшая форма правления есть народная, в настоящее же время удобнее бы перейти на конституционный образ правления. Несколько участников съезда указывают, что христианству нужна свобода, которая может быть обезпечена народным правлением, а потому и следует старообрядчеству, объединившись, стремиться к созданию этой власти. Возобновляется суждение об обязанностях, правах и изысканию средств для деятельности отдела Центральнаго Всероссийскаго союза старообрядцев. О[тец] Д[аниил] Суворов предлагает приблизительно схему расходов отдела, по которой требуется 4 000 руб[лей], и горячо призывает не стесняться, т.к. на каждый приход придется весьма незначительная сумма, на дело, которое дороже всего состояния. Михалев, указывая на крайнюю опасность нашего Отечества, предлагает разширить деятельность отдела и увеличить ассигновку до 10 000 руб. Чернышев призывает не жалеть ни сил, ни средств для спасения страны. После обмена мнений съезд установил обложение каждаго прихода в 30 руб[лей], а сверх сего по приходам сделать сбор, приходы же, от коих не было уполномоченных, известить об этом письменно от имени отдела. Деньги от общин и частных лиц должны поступать по адресу: г. Барнаул, Подгорная у[лица] № 43, священнику о[тцу] И[акову] Чучалину[л]. Права и обязанности отделу даются: проводить в жизнь политическую программу, выработанную старообрядцами всех согласий и утвержденную Всероссийским съездом; подготовить агитаторов и разослать их; издавать и распространять литературу, соответствующую моменту; проповедывать устно; устраивать чтения; из // Л. 6 об. давать биографии намеченных кандидатов в Учредительное собрание; изыскивать средства и расходовать их по деятельности отдела; войти с предложением к старообрядцам других согласий для привлечения их представителей в отдел по объединению и подготовке к Учредительному собранию.

Съезд занимается выяснением порядка будущих выборов и переходит к намечению кандидатов в Учредительное собрание. Избраны закрытым голосованием Даниил Суворов: 45 пр[отив] 4; Кондрашов Владимир Антонович: 35 пр[отив] 14[83]; Мошкин Ив[ан] Иванович: 36 пр[отив] 14[84]; Мальцев Алексей Гаврилович: 24 пр[отив] 23. Причем вследствие равенства голосов за Кондрашова и Мошкина, по жребию получил первенство Кондрашов[85].

Председатель предлагает на обсуждение заявления Исполнительнаго Комитета Ново-Николаевской старообрядческой общины, и Комитета Томской старообрядческой общины, в которых они просят возбудить пред Временным Правительством ходатайство об отсрочке выборов и созыва Учредительнаго собрания до января месяца 1918 г[ода], и никак не ранее ноября сего года, и чтобы местом созыва Учредительнаго собрания был г. Москва. Съезд постановил телеграммой приветствовать Временное Правительство и выразить положение об отсрочке выборов и созыва Учредительнаго Собрания в г. Москве, а так-же просить Центральный Комитет Старообрядцев всех согласий ходатайствовать об этом. Составление телеграммы поручается комиссии съезда. Читается доклад священника К[онстантина] Баже-

[л] *Испр., в документе* У. Чучалину.

нова о неявляющихся на съезд священниках и приходах, не посылающих уполномоченных. После обмена мнений съезд постановил обратиться с просьбой к епископу Иоасафу для воздействия на неповинующихся священников, а от имени съезда сделать внушение, предупреждение, что приходы не присылающия уполномоченных, будут облагаться штрафом в размере определения[м] съезда. Заседание закрывается в 8 часов вечера.

Протокол № 5-й

24 июля 1917 г. Заседание епархиальнаго съезда Томской старообрядческой епархии в г. Барнауле. Заседание открывается в 10 часов утра. Разсматривается проэкт устава свечного завода Томской епархии. Проект устава принимается со следующими поправками: § 18 «избранные ответственныя члены несут свои обязанности безвозмездно» исключено; § 20 слова «проверять делопроизводство завода» исключены. А так же приняты поправки комиссии по § 25, 26, 27, 31 и примечание к § 33. Постановлено проект устава представить на утверждение надлежащей вл[асти], что поручается единогласно членам правления завода. Члены правления: священники о[тец] Даниил Суворов, о[тец] И[аков] Чучалин, К.А. Волков, И.И. Черкасов, Т.А. Чернышев, М.А. Меднов, Д.Д. Петров[86] и И.С. Шумихин[87]. Избранные съездом благочинных 16-го марта с.г. единогласно утверждаются, но к числу их избран кандидатом протоирей Павел Храмцов на три года. Зачитан отчет казначея И.И. Черкасова, который и утверждается. Вновь единогласно избирается казначеем епархии о[тец] Трифон Сухов. Съезд выражает благодарность И.И. Черкасову за труды по ведению епархиального казначейства. Председатель предлагает благодарить членов правления свечного завода за труды по устройству и ведению дел завода. Съезд благодарит правление. Благодарить от имени епархиальнаго съезда Н.Н. Кунгурову[88] за предоставление школьного помещения для заседаний съезда поручается о[тцу] И[акову] Чучалину. Напечатание протоколов поручается о[тцу] Д[аниилу] Суворову и о[тцу] И[акову] Чучалину. Подписать протоколы настоящаго съезда поручается председателю съезда, помощнику его и секретарям.

Председатель: священник Трифон Сухов.
Помощник председателя: свящ[енник] Иаков Чучалин.
Секретарь: А.П. Портнягин.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 135. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–7. Типографский оттиск.

Комментарии

1. Томско-Алтайская епархия – административно-территориальная единица у староверов Белокриницкой иерархии, образована в результате нескольких последовательных этапов. Начиная с 1885 г., когда был хиротонисан первый томский епископ Мефодий (Екимов), административное влияние томских архиереев распространялось практически на все сибирские губернии, включая Амурскую, Якутскую и Семипалатинскую области. Не было и постоянного местонахождения епископской кафедры. В частности, в 1894–1899 гг. епископ Антоний (Паромов) именовался Тобольским и Колыванским, что отражало, как компетенцию сибирского епископата, реальное влияние известного Казанского скита, располагавшегося неподалеку от Томска и постриженикамиокоторого являлся ряд белокриницких архиереев, так и полемику в белокриницких обществах, связанную с размещением епископской кафедры (*Старухин Н.А.* Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2015. С. 82–84). Считается, что с августа 1911 г., когда выделяется Иркутская епархия, епископ Иоасаф (Журавлев) начинает титуловаться Томским и Алтайским (Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 118). По доступным источникам это прослеживается с 1912 г., хотя и позднее титулатура томских епископов могла корректироваться. С 1913 г. предпринимались инициативы по организации самостоятельных епископских кафедр не только в Томске, но и Барнауле. Административные преобразования в Томской губернии, последовавшие в июне 1917 г., подтолкнули дискуссии в сибирских белокриницких общинах об организации самостоятельных епископских кафедр в названных выше городах, прерванные Гражданской войной. Наиболее интенсивно споры о разделении Томско-Алтайской епархии проходили на епархиальных съездах в 1924–1926 гг. в Новониколаевске и Барнауле (ГААК.

[м] *Испр., в документе* определению.

Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 51, 57, 138 об.). Томско-Алтайская епархия последовательно возглавлялась двумя архиереями: Иоасафом (Журавлевым) и Тихоном (Суховым) (см. о них сн. 6, 8). Именно епископ Тихон рассматривался барнаульской общиной в качестве основного кандидата на Алтайскую епископскую кафедру. По раскладке обязательных взносов на 1914 г., в Томско-Алтайской епархии числилось 57 белокриницких общин, причем священников не было только в четырех: пп. Сухой Ракит, Георгиевском, с. Елбанском и Платово. После Гражданской войны количество общин уменьшается до 45, из них 33 общины находились на территории Алтая (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 21. Л. 20). Указание на 34 общины, территориально относившиеся к Алтайской епархии, которое содержится в «Наказе» общего собрания барнаульского общества делегатам епархиального съезда от 23 мая 1927 г., дата в источнике указана по старому стилю, требует уточнений (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 23).

2. Имеется в виду XVIII Всероссийский съезд старообрядцев белокриницкого согласия, начавший работу 28 мая 1917 г. в Москве и получивший, по мнению известного белокриницкого апологета Ф.Е. Мельникова, наименование «политического» (*Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 425).

3. «Заем свободы» – крупнейшее мероприятие Временного правительства в сфере государственного кредита. Инициатор выпуска займа министр финансов М.И. Терещенко. Заем имел долгосрочный характер и должен был погашаться тиражами в течение 49 лет начиная с декабря 1922 г. Правительство прилагало значительные усилия по пропаганде займа. (*Страхов В.В.* «Заем Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 31–45).

4. *«…О школах и воспитании детей…»* – один из самых актуальных вопросов во всех основных староверческих согласиях. В белокриницких общинах обсуждение проблем, связанных с созданием собственных образовательных заведений, наиболее активно начинает прослеживаться на рубеже 1900-х гг. в связи с активизацией общественно-церковной жизни и оформлением съездовского движения. Наиболее ранняя инициатива по «учреждению и развитию училищ и школ» с участием делегатов от сибирских обществ предпринималась на третьем нелегальном съезде, проходившем в Нижнем Новгороде в 1902 г. В источниках упоминается о попытках создания белокриницкими староверами уже в июне 1918 г. в Москве высшего учебного заведения – «Старообрядческой народной академии» (*И. Ж. [Иван Журавлев]*. Старообрядческая народная академия // Сибирский старообрядец. 1919. № 3. С. 8–11). В общинах Томско-Алтайской епархии вопросы о школах регулярно поднимались на епархиальных съездах, включая представительные съезды 1913, 1914 гг. Именно в указанные годы барнаульская городская Дума приняла решение о продаже участка земли местной Крестовоздвиженской общине под школу по ул. Подгорной, 61, хотя первоначально было постановление о безвозмездном выделении участка и открытии школы для детей старообрядцев (ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 12. Л. 88, 195; ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 253–254).

5. *«…Разсмотрение устава Епархиального свечного завода…»* – решение о создании епархиального свечного завода рассматривалось на съезде 1913 г. Окончательное решение было принято на следующем съезде, прошедшем в Барнауле в июне 1914 г. Тогда же была создана комиссия, в состав которой вошли в качестве председателя о. Даниил Суворов, в качестве членов – протоиереи Даниил Быков, Авдей Звонцов, священники Павел Хромцов, Александр Дернов и миряне – Афанасий Портнягин, Полиевк Юрков, Киприан Волков. В докладе комиссии говорилось: «Так как местожительство Владыки будет в г. Барнауле, то и епархиальный свечной завод открыть в г. Барнауле; при складе завода иметь для продажи деревянное масло… богослужебные книги и другия церковныя принадлежности; средства на открытие… завода приобресть… как лично священникам, а также приходам по мере состояния…». Контроль над деятельностью завода поручалось вести епархиальному Совету. Устав завода на сегодняшний день не обнаружен. Деятельность завода упоминается в книге входящей и исходящей документации барнаульской общины в январе 1919 г. и косвенно прослеживается в связи с конфликтом в общине 1923 г. (Текущий архив епархии Новосибирской и всея Сибири. IV очередному старообрядческому съезду Томской епархии. Доклад комиссии по изысканию средств и устройству епархиального свечного завода. С. 17–18. Типографский оттиск; ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2. Л. 9,16–18). Насколько позволяют судить источники, активно создавались в начале 1920-х гг. и частные свечные заводы. Например, в заявлении председателя комиссии по обложению «на церковные нужды» барнаульской общины Антипы Кунгурова, поданном в совет названной общины 12 марта 1923 г., упоминается о свечном заводе, принадлежащем представителю известной купеческой фамилии и одному из основателей общины, уже упоминавшемуся выше, – К.А. Волкову. Кроме Волкова, вероятно, в руководство завода входили такие влиятельные в общине староверы, как И.С. Шумихин, В.Е. Астраханцев, И.И. Черкасов, выражавшие крайнее недовольство работой комиссии (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22. Л. 198). Возможно, с деятельностью И.И. Черкасова связана деятельность либо названного выше, либо еще одного завода. Во всяком случае, в одном из дел фонда барнаульской Крестовоздвиженской общины в пункте 19 отчета о приходе денежных средств за май 1928 г. значится некий свечной завод «Черкасова–Головачева» (ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 28. Л. 8 об.). Скрепленный печатью «Барнаульского епархиального совета староцерковцев» отчет заставил в свое время высказать предположение, что это дело наряду с другими попало в фонд Крестовоздвиженской общины случайно (*Старухин Н.А.* Материалы по истории Крестовоздвиженской старообрядческой церкви (обзор фонда 135 ЦХАФ АК) // Гуляевские чтения. Вып. I. Материалы 1-й, 2-й и

3-й историко-архивных конференций. Барнаул, 1998. С. 292). Не исключено, что наше предположение требует корректировки, отношения в среде барнаульской торгово-предпринимательской элиты того периода были более сложными.

6. Иоасаф (И.С. Журавлев) – епископ томский, служил протоиереем в известном старообрядческом центре в с. Окунево, ныне Бердюжский р-н Тюменской области. Время рождения и священнической хиротонии неизвестны. В кандидаты на епископскую степень избран в августе 1905 г. после архиерейского суда над томским епископом Феодосием (Быковым), основавшем незадолго до этого женский Тихвинский скит неподалеку от с. Тоя Томской губернии. Епископская хиротония состоялась в Москве 12 февраля 1906 г. Томско-Алтайскую епархию окормлял до своей смерти, последовавшей 28 ноября 1919 г. Местом захоронения в доступных источниках указана старообрядческая церковь г. Томска.

7. См. сн. 4.

8. Трифон (в иночестве Тихон) Григорьевич Сухов – белокриницкий священник, епископ. Родился в 1880 г. в д. Котельницы Балахнинского у. Нижегородской губ. в крестьянской семье. Избран настоятелем общины в г. Томске 21 февраля 1907 г. С 19 декабря 1920 г. – епископ Томско-Алтайской епархии. В 1922 г. после ареста органами ГПУ совместно с уральско-оренбургским епископом Амфилохием (А.С. Журавлевым) составил пастырское послание, в котором призывал старообрядцев к «лояльному» отношению к советской власти, неоднозначно принятому в белокриницких общинах. С 1925 по 1926 временно руководил приходами Дальневосточной епархии. С марта 1932 по январь 1933 г. проживал в скитах и старообрядческих поселках Колпашевского р-на Западно-Сибирского края. Арестован 13 февраля 1933 г. в Новосибирске, расстрелян 15 декабря 1937 г.

9. Павел Хромцев (Храмцов) – протоиерей, настоятель одного из самых крупных белокриницких приходов в с. Анисимово. Родился в с. Емуртлинское Тобольской губернии в крестьянской семье 6 ноября 1869 г. Хиротонисан в июне 1900 г. томским епископом Феодосием (Быковым). Постоянный участник епархиальных съездов. На епархиальном съезде 1911 г., проходившем в Барнауле с 10 по 12 июня, входил в состав ревизионной комиссии по делу «бывших обще-сибирских съездов»; на июньском съезде 1914 г., также прошедшем в Барнауле, избран в комиссию, разработавшую вопросы по ведению «деловых книг» и «книг документов при метрических книгах» (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 45).

10. Иаков Игнатьевич Чучалин – протоиерей, настоятель Крестовоздвиженского храма в Барнауле. Родился в д. Нижняя Каянча Бийского уезда Томской губернии 23 октября 1888 г. в семье белокриницкого священника Игнатия Никитовича Чучалина (см. о нем ниже). Рукоположен епископом Иоасафом (Журавлевым) 17 марта 1912 г. Один из активных участников общественно-церковной жизни. Дважды арестовывался в 1930-е гг. Во время первого ареста в мае 1933 г. о. Иакову инкриминировалась агитация побегов староверов за границу, слухи о «неизбежном» падении советской власти, кроме этого, ему приписывались реплика, якобы адресованная сотруднику местного ГПУ Изосимову: «…все верующее общество по Барнаульскому округу разорил, но придет время, сломят голову антихристу…». Вышел из заключения в 1936 г., расстрелян в сентябре 1937 г. (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 47).

11. Даниил Быков – белокриницкий священник, протоиерей, настоятель храма в одном из крупнейших на Алтае старообрядческих селений – Ая. Родился в с. Солбинское Енисейской губернии в крестьянской семье в 1874 г. Рукоположен епископом Уральским Арсением (Швецовым) в 1905 г., служил в известном селе староверов-семейских – Куйтуне; на Алтай переведен в 1909 г. Регулярно участвовал в работе епархиальных съездов. В марте 1918 г. как помощник председателя принял участие в организации крупнейшего съезда старообрядцев Бийского уезда, в работе которого приняло не менее 180 делегатов. Помимо белокриницких, на съезде присутствовали представители от часовенных и, скорее всего, других согласий, поскольку обсуждалась проблема объединения староверов уезда. Всего в повестку дня Бийского съезда организаторы включили 23 пункта, в том числе вопросы о политических событиях в стране и власти, автономии Сибири, войне, свободе вероисповедания, свободе собраний и съездов и др. (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 17; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. С. 101–102). В ноябре 1925 г. как благочинный священник участвовал в подписании «Мирного акта» с представителями неокружнических обществ с. Колово и «прочих» (ОСД УАДАК. ФР-2. Оп. 20. Д. 19963. Приложение 1).

12. Гавриил Бурминов – белокриницкий священник. Родился 26 марта 1883 г. в с. Никольское Херсонской губернии. Диаконовскую хиротонию получил в августе 1905 г. от Кирилла, неокружнического епископа Одесского и Балтовского; священническую – 7 июня 1908 г., после примирения последнего с московской архиепископией, последовавшего в сентябре 1906 г. На служение был направлен в переселенческий поселок Красный Яр, территориально относившийся после 1917 г. к Славгородскому уезду Омской губернии. На епархиальный съезд 1911 г. о. Гавриил отправил извещение, в котором доводил до сведения организаторов съезда: «…Не можем прибыть на оный… как переселенцы обременены своими недостатками… до настоящаго времени не имеется школы для обучения грамоты и пения, в которой очень нуждаемся…покорнейше просим… Съезд дать нам содействие на это благое дело…». Известно, что причиной

тяжелой ситуации явился и пожар, уничтоживший в декабре 1909 г. молитвенный дом с находившимся в нем имуществом общины. Начатая в 1912 г. регистрация общины вызвала протест части общества. К 1924 г. в поселке проживало около 500 староверов (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 15).

13. Игнатий Никитович Чучалин – белокриницкий священник, отец протоиерея Иакова Чучалина. Родился в с. Нижняя Каянча 27 сентября 1866 г. в крестьянской семье. Ведением личного хозяйства занимался и после священнической хиротонии, последовавшей 10 июня 1901 г., за семь лет до официальной регистрации общины. Вероятнее всего, рукоположение было совершено казанско-вятским епископом Иоасафом (Зеленкиным). Помимо Нижней Каянчи, в приход о. Игнатия входили дд. Тавда, Каим, В-Устюба (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 46).

14. Петр Кононович Плотников – белокриницкий священник. Родился в 1881 г. в крестьянской семье, проживавшей, как указано в анкете 1924 г. самим о. Петром, в д. Шадриных (Шадрино) Пермской губернии Оханского уезда. Рукоположен 25 декабря 1910 г. томским епископом Иоасафом (Журавлевым). В Маслянинский приход, отнесенный после 1917 г. к Черепановскому уезду Новониколаевской губернии, входили дд. Мамонова, Киптереп, Лебедевка, Рождественская (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 32).

15. Константин Баженов – белокриницкий священник в д. Покровской, которая в отдельных источниках значится как Излап. Участник епархиальных съездов 1912, 1914 гг.

16. Даниил Иосифович Суворов – белокриницкий священник, один самых активных участников общественно-церковной жизни в Сибири. Родился 25 декабря 1885 г. (по другим источникам 1887 г.) в с. Карасье Ишимского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье. Священническую хиротонию получил 20 июля 1910 г. С апреля 1911 г. временно окормлял староверов с. Ново-Драченинское; служил в д. Текур, приходах г. Барнаула, Новониколаевска. После епископского запрета на священнослужение занимался исключительно общественной работой, а с 1917 г. и политической деятельностью. В январе–марте 1915 г. участвовал в организации сбора пожертвований на нужды армии; в июле–августе того же года по предписанию епископа Иоасафа (Журавлева) сопровождал вагон с подарками в действующую армию; передал в дар икону Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. По итогам Краевого съезда в Барнауле вошел в избирательную группу «Старообрядцев всех согласий Алтайской губернии». С декабря 1918 по август 1919 г. (по другим источникам до ноября 1919 г.) являлся одним из редакторов журнала «Сибирский старообрядец», издававшегося по инициативе известного белокриницкого апологета Ф.Е. Мельникова в Барнауле. Именно вместе с Мельниковым до начала 1921 г. в Новоархангельском скиту занимался изданием и распространением антисоветских листовок. В декабре 1921 г. (по другим данным в январе 1922 г.) был арестован и проходил по одному делу с епископом Амфилохием (Журавлевым). Первоначальный «расстрельный» приговор от 23 июня 1923 г. обоим заменили на пятилетнее тюремное заключение в Томске. Возможно, наряду с епископами Амфилохием (Журавлевым) и Тихоном (Суховым), один из инициаторов и составителей известного архипастырского послания в сентябре 1922 г., в котором содержался призыв к «лояльному» отношению к советской власти, признающей «свободу вероисповедания». В 1929–1930 гг. находился в заключении в Томске, арест и задержание провели барнаульские чекисты. В очередной раз был арестован органами 29 июня 1933 г. Проходил по делу «Сибирское братство» вместе с епископами Амфилохием, Тихоном и десятками других староверов. В анкете, в графе «политическое прошлое», заполненной после ареста, указал: «Правый, старообрядческая организация». Если доверять протоколу допроса от 10 октября 1933 г., о. Даниил заявлял: «Чистое христианское учение должно быть аполитично… если какое-то религиозное течение вмешивается в политическую жизнь страны, оно… с правильных рельс христианского учения идет ложной дорогой». В то же время ему приписывали и другие слова: «…Ничего созидательного при настоящем режиме не вижу, а потому не вижу смысла работать не только за совесть, но даже за страх… надо пользоваться всяким случаем, чтобы изменить существующее положение вещей… если бы создалась какая организация по борьбе с коммунизмом, то, несмотря на свои расшатанные нервы и убогое положение, я бы принял в ней посильное участие…» (Архив УФСБ по ТО. Д. 7881. Л. 48–48 об., 64).

17. Александр Дернов – белокриницкий священник, в списках епархиальных съездов начинает фигурировать с 1914 г., на этом же съезде возглавлял епархиальную ревизионную комиссию. Причем о. Александр в списке раскладок по приходам значится настоятелем д. Поперечной, а представительный Новоглушинский приход обслуживал о. Поликарп Портнягин.

18. Биографические сведения не выявлены.

19. Белокриницкий священник. В 1914 г. о. Павел значился настоятелем в староверческом с. Благовещенском, основанном переселенцами из Воронежской губернии в 1908 г. До 31 мая 1913 г. этот приход обслуживал о. Мирон Гамаюнов. Других биографических сведений не выявлено.

20. Биографические сведения не выявлены.

21. Биографические сведения не выявлены.

22. Биографические сведения не выявлены.

23. Сергий Харлампиевич Килин – белокриницкий священник. Родился 25 сентября 1883 г. в с. Шагирт Осиновского уезда Пермской губернии. Священническую хиротонию получил 20 июля 1914 г. от епископа Иоасафа (Журавлева). Служил в с. Богатырево Змеиногорского уезда; в 1916 г. был переведен в Бажово, а в 1921 г. в с. Полковниково (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 23).
24. Биографические сведения не выявлены.
25. Биографические сведения не выявлены.
26. Биографические сведения не выявлены.
27. Биографические сведения не выявлены.
28. Биографические сведения не выявлены.
29. Григорий Федорович Мишуров – белокриницкий священник. Родился 20 ноября 1867 г. в д. Дубовый Лог Гомельского уезда Могилевской губернии в крестьянской семье. Рукоположен епископом Иоасафом (Журавлевым) 8 сентября 1908 г. Кроме Воронихи, к приходу относились сс. Костин Лог, Буканское, Рожны, Мохаиха (?), Кадниково. В 1930-е гг. служил в Барнауле. Проходил в одному следственному делу с о. Петром Плотниковым, о. Иаковом Чучалиным в 1937 г.; расстрелян в сентябре того же года (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 31).
30. Марк Рябов – один из старейших ко времени проведения съезда белокриницких священников, рукоположенных первым томским епископом Мефодием (Екимовым). Долгое время окормлял ряд старообрядческих селений на Чумыше. После регистрации общины 31 октября 1907 г. за священником официально закреплен приход с. Шмаково. Упокоился в начале 1920-х гг. Могила священника находится в этом же селе и является местом особого почитания у местных староверов.
31. Биографические сведения не выявлены.
32. Леонтий Васильевич Ефимов – белокриницкий священник. Родился в д. Подчайны Бийского уезда Томской губернии в 1891 г. В священники рукоположен епископом Иоасафом (Журавлевым) 31 декабря 1913 г. В приход входили старообрядческие деревни, находившиеся в Пачинской, Таловской, Ямской, Красносельской, Зарубинской волостях (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 19).
33. Терентий Михайлович Козминых (по другим источникам Кузьмин) – белокриницкий священник. Родился в д. Гривонозовой Малмыжского уезда Вятской губернии в 1861 г. Рукоположен епископом Антонием (Паромовым) в 1897 г. К Инюшовскому приходу относились с. Новоманошкино, Повалиха, Краюшкино, Кунгурово и нек. др. (Архив митрополии РПСЦ. Оп. 3. Ед. хр. 710. Л. 24).
34. Биографические сведения не выявлены.
35. Биографические сведения не выявлены.
36. Биографические сведения не выявлены.
37. Биографические сведения не выявлены.
38. Биографические сведения не выявлены.
39. Биографические сведения не выявлены.
40. Один из представителей известной купеческой фамилии в Барнауле, по известным источникам родился в 1879 г. Основатели династии два брата – Киприан Афанасьевич и Иосиф Афанасьевич. Несколько позже Киприан Афанасьевич, дядя Артемона Иосифовича, перешел в мещанское сословие, торговал хлебом; избирался гласным барнаульской городской думы. Волковы играли одну из основных ролей в организации и жизни барнаульской общины, строительстве Крестовоздвиженского храма (см. сн. 5). Был женат на хорошо известной в белокриницком согласии ученице Морозовского хора в Богородске Антонине Савватиевне Архиповой. Возможно, в начале 1930-х семья Артемона Иосифовича, имея уже пять детей, уезжает в Новосибирск, а затем в Ногинск. Видимо, после Великой Отечественной войны Артемона поставят в священники. С 1955 г. служил неподалеку от Киева, в с. Красиловка; после смерти супруги жил в г. Гайсин Винницкой области (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1: А–Л. 2012. С. 132).
41. Биографические сведения не выявлены.
42. Черкасов Иван Иович – барнаульский мещанин, торговал «мелочным товаром» и продукцией сельского хозяйства, включая топленое масло. Избирался гласным барнаульской городской думы. Один из авторитетных членов барнаульской общины, в жизни которой играл самую активную роль (см. сн. 5) (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1: А–Л. 2012. С. 391).
43. Биографические сведения не выявлены.
44. Представитель барнаульской купеческой династии Козловых, сын младшего представителя династии – Родиона Григорьевича, родился в 1875 г. (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1: А–Л. 2012. С. 322).
45. Биографические сведения не выявлены.

46. Биографические сведения не выявлены.
47. Биографические сведения не выявлены.
48. Биографические сведения не выявлены.
49. См. сн. 40.
50. Биографические сведения не выявлены.
51. Алексей Гаврилович Мальцев – крестьянин-кооператор, проживал на хуторе «Алтай» Средне-Красиловской волости Барнаульского уезда. По итогам работы Краевого съезда вошел избирательную группу «Старообрядцев всех согласий Алтайской губернии»; на момент избрания Мальцеву исполнилось 48 лет (ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Л. 25 об., 38; ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 118. Л. 1).
52. Биографические сведения не выявлены.
53. Биографические сведения не выявлены.
54. Поляков Кирилл Александрович – новониколаевский купец, крупный домовладелец; из мещан староверческого посада Воронок Черниговской губернии. Избирался членом арбитражной комиссии при Новониколаевской товарной бирже, гласным городской думы. Один из организаторов и руководителей белокриницкой общины в Новониколаевске. Являлся членом «Союза русского народа» (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 2: М–Я. 2013. С. 172).
55. Биографические сведения не выявлены.
56. Биографические сведения не выявлены.
57. Биографические сведения не выявлены.
58. Афанасий Поликарпович Портнягин – сын белокриницкого священника Поликарпа Портнягина, служившего в одном из представительных сельских приходов белокрицких на Алтае в с. Новоглушенское. Один из активных членов новоглушенской Троицкой общины, учитель. Являлся секретарем епархиального съезда в 1914 г. Вместе с Артемоном Волковым (см. сн. 40) был избран секретарем на Краевом съезде старообрядцев всех согласий 1917 г.
59. Биографические сведения не выявлены.
60. Биографические сведения не выявлены.
61. Биографические сведения не выявлены.
62. Биографические сведения не выявлены.
63. Тарас Антонович Чернышев – новониколаевский предприниматель, старовер белокриницкого согласия. Избирался гласным городской думы, зам. председателя Нивониколаевского биржевого комитета; с 1917 г. председатель последнего. Известно, что осенью 1922 г. сын Тараса Антоновича, Андрей, скрывавшийся до этого времени в одном из скитов под Томском, эмигрировал из России. В 1960-е гг. проживал в Австралии (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 2: М–Я. 2013. С. 394).
64. Биографические сведения не выявлены.
65. Биографические сведения не выявлены.
66. Биографические сведения не выявлены.
67. Биографические сведения не выявлены.
68. Биографические сведения не выявлены.
69. Дионисий Калинникович Михалев – мещанин, старовер часовенного согласия. С 1904 г. находился на общественной работе. По итогам работы Краевого съезда 1917 г. вошел в группу «Старообрядцев всех согласий Алтайской губернии» (ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Л. 25 об., 38; ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 118. Л. 1).
70. Биографические сведения не выявлены.
71. Биографические сведения не выявлены.
72. Федор Кондратьевич Козлов – еще один представитель барнаульской купеческой династии Козловых (см. сн. 44), сын среднего представителя династии – Кондратия Григорьевича. В начале XX в. вместе с братом Игнатием организовал торговый дом «Братья Козловы, в 1906 г. – паровой лесопильный завод и мельницу в Барнауле, а затем в с. Легостаево. По мнению исследователей, самые крупные лесоторговцы на Алтае в начале прошлого века (Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1: А–Л. 2012. С. 322).
73. Федор Ефимович Мельников (1874–1960) – известный белокриницкий апологет, начетчик и общественный деятель. Член Союза старообрядческих начетчиков, председатель начетнической комиссии при московском Братстве Честнаго и Животворящего Креста, секретарь Московской архиепископии. По его инициативе в Румынии с 1896 по 1898 г. издавалась одна из первых старообрядческих газет «Слово правды». Автор многочисленных материалов в периодике «золотого века» старообрядчества. По инициативе Мельникова с декабря 1918 по август (возможно, по ноябрь) 1919 г. в Барнауле выходил журнал «Сибирский старооб-

рядец». 30 декабря 1917 г. на совещании старообрядцев в Барнауле был избран в Сибирскую областную думу (автор приносит искреннюю благодарность д-ру ист. наук В.И. Шишкину за указанную информацию). Занимал четко выраженную антибольшевистскую позицию. По источникам, вышедшим из старообрядческой среды, после октябрьской революции 1917 г. практически сразу же выехал в Томск. До сентября 1918 г. проживал в Казанском скиту, находившемся неподалеку от Томска. С декабря 1919 по ноябрь 1922 г. проживал в одной из келий Новоархангельского скита, с разрешения епископов Амфилохия (Журавлева) и епископа Тихона (Сухова). Вместе с о. Даниилом Суворовым занимался изготовлением и распространением антибольшевистских листовок, «кашеваром» и «переписчиком» у них был сын новониколаевского старовера Тараса Чернышева, Андрей. В 1925 г. перебирается на Кавказ, а в 1930 г. эмигрирует в Румынию.

74. Зенин Никифор Дмитриевич – один из видных общественных деятелей белокриницкого согласия начала прошлого века, начетчик, книгоиздатель. Автор нескольких апологетических сочинений.

75. Шапошников Акиндин Иванович (1880–1937) – политик, журналист. С марта 1917 г. член партии эсеров; избирался председателем Барнаульского уездного совета крестьянских депутатов, членом Сибирской областной думы. Неоднократно арестовывался в 1920-е гг. Расстрелян 2 сентября 1937 г.

76. Биографические сведения не выявлены.

77. Михалевым имеется в виду I Всероссийский съезд староверов-часовенных, состоявшийся в Екатеринбурге в 1911 г. Вопрос об открытии собственных школ неоднозначно воспринимался в обществах часовенных (*Боровик Ю.В.* Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX веков: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019. С. 120. Сн. 114).

78. Лашевич Иван Николаевич – управляющий барнаульским отделением Государственного банка с сентября 1916 г. В декабре 1919 г. выехал в Иркутск, сопровождая эвакуированные правительством Колчака ценности.

79. В «Политической программе старообрядцев всех согласий» информация по вопросам просвещения и образования содержалась в пункте 7. В частности в нем говорилось: «Россия должна покрыться сетью старообрядческих школ и других общеполезных учреждений… учреждения должны существовать на государственныя средства» (ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Д. 9369. Приложение).

80. «…Свящ[енник] И[оанн] Иванов…» – вероятнее всего, речь о бывшем часовенном Иване Иванове, жителе д. Светленькой Томского округа, перешедшего, по выражению миссионеров, в «австрийщину» около 1898 г. 6 декабря 1920 г. был единолично хиротонисан на Пермско-Тобольскую кафедру епископом Амфилохием (Журавлевым); в иночестве принял имя Иоанникий. Участвовал в святительской хиротонии томско-алтайского епископа Тихона (Сухова).

81. Вопрос о земле содержался в пункте 8 «Политической программы старообрядцев всех согласий». В частности в нем говорилось: «Земельный вопрос будет разрешен Учредительным собранием. Всякое самовольное разрешение этого вопроса… недопустимо… В основу увеличения земельной площади малоземельнаго, безземельнаго и иного вида крестьянского населения должен быть положен принцип “достаточнаго хозяйственнаго обеспечения”… Частновладельческия земли отчуждаются по справедливой (не рыночной) цене. При монастырях должно быть оставлено количество земли, необходимое для обработки личным трудом монахов» (ОСД УАДАК. ФР-2. Д. 9369. Приложение).

82. Биографические сведения не выявлены.

83. Кондрашев Владимир Антонович – крестьянин, 46 лет, проживал в пос. Владимировка Славгородского уезда.

84. Мошкин Иван Иванович – из крестьян, 38 лет, на момент избрания находился на воинской службе в Новониколаевске.

85. Помимо названных лиц, в кандидатский список группы «Старообрядцев всех согласий Алтайской губернии» вошли С.Г. Фомичев, Г.И. Марков, Ф.И. Суковатицын, М.З. Можаев. Из них Фомичев являлся белокриницким и проживал в Москве, Марков был членом барнаульской поморской общины, а Можаев и Суковатицын – часовенными. При этом мещанин г. Бийска Марк Захарович Можаев уже зарекомендовал себя как писатель, а в марте 1918 г. он примет активнейшее участие в работе Первого съезда старообрядцев Бийского уезда, в котором приняло участие не менее 180 депутатов от староверческих обществ (ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 118. Л. 1; ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 244. Л. 38 и др.; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. С. 101).

86. Биографические сведения не выявлены.

87. Иван Степанович Шумихин – мещанин, авторитетный член барнаульской общины. Несколько лет являлся секретарем общины; в 1914 г. избирался гласным барнаульской городской думы.

88. Биографические сведения не выявлены.

Литература

Боровик Ю.В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX веков: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 448 с.

Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. 316 с.

Старухин Н.А. Материалы по истории Крестовоздвиженской старообрядческой церкви (обзор фонда 135 ЦХАФ АК) // Гуляевские чтения. Вып. I. Мат-лы 1-й, 2-й и 3-й ист.-архив. конф. Барнаул, 1998. С. 292–297.

Старухин Н.А. Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2015. 206 с.

Страхов В.В. «Заем Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 31—45.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Е.Н. Косых. Томск: ТГУ, 1991. 130 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Т. 1: А–Л. Новосибирск: Гео, 2012. 450 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Т. 2: М–Я. Новосибирск: Гео, 2013. 464 с.

References

Borovik, Yu.V. (2019). *Staroobryadtsy ural'skogo goroda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov: konfessional'noe soobshchestvo i sem'ya Ekaterinburga* [Old Believers of the Ural City in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: The Confessional Community and the Family of Yekaterinburg]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 448 p.

Vurgraft, S.G., Ushakov, I.A. (1996). *Staroobryadchestvo. Litsa, predmety, sobytiya i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya* [Old Belief. Faces, Objects, Events and Symbols. Encyclopedic Dictionary Experience]. Moscow, Tserkov. 317 p.

Starukhin, N.A. (1998). *Materialy po istorii Krestovozdvizhenskoy staroobryadcheskoy tserkvy (obzor fonda 135 TsKhAF AK)* [Materials on the History of the Holy Cross Community of Belokrinitskie Old Believers (Review of the Fund 135 TsKhAF AK)]. In *Gulyaevskie chteniya.* Iss. I. Barnaul, pp. 292–297.

Starukhin, N.A. (2015). *Sibirskie obshchestva belokrinickikh staroverov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Siberian Old Believers Society Belokrinitskoy in the Second Half of 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk, Russia. 206 p.

Strakhov, V.V. (2007). *"Zaem Svobody" Vremennogo pravitel'stva* ["Loan of Freedom" of the Provisional Government]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 31–45.

Kosykh, E.N. (Comp.). (1992). *S'ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Altaiskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, Conferences and Meetings of Social-Cclass, Political, Religious, National Organizations in the Altai Province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk, TGU. 130 p.

Rezun, D.Ya. (ed.). (2012). Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t. [Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia: in 2 vol.]. Vol. 1: A–L. Novosibirsk, Geo. 450 p.

Rezun, D.Ya. (ed.). (2013). Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t. [Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia]. Vol. 2: M–Ya. Novosibirsk, Geo. 464 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.

А.С. Василенко*

История эмоций как метод исследования истории Гражданской войны в Сибири

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-18

УДК 94(47).084.3

Выходные данные для цитирования:

Василенко А.С. История эмоций как метод исследования истории Гражданской войны в Сибири // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 224–236. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-18.pdf

A.S. Vasilenko*

History of Emotions as a Method to Study the History of the Civil War in Siberia

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-18

How to cite:

Vasilenko A.S. History of Emotions as a Method of Study the History of the Civil War in Siberia // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 224–236. [Available online: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-18.pdf]

Abstract. The article is devoted to consideration of concepts of the history of emotions and the potential for their inclusion in the study of the Civil War in Russia. Despite the fact that researchers have already attempted to study the emotional component of the conflict, thus far there are no works based on the conceptual and categorical apparatus of the history of emotions. The paper briefly describes the views of W. Reddy and B. Rosenwein, who not only rethought the concept of "emotion" in an interdisciplinary mode, filling it with cognitive content, but also developed a valid and convincingly substantiated conceptual apparatus in concrete historical studies. In addition, the works of P. and K. Sterns, M. Scheer are noted, the theoretical provisions of which also occupy a significant place in the general number of conceptual provisions developed in the field. The article also suggests the possibility of examining the information and propaganda activities of governments during the Civil War from the perspective of emotionally oriented practices. A number of questions of the emotional orientation of possible studies of confrontation are put forward. As a result, the author makes the assumption that the history of emotions expands the field of research questions, opens up scope for additional interpretation of military events. Nevertheless, the author is convinced that the history of emotion should contribute to a deeper understanding of historical processes and periods, and not become a separate discipline that replaces general history.

Keywords: history of emotions; Russian Civil War; Jan Plamper; Barbara Rosenwein; emotive; emotional community; emotional practices.

The article has been received by the editor on 30.09.2021.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуального аппарата истории эмоций и потенциальным возможностям их привлечения к исследованию Гражданской войны в Сибири. Несмотря на то, что историками ранее предпринимались попытки изучения эмоциональной составляющей этого конфликта, на сегодняшний день фактически отсутствуют работы, основанные на методологическом аппарате истории эмоций. В работе кратко описаны взгляды У. Редди и Б. Розенвайн, которые не только переосмыслили в междисциплинарном режиме концепт «эмоция», наполнив его когнитивным содержанием, но и разработали валидный и убедительно обоснованный в конкретно-исторических исследованиях концептуальный аппарат. Помимо этого, выделяются работы П. и К. Стернсов, М. Шир, теоретические положения которых также занимают значимое место в общем ряду концепций, выработанных в данной области. В статье рассматривается возможность изучения информационно-пропагандистской деятельности восточно-российских правительств в период Граж-

* **Василенко Антон Сергеевич**, аспирант, Томский государственный университет, Томск, Россия, e-mail: ya.antonvs@ya.ru

Vasilenko Anton Sergeevich, Graduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: ya.antonvs@ya.ru

данской войны в качестве эмоционально ориентированных практик. Ставится ряд проблем возможных исследований Гражданской войны в Сибири в эмоционологической перспективе. В результате автором выдвигается предположение о том, что история эмоций позволяет расширить поле исследовательских вопросов, открывает простор для дополнительной интерпретации событий данного периода. Автор утверждает, что история эмоций должна способствовать углублению понимания исторических процессов, а не оформляться в качестве отдельной дисциплины, подменяющей собой общую историю.

Ключевые слова: история эмоций; Гражданская война в Сибири; Я. Плампер; Б. Розенвайн; эмотив; эмоциональное сообщество; эмоциональные практики.

Введение. История эмоций как междисциплинарное исследовательское направление, подход и методология в российской исторической науке по-прежнему представляются малоподвижными. В то же время в мировой науке уже некоторую историю имеют центры по изучению эмоций, проводятся конференции, успешно организуются и реализуются различные проекты, публикуются многочисленные тематические исследования. Так, еще в 2010 г. увидел свет сборник статей с участием Яна Плампера, Андрея Зорина и Шаммы Шахадат[1], в котором рассматривалась культурная история России под углом так называемого «эмоционального поворота». Причем особенно примечательным является то, что еще тогда зарубежные исследователи призывали российских коллег обратиться к изучению чувств в российской истории. К примеру, Ян Плампер, рассуждая о перспективах истории эмоций, отметил: «Внесет ли настоящий сборник свой вклад в развитие подобного поля в России? Мы на это надеемся»[2].

Всякая история просто потому, что творцом ее является человек, имеет эмоциональный аспект. История военных столкновений и, как следствие, культурно-символических, идеологических, мировоззренческих конфликтов может представлять отдельное исследовательское поле для изучения эмоций. Очевидно, что Гражданская война в России и в частности на ее восточных территориях не является исключением. На наш взгляд, эти исторические процессы могут стать новым предметным полем исследования истории эмоций. Понятийно-категориальный аппарат истории эмоций, на наш взгляд, нуждается не только в дополнительном апробировании, но и в проверке его возможностей и ресурсов для формирования качественно нового и самостоятельного знания, способного выдерживать исследовательскую критику. Особенно актуальным это видится на настоящем этапе, когда применительно к Гражданской войне в Сибири историография, двигаясь в рамках традиционных тематик, достигла своих «естественных пределов»: внешне новые исследования зачастую лишь воспроизводят уже формулировавшиеся ранее выводы.

Историографический аспект. Исследователями российской гражданской войны проделана и проделывается широкая работа по изучению различных аспектов этого грандиозного конфликта. Притом, например, при изучении методов ведения пропагандистской работы, как большевиками, так и антибольшевистскими властями на востоке страны, историки не могут не отмечать эмоциональных паттернов просто потому, что последние «лежат на поверхности». Поскольку история эмоций является направлением новым и, по-видимому, для многих исследователей достаточно чуждым, попыток рассмотреть конфликт с позиции имеющихся в данной области теоретических наработок не предпринималось.

Однако же неверно полагать, что историки не обращались к изучению чувств, психологических состояний применительно к истории Гражданской войны в Сибири. Так, в 1998 г. И.В. Курышевым была защищена диссертация «Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны»[3]. В этой работе исследователем

[1] Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. 512 с.
[2] Там же. С. 36.
[3] *Курышев И.В.* Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): дис. … канд. ист. наук. Томск, 1998. 219 с.

была предпринята попытка рассмотреть отношения крестьянства к различным правительствам, осуществлявшим власть на территориях Сибири, и представить динамику настроений крестьян. В частности, Курышев пришел к выводу, что сибирский крестьянин к началу 1918 г. не успел еще осмыслить Октябрьскую революцию и пытался «отсидеться в своих разбросанных по необъятному краю деревнях от тревожащих его и непонятных событий»[4]. Историк и позднее продолжил изучать психологическое состояние крестьянства Сибири в период Гражданской войны[5]. В одной из статей он обратился к изучению девиантного поведения крестьянства[6]. Так, например, автор приходил к выводу об общей нравственной деградации деревни, выражавшейся в волне самосудов и грабежей, порубок и поджогов леса, убийств на почве мести, половой распущенности, алкогольной зависимости и ослаблении религиозно-нравственного чувства[7].

Работы Курышева представляют немалый интерес с точки зрения исследования истории эмоций. Подходы, выработанные данным направлением, ориентированы преимущественно именно на текстуальную природу эмоций. По словам А. Зорина, если эмоции не выражены в тексте, то с помощью имеющихся подходов «их просто не достанешь»[8]. Притом эмоций, не выраженных в текстах, не так уж и мало (в связи с чем Я. Плампер даже предложил разрабатывать «герменевтику тишины», ориентированную на изучение тональностей текста).

Кроме того, нельзя не отметить статью А.А. Мышанского, который еще в 2001 г. продекларировал необходимость социально-психологического изучения отношения населения к политическим акторам в годы Гражданской войны[9]. Борьба между большевиками и их противниками, по справедливому замечанию автора, не сводилась лишь к вооруженному противоборству сторон. Гражданская война, считал историк, детерминировалась также социально-психологическим противоборством. Благоприятное или негативное отношение населения к власти, отмечал автор, обусловливало внутреннюю устойчивость антибольшевистских правительств. В период Гражданской войны функционирование режима без поддержки со стороны массовых социальных групп было невозможно. В свою очередь, отношение населения к режиму могло служить также своеобразным индикатором эффективности проводившейся антибольшевистскими властями политики. Именно поэтому изучение роли социально-психологических факторов в истории Гражданской войны, настроений населения и его отношения к существовавшей власти приобретает существенное значение[10]. Помимо этого, Мышанский приходил к выводу, что настроение населения «белой Сибири» не являлось стабильным и подвергалось изменениям в зависимости от успеха или неуспеха на фронте. Так, во второй половине 1919 г. в условиях тяжелых поражений колчаковских армий на фронтах население тыловых городов, в полной мере ощутив бремя Гражданской войны, отказало Российскому правительству адмирала А.В. Колчака в своей поддержке.

Невозможно не обратить внимание на работы В.П. Булдакова, посвященные общероссийской проблематике. Помимо широко известной «Красной смуты»[11], относительно недавно им была опубликована специальная статья «Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России»[12]. В этой работе автор отметил, что «поражение белых в Гражданской войне объясняется историками преимущественно аргументами “позитивистского ряда” (стратегия, экономика, ресурсы, вооружения), однако следует обращать внимание и на

[4] *Курышев И.В.* Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири… С. 33.

[5] Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллективная монография, посвященная 100-летию Российской революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. 320 с.

[6] *Курышев И.В.* Печать 1918–1920 гг. о морально-правовых изменениях и девиантном поведении крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 85–97.

[7] Там же.

[8] *Зорин А.* История эмоций: публ. лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. [М.], 2004. URL: http://www.polit.ru/-lectures/2004/06/18/zorin.html (дата обращения: 17.04.2021).

[9] *Мышанский А.А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 109–136.

[10] Там же. С. 110.

[11] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. 967 с.

то, что Гражданская война, ставшая пиком системного кризиса империи, приобретала невиданный эмоциональный накал»[13]. Булдаков ориентируется на словесное искусство рассматриваемого времени, «буквально пронизанное самыми разными эмоциями». В частности, историк обращает внимание на «заметный эмоциональный подъем» в антибольшевистской поэзии, связанный со становлением организованного антибольшевистского движения[14]. Причем важно заметить, что, по мнению историка, этот эмоциональный подъем сопровождался разными эмоциями. Например, автор отмечал «всплески оптимизма, не лишенные истеричности»[15].

Любопытным представляется и используемый В.П. Булдаковым язык описания. В частности, историк отмечает «эмоциональную гамму», переживаемую «красными» после побед «белых» на фронте, с преобладанием, однако, «чувств ненависти и отчаяния». Помимо этого, автор фиксирует энергичное эмоциональное отношение «красных» к своим поражениям. Булдаков отмечает: «принадлежность к когорте большевиков несла подобие вечной жизни»[16]. Рассуждая об объективности отражения реалий революции и Гражданской войны в газетной поэзии, историк приходит к выводу, что «агрегированные образы массового сознания тех лет воспроизводятся вполне реалистично»[17]. По мнению автора, ни один источник не передает так ощутимо «мятущийся дух» того времени, притом без осознания «психоментальных оснований» революции, считает Булдаков, всякое исследование эпохи становится бессмысленным[18].

В статье В.П. Булдакова нет ни единой адресации к детально разработанной методологии «истории эмоций». При этом довольно отчетливо фиксируется интенция исследовательского интереса, направленного на эмоциональную составляющую нарративов Гражданской войны. Если бы историк воспользовался категориями эмоционологических исследований («эмотивы», «эмоциональные практики»), то весьма вероятно взгляд на данные нарративы у исследователя был бы иным. Однако важно заметить, что, находясь в поиске эмоционально ориентированных нарративов, Булдаков работал со словесными конструкциями, казалось бы, прямым образом на эмоции не указывающими, с «эмоциональными метафорами». В этом и состоит в эмоционологической оптике заслуга автора, исследовательские действия которого выглядят созвучными теоретическим положениям представителя лингвистического направления изучения эмоций З. Кёвечеша, по мнению которого наиболее существенным источником знания об эмоциях являются слова, в особенности те, которые употребляются «в фигуральном, неявном и образном смысле»[19]. Помимо этого, важным достоинством работы В.П. Булдакова выглядит стремление автора обратиться к эмоциональному дискурсу, представленному в периодической печати, что выглядит как действие, соприродное одному из значимых треков развития истории эмоций[20].

Кратко рассмотрим ряд других работ, застрагивающих важность изучения психологической стороны Гражданской войны. В.А. Литвиненко в своей статье[21] формулирует вопрос использования песен данного периода в качестве полноценного исторического источника. По мнению автора, «песни этого времени, их содержание и настроение могут служить

---

[12] *Булдаков В.П.* Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.). // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб., 2020. С. 199–210.

[13] Там же. С. 201.

[14] Там же. С. 203.

[15] Там же.

[16] *Булдаков В.П.* Эмоциональные нарративы Гражданской войны… С. 204.

[17] Там же. С. 209.

[18] Там же.

[19] *Kövecses Z.* Creating metaphor in context // International Journal of Language and Culture. 2014. № 1 (1). P. 24.

[20] *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018. С. 462.

[21] *Литвиненко В.А.* Песни Гражданской войны как отражение морального духа противоборствующих сторон: историко-психологический анализ // Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2018. С. 171–182.

источником для историко-психологического изучения морального духа противоборствующих сторон, при этом во многом объясняя глубинные причины победы одних и поражения других»[22]. К поэтическим текстам Гражданской войны обращался и В.Ю. Даренский, который цель своей работы[23] видел в анализе текстов русской поэзии XX в., авторами которых являлись участники «белого» движения, на предмет выявления ценностных мотивов и нравственного сознания[24]. Автор сделал вывод, что, в отличие от поэзии «красных», которая была тесным образом связана с определенной идеологией, поэзия их противников основывалась на «глубинных архетипах культуры»[25]. Возможность использования источников личного происхождения для выявления эмоций предлагала в своей работе Е.Ю. Дубровская[26]. Автор отметила, что источники личного происхождения позволяют проследить эмоциональные аспекты военного опыта «маленького человека»[27]. В своей статье автор также не обращалась к понятийному аппарату истории эмоций. Соответственно, работа историка лишена методологических и теоретических оснований, выработанных в данной исследовательской области, и скорее носит описательный характер. Также характеристики заслуживает исследование А.В. Сушко, который в своей публикации обратился к рассмотрению природы и значению колчаковской пропаганды в годы Гражданской войны[28]. Автор пришел к выводу, что в основе идеологии режима А.В. Колчака лежал «аффект страха».

В статье «Герой как чужой[29]» В.В. Журавлев во многом имплицитно затрагивает вопрос эмоционального воздействия на население «колчаковской» России. Автор среди прочего отметил, что «средства массовой информации, публичные церемонии и ритуалы, фотографии и плакаты делали образ А.В. Колчака знакомым и узнаваемым»[30]. Однако они же, считает автор, «подчиняясь культурным и политико-идеологическим ориентирам группы, референтных режиму, отстраняли его от людей, а “элитный героизм” воспринимался населением как радикально и непреодолимо чужой»[31]. Помимо того, эмоциональные составляющие официальных лексем и их символическую роль исследователь отмечал в работе «Присяга на востоке России…»[32].

Таким образом, мы видим, что некоторыми историками хоть и в ограниченных пропорциях, но осуществлялись попытки обратиться к рассмотрению чувств и отношений населения, социальных эмоций и практик воздействий на них в годы Гражданской войны. Это грандиозное противостояние оставило немало источников, пылающих чувствами и настроениями. Исследователи замечали те или иные, но прежде всего бросающиеся в глаза выражения общественных и индивидуальных чувств в поэзии, периодике, источниках личного происхождения, обращениях, присягах и т.д. Все это в совокупности может стать полезным материалом для изучения эмоций в данный исторический период. На эту тематическую область вполне может быть распространена характеристика общей источниковедче-

[22] *Литвиненко В.А.* Песни Гражданской войны… С. 181.
[23] *Даренский В.Ю.* Отражение нравственно-психологических мотивов Белого движения в поэтическом творчестве // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. конф. Гражданская война на востоке России (1917–1922 гг.): люди, события, факты. Ижевск, 2018. С. 39–49.
[24] Там же. С. 41.
[25] Там же. С. 49.
[26] *Добровская Е.Ю.* «…Тогда я сильно злобу питала…»: эмоции кризисных состояний в зеркале воспоминаний об интервенции и Гражданской войне в Карелии // Гражданская война и Российская провинция: современные восприятие, подходы и оценка: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 229–235.
[27] Там же. С. 230.
[28] *Сушко А.В.* К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.
[29] *Журавлев В.В.* Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.
[30] Там же. С. 63.
[31] Там же.
[32] *Журавлев В.В.* Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 210–221.

ской и историографической ситуации, данная А. Зориным: «того, что есть, уже хватит на десятки лет работы сотни людей».

Концептуальный аппарат истории эмоций. Принято считать, что история эмоций переживала три фазы становления: 1) главенство *универсалистских концепций (1940–1980-е гг.)*, суть которых сводилась к неизменности эмоциональных состояний в разных культурах, а также к историчности эмоций (утаиванию или, напротив, демонстрации некоторых чувств в разные периоды истории); 2) преобладание *социально-конструктивистских моделей (1980–1990-е гг.)*, идея которых заключалась преимущественно в том, что в иных культурах существуют разные категории чувствований и отличные выражения тех или иных эмоций. Иными словами, социальный конструктивизм сводится к тезису: «эмоции культурно детерминированы»; 3) *синтез универсализма и социального конструктивизма (с середины 1990-х гг.)*. Этот подход обусловил восприятие эмоций как состоящих из некой неизменной основы и вариативной культурной оболочки. Таким образом, очевидно натяжение между двумя полюсами: социальным конструктивизмом – с одной стороны, универсализмом – с другой.

Начало 2000-х гг. было отмечено переходом к обобщающим исследованиям. Особенно заметными стали работы Уильяма Редди[33] и Барбары Розенвайн[34]. Преимущественно в рамках трудов этих авторов был разработан ключевой концептуальный аппарат и язык описания эмоционологических исследований.

Уильям Редди. *Эмоция* в наименовании Редди – это когнитивный материал, который, во-первых, направлен на некую цель, во-вторых – переводится с высокой скоростью и остается «ниже порога внимания». Иными словами, эмоции – это когнитивная деятельность. Они имеют объект и часто остаются в подсознании. *«Эмотив»* – речевые акты, описывающие и изменяющие эмоции. *«Эмоциональный режим»* – это ансамбль предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками. Чаще «эмоциональный режим» трактуется как некий набор нормативных эмоций и ритуалов, методов и эмоциональных практик, которые служат их выражению и внушению. К примеру, публичная декларация любви к родине – пример такого эмотива и часть современного национального эмоционального режима. Важнейшим тезисом Редди является то, что каждый политический режим поддерживается эмоциональным[35]. Эмоциональные режимы Редди делит на *строгие* и *нестрогие*. Строгие эмоции, по словам Редди, предлагают мощные инструменты управления эмоциями[36]. Нежесткие или нестрогие режимы используют эмоциональную дисциплину только в определенных институтах (армия, школа, клир) только в определенные сезоны или на определенных этапах жизненного цикла[37]. *Эмоциональная навигация* – это маневрирование между различными конфликтующими объектами, на которые ориентированы эмоции. По мнению Я. Плампера, книга Редди на сегодня является самой важной теоретической работой в области истории эмоций, во многом потому как он один из очень немногих историков, способных судить о качестве исследований, лежащих в основе статей, публикуемых в сфере когнитивных наук[38].

Барбара Розенвайн. В 2006 г. Б. Розенвайн опубликовала работу «Эмоциональные сообщества раннего средневековья», в которой представила несколько отличные от подхода У. Редди положения. Например, концепт «эмоциональное сообщество». В интерпретации Розенвайн, эмоциональные сообщества – это группы лиц, разделяющих одни и те же нормы в отношении выражения чувств и одинаково оценивающих одни и те же чувства[39]. Розенвайн предлагает некую визуальную (круговую) картину сообществ. По мнению автора, *большой круг* – это самое крупное эмоциональное сообщество, скрепляемое фундаменталь-

[33] *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.
[34] *Rosenwain B.H.* Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006. 228 p.
[35] *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling… P. 129.
[36] Ibid. P. 126.
[37] Ibid. P. 125.
[38] *Плампер Я.* История эмоций… С. 425.
[39] *Rosenwain B.H.* Emotional communities… P. 228.

ными презумпциями, ценностями, целями, правилами чувств и принятыми способами выражения эмоций. *Меньшие круги* представляют подчиненные эмоциональные сообщества, входящие в большее и демонстрирующие его возможности и ограничения. Они, в свою очередь, также могут делиться на *более мелкие*. В то же время могут существовать другие крупные круги, либо полностью изолированные, либо пересекающиеся с ним в одной или нескольких точках[40]. Помимо этого, автор ввела понятие *«текстового эмоционального сообщества»*. В интерпретации Розенвайн, сообщества, как правило, это группы с достаточно близкими отношениями, подразумевающие часто личный контакт. Однако существуют и такие, в которых люди, никогда не встречаясь, связаны друг с другом средствами коммуникации. Такие сообщества историк и нарекла *«текстовыми»*.

Считается, что заслуга Розенвайн в том, что эмоциональные сообщества позволяют избежать ловушки индивидуальности каждого случая и не ограничиваются отдельными эмоциями, не стремятся отождествлять нормы, отраженные в советах по этикету с эмоциональными нормами в принципе. Однако Розенвайн призывает историков к осторожности. «История эмоций, открывшая перед учеными завораживающие перспективы, не должна стать отдельной дисциплиной, подменяющей собой общую историю. Ее задача – способствовать углублению понимания исторических процессов и периодов»[41].

Питер и Кэрол Стернсы. Концептуальные положения П. и К. Стерснов разрабатывались раньше понятийного аппарата Редди и Розенвайн. В середине 1980-х гг. история эмоций совершила большой скачок во многом благодаря опубликованной ими в American Historical Review статье «Эмоционология: разъяснение истории эмоций и эмоциональных стандартов»[42]. Стернсы предложили четко отделять индивидуальный эмоциональный опыт человека от эмоциональных норм (стандартов) и изучать преимущественно их[43]. Эту область исследования авторы нарекли эмоционологией (используют также термин эмоциология). *Эмоционология* в понимании исследователей – это *установки, стандарты*, которые общество или поддающаяся определению группа в обществе поддерживает относительно базовых эмоций и подобающих способов их выражения. Также и то, как именно различные социальные институты отражают и поощряют эти установки в поведении людей[44]. Таким образом, Стернсы призвали историков сконцентрироваться на изучении правил, регламентирующих выражение чувств в обществе или социальных группах. Особенно важными в таком контексте стали общеизвестные крупные социальные институты, такие как армия, семья, церковь, школа и т.п. Авторы отмечали кажущиеся сегодня понятными формулы, сводящиеся в общем и целом к тому, что именно в таких институтах демонстрируется эмоциональный образец, стандарт поведения в тех или иных социальных контекстах.

Моник Шир. Теория У. Редди получила дальнейшее развитие в работе М. Шир[45]. Опираясь на понятия «практики» Бурдье, она ввела категорию *«эмоциональных практик»*, обозначающую манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или устранить[46]. Исследователь выделила четыре вида таких практик: *мобилизующие, именующие, сообщающие и регулирующие.*

Мобилизующие эмоциональные практики, с точки зрения Шир, осуществляются преимущественно не в одиночку, а вместе с кем-то и часто с использованием технических средств. *Именующие эмоциональные практики* – прежде всего речь и письмо, а также безмолвное воспоминание. *Эмотивы* тоже относятся к этой категории. Однако именующие практики

[40] *Rosenwain B.H.* Emotional communities… P. 24.
[41] *Rosenwein B.H.* Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] // Passions in Context. 2010. № 1. P. 32. URL: http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557 (дата обращения: 24.09.2021).
[42] *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: clarifying the history of emotions and emotional standards // American historical review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813.
[43] *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology… P. 813.
[44] Ibid.
[45] *Scheer M.* Are emotions a Kind of Practice // History and Theory. 2012. № 51/2. P. 193–220.
[46] Ibid. P. 209.

сильнее выделяют различия между способами именования – письменным, устным и мысленным[47]. По мнению Шир, каждая эмоция уникальна, и при выстраивании типологий записать эмоцию в некую категорию можно только посредством именования[48]. *Сообщающие эмоциональные практики* используются при обмене информацией между людьми. Передача некой «эмоциональной информации» включает в себя лица, жесты, интонации, позы, проявления (слезы, возбуждение, тяжелое дыхание)[49]. Шир отмечает, что для эмоциональной коммуникации важно, чтобы послания принимались так, как было задумано, для этого нужно, чтобы отправитель правильно оценивал ситуативный контекст, участников коммуникации, их социальные ожидания[50]. *Регулирующие эмоциональные практики* в интерпретации Шир очень напоминают эмоционологию Стернсов (эмоциональный стандарт), однако, по мнению Шир, регулирующие эмоциональные практики не только контролируют эмоции, но и делают их[51].

Перечисленные теоретические положения являются не единственными в области, однако наиболее значимыми и концептуально выдержанными. Так, по мнению З. Чеканцевой, отмеченные авторы не только переосмыслили в междисциплинарном режиме концепт «эмоция», наполнив его когнитивным содержанием, но и разработали валидный и убедительно обоснованный в конкретно-исторических исследованиях концептуальный аппарат[52]. Теперь же предлагаем рассмотреть возможности применения данных положений на конкретном историческом материале Гражданской войны в России.

Гражданская война в России в контексте истории эмоций. Дискурсивный анализ эмоций, по мнению Я. Плампера, может стать другим возможным направлением истории эмоций[53]. Каким образом разные дискурсы – психологический, философский, социологический, лирический, кинематографический – конструировали разные эмоции? Кроме того, им же обозначена роль прессы как важного источника для изучения эмоций. Перспективы, обозначенные немецким исследователем, являются весомыми в рамках изучения Гражданской войны.

Известно, что Гражданская война в России является многофакторным конфликтом. Так, например, В.В. Журавлев, рассуждая о сущности противоборства, отмечал: «Гражданская война представляется конфликтом не только армий, но и программ, не только программ, но и культур»[54]. В связи с этим достаточно отчетливо очерчивается идеологический аспект войны и ее важнейшая компонента. Идеология же, в свою очередь являвшаяся неким «проектом будущего», по-видимому, не могла не быть ориентирована, в том числе, и во многом на эмоциональную сферу обывателя. Соответственно, возникает исследовательское предположение: если в ходе противостояний идеологий неминуемым являлось и эмоциональное воздействие на объект, посредством чего это влияние осуществлялось? Здесь прежде всего следует констатировать роль осведомительной и пропагандистской работы, проводившейся и усилившейся в годы войны как со стороны «красных», так и со стороны «белых». В контексте пропагандистской деятельности и возникает один из вероятных предметов, в рамках которых история эмоций, на наш взгляд, имеет возможности включения.

Изучение пропагандистской деятельности Российского правительства адмирала А.В. Колчака в контексте истории эмоций открывает возможность интерпретации ее форм и методов с позиции эмотивов, ведущих к формированию некоего антибольшевистского

---

[47] *Scheer M.* Are emotions a Kind of Practice… P. 213.
[48] Ibid.
[49] Ibid. P. 214.
[50] Ibid. P. 213.
[51] Ibid. P. 216.
[52] Историки в поисках новых перспектив. М., 2019. С. 348.
[53] Российская империя чувств… 2010. С. 34.
[54] *Журавлев В.В.* Политическая адаптация в Гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 144.

эмоционального режима. Основной площадкой для эмотивов (речевых актов, усиливающих или видоизменяющих эмоции) является в широком смысле печатная продукция, включающая в себя периодическую печать, брошюры, декларации, листовки, воззвания, присяги и т.д. Таким образом, печатная продукция содержит в себе эмоции или, что чаще, явные следы их. Не всегда в таких источниках эмоции выражены прямо по типу: злость, радость, счастье и др. Эмоции чаще выражаются посредством различных эмоционально ориентированных языковых лексем, причем эти лексемы должны быть понятны адресату, соответствовать его социокультурному содержанию. Иными словами, адресат должен уметь определять оттенки направленных на него эмоций. В связи с этим пропагандистские брошюры, листовки, газеты могли содержать эмоционально ориентированные, а также культурно-символические речевые акты. Например, «большевистская зараза», «большевистское/белогвардейское иго», «большевистский зверь/дьявол/ад» и т.д., должно быть, ориентированы на явное иррационально-эмоциональное усвоение.

Продуцирование необходимых эмоций в годы Гражданской войны могло осуществляться и посредством символических практик, выраженных в форме культурно-массовых мероприятий. Например, нередки были празднования военных, церковных, памятных дат. Известно, что такие празднества сопровождались лекциями, концертами, представлениями, раздачей агитационной литературы. В таких обстоятельствах факт массовости мог выполнять особую эмоционально-программную функцию. Именно посредством его эмоциональная нормативность могла приобретать не индивидуальный, а коллективный характер. В условиях торжества обыватель находился в границах в том числе и своеобразного эмоционального сообщества, в рамках которого чувствование должно было приобретать одну и ту же детерминанту.

Изучение информационно-осведомительной работы правительств, активности средств массовой информации в период Гражданской войны позволяет выявлять разную интенсификацию идеологического дискурса. Так, например, анализ публикаций ряда газет, брошюр и листовок правительства А.В. Колчака, выпущенных осенью 1919 г., дает возможность констатировать, помимо всего прочего, усиление эмоциональной риторики. Причем как в политической пропаганде, так и в реальных практиках. Это могло быть связано с фактически постоянными неудачами на фронте, общей апатией и усталостью от войны. Кроме того, изучение пропагандистских источников, датируемых концом октября – началом ноября 1919 г., когда большевики находились на подступах к главному городу Белой армии, позволяет отмечать пик эмоциональной риторики. Особенно иллюстративны обращения. Например, Г.Н. Потанин выражал: «*Озверевшие, озлобленные, беспощадные*, в *крови и огне* ворвались в родную Сибирь. *Опасность великая, смертельная* грозит стране, нашим семьям, нашему Государству. Я, дряхлый старик, но и *я с радостью пойду* туда, куда призовут меня, чтобы остаток дней и сил своих отдать на защиту *горячо любимой мною* Родины… *Враг безумен и беспощаден*; *гибель и горе* на его пути![55]». Речевых актов подобного эмоционального содержания в более ранних периодах зачастую совсем непросто отыскать. Это во многом позволяет выстраивать предположения о возможных «эмоциональных перегревах», свойственных периодам строгих эмоциональных режимов. Такие перегревы характеризуются состояниями, когда некогда нормативные эмоции вступают в противостояние с рядом других, вероятно, совсем противоположных чувств. В таком положении запускается перекодировка нормативности, что усиливает «эмоциональные страдания[56]» и создает почву для возникновения новых стандартов чувствований.

Таким образом, теорию эмотивов и эмоциональных режимов У. Редди, по нашему мнению, возможно использовать в разрезе рассмотрения социальной активности как большевистского правительства, так и антибольшевистских сил. Мы считаем, что такому масштабному конфликту, как Гражданская война, свойственна борьба и за эмоции,

[55] Воззвание почетного гражданина Сибири Г.Н. Потанина. К оружию, Граждане! «Граждане! Бандиты большевистские у ворот…». 1919. авг.-сент. 1 с. Электрон. версия печат. публ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (дата обращения: 15.09.2021).

[56] Концептуальная категория, выделенная У. Редди.

чувственно-ориентированное толкование событий. В связи с этим возникает потенциальная возможность исследователей рассматривать пропагандистские сообщения сквозь призму теоретических положений, выработанных в области. Вероятно, это позволит выявить лингвистические и лексические особенности воздействия на эмоциональность обывателя в годы конфликта.

Что касается теории Б. Розенвайн, то та, на наш взгляд, способна задать ряд важных исследовательских вопросов. Например, может ли ученый выделить антибольшевистское/большевистское эмоциональное сообщество? Если может, то где его границы? По каким источникам можно реконструировать эмоциональные сообщества? Могут ли исследователи выделить текстовые сообщества? Какие были практики чувствования у антибольшевистского/большевистского эмоционального сообщества? Наконец, в чем были их различия и можно ли найти причины победы большевизма в эмоциональной сфере?

Другой потенциальный вопрос может состоять в выявлении эмоционального стандарта. Можно ли говорить, что в годы Гражданской войны имели место быть какие бы то ни было базовые эмоциональные нормы и подобающие способы их выражения? Какую роль эмоциональные стандарты играли в идеологической политике противоборствующих сторон? Что могло стать воспитателем нормативности в условиях войны?

Таким образом, история эмоций позволяет расширить поле исследовательских вопросов, открывает простор для дополнительной интерпретации военных событий. Однако направление, на наш взгляд, не должно замыкаться. В этой связи следует согласиться с Б. Розенвайн, которая отметила: «история эмоций, открывшая перед учеными завораживающие перспективы, не должна стать отдельной дисциплиной, подменяющей собой общую историю. Ее задача — способствовать углублению понимания исторических процессов и периодов»[57]. Мы считаем, что выдвинутые исследовательские вопросы имеют все основания наметить пути более глубокого понимания и более широкой интерпретации Гражданской войны в России.

Литература

Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с.

Булдаков В.П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.) // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы междунар. коллокв. (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 199–210.

Воззвание почетного гражданина Сибири Г.Н. Потанина. К оружию, Граждане! «Граждане! Бандиты большевистские у ворот…». 1919. авг.-сент. 1 с. Электрон. версия печат. публ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (дата обращения: 15.09.2021).

Даренский В.Ю. Отражение нравственно-психологических мотивов Белого движения в поэтическом творчестве // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. конф. Гражданская война на востоке России (1917–1922 гг.): люди, события, факты. Ижевск, 2018. С. 39–49.

Добровская Е.Ю. «…Тогда я сильно злобу питала…»: эмоции кризисных состояний в зеркале воспоминаний об интервенции и Гражданской войне в Карелии // Гражданская война и Российская провинция: современные восприятие, подходы и оценка: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2018. С. 229–235.

Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

Журавлев В.В. Политическая адаптация в Гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома

[57] *Rosenwein B.H.* Problems and Methods in the History of Emotions… P. 32.

В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 121–144.

Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 210–221.

Зорин А. История эмоций: публичная лекция [Электронный ресурс] // Полит.ру. [М.], 2004. URL: http://www.polit.ru/-lectures/2004/06/18/zorin.html (дата обращения: 17.04.2021).

Историки в поисках новых перспектив / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.

Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллективная монография, посвящ. 100-летию Российской революции и Гражданской войны / И.И. Кротт, П.А. Новиков, А.П. Шекшеев и др.; ред.-сост. И.В. Курышев. Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. 320 с.

Курышев И.В. Печать 1918–1920 гг. о морально-правовых изменениях и девиантном поведении крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 85–97.

Курышев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати): дис. … канд. ист. наук. Томск, 1998. 219 с.

Литвиненко В.А. Песни Гражданской войны как отражение морального духа противоборствующих сторон: историко-психологический анализ // Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие: мат-лы Всерос. науч. конф. / ред. Г.В. Талина. М.: МГПУ, 2018. С. 171–182.

Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001: межвуз. сб. науч. тр. / ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. С. 109–136.

Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсон. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 462 с.

Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. / ред.: Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.

Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.

Kövecses Z. Creating metaphor in context // International Journal of Language and Culture. 2014. № 1 (1). P. 21–41.

Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. 396 p.

Rosenwain B.H. Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006. 228 p.

Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] // Passions in Context. 2010. № 1. P. 1–33. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557 (дата обращения: 27.09.2021).

Scheer M. Are emotions a Kind of Practice // History and Theory. 2012. № 51/2. P. 193–220.

Stearns P.N., Stearns C. Z. Emotionology: clarifying the history of emotions and emotional standards // American historical review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813–836.

References

Buldakov, V.P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles: the Nature and Consequences of Revolutionary Violence]: izd. 2-e, dop. Moscow, ROSSPEN, Fond “Przidentskiy tsentr B.N. El’tcin”. 967 p.

Buldakov, V.P. (2020). Emotsional’nye narrativy Grazhdanskoy voyny v Rossii (provintsial’naya gazetnaya poeziya, 1918–1920 gg.) [Emotional Narratives of the Civil War in Russia

(Provincial Newspaper Poetry, 1918–1920)]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922.* St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 199–210.

Chekantseva, Z.A. (Ed.). (2019). Istoriki v poiskakh novykh perspektiv [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow, Akvilon. 416 p.

Darenskiy, V.Yu. (2018). Otrazhenie nravstvenno-psikhologicheskikh motivov Belogo dvizheniya v poeticheskom tvorchestve [Reflection of Moral and Psychological Motives of the White Movement in Poetry]. In *Grazhdanskaya voyna v regionakh Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie, voenno-politicheskie i gumanitarnye aspekty: sbornik statey konferentsii Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii (1917–1922 gg.): lyudi, sobytiya, fakty*. Izhevsk, pp. 39–49.

Dobrovskaya, E.Yu. (2018). "…Togda ya sil'no zlobu pitala…": emotsii krizisnykh sostoyaniy v zerkale vospominaniy ob intervencii i Grazhdanskoy voyne v Karelii ["Then I was Very Angry...": Emotions of Crisis States in the Mirror of Memories of the Intervention and the Civil War in Karelia]. In *Grazhdanskaya voyna i Rossiyskaya provintsiya: sovremennye vospriyatie, podkhody i otsenka.* Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 229–235.

Kövecses, Z. (2014). Creating metaphor in context. In *International Journal of Language and Culture.* No. 1 (1), pp. 21–41.

Krott, I.I., Novikov, P.A., Sheksheev, A.P., etc.; Kuryshev, I.V. (Ed.). Krest'yanskiy protest v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: kollektivnaya monografiya, posv. 100-letiyu Rossiyskoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny. (2018). [Peasant Protest in Siberia During the Revolution and the Civil War: a Ccollective Monograph, Dedicated. To the 100th Anniversary of the Russian Revolution and the Civil War]. Ishim, IPI im. P.P. Ershova (filial) TyumGU. 320 p.

Kuryshev, I.V. (1998). Social'no-psikhologicheskiy oblik krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny (po materialam periodicheskoy pechati) [Socio-Psychological Appearance of the Peasantry in Western Siberia During the Civil War (Based on Materials from Periodicals)], dis. cand. hist. sci. Tomsk. 219 p.

Kuryshev, I.V. (2012). Pechat' 1918–1920 gg. o moral'no-pravovykh izmeneniyakh i deviantnom povedenii krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [Periodical Press 1918–1920 on Moral and Legal Changes and Deviant Behavior of the Peasantry of Western Siberia During the Civil War]. In *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova.* No. 1 (2), pp. 85–97.

Litvinenko, V.A. (2018). Pesni Grazhdanskoy voyny kak otrazhenie moral'nogo dukha protivoborstvuyushchikh storon: istoriko-psikhologicheskiy analiz [Songs of the Civil War as a Reflection of the Morale of the Warring Parties: a Historical and Psychological Analysis]. In Grazhdanskaya voyna v rossiyskoy istorii: vzglyad cherez stoletie. Moscow, pp. 171–182.

Myshanskiy, A.A. (2001). Otnoshenie naseleniya Sibiri k "belomu" rezhimu v period kolchakovshchiny [The Attitude of the Population of Siberia to the "White" Regime During the Kolchak Era]. In *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii. Problemy istorii: Bahrushinskie chteniya 2001*. Novosibirsk, pp. 109–136.

Plamper, YA. (2018). *Istoriya emotsiy* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 462.

Plamper, Ya., Shakhadat, Sh., Eli, M. (Eds.). (2010). *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoy istorii emotsiy* [The Russian Empire of the Senses: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Reddy, W.M. (2001). The *Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions.* Cambridge. 396 p.

Rosenwain, B.H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages.* Ithaca. 228 p.

Rosenwein, B.H. (2010). Problems and Methods in the History of Emotions [Electronic resource]. In *Journal of Passions in Context.* No. 1, pp. 1–33. Available at: http://www.passionsincontext.de/index.php?id=557 (date of access: 27.09.2021).

Scheer, M. (2012). Are Eemotions a Kind of Practice. In *Journal of History and Theory*. No. 51/2, pp. 193–220.

Stearns, P.N., Stearns, C.Z. (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. In *Journal of American Hhistorical Review*. Vol. 90, No. 4, pp. 813–836.

Sushko A.V. (2016). K voprosu o haraktere i znachenii kolchakovskoy propagandy v Grazhdanskoy voyne [On the Nature and Significance of Kolchak Propaganda in the Civil War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 411, pp. 148–157.

(1919). *Vozzvanie pochetnogo grazhdanina Sibiri G.N. Potanina. K oruzhiyu, Grazhdane! "Grazhdane! Bandity bol'shevistskie u vorot…"* [Appeal of the Honorary Citizen of Siberia G.N. Potanin. To Arms, Citizens! "Citizens! Bolshevik Bandits at the Gates]. Available at: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_2087128/ (date of access: 15.09.2021).

Zhuravlev, V.V. (2015). Politicheskaya adaptatsiya v grazhdanskoy voyne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslaniy naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ul'yanovu-Leninu i Verhovnomu pravitelyu admiralu A.V. Kolchaku [Political Adaptation in the Civil War: the Experience of a Comparative Analysis of Greetings from the Population of Siberia to the Chairman of the Council of People's Commissars V.I. Ulyanov-Lenin and the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak]. In *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka.* Novosibirsk, pp. 121–144.

Zhuravlev, V.V. (2018). Prisyaga na vostoke Rossii v period Grazhdanskoy voyny: tekstovaya forma i ideologicheskoe soderzhanie [The Oath in Eastern Russia During the Civil War: Textual Form and Ideological Content]. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. T. 14, no. 4, pp. 210–221.

Zhuravlev, V.V. (2019). Geroy kak chuzhoy: nekotorye nablyudeniya nad imagografiey A.V. Kolchaka [The Hero as a Sstranger: Some Observations on the Imagography of A.V. Kolchak]. In *Novoe proshloe*. No. 1, pp. 48–69.

Zorin, A. (2004). Istoriya emotsiy: publichnaya lektsiya [History of Emotions: Public Lecture]. In *Polit.ru.* [Moscow]. Available at: URL: http://www.polit.ru/-lectures/2004/06/18/zorin.html (date of acces: 17.04.2021).

Статья поступила в редакцию 30.09.2021 г.